

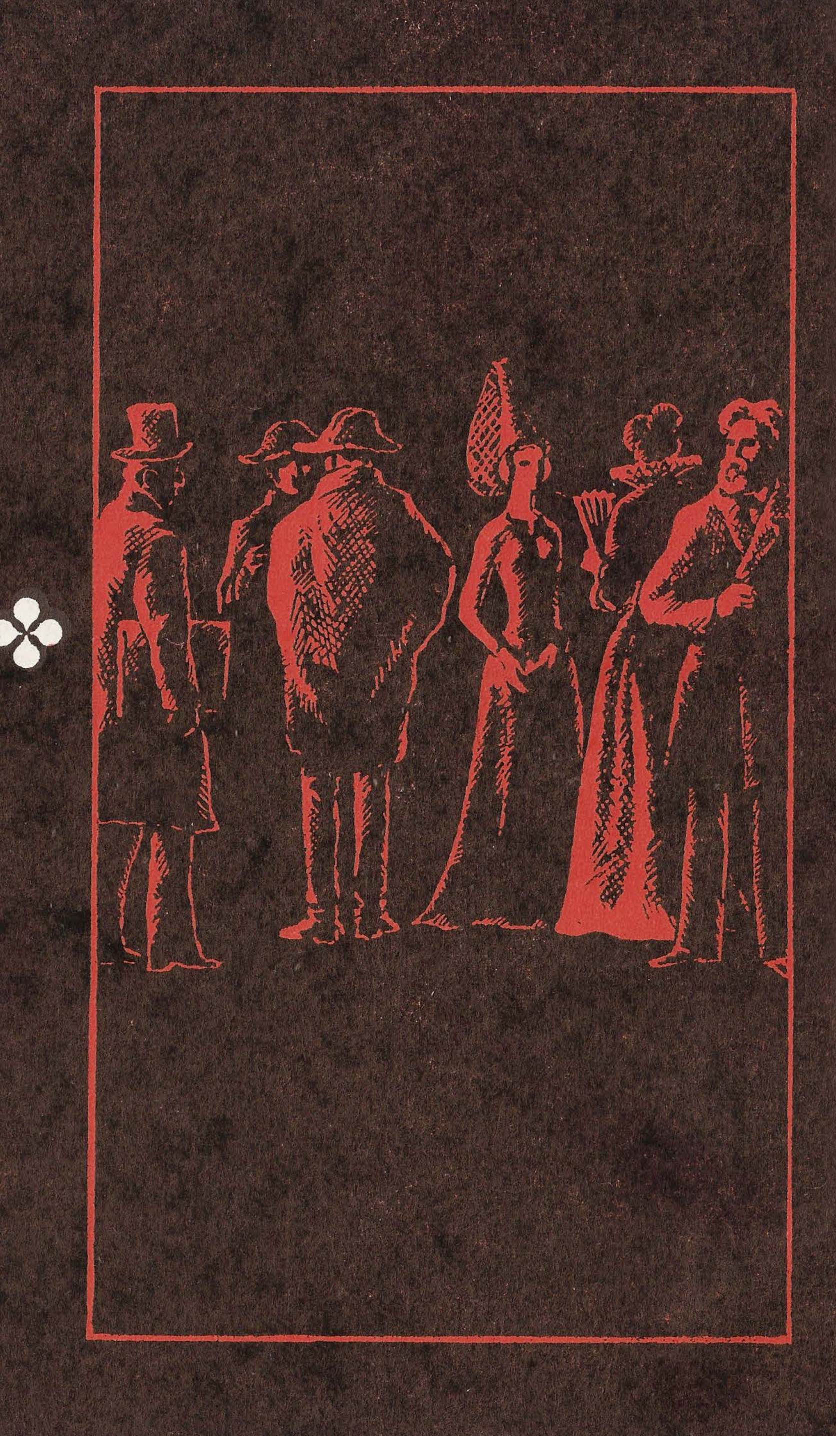
Роман Белоусов

Из родословной героев книг

Роман Белоусов • Из родословной героев книг

Роман Белоусов

Из родословной героев книг





Издательство
«Советская Россия»
Москва — 1974



Роман Белоусов

Из родословной героев книг



8
Б43

Художник Н. И. Крылов

Б $\frac{70202-054}{М-105(03)74}$ 39-74

ОТ АВТОРА

На полке — сотни произведений. Они приобщают нас к событиям прошлого и настоящего, к мыслям и чувствам человечества, открывают перед нами ворота в огромный мир. Давно высохла на листах типографская краска, у иных замусолены углы, потрепан переплет — книга идет по жизни. А как начиналась эта книга? Кто теперь помнит, как рождались ее страницы? Кто расскажет, что предшествовало тому волшебному мгновению, когда «пальцы просятся к перу»?

Одетые в богатые и бедные наряды, книги хранят тайну превращения факта, идеи в произведение искусства.

В самом деле, чтобы познакомиться с творчеством писателя, достаточно прочитать несколько написанных им книг. Но ни одна из них не откроет секрета того, как она создавалась. Великие говоруны оказываются столь же великими молчальниками, как только дело касается их собственной персоны. Но еще древние говорили, что «и книги имеют свою судьбу». Начинается она едва ли не с рождения замысла. С того первотолчка, часто служащего зерном, из которого вырастает произведение.

Попытаться проникнуть в биографию замысла, знать предысторию произведения — значит глубже вникнуть в содержание книги, лучше понять ее и осмыслить. Гете считал, что недостаточно знает о художнике, если перед ним только его шедевр. «Для того чтобы понять великие творения,— присоединялся к этому мнению С. Цвейг,— нужно рассматривать их не только в законченной форме, но и в становлении». Многие годы Цвейга занимала и в биографическом, и в психологическом плане проблема возникновения произведений искусства.

Что почерпнуто автором из жизни, а что создано воображением? Каково соотношение сущего и выдуманного? Кто послужил прототипом литературного персонажа?

Конечно, у каждого писателя — свой путь к герою. Но для подлинного художника основой всегда

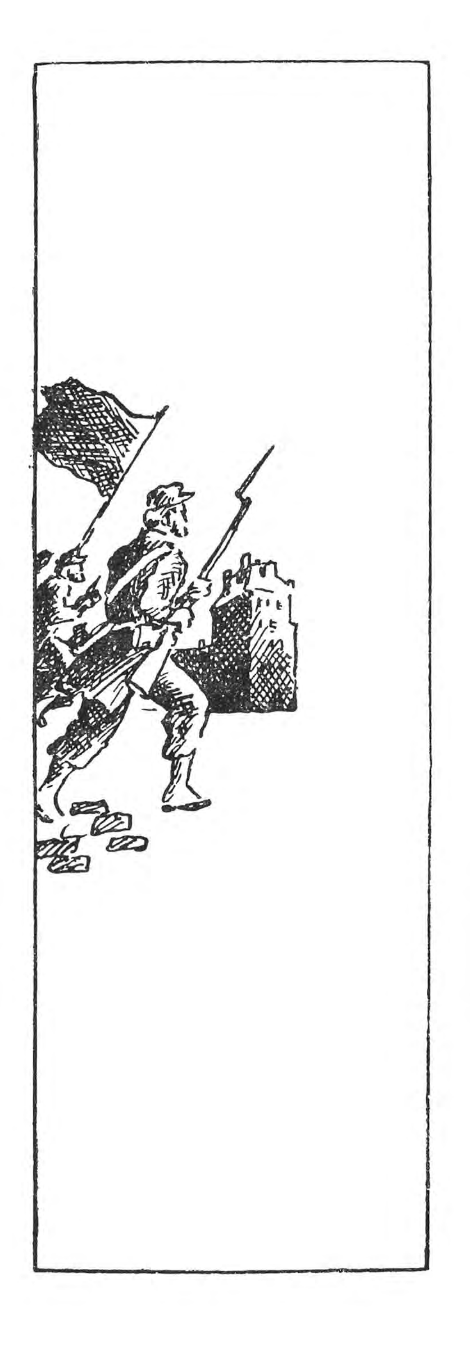
служит жизнь. Ослепительное солнце воображения, говорил К. Паустовский, загорается только от прикосновения к земле. Задолго до него Н. Гоголь признавался, что у него только то и выходило хорошо, что было взято из действительности. Задача мастера, как заметил Н. Добролюбов,— суметь случай возвести «к общим началам». Иначе говоря, пропустить жизненный факт через горнило писательского ума и сделать его художественным творением. Процесс этот — когда совершается переход границы из мира действительности в мир воображения автора — столь же увлекателен, сколь и труднопостижим. Недаром издавна говорили о «тайнах творчества». При его исследовании не стоит пренебрегать обстоятельствами, зачастую самыми незначительными. Подобное исследование А. Моруа уподобляет роману на полях романа, а Поль Валери считал самой «прекрасной поэмой», хотя и понимал, что полной истории процесса рождения произведения никогда не удастся ни распознать, ни написать.

В 1971 году издательство «Советская Россия» выпустило мою книгу, посвященную истории создания ряда произведений мировой классики. Называлась она «О чем умолчали книги». В ней я рассказал о том, как авторы всемирно известных творений использовали жизненный факт в своей творческой лаборатории. Что побудило взяться за перо Бальзака и Толстого, Гюго и Чернышевского, Бичер-Стоу и Купера, когда они задумывали свои шедевры. Кто был реальным прообразом Робинзона Крузо и Шарля д'Артаньяна, Мюнхгаузена и Фальстафа, Тартарена и Шерлока Холмса.

В моей новой книге читатель найдет продолжение своеобразного путешествия к истокам известных произведений мировой литературы. Узнает о тех, кто явился прототипом героев других популярных книг, какова мера их осмысления и образного обогащения в творческой лаборатории художника.

В книге помещены также этюды о некоторых «свидетелях былого», возвращающих сегодня нашу память к жизни и творчеству писателей прошлого, а также несколько историй о малоизвестных литературных мистификациях и загадках.

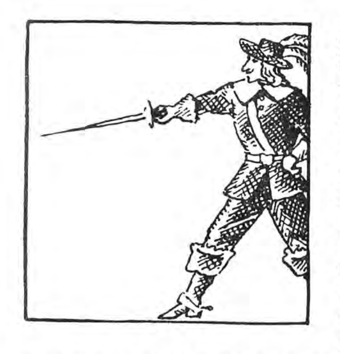
Из родословной героев книг



МЕЧТАНИЯ ВОЛЬНОДУМЦА СИРАНО

Борьба с чужеядными наростами на теле жизни, борьба с пошлостью и глупостью людей, со всем, что не честно, не красиво, не просто — вот борьба, которую всю жизнь вел Сирано де Бержерак.

М. Горький



Двести лет имя его пребывало в забвении: современники не сумели оценить, потомки забыли. Едва ли не первым о нем вспомнил Теофиль Готье.

В книге «Гротески», посвященной забытым французским поэтам, автор знаменитого сборника «Эмали и камеи», восстанавливая справедливость, писал о Сирано де Бержераке, что он «заслуживает быть названным гением, а не забавным безумцем, каким видели его современники». В своем эссе Т. Готье набросал портрет человека незаурядного ума и исключительного мужества, как его называли — «демона храбрости», атеиста и насмешника, так и оставшегося неудачником и в жизни, и в литературе.

Церковники люто ненавидели этого борца с мракобесием и невежеством. А их подручные — критики никогда не переставали травить вольнодумца, без устали квакали, сидя в своей тине, выполняя в литературе, как писал Т. Готье, обязанности присяжных оскорбителей.

Сирано де Бержерак опередил свою эпоху на столетие, стал великим предтечей открытий нашего времени. Это звучит, быть может, преувеличением, но об этом пишут многие современные, в частности, французские авторы. Один из них отмечал, что Сирано де Бержерак, «объединяя в своей фантасмагории поэтическую изобретательность с наукой, ушел от пут своего времени, соз-

дав один из удивительнейших шедевров мировой литературы».

Портрет трагического бунтаря, философа и острослова, набросанный Теофилем Готье, пробудил интерес к забытому литератору. И все же широкой публике писатель Сирано де Бержерак попрежнему был мало известен. Вполне возможно, что о нем и сегодня вспоминали бы лишь специалисты истории литературы, если бы образ его не заинтересовал драматурга Эдмона Ростана.

Забытый писатель семнадцатого века воскрес на подмостках парижского театра Порт-Сен-Мартен 28 декабря 1897 года.

Еще накануне премьеры героической комедии Э. Ростана «Сирано де Бержерак» газеты оповестили о предстоящем событии. Критики в один голос расхваливали пьесу, предрекая ей небывалый прием. Их предсказания оправдались. Больше того, шумный успех превзошел все ожидания. Громкими аплодисментами зал проводил в конце четвертого акта Сирано, ринувшегося в бой со словами вскоре ставшей знаменитой песенки:

Дорогу, дорогу гасконцам!
Мы юга родного сыны,
Мы все под полуденным солнцем
И с солнцем в крови рождены!..

В один миг Сирано де Бержерак приобрел известность и славу, которой так упорно, но тщетно добивался при жизни. Весь Париж, а следом и вся Франция узнали и полюбили вояку и поэта Сирано, рожденного «с солнцем в крови», неисправимого романтика и вечного неудачника. Полюбили с его огромным носом, длинной шпагой и непокорным духом.

С тех пор облик театрального Сирано, нарисованный драматургом, заслонил образ подлинного писателя семнадцатого века. А между тем многие стороны жизни исторического прототипа героя Ростана остались неосвещенными в его комедии, а отдельные факты были намеренно изменены. Некоторые даже считают, например, французский писатель и критик Жан Фрести, что литератор XVII века «очутился в шкуре комического персонажа, не напоминающего даже отдаленно настоящего Сирано». Другой автор пишет о том, что Сирано де Бержерак «имел основания ожидать, что завоюет славу своими философскими и научными концепциями, опередившими его время на сто лет, а между тем она досталась ему из-за чувствительного сердца».

Создатель пьесы о забытом поэте Эдмон Ростан был баловнем судьбы, Сирано де Бержерак — ее пасынком. Автор, в отличие от своего героя, прожил жизнь в роскоши. «Никогда не приходилось ему, как Верлену,— писала Т. Щепкина-Куперник, превосходная переводчица пьес французского драматурга, хорошо знав-

шая его по Парижу,— спать под открытым небом или в жалком кабаке обманывать сосущий голод рюмкой абсента.., или, как Рембо, бродить по большим дорогам, чуть ли не прося милостыни». И в самом деле, это был удачливый модный поэт, рано познавший успех и богатство, тридцати семи лет оказавшийся среди «бессмертных» — его избрали членом Французской академии.

Как верно подметила Т. Щепкина-Куперник, всю жизнь он поворачивался к солнцу, грелся в его лучах, внутри оставаясь холодным и равнодушным.

Прототип его героя, напротив, никогда не испытывал ласкающего прикосновения живительных лучей, вечно бедствовал, нуждался, жил впроголодь, но никогда не кланялся. И только его жизнелюбие помогало ему противостоять тысячам невзгод и напастей.

Лишь в одном, пожалуй, схожи их пути — оба умерли сравнительно молодыми. Хотя и умерли по-разному. Сирано, прошедший по жизни со шпагой наизготовку, не раз встречавший смерть в лицо, был убит из-за угла наемной рукой. Ростан кончил дни в уединении, пораженный меланхолией, прячась в мраке затененной комнаты от некогда так ласкового к нему солнца. У него, изнеженного и барственного, недостало душевных сил и мужества противостоять жизни, недостало «солнца в крови».

Его творения, изящные и грациозные, сверкая холодным светом, имели успех лишь «у той публики, которая знала толк в старинных кружевах и в севрских чашках». Но одна пьеса, посвященная забытому писателю, стала исключением в творчестве Э. Ростана. Тем не менее за пределами ее осталось то, что составляет суть личности Сирано.

Каков же был в действительности этот человек, известный нам лишь как литературный герой?



Великий флорентиец в начальных строках своего бессмертного творения определил половину земной жизни человека тридцатью шестью годами. Для Сирано де Бержерака вторая половина его бытия началась на девять лет раньше дантевского рубежа. Ему было всего двадцать семь, когда наступил трагический перелом, и он оказался «в сумрачном лесу».

Буйное веселье юных лет, шумные попойки, бесчисленные дуэли из-за пустяков и словесные поединки за столом таверны — все миновало, осталось позади по ту сторону черты, которая поделила его жизнь надвое. Тяжелый недуг, поразивший тело, за-

ставил, наконец, его угомониться, сковал движения, усмирил плоть.

Однако изменился только внешний образ его жизни. Дух его, как и раньше, оставался свободным, а мысли дерзкими и отважными. По-прежнему он в рядах сражающихся. С той лишь разницей, что в прошлом встречался с врагом лицом к лицу, скрестив шпаги, сейчас бой приходится вести на расстоянии, и не клинком, а пером. И противник теперь у него — это людские пороки: глупость и суеверия, трусость и лесть, клевета и подлость, ложь и предательство. Рука, привыкшая сжимать эфес шпаги, уверенно держит перо. Он не собирается капитулировать, не намерен спускать флаг. Он еще повоюет, черт возьми.

Смерть дважды стояла у его изголовья. И убиралась ни с чем. Уйдет и в третий раз. К досаде недругов, которые только и ждут, когда курносая одолеет его, когда немощь и дряхлость — ее союзники — подточат его слабеющее тело.

Теперь Сирано научился ценить время, которое так безалаберно тратил раньше. В халате и туфлях, удобно устроившись в кресле, Сирано трудится над рукописью...

Еще недавно он мечтал служить Марсу. Правда, это противоречило желанию отца, который не хотел видеть сына военным и пытался найти ему тепленькое место при дворе или у какого-нибудь видного аристократа. Однако все попытки замолвить словечко за сына кончались ничем. Не многого стоили просьбы бывшего чиновника, дворянина с сомнительным происхождением, который не мог похвастаться ни богатством, ни положением. Что касается молодого Сирано, то он не стремился прислуживать, быть секретарем или управляющим у кого-либо. И хотя мечтал проникнуть в парижский свет, но проложить дорогу туда думал иным путем.

Его влекла военная музыка, частая дробь барабанов, призывающих в поход, труба, зовущая в атаку. Его прельщала веселая жизнь искателей приключений, облаченных в военные мундиры.

Исполнить задуманное было в то время делом не таким уж трудным. Страна вела нескончаемую Тридцатилетнюю войну и нуждалась в солдатах.

Молодой повеса, кутила и забияка решил покинуть кабачки Латинского квартала, где проводил время среди поэтов, комедиантов и авантюристов, и вступил в королевскую гвардию. Поговаривали, правда, что решиться на этот шаг его побудили обстоятельства отнюдь не романтические. Будто бы его вынудила к этому витавшая над ним угроза оказаться в тюрьме за неуплату долгов.

В привилегированное войско принимали далеко не каждого.



Сирано де Бержерак.

Но для дворянина Сирано это не составило особого затруднения. Дело облегчилось еще и тем, что при наборе предпочтение отдавалось гасконцам. Имя Сирано де Бержерак звучало вполне по-гасконски. И его приняли как своего. Так возникла легенда о якобы гасконском происхождении нашего героя, что и использовал в своей пьесе Ростан. На самом же деле Сирано родился в Париже в 1619 году, о чем неопровержимо свидетельствует запись в приходе Сен-Совер. Детство его прошло в небольшом поместье Мовьер, которое когда-то называлось Бержерак, видимо, по имени семьи, проживавшей здесь в прошлом. Его отец, служивший управляющим у герцога Шевреза, именовался Абель де Сирано. Будущий поэт решил сделать свою фамилию более благозвучной, а следовательно, и более аристократической. Он стал называть себя Сирано де Бержерак. Крестное его имя Геркулес Савиниен де Сирано отныне было забыто.

В начале зимы 1639 года новоявленный королевский гвардеец покидал Париж в рядах походной колонны, вместе со всей армией направляясь к восточным границам. Пешком, на возах, в дождь и холод полки двигались навстречу неприятелю. Сирано оказался в осажденном Музоне. Однажды во время вылазки он был тяжело ранен. Пуля от мушкета пробила ему грудь навылет. Боевое крещение кончилось для него неудачно. Едва оправившись от раны, Сирано вновь в рядах сражающихся. На этот раз под стенами осажденного Арраса, где укрылись испанцы. И снова неудача. В первом же бою он получил рану в шею.

На лазаретной койке у него было достаточно времени, чтобы поразмыслить о том, как жить дальше. Военное счастье ему не сопутствовало, боевой славы, хотя товарищи и прозвали его «бесстрашным», он так и не достиг. Что ожидает его в будущем, чем заняться — ответить на это он точно не мог. Но знал одно — с военной романтикой покончено. Боевой клинок навсегда решил повесить на гвоздь. И в 1641 году наш герой возвращается в Париж. Здесь он решает добиться своего иным путем.

С азартом прозелита Сирано очинил перо, полный решимости извлечь из своей чернильницы то, о чем продолжал мечтать,— славу. Отныне он желает служить Поэзии и Науке. Они проложат ему дорогу к вершинам успеха, на литературном поприще составит он себе имя, завоюет желанное признание.

Едва ли он предполагал, что избирает путь не менее опасный и тернистый, чем дорога солдата, едва ли думал, что здесь его настигнут не менее грозные, нежели мушкеты противника, зависть и месть, преследования и травля.

Его стихи, рожденные за стаканом вина, полны язвительных намеков. Благодаря им он слывет остроумцем и насмешником. Но вот беда — стихами сыт не будешь. Они еще могли помочь, если стать поэтом «на случай». Чтобы не остаться без обеда, начать рифмовать на заказ. Писать «посвящения», прославлять благодетелей, расточая похвалы глупцам, скрягам, лицемерам.

Поэтов-поденщиков называли тогда «замызганными», они составляли целое братство, живущее впроголодь. Вырваться из этого злосчастного круга можно было лишь одним путем: стать прислужником какого-нибудь вельможи, обрести себе покровителя. В этом случае тем более надо было уметь кланяться, льстить, угождать словом. Но найти такое тепленькое местечко было не так-то легко. На что только не шли, в какие хитрости не пускались несчастные витии, лишь бы оказаться в роли слуги-поэта. И наплевать на то, что кое-кто упрекал их в отсутствии гордости. Разве до нее, когда желудок пуст и в горле пересохло.

Для Сирано личная свобода была дороже миски супа и жаре-

ного цыпленка. Когда же друзья, видя его нужду и безденежье, советовали поискать покровителя, он отвечал стихами великого Малерба о том, что ему не к лицу «насильное притворство», и продолжал:

...я вольнолюбив, и мне претит покорство.

Сирано чувствовал в себе творческий огонь и надеялся когда-нибудь вырваться из среды «убогих словоскребов». Ведь и упрямый Малерб добился всего далеко не сразу. Только его настойчивость и энергия позволили ему, уже немолодому человеку, решиться отправиться в Париж искать успеха. И только вера в себя помогла ему добиться славы. Вот тогда-то, словно по волшебству, перед ним распахнулись двери многих аристократических домов: он дружил с самим герцогом Гизом, часто бывал в знаменитом салоне маркизы Рамбулье. У него был свой слуга и лошадь, а главное — огромное жалованье: чуть ли не тысяча ливров.

Возвращение блудного сына завсегдатаи таверн встретили возгласами одобрения. Сирано зажил жизнью литературной богемы, отдался соблазнам столицы, закружился в вихре похождений. Это было время плаща, лютни и шпаги. Время прекрасных куртизанок, балов и маскарадов, испанской галантности, одновременно серьезной и безумной, доводящей преданность до глупости, а пылкость до жестокости. Время сонетов и стихов, пирушек и яростной игры. Судьба часто зависела от прихоти игральных костей. Участь передко решал косо брошенный взгляд, небрежный жест, мимолетная усмешка.

Кутежи с собутыльниками, такими же, как Сирано, «непризнанными гениями», заполняют его дни и ночи. Иногда даже кажется, что Сирано забыл о своем призвании, о намеченной цели. Он спешит за стол таверны, где веселье и смех, где живут без оглядки, где острое словцо ценится, как удар шпаги.

В ожидании поэтического признания Сирано стал знаменит на весь Париж как отчаянный дуэлянт. Горе тому, кто имел неосторожность чем-либо задеть гордого стихотворца или, упаси боже, непочтительно обмолвиться о его внешности, скажем о носе. Ох, уж этот злосчастный нос! Многим лишь упоминание о том, что он не соответствует нормам элегантности, стоило жизни.

Если бы не длиннющий нос, то это был бы вполне красивый малый. Но что значит иметь такого размера нос? Это, как учит наука «носология», вывеска, «на которой написано: вот человек умный, осторожный, учтивый, приветливый, благородный, щедрый». Об этом Сирано поведает в своем романе о путешествии на Луну. Там, к удовольствию автора, в чести окажутся лишь те, у кого длинные носы, курносые же будут лишены гражданских

прав! Словом, нос — резиденция души. И от его формы зависит многое, если хотите, даже положение в обществе.

Друзья знали горячий нрав поэта:

если этот нос посмеет кто заметить,
то Сирано спешит по-своему ответить...

И не удивительно, что многие предпочитали считать форму его носа самой обыкновенной.

Сирано был сыном своего века, времени, когда французская монархия, преодолевая междоусобицы и феодальную анархию, обрела, благодаря заботам кардинала Ришелье, видимость прочности. Абсолютизм, приобретя устойчивую форму, стал, по словам К. Маркса, «цивилизующим центром», который способствовал расцвету французского гения.

К успехам военным, политическим и дипломатическим Ришелье задумал прибавить величие французской культуры, сделав из нее служанку королевской власти.

В 1635 году официальным эдиктом создается Французская академия. В ее уставе записываются слова о том, что членами ее могут стать люди «хорошего тона, доброго поведения и любезные господину — покровителю» (то есть королю). Называть их вменялось не иначе как «бессмертными», и избирались они пожизненно.

Попасть в сонм сорока «бессмертных» — значило достичь признания и быть увековеченным современниками. Однако за трехсотлетнюю историю Академии за ее стенами не раз оставались выдающиеся умы. Не удостоились быть ее членами Мольер и Дидро, Паскаль и Бомарше, Бальзак и Золя и многие другие. По этому поводу в наши дни было создано сатирическое произведение «История сорок первого кресла». В нем перечисляются имена всех великих писателей прошлого, которым не довелось переступить порога Академии.

Вслед за Академией, где заседали «бессмертные», были созданы Академия живописи, скульптуры и архитектуры, а чуть позже — Французская академия наук.

Расцвет театра покончил с унизительным положением актеров. В 1641 году был, наконец, издан знаменитый эдикт, снимающий бесчестье с актерской профессии и уравнивающий служителей сцены в правах со всеми остальными гражданами. После чего даже дворяне не гнушались идти в актеры.

На небосклоне французского театра в то время сияли такие звезды, как авторы трагедий Ж. Ротру и Ж. Скюдери, предшественник Мольера комедиограф П. Скаррон, в зените славы был могучий П. Корнель. Кумирами зрителей слыли актеры — бла-

городный Флоридор, галантный Бельроз, уморительный Жодле.

Появилась «Газета», изобретение Теофраста Ренодо. Процветали книгопечатание и букинисты. В столице и провинции зачитывались историческими вычурными романами Кальпренеда и утонченно-изысканными Мадлен де Скюдери. В лавках Дворца правосудия можно было купить книгу Шарля Сореля «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона», где в отличие от предыдущих двух авторов читатель находил правдивые картины окружающей его тогдашней жизни. Здесь же продавались сборники поэтов, написанные на латыни трактаты философов и ученых. Бойко шла торговля и у букинистов на Новом мосту — самом старом в Париже, построенном в 1578 году. В то время это было, пожалуй, наиболее людное место французской столицы.

С утра до вечера здесь не затихал гвалт и гомон, не смолкали смех и крики. Возгласы торговцев смешивались с голосами певцов-поэтов, песенки которых, рожденные здесь, потом распевал весь город. В разноцветной толпе степенно вышагивали буржуа в скромных, добротных сюртуках; словно залетные райские птички, мелькали аристократы в камзолах из итальянского шелка и парчи, в шляпах с белыми перьями, шелковых чулках и лакированных туфлях; дворяне победнее — в голландском полотне и наваксенных башмаках; щеголи — в кружевах, которым не было цены (воры ловко срезали их), и перчатках с длинной бахромой на отворотах. Самые же заядлые модники, к всеобщему удивлению, появлялись в сапогах — необходимом атрибуте костюма для верховой езды. Впрочем, многие из них лишь делали вид, будто только что спешились и за углом лакей сторожит их скакуна. На самом деле далеко не все из них могли позволить себе иметь верховую лошадь.

Случалось, что даже «мехоносцы» — судьи и профессора в мантиях, подбитых мехом, появлялись в толпе на Новом мосту. Тут же сновали подозрительные субъекты, мошенники и проходимцы, шарлатаны и зубодеры, лекари и цирюльники — мастера на все руки, всегда готовые погадать, предсказать судьбу, выступить в роли хирурга.

Комедианты разыгрывали нехитрые сценки, укротители змей демонстрировали своих питомцев, вертелись воришки.

Частенько в шумной толчее на мосту мелькал и пестрый костюм Сирано. Он любил шутки и зубоскальство площадных фарсеров и нередко посещал их представления. Среди них пользовался известностью и некий Жан Бриош — фокусник, комедиант и кукольник, вечно скитающийся со своим легким театриком по ярмаркам.

Публика с удовольствием посещала его представления, густо

сдобренные солеными остротами и не очень разборчивыми шутками.

Популярность этого актера особенно возросла с тех пор, как обвиненный в колдовстве, арестованный и посаженный в тюрьму, он сумел вырваться на свободу. Тогда это было все равно что вернуться из преисподней. Удалось ему это, видимо, не без помощи его знаменитого остроумия и находчивости, которые снискали кукольнику симпатии многих зрителей.

Гордостью театра Бриоша была ученая обезьяна Фаготэн — любимица публики, живая и притягательная реклама кукольного театра. В мушкетерской шляпе с развевающимся плюмажем, облаченная в пестрое тряпье, она обычно восседала на высоких подмостках и воинственно размахивала старинным заржавевшим мечом.

Ужимки ученой обезьяны привлекли внимание Сирано. Вместе с зеваками, толпившимися у театра Бриоша, он наблюдал за ее гримасами. Смеялся. До того момента, пока Фаготэн не стала, как это часто делают обезьяны, корчить рожи. И тут случайно наткнулась на свой обезьяний нос и начала энергично мять его, как бы стараясь оторвать.

Самолюбивый и мнительный Сирано усмотрел в этом умышленное оскорбление: намек на его уродство. Он считал, что обезьяну подбил на это ее хозяин, будто бы таивший против него злые умыслы.

Кровь ударила в голову Сирано. Не раздумывая, он выхватил шпагу и замахнулся на Фаготэна. И тут произошло то, о чем позже долго рассказывали и писали.

Обезьяна, усмотрев в движении Сирано для себя угрозу и сообразив, что она тоже вооружена, гордо и воинственно взмахнула своим ржавым клинком. Сирано воспринял это движение, как откровенное желание вступить с ним в бой. Разъяренный, он сделал выпад и убил бедную обезьяну на месте.

Историю эту, довольно скандальную, обычно приводят в качестве примера того, до чего обидчив и болезненно самолюбив был Сирано де Бержерак.

Одни обсуждали этот случай с негодованием, другие смеялись. Сам же виновник отнесся к нему весьма серьезно. Значение, которое он придавал своей знаменитой «дуэли» с обезьяной, видно по его письменному свидетельству в связи с этим делом.

Небольшое сочинение под названием «Бой Сирано де Бержерака с обезьяной Бриоша на Новом мосту» подробно описывает, как и почему Сирано, в приливе ярости, проткнул шпагой обезьяну по имени Фаготэн.

Что касается кукольника, то он, потеряв обезьяну, погибшую

от руки знаменитого дуэлянта, приобрел еще большую популярность. Зрители валом валили к нему в театрик.

Всех, кто бывал на Новом мосту, кто посещал это злачное место, метко окрестили «придворными бронзового коня», иначе говоря, Генриха IV, бронзовая статуя которого возвышалась рядом с мостом. В ходу была даже шутка: «Генрих IV со своим народом — на Новом мосту, Людовик XIII со своими придворными — на Королевской площади».

В отличие от «демократичного» Нового моста Королевская площадь и прилегавший к ней квартал Марэ были фешенебельными районами тогдашнего Парижа. Совсем недавно тут уныло тянулись огороды, а рядом был пустырь, на котором торговали лошадьми и происходили бесчисленные в ту эпоху дуэли. Теперь площадь, окруженная рядом новеньких кирпичных особняков — здесь жили кардинал Ришелье, писательница Севиньи, драматург Корнель,— и прилегающий к ней квартал Марэ, «остров смеха и забав», стали излюбленным местом прогулок модников столицы. В их толпе, словно какой-нибудь щеголь-аристократ, гордо вышагивал и Сирано в ухарской шляпе с тройным султаном, в ботфортах с широченными раструбами, в туго накрахмаленном из брыжей воротнике. Небольшие усики по моде, волосы до плеч. «Плащ сзади поднялся, поддерживаем шпагой, как петушиный хвост, с небрежною отвагой» — таким рисует облик своего героя Э. Ростан. И надо сказать, что если драматург в чем-либо и погрешил в своей пьесе против исторической правды, то никак не в отношении внешнего вида Сирано.

...И вот в один прекрасный день кончились кутежи и попойки, похождения и авантюры. Сирано снова оказался в руках эскулапов, тех самых «клистирных трубок», про которых говорил, что лучше им не попадаться. Несколько месяцев пролежал он в лечебнице доктора Пигу. Вышел оттуда слабым, худым, почти начисто облысевшим. Вышел разбитым физически, душевно озлобленным, еще более колким, язвительным.

В кармане у него не было ни гроша, ему нечем было даже рассчитаться с врачом. И тени кредиторов маячили у двери его дома. В эти черные дни Сирано перешел роковую черту, началась вторая, короткая половина его бытия.

Но как ни странно, именно своей болезни он обязан тем, что имя его не кануло в Лету, что оно сохранилось и живет в литературе по сей день. Болезнь, ставшая отныне неразлучной спутницей Сирано, заставила его переменить образ жизни. Все, что им создано, как писателем,— сочинения его составляют три тома,— было написано в эти трудные годы борьбы с недугом.

Изредка его навещают друзья. Чаще других бывает предан-

ный, бескорыстный Лебре — старый товарищ по колледжу и армии. Иногда заходит шумный и веселый Франсуа Триста Л'Эрмит — давнишний его приятель по кутежам и карточной игре, хорошо известный всему Парижу поэт и драматург. Сирано восхищался талантом друга, его благородным сердцем и высоким умом. Позже он воздаст ему хвалу в своем романе, где назовет великим, единственным «истинно свободно мыслящим человеком».

С сочувствием относился к своему другу и Тристан. И, видя, какую физическую и нравственную боль доставляет тому болезнь, взялся ему помочь.

Во время скитаний Тристан познакомился в Англии с учеными, пытливый ум которых, вопреки схоластике официальной науки, пытался проникнуть в тайны природы. Молва нарекла этих искателей знаний чернокнижниками, магами и алхимиками, о них ходило множество фантастических легенд. Их преследовала церковь, травили власти. Они же упорно продолжали свои «богопротивные» занятия. И нередко в результате их опытов подлинная наука делала еще один шаг вперед.

Конечно, среди «магов» и «чародеев» попадалось немало и проходимцев, лжеученых, искавших легкой наживы, мечтавших овладеть «тайной» превращения неблагородных металлов в золото. Но не этих шарлатанов имел в виду Тристан, когда поведал Сирано о своих встречах в Англии. А тех, кто объединился в братство с целью преобразить государство и церковь, дать каждому благосостояние и богатство. Члены братства называют себя «розенкрейцерами». Он виделся с ними всюду, где бы ни был, убеждал Тристан, в Англии, Голландии и в Италии. Есть они и во Франции. Доказательство тому — таинственные листки, которые не раз замечал, наверное, и Сирано на стенах парижских домов. В них от имени «депутатов Коллегии Розы и Креста, видимо и невидимо пребывающих в этом городе», предлагалось вступать в братство, где «учат без книг и знаков языку, который может спасти людей от смертельного заблуждения...».

На вопрос о том, почему этих «невидимок» называют «розенкрейцерами», Тристан, не заметив иронии друга, заявил, что точно ему ответить трудно. Вроде был такой Кристиан Розенкрейц, который и основал это братство еще в XIV веке, после того как съездил на Восток, где от тамошних мудрецов перенял многие тайны. (Тристан не мог тогда знать, что мифического Розенкрейца придумал в начале XVII века немец Иоганн Андреэ, который и был, по существу, основателем этого тайного общества, в то время не отличавшегося еще ясно выраженным мистицизмом. Он же дал ему и название — по изображенным на его личной печати кресту и четырем розам — символу тайны.)

Какова же все-таки цель этих розенкрейцеров, допытывался Сирано. Тристан пояснил: восстановить все науки, особенно медицину, тайным искусством добывать сокровища, которые короли и правители употребили бы на великие общественные реформы. Главная же их цель — помочь человечеству достичь совершенства. Сделать это они намеревались посредством философского камня, который, однако, еще предстояло добыть.

— Чем же эти твои рыцари Розы и Креста могут помочь мне? — улыбнулся Сирано.

— Как — чем? Они владеют многими секретами исцеления. Да что там исцеления! Они умеют продлевать жизнь! — с азартом уверял Тристан.— Вспомни Скаррона. Наши «клистирные трубки» так залечили этого весельчака поэта, что теперь он совсем скрючился словно буква «Z». Нет, упаси боже от наших лекарей. Разве сам ты не говорил, что «достаточно подумать об одном из них, как тебя начнет бить лихорадка»?

Напрасно, однако, тратил свои усилия пылкий миссионер, стремясь обратить друга в новую веру. Никакие доводы не помогли. Как не помогла и книга, подаренная им Сирано — «Слава братства Розы и Креста».

Небольшой томик, изданный на латыни в 1614 году,— подарок Тристана, не стал настольной книгой Сирано де Бержерака. Его интересовали иные труды.

Отныне дни его посвящены углубленным занятиям философией и другими науками, он много размышляет, напряженно работает.

На смену прежним спутникам его жизни приходят новые друзья — книги. Он штудирует «Опыты» Монтеня. В них находит то, о чем все чаще размышляет сам, они побуждают задуматься об устройстве мира, помогают искать ответы на многие занимающие его вопросы: о том, что необходимо покончить с предрассудками, перестать слепо доверять свидетельству авторитетов, не принимать ничего на веру, судить обо всем, оценивать все разумом. Только так можно покончить с рабством мысли и начать мыслить творчески. Монтень и был тем «первым французом, который осмелился мыслить». Незнание, сон разума порождает суеверия, веру в чудеса, в бессмертие души, в сверхъестественное. Но чудо остается таковым лишь до тех пор, пока наш ум не в силах его постичь. И чудес тем больше, чем меньше мы знаем. Религия, говорит Монтень, поражает умы лишь вопреки рассудку, веруют лишь невежды, те, кто не имеет никакого представления о вещах. Одно из чудес — бог. Познание мира, вселенной ведет к развенчанию бога, божественного вмешательства в дела людей.

Конечно, все эти «еретические» мысли надо было уметь прочи-

тать в книге Монтеня между строк. Автор всячески вуалировал то истинное, что хотел сказать.

С увлечением читает Сирано и «Город солнца» утописта Т. Кампанеллы. Об этом итальянце в дни молодости Сирано много толковали в Париже. Здесь философ доживал свои дни после того, как провел в тюрьме по воле святой инквизиции почти три десятка лет. С интересом Сирано знакомится с учением великого поляка Коперника, который «остановил Солнце и сдвинул Землю», сокрушив тем самым догмы Птолемеевой системы о Земле как центре Вселенной. Он хочет все знать о последователях польского астронома датчанине Тихо де Браге и немце Иоганне Кеплере. Привлекают его и пантеистические взгляды итальянца Кардана, математика и астролога, предсказавшего самому себе день своей смерти. Впрочем, чтобы оправдать «пророчество», он вынужден был уморить себя голодом.

Великие греки Демокрит и Эпикур соседствуют в его книжном шкафу с современниками: философом Декартом, романистом Шарлем Сорелем, поэтами-вольнодумцами Матюреном Ренье и Теофилем де Вио. Оба эти стихотворца были врагами церковников и чуть не погибли от их рук. Ренье спасла от костра собственная смерть, де Вио избежал казни лишь случайно, ее заменили изгнанием. Доживи Ренье до 1623 года, а де Вио не имей высоких покровителей,— и быть им сожженными в том году вместе с другими поэтами-сатириками, которых церковь послала в огонь.

Это были последние костры инквизиции. Но отсвет их пламени все еще нередко зловеще озарял площади европейских городов.

Хотя во Франции инквизиция официально не существовала, но и здесь церковники яростно искореняли «ересь». Направляли эту борьбу так называемые Огненные палаты — чрезвычайные трибуналы, приговаривавшие еретиков к сожжению. Меч и крест — кровавый символ инквизиции — угрожал каждому, кто осмеливался высказывать богоборческие мысли, кто восставал против церковных догм. Среди безбожников, погибших в огне, были лучшие умы эпохи, ученые и поэты.

Мрачные дни средневековья, когда вера затмевала разум, уходили в вечность. Человечество начинало верить в свою силу. И все большее число здравомыслящих ученых гуманистов провозглашало тайно или явно: долой веру, да здравствует знание! Чем больше у человека знаний, тем меньше в нем слепой веры. Это означало отрицание религии, церкви. К тем, кто осмеливался распространять подобные воззрения, церковь была беспощадной.

По приговору богословского факультета Сорбонны на парижской площади Мобер в 1546 году сожгли вместе с его сочинения-

ми гуманиста Этьена Доле. Такая же участь постигла через тридцать лет Жоффруа Валле, казненного за книгу «Блаженство христиан, или Бич веры». Сочинение это вместе с автором после того, как его повесили, было «сожжено и превращено в пепел» (до наших дней дошел всего лишь один печатный экземпляр).

Открыто отважился выступить с изложением своих взглядов и атеист Джулио Ванини. И ему это дорого обошлось. Ванини повесили в 1617 году, а тело потом сожгли. Сожжен был на римской площади Цветов в 1600 году и непреклонный Джордано Бруно за то, что осмелился утверждать, будто Вселенная бесконечна. В момент казни он гордо отвернулся от распятия. Упорно отстаивал «еретические» идеи Коперника и старик Галилей.

Печальная их судьба напоминала о том, что шутить с церковью опасно, что любое свободомыслие, вызов церковному аскетизму, схоластике, мистике объявлялись ересью и каждый, кто смел подвергать догмы святого учения сомнению, становился ее заклятым врагом. Расправа с ними была короткой: пытки, костер, убийство из-за угла...

Сирано со школьной скамьи был не в ладах со служителями веры. На всю жизнь запомнил и возненавидел он аббата Гранже, учителя в парижском колледже Бове, где обучался в отрочестве.

Порядки здесь царили чисто монастырские: с утра до вечера молитвы и службы, зубрежка латинских текстов. Жестокая порка за малейшую провинность. Кормили не иначе, как вприглядку,— денежки, получаемые на содержание учеников, «педагоги» ловко прикарманивали. Словом, жизнь «беретников» — так по головному убору называли учеников — была далеко не сладкой. И верно говорили, что все слова, определяющие их невзгоды, начинались на букву «к» — кнут, кара, карцер, крохи, клопы...

Что касается аббата Гранже, то ученик Сирано де Бержерак не только его запомнил, но и вывел под собственным именем в своей комедии «Осмеянный педант».

В ней представлена целая галерея ярких характеров: богатый деревенский дуралей Матье Гаро, дочь и сын Гранже, слуга-плут Корбинели, возлюбленная сына Женевита. Среди них Гранже обрисован наиболее ярко. Известный всему Парижу аббат был изображен в комедии полным тупицей, скрягой, волокитой и ханжой. Автор немилосердно потешался над бывшим своим учителем, высмеивал в его лице невежд, корыстолюбивых и наглых лжепедагогов, призванных обучать молодежь. Черты социальной сатиры в образе Гранже роднят его с мольеровскими героями.

Остроумное сочинение Сирано имело скандальный успех. Однако до постановки на сцене дело не дошло. Судьбу пьесы раз и навсегда решила причуда театральной звезды того времени — актера Жакоба Монфлери. Он заявил, что комедия Сирано де Бержерака не оригинальна, а есть плод заимствования, и наотрез отказался исполнять в ней главную роль. Монфлери, благочестивому католику, пришлись не по вкусу безбожные мысли автора комедии. В особенности, последняя картина пятого акта, где больной герой разговаривает с переодетой смертью и откровенно выражает свое неверие в бессмертие души.

Текст возвратили. Удрученный и разгневанный Сирано разразился ехидным памфлетом «Против толстого Монфлери, никудышнего актера и никчемного автора». В этом памфлете Сирано осмеял сценический талант первого актера «Бургундского отеля» — старейшего парижского театра. И доказал, что Монфлери, который к тому же и сам пытался сочинять трагедии, сюжеты для них заимствует у собратьев, например у Корнеля. Но колкий Сирано, служитель Мома — бога насмешки, не удовольствовался одним разоблачением. Он потребовал от артиста на месяц оставить сцену (факт этот использовал Э. Ростан, изменив, однако, причину скандала в соответствии со своим замыслом — в пьесе Сирано преследует актера из-за ревности).

Самовлюбленный и надменный Монфлери не внял приказу. Тогда Сирано явился в театр.

В тот день давали пастораль одного из тех модных драмоделов, которых так презирал Сирано.

Прямоугольный зрительный зал «Бургундского отеля» (как и все театральные помещения той эпохи, он представлял собой зал для игры в мяч, приспособленный для зрелищ) был переполнен. Скрипачи расположились на ступенях, идущих со сцены в партер. Вспыхнула рампа из сальных свечей. Люстры, зажженные ламповщиком, поползли вверх к потолку. Заколыхался занавес с изображенным на нем королевским гербом. Публика на деревянных галереях и в ложах понемногу начала успокаиваться. Партер же продолжал гудеть. Здесь приходилось стоять, и потому зрители собирались победнее, в основном простолюдины.

Но вот за сценой простучали три раза. Занавес раздвинулся. Четыре люстры освещали сцену и ту часть публики, которая расположилась здесь же на скамьях вдоль кулис.

Под аплодисменты и возгласы восхищения появился в пастушеском наряде Монфлери. В свои тридцать шесть лет он был так неимоверно тучен, что стягивал себя железным обручем. Над ним потешались, предсказывая, что актер умрет из-за чрезмерного напряжения, с которым он исполнял роли. Тем не менее стиль

игры, отвечавший канонам эстетики классицизма, нравился зрителям. Впрочем, не всем. Одним из тех, кто осмеял манеру Монфлери, был Мольер. В своем «Версальском экспромте» он высмеял то, как Монфлери декламирует — не говорит по-человечески, а «вопит, как бесноватый».

И действительно пастух-толстяк произносил стихотворные тирады, напыжившись, одним дыханием, с силой выкрикивая последний стих. Его мало заботил смысл слов. Главное для него было — выпевать их, напыщенно изображая переживания героя.

В самый патетический момент, когда бедный пастух, отвергнутый любимой, готовился броситься в пропасть, в зале раздался громкий окрик. Стоя на стуле, дабы возвышаться над толпой в партере, Сирано — а это был он — во всеуслышание напомнил, что на месяц запретил Монфлери появляться на сцене. Дерзкий поэт, угрожающе сжав эфес шпаги, потребовал, чтобы актер тотчас исполнил его повеление и покинул подмостки. При этом с уст бреттера сорвалось не одно язвительное словцо. И вполне возможно, что между поэтом и актером состоялся приблизительно тот же диалог, которым обмениваются герои Э. Ростана. На слова Монфлери о том, что в его лице оскорблена сама муза комедии Талия, ростановский Сирано восклицает:

— Нет, сударь! Если бы пленительная муза, —
С которой нет у вас, поверьте мне, союза, —
Имела честь вас знать, наверное, она,
Увидев корпус ваш, под стать пузатым урнам,
В вас запустила бы немедленно катурном...

Угроза Сирано была столь явной, а вид столь решителен и грозен, что Монфлери на этот раз не осмелился ослушаться. Под свист и хохот он ретировался за кулисы.

Театр кипел от возмущения, но перечить прославленному дуэлянту никто не рискнул.

Сирано настоял на своем, выиграл. Однако «Осмеянный педант» так и не появился на сцене при жизни автора. Комедия, где, кстати говоря, крестьянин в отличие от героев модных пьес — пасторальных пастушков и селян — впервые заговорил простым народным языком, не принесла Сирано де Бержераку ни признания, ни гонорара. А привела лишь к скандалу, который отнюдь не способствовал его преуспеянию. Более того, содержание пьесы знал весь Париж, и в насмешке над почтенным аббатом Гранже увидели издевку над церковью. Репутация автора, как врага и ненавистника духовенства, как бунтаря и безбожника, упрочилась еще больше. И очень скоро Сирано почувствовал к себе «особое» отношение.

На левом берегу Сены, прямо против Лувра, в те времена стояла знаменитая Нельская башня. Утратив свое назначение

сторожевой, она служила тюрьмой. О башне ходило множество таинственных и зловещих слухов. Два столетия спустя находчивый А. Дюма воспользуется недоброй славой этого места и представит зрителю мелодраму из времен Людовика X, которую так и назовет «Нельская башня». Загадочные убийства, совершаемые здесь еженощно, невероятные совпадения, игра случайностей принесут пьесе, поставленной в 1832 году, шумный успех.

Как-то под вечер Сирано оказался у рва около этой мрачной башни. Начинало смеркаться. Фонарей не было еще и в помине. Идти приходилось осторожно, чтобы не угодить в сточную канаву, которая пролегала прямо по середине улицы. Быть разукрашенным парижской грязью его не очень устраивало — всякий знал, что сходит она только вместе с кожей.

Прогулка по ночному городу в ту пору не сулила ничего хорошего. Грабежи и убийства являлись делом обычным, и редко, когда ночь проходила без происшествий. В эти часы оживал темный, преступный мир парижского дна. Наступало время тех, кому мрак служил верным укрытием. Бездомные бродяги и матерые воры, убийцы и грабители покидали свои дневные убежища и выходили в ночную темень на большую дорогу. Даже полубродяги-студенты и те не брезговали разбоем (недаром они не имели права носить при себе ножи, шпаги и пистолеты, и им запрещалось показываться на улице после девяти вечера). Днем там, где царила торговая сутолока, балаганная пестрота, особенно на Новом мосту, «шумевшем весельем шутовским», ничто не предвещало опасность. Зато не дай бог, если кто случайно забредал сюда в ночной час. Зловещая тишина, не сулившая ничего доброго, нависала над мостом, и редко кому удавалось уйти отсюда живым и невредимым. Грабежи и убийства, то и дело здесь совершавшиеся, заставили издать особый указ о круглосуточном дежурстве на мосту наряда полиции. Словом, ночью в Париже всякое могло случиться.

Сирано, боясь оступиться, вглядывался в сумерки — это его и спасло: нападение не оказалось неожиданным. Сначала перед ним возник один силуэт. Не успели шпаги скреститься, как сбоку наскочил второй, потом третий, потом... Он не смог пересчитать всех, тем более что убийцы (а в том, что это были бравò, то есть наемные головорезы, сомневаться не приходилось) оказались в надвигавшейся темноте все на одно лицо. Нет, это нельзя было назвать поединком, это было целое сражение. Сто против одного — так позже утверждала молва, всегда, однако, склонная к преувеличению.

Так или иначе, но в тот вечер шпаге Сирано скучать не пришлось: на месте боя двое остались лежать замертво, семеро получили тяжелые ранения, остальные благоразумно скрылись.

Сирано блестяще подтвердил свою репутацию отличного бойца. Его бесстрашием восхищался весь город.

Были, однако, и такие, кто хранили недоброе молчание. Видно, кому-то язвительный комедиограф пришелся не по нраву. Кого-то явно не устраивали его насмешки и сатиры, его образ мыслей. Не эти ли скрытые враги Сирано пожелали избавиться от неудобного литератора? И не они ли послали убийц в засаду у Нельской башни?

Слава, считал Сирано, есть нечто гораздо более драгоценное, чем одежда, лошадь или даже золото. Может быть, эти слова являются ключом к постижению его характера, его судьбы, противоречий его натуры и поступков?

Путь к славе, а для Сирано это равнялось признанию высшим светом, возможно, доступ ко двору, часто пролегал через салоны знаменитостей. Некоторые из парижских салонов играли видную роль в литературной жизни — служили законодателями «вкусов». Салоны маркизы Рамбулье, писательницы Скюдери, куртизанок Марион де Лорм и Нинон Ланкло славились на всю Францию. Попасть в число их завсегдатаев — ученых жен и мужей, модных поэтов и преуспевающих писателей — желали многие. Здесь обсуждали очередной прециозный роман, которых, как язвил Шарль Сорель, «насчитывалось уже десять тысяч томов», рисующих далеких от реальности идеальных героев: изображать жизнь считалось вульгарным и низменным, а тех, кто восставал против этого, нарекали «краснорожими», грязными писателями. Здесь томно рассуждали о превратностях любви, верности долгу и даме сердца; вели галантные беседы, признавая разговор «величайшим и почти единственным удовольствием жизни». В салонах блистали остроумием, развлекаясь, пикировались, оттачивали словесное искусство.

Сирано справедливо рассчитывал, что не окажется последним в веселых затеях парижского общества, что сумеет обратить на себя внимание, заставит слушать себя избалованных и пресыщенных литературных гурманов, завоюет успех.

Славу ему должны принести письма. Скорее это памфлеты, эссе, обличения или рассуждения в основном сатирического характера, написанные по самым различным поводам. Его перо берет «на прицел» доносчиков и трусов, неблагодарных и малодушных, грубиянов и грабителей мысли — плагиаторов, его старых врагов педантов и ненавистных колдунов, шарлатанов врачей, бездарных актеров, святош...

Несколько иными были его так называемые любовные послания. Их отличал тонкий стиль, неожиданные поэтические находки,

яркие метафоры. И только иногда чувство меры изменяет ему: он злоупотребляет двусмысленностями, намеками и сомнительными остротами, тем, что так не нравилось в Сирано его литературному противнику Скаррону.

Распря между двумя сатириками тянулась много лет. Ради нее была израсходована не одна бутылка чернил, истрачены кипы бумаги и перьев. Сирано издевался над «низкими» и «мелкими» темами комедий Скаррона, над его «Комическим романом». В свою очередь Скаррон насмехался над потугами Сирано проникнуть в свет, над его тщеславием.

У любовных писем Сирано, которые, как он надеялся, отопрут перед ним двери успеха, оказался один существенный недостаток: отсутствие адресата, который мог бы вознаградить автора. Недостаток этот позже восполнил Э. Ростан, придумав несравненную Роксану и сделав из несчастного Сирано ее тайного и пламенного обожателя. Из-за нее он терпит наносимые ему обиды, ради нее готов отказаться от своего счастья и помочь завоевать для Кристиана ее любовь... Впрочем, если быть точнее, Э. Ростан придумал ситуацию, а не Роксану, у которой действительно был реальный прототип — дальняя родственница Сирано — Мадлена Робино. Она была женой Кристофа (а не Кристиана де Невиллет). Как Роксану, ее знали лишь среди монахинь монастыря, где она жила после гибели мужа в битве при Аррасе в 1641 году. В молодости Сирано бывал в ее салоне.

Приспособиться, стать угодливым и покладистым Сирано так и не сумел. Мечта потерпела новое крушение, уязвленная гордость слепила глаза. Окружающим он казался преисполненным себялюбия гордецом. Это раздражало. К тому же в его памфлетах одни усмотрели намеки на себя, другим не нравился их тон — надменный и ироничный. Им казалось, что Сирано де Бержерак был против всего и против всех. Тем более что сам он то и дело заявлял, что не признает ничьего авторитета, если он не опирается на разум. И любил добавлять: «Единственно Разум, только Разум — мой властелин». Лишь ему по своей воле протягивал он руку.

Тем временем в стране запахло мятежом. После смерти Ришелье сменивший его на посту первого министра хитрый итальянец кардинал Мазарини был ненавистен парижанам. Фактически в годы малолетства Людовика XIV он управлял Францией. Его политика вызывала всеобщее недовольство. Смута охватила страну. Началась так называемая Фронда — борьба буржуазии и народных низов, а позже и феодальной знати за свои прежние права, узурпированные королевской властью. К этой борьбе, которую вела Фронда против мало кем любимого Мазарини, присоединили свой голос и многие литераторы.

Запевалой в этой схватке выступил Скаррон. Он первый сочинил острый сатирический памфлет против Мазарини. Его не остановило даже то, что с этого момента он лишался пенсии, которую получал от двора.

Едкую, бичующую сатиру читал весь Париж. И вот уже сотни новых «мазаринад» — так стали называть подобные антиправительственные сочинения — гуляют по французской столице.

Внес свою лепту и Сирано. Темпераментный сатирик, он сочиняет несколько бойких и злых «мазаринад», заставивших весело смеяться посетителей салонов, где он теперь часто бывает.

Неожиданно ветер меняет направление. Фронда распущена. Мазарини прочно занял кресло первого министра. К нашему удивлению, меняется и позиция Сирано. Одержимый манией быть принятым при дворе, добиться известности, он делает опрометчивый, легкомысленный шаг. Из противника кардинала превращается в его сторонника, помышляет завоевать доверие министра. С тем же азартом, с каким раньше нападал на Мазарини, теперь преследует его врагов. Сирано не щадит даже недавних сторонников и друзей. В письме «Против фрондеров» он открыто нападает на тех, с кем еще недавно стоял в одном строю против министра. Заодно досталось, конечно, и Скаррону. Справедливости ради, следует сказать, что и Скаррон переметнулся потом на сторону выигравших и во всеуслышание покаялся в своих пагубных заблуждениях, призывая к этому и недавних сообщников. Это своеобразное сальто-мортале тем не менее не помогло ему вернуть себе пенсию.

Надо ли говорить, что такое поведение не придало Сирано ни веса, ни уважения. Бывшие друзья отшатнулись, новых, более сильных, приобрести так и не удалось. Игрок, он действовал слишком азартно и не расчетливо. Карта его оказалась битой.

Скоро он почувствовал, как писаки и рифмоплеты начали сводить с ним счеты, «метать фолианты оскорблений». И, говоря словами Буало, в любой его строке крамолу открывать, «словам невинным смысл преступный придавать».

Двери салонов перестали раскрываться перед ним. Все отвернулись от него. Произведений его не печатали, пьесу не ставили. Скудных денег, присылаемых отцом, едва хватало на лечение старых ран и новой болезни. От ее приступов, усугубляемых житейскими неудачами, его не спасают ни насмешки, ни бравада, ни публичные скандалы. И только опиум, к которому он вынужден все чаще прибегать, чтобы заглушить боль, на время облегчает его страдания.

В эти трудные годы Сирано заканчивает работу над своей знаменитой книгой. Впрочем, сам он не догадывался о том, что эта небольшая рукопись принесет ему желанную славу, увы, посмертную. При его жизни напечатать ее не удалось, первое издание, благодаря стараниям верного друга юности Лебре, увидело свет через год после смерти автора. Однако нельзя сказать, что о книге не было ничего известно. Напротив, толков о новом необычном сочинении Сирано де Бержерака ходило немало. Опасный безбожник снова заставил говорить о себе весь город. Особенно были раздражены и еще более возненавидели вольнодумца давние враги — иезуиты, боявшиеся опасного влияния его идей на умы современников.

Что же сочинил Сирано в этот раз? Чем вновь вызвал гнев святых отцов?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо перенестись в то время, когда молодой, полный сил и надежд Сирано, только что оставивший военную службу, появился в Париже.

Среди его тогдашних дружков был некий Клод Шапелль. Юноша с живым, ироническим умом, уже тогда пописывающий стихи, он отличался свободомыслием и общительным нравом. Они подружились.

Сирано стал бывать в доме своего друга, отцом которого, кстати сказать, был богатый откупщик Люилье. Он решил дать сыну домашнее образование, для чего взял его из колледжа и устроил на дому собственную школу. А чтобы сыну не было скучно, привлек к занятиям и его ближайших друзей — Франсуа Беренье, впоследствии знаменитого путешественника по Востоку; Жана Батиста Поклена — в будущем известного под именем Мольер (впрочем, факт участия его оспаривался многими учеными); Шарля Гено, ставшего позже драматургом, и Сирано де Бержерака.

Наставником к молодому Шапеллю был приглашен один из выдающихся мыслителей, знаменитый Пьер Гассенди. До этого он, сын провансальского крестьянина, ставший профессором, преподавал философию в Эксе. Но преследуемый иезуитами за «ересь», вынужден был перебраться в Париж, где и поселился в доме Люилье — своего старого знакомого. Образованность Гассенди, широта и глубина его познаний поражали современников. Физика и математика, астрономия и история, риторика и логика, но прежде всего философия — таков был круг его интересов.

Ученики, затаив дыхание, внимали речам своего кумира со лбом мудреца и глазами проницательного психолога.

Сирано был прилежным и внимательным учеником. Все, что проповедовал Гассенди, чему учил, находило живой отклик в его мыслях, зерна философии падали на благодатную почву.

Чему же учил своих юных слушателей бывший провансальский крестьянин? Какие взгляды проповедовал знаменитый профессор?

Расположившись в кресле уютной гостиной, Пьер Гассенди с увлечением рассказывал о тех, кто открывал новые горизонты знания, о подвиге Коперника, Джордано Бруно и Галилея, восставших против схоластической науки. С ненавистью говорил о догматиках и начетчиках в науке и философии.

— Наши схоласты, подчиняясь мнению кого-либо, считают ненужным иметь свое собственное суждение. Они забросили исследование самих вещей и занимаются лишь пустой болтовней. Наш дух с самой колыбели связан тысячей петель и обвит веревками. Если вы хотите мыслить, то должны сомневаться. Разрешить же сомнение вам поможет опыт.

— Будьте честными, не совершайте преступлений, дабы не испытывать ни раскаяния, ни сожалений, и вы будете, друзья мои, счастливейшими из людей,— убеждал учитель.— Помните, что говорил Эпикур в своем письме к Менекею: «Нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо, и, наоборот, нельзя жить разумно, нравственно и справедливо, не живя приятно».

Эпикуреец Гассенди обладал феноменальной памятью. Он свободно цитировал на латыни эпикуровское «Письмо к Геродоту», особенно те места из него, где говорится о движении атомов. Ему ничего не стоило на память привести отрывки из поэмы римлянина Лукреция Кара «О природе вещей» — произведения, которое профессор особенно любил. Любовь эту он привил и своим ученикам.

Молодых вольнодумцев, собиравшихся у Люилье, в этой поэме привлекали смелые мысли о происхождении и сущности мира и человека. Юноши, пытливо искавшие ответы на вопросы бытия, находили их в замечательном сочинении древнего поэта. Вслед за Эпикуром создатель поэмы провозглашал, что в основе всего сущего лежит не божья воля, а материя. «Семя всех вещей» поэт-философ видел в атоме, в бесконечном движении и сочетании этих мельчайших частиц. В поэме Лукреция современников Сирано привлекала великая идея атомизма, вера в разум, желание освободить человека от страха перед богом, отрицание загробной жизни — все то, что, по существу, противостояло учению святой католической церкви. Материализм автора поэмы освобождал от оков религии, от веры в загробный мир.

Ученики Гассенди усердно штудировали поэму, заучивали наизусть отрывки из нее. Мало того — переводили отдельные ее части на французский. Больше других, по мнению некоторых, преуспел в этом юный Мольер. Его перевод был выполнен, по свидетельству тогдашних его друзей, «очень хорошо», «точно и благозвучно».

Увлекло сочинение Лукреция и молодого Сирано. Он тоже перевел из него отдельные отрывки, чем весьма порадовал наставника. Позже, во время работы над своей главной книгой, Сирано переведет с латыни и многие отрывки из трудов самого П. Гассенди. Переведет для того, чтобы в доступной форме изложить материалистические мысли учителя на страницах своего произведения. И в этом смысле, можно сказать, что Сирано де Бержерак является одним из первых литераторов-популяризаторов. Так же, как и одним из родоначальников научно-фантастического жанра, если иметь в виду его роман «Комическая история государств и империй Луны» (в русском переводе «Иной свет, или государства и империи Луны»).

Уроки Гассенди не прошли даром. Они помогли молодому Сирано обрести свой взгляд на мир. Вот где следует искать корни его восстания против кумиров и авторитетов, истоки его безбожия и бунтарства.

Интерес к философии, который привил Пьер Гассенди, привел Сирано к изучению механики и физики, математики и естественных наук. Он поверил в силу человеческого гения, способного создать машины, которые изменят жизнь и помогут открыть иные миры.

Мысль написать книгу о путешествии в Иной свет — на Луну пришла ему однажды во время чтения романа Шарля Сореля «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона». Один из героев этой книги педант Гортензиус заявляет, что собирается создать необычное сочинение, «нечто такое, что еще не приходило на ум ни одному смертному» — представить события, случившиеся на Луне, описать находящиеся там города и нравы их обитателей.

В самом деле — прекрасная мысль. Силой воображения перенестись в Иной свет, на Луну, и под покровом забавного вымысла изложить свои взгляды на устройство земного мира, свести счеты с обществом, которое его так и не поняло, высмеять отсталость, противящуюся свободному развитию человеческого разума, выразить свою веру в науку, которая сделает доступными вещи, ранее невиданные и неслыханные.

Под видом фантастических приключений на Луне можно рассказать о достижениях современной философской мысли и высмеять схоластов. Можно даже вступить в схватку с самой церковью и разоблачить ее догматы. Словом, не плохую мысль подал Сирано герой романа Шарля Сореля.

Издавна в мифах и сказках человек воплощал вековую мечту о покорении неба. Полет к звездам предпринял «на крыльях орла» Этана — герой эпоса древних шумеров. В иранском сказании «Шахнаме» говорилось о царе, поднявшемся ввысь на колеснице,

запряженной четырьмя орлами. Отважный Синдбад-мореход из арабских сказок «Тысяча и одна ночь» совершил полет в поднебесье, привязав себя к ногам птицы Рух. Древние греки и римляне в своих мифах возносились на небо различными способами. Вспомните полет Икара или юношу Ганимеда, похищенного Зевсом, принявшим облик орла. Или героя комедии Аристофана «Мир», который отправился к небожителям, оседлав жука-навозника.

Полет в поднебесье, естественно, был тогда полетом лишь воображения. Чаще всего оно устремлялось к Луне — ближайшей нашей соседке в космосе. Туда забросила стихия корабль Лукиана, о чем он рассказал в своем «Истинном повествовании». Здесь, среди разумных существ эндимионов, оказался современник Сирано — астроном Дуракотус, герой романа Иоганна Кеплера «Сон». Сюда, в гости к «лунариям», с помощью упряжки диких лебедей попадает Доменико Гонзалес — персонаж фантазии англичанина Френсиса Годвина, изданной в Лондоне в 1638 году и вскоре переведенной на французский под названием «Человек на Луне».

Размышляя о будущем романе, Сирано не мог не вспомнить об этих хорошо известных в его время сочинениях. Они, безусловно, направляли и корректировали его творческую мысль. Так же, впрочем, как и знакомая ему утопия Т. Кампанеллы «Город солнца», где обитают «солярии» и где широко пользуются невероятными научными открытиями.

На плечах этих предшественников и решил строить свое произведение Сирано.

Дальше он действовал вполне самостоятельно, поставив своей целью не столько живописать небылицы, сколько сделать свое сочинение средством пропаганды передовых научных взглядов и философских идей. Он хотел сочетать фантастику с социальной критикой и воинствующим атеизмом. И мы можем сказать, что это ему блестяще удалось. Его книга стала энциклопедией знаний. Но отнюдь не была сухим научным трактатом. Наоборот,— и в этом одна из граней таланта Сирано,— он умел захватить читателя, умел говорить о сложном популярно, темпераментно и увлеченно. Он был прирожденным просветителем.

Вот когда он снова вспомнил о Монтене и его умении маскировать «крамольные» мысли, наряжая их в ортодоксальные одежды. Об этом приходилось постоянно думать — борьба за научные истины требовала этого маскарада, иначе легко можно было угодить в лапы инквизиции. Те, кто хотел высказывать заветные мысли, вынуждены были, как замечает Андрэ Моруа, «прибегать к помощи фантастики и, чтобы не навлечь на себя преследования, изображать неправдоподобное».

Начнет Сирано с того, что назовет свое произведение комиче-

ским. В самом деле, что в XVII веке может быть комичнее, чем рассказ о путешествии на Луну? С серьезным видом (тем самым усиливая комичность) Сирано рассказывает об обычаях жителей Луны. Здесь, например, питаются испарениями пищи, спят не на кроватях, а на цветах и пользуются вместо свечей светлячками в хрустальном бокале. С голода тут умирают только бесталанные тупицы и дураки, а умные люди, одаренные всегда хорошо питаются. Ибо богатство каждого здесь зависит от самого себя — ходячая монета на Луне — шестистишие: сочиняй себе стихи и расплачивайся ими, как деньгами.

Обитают здешние жители в домах, которые с наступлением холодов ввинчиваются в лунную почву, а весной вновь «вырастают» на поверхности с помощью особого винта.

Не менее забавно и то, как на Луне ведутся войны. На поле боя сходятся враждующие армии, разделенные на специальные отряды: против великанов выступают гиганты, против отважных — смельчаки, против немощных — слабые. Но на этом война не кончалась. Далее сражения продолжались в форме научных диспутов, когда «один ученый противопоставляется другому ученому, один умный человек — другому умному человеку, один рассудительный человек — другому».

Таковы лунные порядки, придуманные Сирано. Но вот он, продолжая свой рассказ о странствиях на Луне, переходит к более острым проблемам. Впрочем, автор, от лица которого ведется повествование, тут вовсе ни при чем, уверяет Сирано. Он лишь беспристрастный рассказчик того, что видел и испытал во время своего путешествия. А посему в основном выступает в роли пассивного слушателя, лишь изредка робко пытаясь противостоять тому, что проповедуют его ученые лунные собеседники. Одним из них оказывается гудвиновский Доменико Гонзалес, который, как мы узнаем, объездил всю землю, но так нигде и не нашел страны, где хотя бы воображение могло быть свободно. Тогда он решил искать свободу мысли в лунном мире.

На Луне поместил Сирано и рай, «куда никто никогда не проникал». Лишь шестерым счастливчикам довелось побывать тут. Это Адам и Ева, их потомок Энох, пророк Илия, один из апостолов — Иоанн и, наконец, Сирано. Причем Энох вознесся сюда с помощью хитроумного устройства, наполнив «поднимавшимся от огня дымом два больших сосуда, которые герметически закупорил и привязал себе под мышки». Дым, устремляясь кверху, стал поднимать сосуды и вместе с ними человека. Так этот святой попал на небо — с помощью прообраза воздушного шара (это дало право Т. Готье утверждать, что Сирано де Бержерак, а не братья Монгольфье, является изобретателем воздушного шара).

Сирано высмеивает веру в бессмертие души, глумится над библейским мифом о сотворении мира в семь дней, называя все это сказками, так же, как и над тем, что человек создан по образу и подобию божьему, а капуста — нет. В конце же сочинения Сирано прямо заявляет устами одного из лунных собеседников, что совершенно отрицает существование бога. Вера в божественное, поясняет он, происходит оттого, что «ум человека недостаточно широк, чтобы обнять понятие вечности, но он в то же время не может себе представить, что эта великая Вселенная, столь прекрасная, столь стройная, могла создаться сама собой. Поэтому люди прибегали к мысли о сотворении мира». В действительности же в основе всего сущего лежат атомы — бесконечное число «невидимых телец». При этом Сирано ссылается на своего учителя Гассенди, который, мол, в свое время излагал ему учение Демокрита и Эпикура о строении материи.

Вчитываясь в сочинение Сирано де Бержерака, исследователи находят у него целые страницы, которые либо прямо переписаны у учителя (недаром он был самым прилежным его слушателем), либо являются изложением мыслей Гассенди. Однако Сирано, пользуясь тем, что создавал не научный трактат, а художественное произведение, более резко и более иронично нападает на бога и религию. В борьбе с ней он идет много дальше учителя. И в свою очередь выступает учителем безбожия.



Но есть одна сторона сочинения Сирано, которая у его современников действительно могла вызвать лишь снисходительную улыбку. Нас же, очевидцев полетов человека в космос, она не может не удивить.

В книге писателя далекого семнадцатого столетия поражает сила предвидения. В неукротимой фантазии французского литератора проскальзывают реальные черты науки и техники наших дней. «В юмористических произведениях Сирано,— говорит научный обозреватель журнала «Сьянс э ви» писатель Эме Мишель,— мы находим поразительно точное описание аппаратов и предметов, появившихся лишь в XX веке». В какой-то мере это действительно так. Разве не странно, что живший в годы правления Людовика XIV поэт-неудачник описал то, о чем в его время нельзя было и мечтать.

Вот почему сегодня Сирано называют загадочным и неведомым, считают, что его жизнь и творчество отмечены какой-то тайной. И отказываются приписывать его пророчества одному лишь воображению. «Проницательность Сирано,— пишет тот же Эме Ми-

шель,— буквально неправдоподобна, настолько, что ставит перед нами с виду неразрешимую историческую проблему: откуда он мог все это знать? Где почерпнул столь современное знание тайн Вселенной?»

Присмотримся к «выдумкам» автора фантастического сочинения о полете в Иной свет сквозь лупу времени в триста с лишним лет. И первое, на что обратим внимание,— это то, каким образом Сирано де Бержерак оказался на Луне.

Не с помощью орлов и лебедей, как попадало туда большинство его литературных предшественников, описывавших в своих сочинениях баснословные полеты.

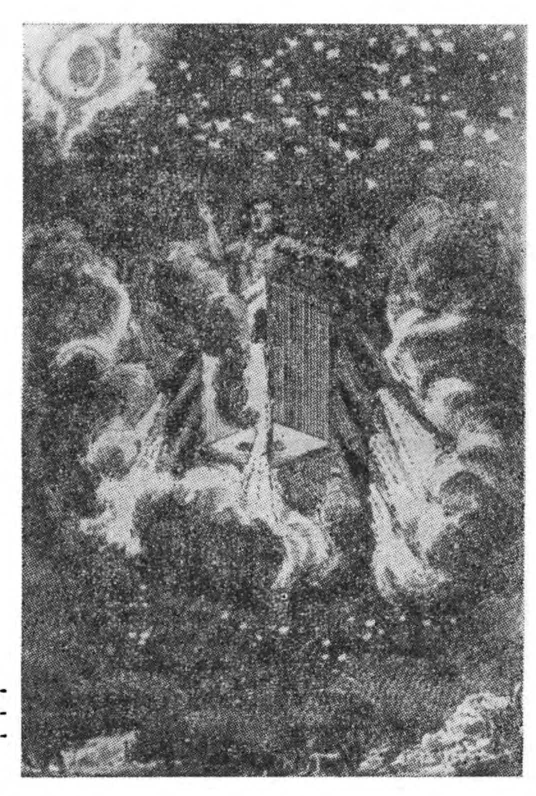
Свой полет на Луну из царства земного Сирано осуществил, как и современные космонавты — в кабине, которую вынесла в космос ракета, причем многоступенчатая. Судите сами: «ракеты были расположены,— пишет Сирано,— в шесть рядов по шести ракет в каждом ряду... пламя, поглотив один ряд ракет, перебрасывалось на следующий ряд и затем еще на следующий... Материал, наконец, был весь поглощен пламенем, горючий состав иссяк». К счастью, в этот момент «космонавт» почувствовал, что он продолжает полет ввысь в то время, как его машина с ним расстается и падает на землю.

Если перевести это на язык сегодняшней космической эры, то, вероятно, можно сказать, что ракета Сирано была шестиступенчатой и что когда двигатели ее отработали и система сгорела, кабина продолжала полет в космосе, а ракета-носитель отделилась и начала падать на землю.

Вскоре Сирано заметил, что Луна стала притягивать его. Произведя расчет и убедившись, что пролетел три четверти расстояния, отделяющего Землю от Луны, он вдруг почувствовал (после суток или двух полета), что «падает ногами кверху, хотя ни разу ни кувыркнулся». Иначе говоря, произошло смещение силы тяжести до нулевой точки гравитации. «Космонавт» стал снижаться на лунную поверхность.

В этот момент земной шар, находившийся теперь на весьма значительном расстоянии, показался ему лишь «большой золотой бляхой», похожей на диск Луны, но гораздо крупнее по размеру.

Конечно, космический корабль Сирано весьма далек от современных. Так, используемый на нем «горючий состав», как можно понять, представлял собой смесь росы и селитры. Первая, по представлениям алхимиков, обладала чудодейственной силой: могла якобы растворять золото; вторая — издавна известный компонент пороха. Само понятие «горючий состав» или горючее — это опять-таки скорее из терминологии наших дней, чем семнадцатого века. Ведь ни какой иной энергии, кроме как энергии воды, ветра



«Космический корабль» Сирано. Иллюстрация из первого издания его книги о полете на Луну.

и мускульной силы, в то время не знали. Лишь в мечтах изобретателей и инженеров тех дней возникали нескончаемые проекты «вечного двигателя».

Корабль Сирано преодолевает земное вращение, так как учение о всемирном тяготении тогда еще не было известно. Ньютоновские «Начала» будут опубликованы лишь тридцать два года спустя после смерти Сирано де Бержерака. Поэтому «прилуниться» космонавту семнадцатого века помогают бычьи мозги, которыми он смазал тело: считалось, что Луна их притягивает.

И все же «выдумка» Сирано о полете в космос на ракете — только ли порождение одного его воображения? Может быть, он знал о летательных устройствах древних китайцев? Их снаряды действовали по принципу современной ракеты: ядро, снабженное крыльями, имело два спаренных пороховых заряда. Силой выхлопных газов, образующихся при сгорании, такой снаряд, поднятый в воздух особой катапультой, двигался к цели.

Возможно, ему было известно о попытке китайца Ван Ху в 1500 году подняться в воздух с помощью ракет. Смелый эксперимент кончился неудачно — все 47 фейерверочных ракет, размещенных под сиденьем летательного аппарата, подожженных одновременно 47 слугами, взорвались разом. Изобретатель погиб. И, может быть, не случайно Сирано, зная о трагической попытке Ван Ху, расположил свои ракеты в несколько рядов, которые сгорали последовательно один за другим. Благодаря этому он «избежал опасности погибнуть от взрыва всех ракет одновременно»,— пишет Сирано.

Вполне могли быть известны Сирано и попытки европейцев применять ракеты, в частности итальянцем Дж. Фонтана. Он предложил в 1420 году с помощью ракеты поднимать в воздух снаряды в виде зайцев и птиц для устрашения неприятеля.

Вероятно, знал он и о своем современнике выдающемся польском инженере и изобретателе Казимеже Семеновиче. И не только знал, но и читал его знаменитую книгу «Великое искусство артиллерии». Написанная на латыни и изданная в Амстердаме, она вскоре была переведена на французский язык и вышла в Париже. В ней на основе изучения большого числа трудов (более двухсот), а также собственного научного опыта и экспериментов автор в одном из разделов писал о ракетной технике той эпохи. В частности, приводил эскизы и описания тогдашних ракет.

Польский писатель Тадеуш Новак в своей книге, посвященной жизни Казимежа Семеновича, изданной в Варшаве в 1969 году, говорит о том, что ученый пал в 1651 году жертвой мести ракетников того времени. Ему отомстили за то, что он в своем труде призывал решительно бороться с распространенным тогда среди пиротехников, особенно ракетников, обычаем скрывать свои профессиональные тайны.

Что касается идеи использования ракеты в качестве транспортного средства, то она придет в голову русскому народовольцу Кибальчичу двести лет спустя в казематах Петропавловской крепости.

Тем удивительнее пророчество Сирано, хотя и выражено оно было в полузабавной форме. И, возможно, именно Сирано де Бержерака и его способ путешествия на Луну имеет в виду современный английский историк С. Лилли, когда пишет в своей книге «Люди, машины и история», что «идея многоступенчатой ракеты высказывалась начиная с 1650 года неоднократно». Другой автор немец Г. Мильке в книге «Путь в космос» прямо указывает, что Сирано де Бержерак «первый заговорил о применении ракет для подъема «летающего экипажа».

В числе диковинок, обнаруженных Сирано на Луне, его особен-

но поразили странные «книги». Нас же, живущих триста лет спустя в век электричества, радио и электроники, удивляет другое. Ведь Сирано описал прибор, очень напоминающий наш радиоприемник, описал таким, каким он предстает нашему глазу. Сирано пишет: «Это действительно книга, но книга чудесная; в ней не было ни страниц, ни букв; одним словом — это такая книга, что для изучения ее совершенно бесполезны глаза, нужны только уши».

Как же устроена эта «книга для слуха»? Она состоит из ящика, в котором находится какое-то неведомое устройство из металла, довольно похожее на часы; внутри также масса каких-то невиданных пружин и едва заметных механизмов.

Чтобы «прочитать» такую книгу, надо лишь поставить стрелку на ту главу, которую желаете прослушать. «И тотчас из книги выходят как из уст человека или из музыкального инструмента» самые разнообразные звуки. Изумительные эти изобретения жители Луны берут с собой в путешествия, пользуются ими во время прогулок, привешивая к седлу либо просто помещая в карман платья.

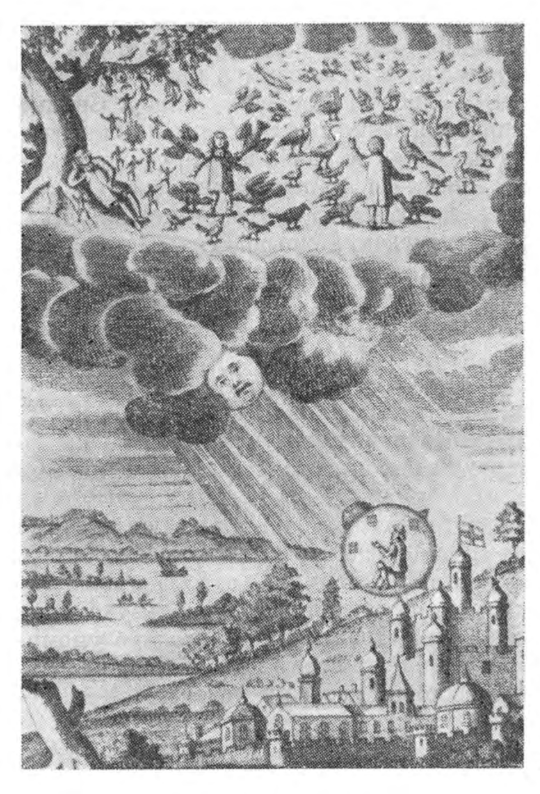
Не меньше, чем «говорящий ящик», Сирано поражают на Луне стеклянные «блестящие огненные шары», «неугасимые светочи», то есть источники искусственного освещения. Снова фантазия, которая не может не удивить нас, более столетия пользующихся электричеством. Однако здесь эти источники света только упоминаются. Подробнее Сирано опишет их в своем втором фантастическом романе о путешествии в космос, который назовет: «Комическая история государств и империй Солнца».

Писать эту книгу он начал, когда первая не была еще закончена. В это же время работал он и над «Историей Искры», сочинением, до нас не дошедшим.

В «Комической истории государств и империй Солнца» говорится о том, как Сирано из страны невежд и тюремщиков попадает в государства Солнца: царства живых деревьев, мудрых говорящих птиц, в страну философов, где, кстати говоря, встречает Кампанеллу. Однако книга эта, так и оставшаяся незавершенной, получилась менее сатирически острой. Нет в ней и того просветительного пафоса, который отличал его рассказ о путешествии на Луну.

И все-таки, что же говорит Сирано в своей книге о «неугасимых светочах»? «Вы могли бы их счесть за два маленьких солнца»,— пишет он. В другом месте называет их «раскаленными лампами, которые подвешивают» и которые светят, не расходуя никакого горючего.

Какой источник энергии питает этот, заключенный «в прозрачные оболочки» огонь (который тут же гаснет, стоит лишь разрушить эти оболочки)? И Сирано поясняет. Свет этих ламп и молния



Сирано «направляется» к Солнцу. Рисунок 1687 года.

имеют одинаковое происхождение. Дает он ответ и на то, как возникает электричество. Благодаря борьбе холода с теплом. Сирано образно описывает борьбу «огненного» и «ледяного» зверя. «Каждый удар, который наносят они друг другу, порождает удар грома».

Борьба тепла с холодом, энергия как функция разности температур, постепенное уменьшение этой разности и в конце концов победа холода. Не в этом ли состоит основной принцип термодинамики, числовое выражение которого почти лишь через два столетия определил Карно?

Как-то листая книгу писательницы-гуманистки Марии де Гурне (она являлась названной дочерью Монтеня и была современницей Сирано), он отметил для себя место, где говорилось о миссии поэта: открывать перед читателем новые перспективы, неведомые дали, прозревать будущее. Слова запали в памяти. Для того чтобы вонзать в современников «кинжалы новых мыслей», надо было быть

решительным и смелым. Сирано сквозь годы отважно прозревал будущее, отстаивал право поэта объяснять тайны Вселенной.

В книге «Фантастическое зеркало» современный американский писатель Бенджамин Аппел, рассказывая историю жанра научной фантастики, поверяет «выдумки» прошлого нынешними научными открытиями. И мы видим, как многое из того, что несколько веков назад казалось смелым вымыслом, сегодня оказывается гениальным предвидением. «Подобно необыкновенному зеркалу,— пишет Бенджамин Аппел,— научная фантастика отражает и увеличивает то, что человек сумел достигнуть и что он достигнет в будущем».

В фантазиях Сирано де Бержерака находил отражение изобретательский дух эпохи — времени многих замечательных открытий в физике, математике, механике: в них живет великая вера в человеческий разум, идея неисчерпаемости человеческих возможностей, вера в грядущий научно-технический прогресс.

К счастью для Сирано, рукопись его космического романа была известна немногим. Будь она издана при жизни писателя, трудно сказать, что ожидало бы вольнодумца: тюрьма или костер. Впрочем, святые отцы, внимательно следившие за творчеством опасного литератора, были осведомлены о труде Сирано. В их руках несомненно побывали ходившие по Парижу рукописные отрывки его книги.

На что мог рассчитывать богоборец, дерзнувший бросить вызов всесильной церкви, бунтарь, вознамерившийся, говоря словами Данте, «неугодным правдам поучать»?

* * *

Как ни противился, как ни сопротивлялся Сирано, все же пришлось ему искать знатного покровителя. Пошел он на этот унизительный шаг исключительно под давлением обстоятельств.

Со смертью отца кончилась последняя поддержка. Нужда стала неизменным спутником, преследовала. Прогрессировала болезнь. Вот тогда-то Сирано и решился изменить себе и выбрать покровителя. Решился на зависимость.

Скрепя сердце, преодолев, как говорит его друг Лебре, «великую любовь к свободе», он посвящает свои сочинения герцогу д'Арпажону, который был способен лишь на то, чтобы запоминать их названия. И вскоре непризнанный поэт переезжает в аристократический квартал Марэ во дворец герцога. Под его кровом живет и кормится.

Казалось, наконец-то фортуна улыбнулась ему. (К этому времени были опубликованы и некоторые из его старых произведе-

ний.) Надо было быть благоразумным, жить, как все, оставить браваду, угождать — и спокойная, сытая жизнь обеспечена.

Но Сирано не смог быть «благоразумным».

К этому времени он закончил трагедию «Смерть Агриппины». Театр «Бургундский отель» принял ее к постановке. Автор готов был ликовать: теперь он добьется признания.

Но торжествовать было рано. Слава лишь поманила. Сирано мог в конце концов изменить себе, обуздать свой нрав, но изменить таланту было не в его власти.

Новая пьеса была сочинением политическим. И хотя в ней, по мнению Лебре, были самые поэтические выражения, роли прекрасны, чувства римские по мощи, и в целом пьеса могла считаться «образцом драматической поэмы», она содержала прямые выпады против религии. Сирано оставался верен себе.

В основу сюжета своей трагедии, написанной в стихах, Сирано положил эпизод времени правления римского императора Тиберия.

Когда в Сирии во время похода умер, а скорее всего был (по приказу Тиберия) отравлен его племянник, популярный полководец Германик, сенаторы, противники императора, стали демонстративно выражать сочувствие его вдове Агриппине. Это не понравилось подозрительному и мстительному Тиберию. Агриппину, мать девяти детей, не скрывающую своего отношения к тирану, сослали на остров Пандатерию. Здесь она и погибла от голодной смерти в 33 году нашей эры. Жестоко расправился Тиберий и с другими оппозиционерами. Погубил он и двух сыновей Германика. В этом ему помогал префект преторианской гвардии Элий Сеян, которого Тиберий приблизил к себе.

Постепенно Сеян приобрел исключительное влияние при дворе. Ему воздавались царские почести. День его рождения стал официальным праздником. Во многих местах были установлены золоченые статуи временщика, которым поклонялись.

Но обуреваемому честолюбивыми помыслами Сеяну этого казалось мало. Он замыслил переворот, благо дряхлый император пребывал вдали от Рима на острове Капри.

Заговор тем не менее был раскрыт. Сеяна казнили — он был тайно задушен в темнице. Жестоко поплатились и все его сообщники.

Под пером Сирано заговорщик приобрел несколько иной вид. Автор, отнюдь не следуя в точности за историческими фактами, изобразил Сеяна смелым мыслителем, политическим бунтарем, этаким «солдатом-философом», как называет его один из персонажей. В пространных монологах Сеян проповедует свои атеистические взгляды, выступает против богов, «которых создал человек, но которые не создали человека». В пьесе осуждался деспотизм,

изображались мрачные картины интриг и злодеяний, совершающихся при дворе.

Наступил день долгожданной премьеры. На представление прибыл сам кардинал Мазарини.

Бледный от волнения Сирано укрылся за портьерой в ложе.

Поначалу, казалось, все идет хорошо. Но уже то, как настороженно публика встретила первый монолог Сеяна, заставило опасаться за прием спектакля.

Скоро стало ясно, что в зале присутствует большая группа недоброжелателей автора. Видимо, кто-то специально нанял этих людей, чтобы сорвать представление и свести счеты с Сирано.

В третьем акте, когда Сеян произнес слова о том, что он принял решение и готов убить тирана, в публике, которая, по словам Т. Готье, состояла в основном из «бакалейщиков», поднялся свист. Раздались крики: «негодяй». Пришлось опустить занавес. Это был провал.

Сирано оставалось одно — мужаться. Ибо только мужество, как учил один из любимых его авторов — Демокрит, делает ничтожными удары судьбы. А их становилось все больше.

За провалом спектакля последовало запрещение пьесы церковью. Кардинал Мазарини заявил, что это опасное еретическое сочинение, содержащее нежелательные намеки и сатиру.

Не удивительно, что покровитель Сирано, давно уже тяготившийся больным, раздражительным и капризным поэтом, не чаял избавиться от своего подопечного, ставшего для всех притчей во языцех. Не упустил случая в этот момент нанести новый удар и старый враг Скаррон. В комедии «Дон Яфет армянский» он изобразил тщеславного, высокомерного дворянина, одержимого манией величия, явно намекая тем самым на амбицию Сирано и его претензии «казаться большим вельможей».

Неизвестно, чем бы кончилась для Сирано история с его пьесой. Вполне могло дойти до суда и даже до тюрьмы. Но все случилось по-иному.

Однажды вечером освистанный поэт брел во дворец своего покровителя. Когда он проходил мимо одного из особняков квартала Марэ, с крыши на него упала балка.

Была ли это случайность? Или преднамеренное убийство?

Такова последняя загадка короткой жизни неудачника Сирано де Бержерака.

Впрочем, так ли уж загадочна его гибель? Вскоре после этого случая разнесся слух, что таким способом иезуиты свели, наконец, счеты с ненавистным им атеистом и бунтарем. Да и сам Сирано, умирая, в полубреду, обвинял в своей смерти именно их — отцов-иезуитов. И был, видимо, прав.

Таким методом — убийство из-за угла — церковь часто расправлялась со своими противниками и врагами. Тех, кого не удавалось убрать с помощью «несчастного случая», подстерегала чаша с ядом.

Разве не таинственно завершилась жизнь великого Мольера? Недаром Лагранж, актер его труппы, отметил в своем знаменитом «Регистре» — одном из немногих достоверных источников сведений о комедиографе: «о его смерти толковали разное». Обстоятельства и причина кончины создателя «Дон-Жуана» и «Тартюфа» — комедий, разящих святош-рясоносцев, и по сей день не вполне ясны.

Известно, что и у Мольера было немало заклятых врагов. Один из них, самый свирепый, некий Борбье д'Окур, скрывшись под псевдонимом Рошмон, требовал в своих статьях вскоре после премьеры «Дон-Жуана» сожжения на костре создателя «богохульной» пьесы. Он обвинял автора комедии в том, что тот «смеется над религией и проповедует вольномыслие». И напоминал, что римский император Август казнил шута, насмехавшегося над богом Юпитером, а император Феодосий писателей, подобных Мольеру, бросал на растерзание зверям.

Призыв расправиться с драматургом-атеистом не пропал даром. Так, по крайней мере, считает известный современный французский режиссер Жан Мейер. В своей книге «Мольер» он высказывает предположение о том, что великий драматург и актер погиб насильственной смертью — он был отравлен. Вот почему, мол, современники и «толковали разное» о его смерти.

Как не могли простить Мольеру вольнодумства и насмешек над церковниками, так не простили этого и его литературному собрату Сирано де Бержераку.

За свою жизнь он претерпел немало ударов от своих врагов. Однако главными и самыми опасными оказались не те, что встречались с ним лицом к лицу со шпагой в руке. А те, лица которых скрывал монашеский капюшон и которые предпочитали действовать из-за угла. Они и нанесли последний злодейский удар.

Всю жизнь терпел лишенья я,
Мне все не удалось — и даже смерть моя!

И Эдмон Ростан прав. Исторический прототип его героя прожил трудную и короткую жизнь: Сирано умер тридцати шести лет в 1655 году. Он был бунтарем-одиночкой, трагической фигурой, одним из тех, по словам М. Горького, «немногих, но всегда глубоко несчастных людей, на долю которых выпадает высокая честь быть лучше и умнее своих современников».

Такова нередко бывала участь тех, кто шел впереди века, прокладывал новые пути, был первооткрывателем в литературе. Они часто оставались непонятыми и неоцененными. Умирали в безвестности.

И лишь века спустя возвращались к потомкам, встречаясь с ними на страницах своих непризнанных при жизни творений.

Безвестным умер и Сирано де Бержерак. На его надгробии не высекли похвальных слов и лестных фраз. Враги, ликуя, полагали, что «демон храбрости» побежден навсегда и сама память о нем безвозвратно канет в Лету — реку забвения. Прошло время — самый строгий судья. Оно не оправдало их надежд. Книга неудачника и мечтателя о путешествии в Иной свет стоит ныне в ряду шедевров мировой литературы. Творчество Сирано де Бержерака оказало влияние на развитие философской повести. Но не меньшее, а пожалуй, гораздо большее влияние Сирано де Бержерака на научно-фантастический роман.

Сегодня мы, люди эпохи полетов в космос, которую провидел мятежный поэт, вспоминаем о нем с восхищением и гордостью. Но и с болью за его несчастную судьбу. И высекаем на его могильном памятнике слова Эдмона Ростана:

...Здесь похоронен поэт, бреттер, философ,
Не разрешивший жизненных вопросов;
Воздухоплаватель и физик, музыкант,
Непризнанный талант,
Всю жизнь судьбой гонимый злобной;
Любовник неудачный и бедняк —
Ну, словом, Сирано де Бержерак.

РАЗБОЙНИК ХИЗЕЛЬ ПРИНИМАЕТ ОБЛИК КАРЛА МООРА

Шиллер написал «Разбойников», где воспел благородство молодого человека, открыто объявившего войну всему обществу.

Ф. Энгельс



Возвратившись после утреннего обхода лазарета, полковой медик Фридрих Шиллер начал упаковывать вещи. Отбирал лишь самое необходимое, остальное приходилось бросать здесь, в штутгартской квартире на Малом Рве. Особенно жаль было расставаться с книгами. Но с Шекспиром и томиком од Клопштока так и не смог разлучиться. И как ни тесен был его скромный дорожный саквояж, для них там все же нашлось место.

К вечеру все было уложено. Наступила очередь сбросить опостылевший мундир фельдшера — неуклюжий, довольно странный наряд, абсолютно непригодный для жизни, сковывавший не только движения, но, казалось, и сам дух был в его плену. Как давно мечтал он освободиться от этого облачения, леденящего душу, сколько вытерпел и перенес наказаний из-за того, что часто форма бывала надета на нем не по инструкции.

Теперь, в обычном одеянии, его трудно было узнать. Ведь никто никогда не видел полкового медика в штатском. Год назад при назначении в гренадерский полк лекарем (без темляка — офицерского отличия) с нищенским окладом 18 гульденов в месяц генерал Оже передал ему августейшее повеление: «без права заниматься частной практикой и носить партикулярное платье».

Вещи погрузили на повозку, и лошади тронулись. Жребий был брошен. Как поется в народной песенке: «Прости-прощай, разлю-

безный швабский край!» Путь его лежал к границе, в чужие земли.

Беглец благополучно проехал по примолкшим почным улицам. Миновал Эслингенские ворота. Вот и поворот на Людвигсбург — зимнюю резиденцию, построенную в начале века герцогом Эбергардом Людвигом.

Лошади медленно поднялись в гору. Это был знаменитый Тунценгофский холм — лобное место города Штутгарта. До сих пор на нем сохранялись остатки железной виселицы, на которой лет сорок назад повесили придворного финансиста еврея Зюсса. История эта была широко известна в стране. Однажды, еще ребенком, проезжая мимо этого странного железного сооружения, воздвигнутого чуть ли не два столетия назад, он спросил отца: «Это мышеловка?» И в ответ услышал рассказ о бедном Зюссе. О том, как зимним февральским днем везли его под конвоем на повозке через весь город к лобному месту, одетого в ярко-пунцовый кафтан, как сверкал, словно слеза, на его пальце огромный бриллиант. И как совершалась казнь при стечении несметного числа людей, глазевших на смертника, будто он невиданное чудовище. Его повесили особым способом — в специальной клетке. «Такая кара уготована всем государственным преступникам и разбойникам, скрывающимся в дремучем лесу»,— при этих словах отца маленький Фридрих весь съежился. Он представил грозную шайку душегубов, прячущихся в непроходимой чащобе. Это про них говорилось в песенке, что живут они в дремучем лесу, питаются кровавой колбасой и запивают ее кровью.

«Мышеловки», а вернее сказать, «смертельные капканы» во множестве попадались близ городов и селений, были их неизменными спутниками. Недаром говорилось, что дороги в Вюртемберге по обеим сторонам обсажены виселицами, словно тутовыми деревьями.

Всякий раз при виде этого орудия казни ему вспоминался рассказ отца: людская толпа, повозка смертников, пунцовый кафтан и клетка с человеком...

Внезапно небо над лесом озарилось ярким светом. Это было зарево от иллюминации в герцогской летней резиденции Солитюде. Замок, сиявший огнями, парк, виноградники были прекрасно видны. Причем настолько, что Фридрих без труда различил крышу флигеля, где жили его старики.

Сердце сжалось при мысли, что своим поступком он навлечет немилость герцога на родительский дом. И мысленно — в который раз — попросил прощения у матушки и отца, служившего в замке лесничим.

Фридрих явственно представил себе придворный сброд, веселившийся в замке, этих пресмыкающихся, разряженных в шелковые

кафтаны и расшитые золотом мундиры, эти лица, полные спеси, чванства, угодничества и тупости.

В такой момент можно было не опасаться преследования. Мстительный Карл Евгений и думать не думал о каком-то строптивом лекаришке, судьбу которого он мог решить одним словом: в крепость! Фридрих невольно оглянулся. Вдали, на западе, в предрассветной мгле проступали очертания крепости Асперг.

Еще недавно он мог оказаться в ее казематах. Теперь же тиран был ему не страшен. Скоро он, Шиллер, отпразднует свой праздник — обретение свободы.



С тоской покидал он древнюю вюртембергскую землю. На юге и западе ее просторы раскинулись в предгорьях Шварцвальда. На востоке, словно гигантский забор, высились Швабские Альпы. С севера наступал знаменитый Вельцгеймерский лес. Среди этих естественных преград лежит прекрасная долина, которую прорезает, живописно извиваясь, Неккар. Вырвавшись из мрачного Шварцвальда, река как бы отдыхает после утомительной борьбы с горными породами. Течение ее, сохраняя внутреннюю силу, выглядит спокойным и умиротворенным. Она будто любуется покрытыми кудрявой зеленью холмами, залитыми солнцем виноградниками, полями золотистой ржи и плодовыми садами. На ее берегах в маленьком городке Марбахе, в низеньком домике, украшенном вывеской пекаря, в 1759 году родился Фридрих Шиллер.

Издревле на этой земле жил работящий народ, крепкий и выносливый, добрый и бесхитростный, в равной мере наделенный юмором и здравым смыслом.

Если бы не рост (Шиллер считался самым высоким в Штутгарте), то его портрет можно было бы выдать за типичный для шваба. Открытое, чуть простодушное на длинной шее лицо в веснушках. Высокий лоб венчала темно-рыжая шевелюра. Нос тонкий, немного заостренный. Под сросшимися бровями глубоко впавшие голубые глаза.

Впрочем, типичной у него была не только внешность. И характером он являл собой национальный образец: сдержанный и порывистый; веселый и мрачный; неловкий и бойкий; фантазер и реалист.

В одном он не желал походить на своих соотечественников: жить в стране-клетке, терпеть тиранию, покорно и раболепно служить деспоту. Обидно было слышать, когда про вюртембержцев говорили, что они народ покладистый: послушны законам и государям верны. Он решительно отказывался признавать эти качества



Шиллер-студент.

добродетелью. Верил, что настанет конец терпению вюртембержцев. Да и не только их. А всей Швабии — едва ли не самого прекрасного, но и самого нищего и отсталого края Германии, состоявшего почти из ста карликовых государств. О том, что они собой представляют, каков в них образ жизни и правления, Шиллер подробно узнал из одной крамольной книжки. Называлась она «Ансельмус Рабиозус, путешествие по Верхней Германии». Имя автора отсутствовало. Осторожность его была понятной. Картины повсеместного разорения, нищеты, произвола и невежества, нарисованные автором, приводили в ужас. Его острое, правдивое перо открыло глаза многим.

Раньше думали так: наша жизнь куда как плоха, но не может быть, чтобы и в других местах, у соседей, она столь же скверная. А оказалось, что болезнь с одинаковой закономерностью поразила всю округу. Она охватила всю Швабию, все 97 государств-карликов: в том числе 4 владения высшего духовенства и 14 светских княжеств, 25 графств и 20 аббатств, не считая имений, владений имперских рыцарей и многие другие.

Причина недугов герцогства Вюртембергского, одного из крупнейших в Швабии — в нем проживало около полумиллиона человек,— как и остальных владений, состояла в бессовестной и жестокой эксплуатации крестьян, ремесленников и бюргеров, в непо-

сильных расходах, которые шли на содержание двора и увеселения деспота.

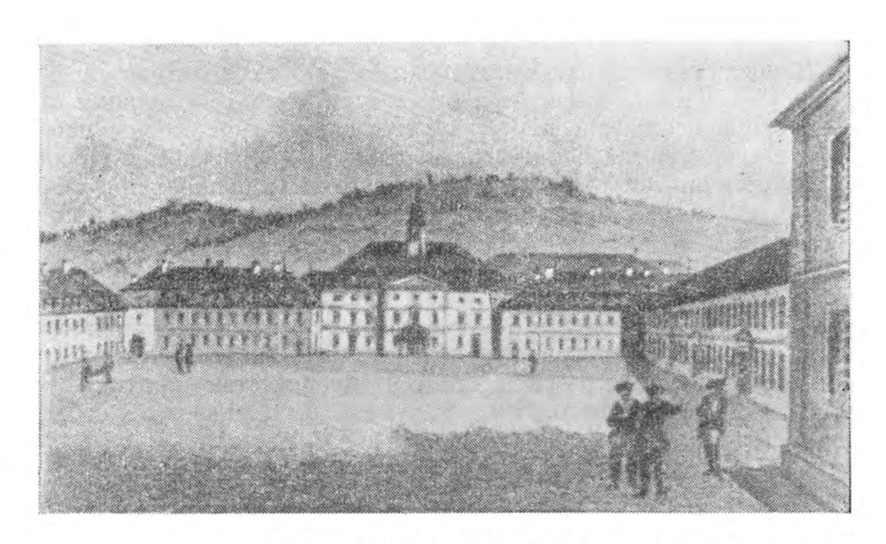
Карл Евгений, божьей милостью герцог Вюртембергский, старший сын Карла Александра, правление которого так ярко описано Л. Фейхтвангером в романе «Еврей Зюсс», блистательно продолжая политику своего родителя, почти полвека обирал страну, пока не довел ее до полного экономического краха. Жизнь и положение соотечественников его мало занимали. Свой народ он рассматривал как собственность. И, явно подражая французскому кумиру, заявил однажды: «Что такое отечество? Отечество — это я!»

Приняв личину просвещенного монарха, провозгласив эру счастливого правления, этот деспот учредил военную школу. Вначале она называлась «Военным питомником». Вскоре, однако, тщеславный герцог, льстивший себя надеждой прослыть образцовым правителем в глазах Европы, переименовал школу в Карлову академию — «Карлсшуле».

В ее тесном и душном, как гроб, мирке оказался и тринадцатилетний Шиллер. Навсегда запомнил он тот день, когда переступил порог «Карлсшуле», которую справедливо окрестили «питомником рабов».

Как ни старался герцог наглухо изолировать своих подопечных в академии-казарме, ветры эпохи проникали сквозь ее стены. Молодежь зачитывалась запрещенной литературой, горячо обсуждала политические события в стране и за рубежом, ухитрялась вслух декламировать вольнолюбивые стихи. Молодые головы хмелели от свободолюбивых призывов героев книг: на борьбу с произволом звала тираноборческая поэзия Шубарта — несчастного узника крепости Асперг, смелое перо которого пришлось не по вкусу герцогу; лессинговская «Эмилия Галотти» и гетевский «Гец фон Берлихинген», где в драматической форме, говоря словами Ф. Энгельса, отдана дань уважения памяти мятежника. Идеалом для многих становятся герои «мятежного женевца» Жан-Жака Руссо, и первым из них — Сен-Пре из «Новой Элоизы», страстный мечтатель-разночинец, враг неравенства и несправедливости. Плутарх вызывает перед ними тени героев древности — великих мужей и народных трибунов. Привлекает и драма Клингера «Буря и натиск», давшая название целому литературному движению той эпохи. Точнее говоря, литературным оно было лишь по форме. На деле же, отражая бурные процессы, происходившие в стране — борьбу за национальное единство и демократизацию Германии, это движение носило антифеодальный характер.

Но, пожалуй, больше других увлекают патриотические стихи Клопштока. Ему подражают, его цитируют. И вслед за поэтом



Здесь, в «Карлсшуле», Шиллер писал «Разбойников».

предсказывают: «вольной, Германия, верю, ты станешь однажды», и надеются, что «право рассудка восторжествует над правом меча».

Горячим поклонником поэта был и молодой Шиллер. Под его влиянием он делает свои первые шаги в сочинительстве. Пишет трагедию о нассауском студенте, кончающем, по примеру гетевского Вертера, жизнь самоубийством. Создает трагедию на историческую тему «Козимо Медичи». Это начальные опыты, до нас не дошедшие. Известно лишь, что карлсшулеры, друзья поэта, с восторгом воспринимали юношеские творения своего товарища. «Тяга к поэзии,— признавался позже Шиллер,— оскорбляла законы заведения, где я воспитывался, и противоречила замыслам его основателя. Восемь лет боролось мое одушевление с военным порядком». Но, продолжал поэт, «страсть к поэзии пламенна и сильна, как первая любовь».

Привил ему страсть к поэзии преподаватель Якоб Абель, которому он посвятит потом свою трагедию «Фиеско».

От этого молодого профессора Шиллер впервые услышал и о Шекспире. Впрочем, не только услышал, но и получил томик сочинений великого англичанина, чье имя в то время было еще сравнительно ново в Германии. С тех пор гений Шекспира вытеснил всех иных поэтов из сердца Фридриха. Отныне его тайная мечта — достичь таких же вершин поэзии.

Вопреки законам заведения и замыслам его основателя, преодолевая бессердечное, бесссмысленное воспитание, тормозившее прекрасное движение зарождающихся чувств, молодой Шиллер набрасывает свои первые поэтические опыты. В «Швабском журнале» появляется его стихотворение, из осторожности подписанное одной буквой «Ш». В нем еще немало неясных выражений и излишней метафоричности, но его уже заметила критика. И даже предсказывает, что автор «еще прославит свое отечество». Но пока что опубликованные стихи, как и те, что существуют в рукописи, лишь робкие начальные шаги его Пегаса. Еще не выбит его копытом из земли источник Иппокрена — источник подлинного вдохновения, в результате которого осуществится пророчество критика. Но ждать осталось недолго. Уже задуман, вынашивается, не дает спать замысел «драматического романа». Так называет он трагедию, над которой работает, ибо пока что и не помышляет о ее сценическом воплощении.

«Злополучное начало жизни», как он сам говорил, не смогло погасить юношеский задор, пылкий, свободолюбивый дух, не подавило неукротимую фантазию.

Днем ему запрещают прикасаться к перу — это грозит карцером. Тогда он сказывается больным. В лазарете круглую ночь горит лампа. И можно без опаски писать. Это не просто — ночи напролет не выпускать пера из рук. Но молодой организм пока что легко переносит перегрузку. С годами ему придется поддерживать эту привычку, выработанную под давлением обстоятельств, с помощью крепкого кофе и рюмки ликера: он засыпал под утро и вставал лишь к середине дня.

В эти ночные минуты вдохновения он весь преображался, его трудно было узнать. Глаза горели, волосы были растрепаны. Как и его герой, он становился грозным мстителем, обличал тиранов, боролся со злом.

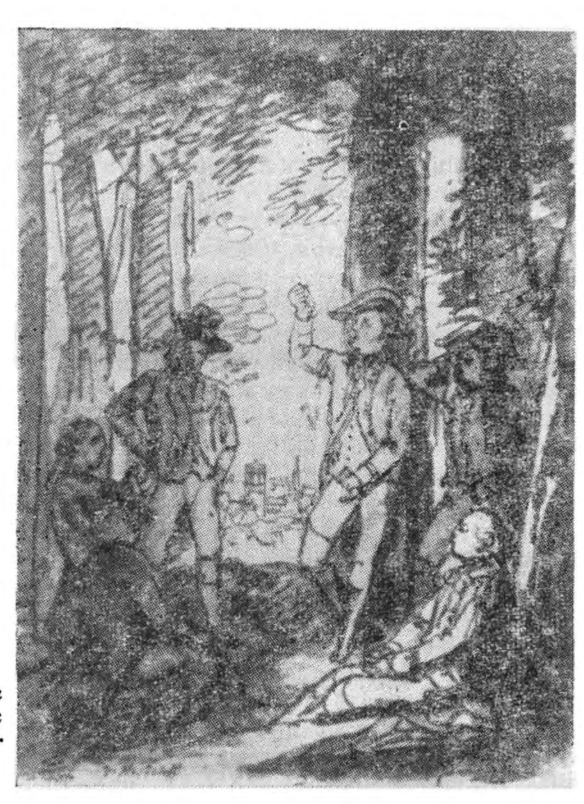
Думал ли поэт, что в эти мгновения рождается великое произведение, и его друзья смогут воскликнуть: «славы сорвал ты звезду...»

Трудно ответить на этот вопрос. Но то, что его творение будет сожжено рукой палача, в этом поэт не сомневался.

Однажды воскресным майским утром 1779 года группа воспитанников академии отправилась на прогулку за город. Путь их лежал мимо виноградников к холмам, покрытым лесом.

Здесь шестеро друзей, договорившись заранее, отделились от остальных, разбрелись в разные стороны, а затем встретились в назначенном уединенном месте.

Одни улеглись на траве, другие расположились на стволе поваленного дерева. Шиллер занял центральное место в этой группе —



Шиллер читает друзьям свою пьесу. Рисунок участника «сходки» Гайделоффа.

па корнях огромной сосны. План сходки был известен каждому. Поэтому лишних слов не произносили. Ожидающе смотрели на Фридриха. Тот не спеша извлек из кармана страницы рукописи, покрытые витиеватым почерком, тем самым, которым потом так восхищался Гете, считавший его смелым и красивым.

Голос автора рукописи чуть дрогнул, когда он произнес название произведения, которое собирался прочитать,— «Разбойники».

Начал он тихо, сдержанно, произнося слова с заметным грубоватым швабским акцентом, характерным для крестьян: постепенно воодушевлялся, нескладно жестикулируя длинными руками и часто мигая глазами. Как актер — все это знали — он явно не блистал способностями. Выступая в театральных постановках, разыгрываемых в академии, Шиллер частенько в самых драматических местах вызывал у зрителей смех. Впрочем, сам он верил в свой актерский талант и одно время даже помышлял о сценической карьере.

Однако в тот день, в лесу, главное состояло не в том — как, а что читал воспитанник Шиллер своим однокашникам.

Несколько лет назад, года два-три, тезка и соученик Фридрих Ховен, с которым он прошел в академии «все ступени духовных испытаний», обратил его внимание на небольшую вещицу, опубликованную в «Швабском журнале». Рассказ назывался «Из истории человеческого сердца» и принадлежал перу тогда еще пребывавшего на свободе Шубарта. Повесть, почерпнутая, как сообщал автор, из самых достоверных источников, говорила о судьбе двух братьев — Карле, натуре живой, увлекающейся, неспособной на притворство, и Вильгельме — послушном сыне, прилежном ученике, набожном и бережливом. Но это внешнее проявление характеров. Подлинная их суть обнаруживается по мере развития действия. С помощью обмана и подлога Вильгельм ссорит Карла с отцом, который изгоняет сына и обрекает его на скитания. После этого коварный Вильгельм решает покончить с родителем и завладеть его имуществом. Подосланные им бандиты нападают в лесу на отца. И только вмешательство случайно оказавшегося рядом Карла, выдающего себя за батрака-лесоруба Ганса, избавляет старика от гибели. Отец узнает страшную правду о своих сыновьях, прощает любящего Карла и, по его просьбе, клеветника Вильгельма.

Сам Шубарт считал, что его маленькая повесть — это лишь эскиз к большому роману или драме. И предлагал воспользоваться ею «любому гению» для более развернутого повествования. Шиллер решил принять это предложение.

Первую попытку развить сюжет, предложенный Шубартом, о двух враждующих братьях он предпринял в исторической драме «Козимо Медичи». Но это было произведение на историческую тему. Ему же хотелось, следуя совету Шубарта, нарисовать картины современности. Для этого требовался конкретный жизненный материал. Просто выдумывать «из головы» — он не умел. Вдохновение посещало его, когда в руках имелся факт, способный пробудить воображение. Тогда-то и начиналось взаимопроникновение сущего и выдуманного.

Какие же факты помогли Шиллеру нарисовать задуманную им картину современности? Какой жизненный материал стал вдохновителем его воображения?



Дух мятежа бродит по всей земле. И, возможно, прав Жан-Жак Руссо, утверждая, что приближается решительный перелом, что «мы подходим к веку революций».

В самом деле, что происходило в Богемии? Более 50 тысяч сол-

дат были брошены на то, чтобы усмирить недавний мятеж. Но хотя крестьянская война потоплена в крови и, как сообщал Шубарт в своем журнале «Немецкая хроника», Прага окружена виселицами, на которых охлаждается пыл вожаков, многие не сложили оружия, ушли в леса.

Та же «Немецкая хроника» писала о бурных событиях, разыгравшихся в далекой России. И здесь мятеж охватил бедноту, которую возглавил Пугачев. Даже во Францию — этот счастливый край — проник бунтарский дух. В городах и провинции брожение, ропот, беспорядки.

И только немцы выгодно отличаются от других тем, что всегда довольны своими правителями. История движется по германской земле слишком сонным шагом. Дух свободолюбия угас. Торжествует дух рабства.

И все же, вопреки тирании, и здесь вспыхивают искры мятежа. Иногда им удается прорваться наружу сквозь трещины в твердой почве. Сила их не велика, они быстро гаснут, рассеянные холодным ветром. Но они существуют. И тот, кто умеет видеть, обязательно их приметит.

Что подразумевали современники Шиллера под искрами протеста? Чью месть имел в виду поэт, когда в юношеских стихах предупреждал:

Сквозь камзолы, сквозь стальные латы —
Все равно! — пробьет, пронзит стрела расплаты
Хладные сердца!

...Их было много — лесных братьев, справедливых и отважных.

Наиболее популярен из них, причем едва ли не самый древний «по рождению», бессмертный англичанин Робин Гуд. В Словакии бился за правду юнак Яношек и его удальцы Угорчик, Суровец, Ильчик. Итальянцы чтят Фра Дьяволо (подлинное его имя Микель Нецца). Любимцем японцев издавна являлся Исикава Гоэмон, защитник слабых,— он вошел в фольклор и драматургию; в Китае с давних времен известен бесстрашный Дао Чже, совершавший дерзкие набеги на земли князей. Французы славят капитана контрабандистов лихого парня Мандрена, воевавшего со сборщиками податей; венгры воспевают бетьяра — «доброго разбойника» Зельда Марци. Защитником закарпатских крестьян стал Олекса Довбуш. В Силезии — гайдук Новак. На севере Германии в XIV веке наводил страх на купцов и богатеев знаменитый Клаус Штертебекер.

Образ честного человека, ставшего разбойником, чтобы быть социальным мстителем, издавна живет в народном фольклоре, известен он и по многим литературным произведениям.

На страницах книг он возникал как эхо действительных событий. Таков, к примеру, Ринальдо Ринальдини. Похождениями смелого и великодушного, дерзкого и благородного Ринальдо зачитывались не только немецкие барышни, но и солидные бюргеры. Многочисленное племя «разбойничьих» романов об этом атамане, созданных писателем Вульпиусом в конце XVIII века, буквально поглощалось читающей публикой. Смельчак, творящий праведный суд, мстящий за народное горе, враг князей и духовенства, владел, как отмечал В. Белинский, вниманием и русского читателя. Помните, как удалой Ринальдо одновременно восхищал и приводил в трепет Анну Григорьевну — гоголевскую даму, приятную во всех отношениях. Имя его мелькает и на страницах пушкинской повести «Дубровский», где князь Верейский сравнивает ее героя с немецким разбойником. Впрочем, у русского атамана были свои отечественные, вполне реальные прототипы. Достаточно обратиться к случаю с молодым белорусским помещиком Павлом Островским. Его история во многом схожа с тем, что произошло с Дубровским. Как и пушкинский герой, Островский вступил в борьбу с властями, был объявлен мятежником, затем арестован и посажен в острог. В его судьбе, как и Троекуров в судьбе Дубровского, сыграл неблаговидную роль богатый помещик Помарнацкий. Архивные материалы, найденные в наши дни, рассказывают, что как раз тогда, когда Пушкин работал над своей повестью, молодой человек бежал из-под стражи и разыскивался царской полицией. Фантазию писателя питала реальная жизнь.

Так же, как питала она и Сервантеса, когда он, работая над «Дон-Кихотом», создавал образ «почтенного разбойника» Рока Гинарта; и Вальтера Скотта, рассказывающего в одном из своих лучших романов о Роб Рое — мятежнике Горной Страны; и Шарля Нодье, описавшего в романе «Жан Сбогар» приключения таинственного мстителя, которыми так зачитывалась пушкинская Татьяна; и Н. А. Некрасова, нарисовавшего в последней части поэмы «Кому на Руси жить хорошо» образ легендарного Кудеяр-атамана, умеющего постоять за народ.

Следы тех, кто послужил прототипами этих «литературных разбойников», не трудно отыскать в действительности.

Удалые молодцы, «вольные стрелки» воспевались в песнях, сказаниях и книгах, как враги богачей и друзья бедноты, как люди сильные и смелые духом, презирающие богатство и власть. Образ стихийного бунтаря народ связывал с надеждой на возмездие, на то, что зло будет наказано.

Как гром среди ясного неба, Шиллера поразило известие о том, что в соседней Баварии раскрыта разбойничья вольница. Около тысячи стрелков скрывалось в лесу. Целая армия недовольных.

Они стихийно избрали разбойничество — особую форму протеста против гнета и притеснения.

Имена главарей «лесных братьев» у всех на устах. Особенно популярны были двое — удалые атаманы Фридрих Шван по прозвищу Зонненвирт — «Хозяин Солнца» и Матиас Клостермайер, по кличке Баварский Хизель. Не этих ли удальцов имел в виду поэт, когда предупреждал в стихах о грядущем часе расплаты с камзолами и стальными латами?

О знаменитом Зонненвирте впервые Шиллер услышал еще в детстве. Дерзкий и смелый разбойник орудовал в окрестностях Гмюнда — города, где одно время проживала семья поэта. Отец Фридриха служил лесничим. Народ ненавидел их за то, что они рьяно охраняли герцогских кабанов и зайцев, словно саранча, разорявших поля и вытаптывавших посевы. Опасаясь сурового закона и стоящих на его страже лесничих, сами крестьяне не осмеливались истреблять эту «аристократическую живность» — убившего дикую козу, которая стоила всего один талер, ждала каторга или смерть. Но поддерживали каждого, считая его своим защитником, кто отваживался со шпицером в руках выйти в лес и охотиться на неприкосновенную дичь. Народный заступник представлялся маленькому Фридриху, как пелось в песенке о разбойниках,— до крови людской охочим живодером. Это из-за него мальчику запрещалось ходить в лес гулять. Потом он узнал настоящее имя разбойника. Слышал песни и легенды о подвигах атамана. Особенно заинтересовали они молодого Шиллера во время работы над «Разбойниками». Жизнь смельчака, его протест и неравная борьба, то, как он был схвачен и казнен тридцати одного года, захватили его.

Ответ на интересующие вопросы он находил у своего учителя Якоба Абеля. Случилось так, что отец этого преподавателя вел следствие по делу Зонненвирта. Мало того, уже тогда старший Абель работал над психологическим этюдом — биографией разбойника, позже напечатанной в журнале «Талия» под названием «История одного разбойника». И ученик часто выспрашивал своего учителя о подробностях жизни и смерти дерзкого бунтаря.

А еще позже, уже после того, как драма Шиллера будет напечатана, он же расскажет историю Зонненвирта в небольшой новелле «Преступник из-за потерянной чести», подчеркнув в подзаголовке к ней, что это «истинное происшествие». И хотя место действия в повести не обозначено, видимо из-за цензурных соображений, всем было ясно, что «истинное происшествие» случилось на вюртембергской земле, которую «можно было отнести в ту пору еще меньше, чем теперь, к просвещенной Германии». Автора возмущают уродливые, жестокие законы, когда «за то, что ты под-

стрелил несколько кабанов, которым князь дает жиреть на наших пашнях и лугах, они затаскали тебя по тюрьмам и крепостям, отняли дом и трактир, сделали тебя нищим». Человек стоит не больше зайца, и бедняки «не лучше скотины в поле»,— заключал Шиллер.

За браконьерство на спине Христиана Вольфа — героя повести — выжгли знак виселицы. Ему пришлось переступить порог крепости. Наказание явно не соответствует проступку. Судьи заглянули в книгу законов, но ни один не заглянул в душу обвиняемого. Известно — каторжников создает каторга. Вольф озлобился, видел в себе мученика «за естественное право», считал себя жертвой на заклание закону.

Но вот вольный ветер, наконец, снова ударил ему в лицо. Каторга осталась позади. Увы, впереди его никто уже не ждал. Мать умерла, невеста изменила, дом забрали кредиторы. Ждал его один только лес. Здесь он и нашел себе приют — стал предводителем шайки. О нем ходили самые невероятные слухи. Говорили, будто он заключил союз с дьяволом и владеет искусством колдовства. Внезапно его начинает мучить раскаяние, и он отдает себя в руки властей.

Подвиги Зонненвирта долго сохранялись в памяти людей. И еще сто лет спустя, в 1854 году, писатель Герман Курц обратился к этому образу и сделал его героем своей книги «Хозяин Солнца» — одного из лучших немецких исторических романов.

Не меньшей, а, пожалуй, даже большей популярностью пользовался другой «благородный разбойник» — Баварский Хизель. И ему посвящали книги, лубочные биографии рисовали образ бунтаря и заступника бедняков, народные пьесы и кукольные комедии прославляли борьбу «вольных людей» во главе с атаманом против угнетателей.

Во всей Баварии и Швабии не было стрелка лучше Хизеля. С юных лет тайком промышлял он в лесу. Охота стала не только средством существования, но и его страстью. Егеря и лесничие задумали изловить ловкого парня на месте преступления. Но сделать это никак не удавалось. Тогда решили отдать его в руки вербовщиков рекрутов. И этот план сорвался: Хизель бросился в реку, несмотря на апрельскую стужу, переплыл на другой берег и скрылся в лесу. Однако тюрьмы ему избежать все же не удалось. А когда вышел на свободу, у него не было иного пути, как вернуться в лес. Здесь он становится во главе отряда смельчаков.

Отныне дороги от Аугсбурга до Ульма делаются небезопасными. Чиновники и судьи, монахи и помещики дрожат при одном упоминании о разбойниках. Отряды лесничих, егерей и полицейских тщетно пытаются напасть на их след. Если же и случаются



Хизель клянется в верности лесному братству. Старинная гравюра.

стычки, то Хизель почти всегда выходит победителем либо успевает вовремя скрыться. В этом ему помогает смекалка и поддержка крестьян, готовых укрыть своих защитников.

Наконец, Хизеля удалось схватить. Его выдал один из соратников, которого атаман собирался изгнать за нарушение законов леса. Но и на этот раз Хизелю удалось уйти от руки Фемиды. В лес он вернулся лишь для того, чтобы сообщить товарищам о своем намерении порвать с прошлым и скрыться в горах Швейцарии. Убеждал и их последовать его примеру, отказаться от прежнего ремесла.

И тут случилось то, что потом произойдет и в трагедии Шиллера. Друзья назвали Хизеля изменником, трусом, «старой бабой». «Храбрый Хизель бежит, как трусливый заяц», — бросали в лицо атаману, напоминали о том, что он всегда был защитником бедняков, а теперь хочет изменить. И Хизель остался. Но с одним условием — с этого часа его воля должна быть законом для всех них. Он потребовал беспрекословного подчинения, «верности и послушания». А получив согласие, предложил новую тактику действий.

Не обороняться, отсиживаясь в чаще, а нападать, мстить лесничим и полицейским, чиновникам и вельможам.

Это было все равно, что объявить войну сильным мира сего. И Хизель пошел на это. Недаром в народе его называли «храбрый Хизель». А в одной из песен о нем говорилось, что только тогда солдатам, егерям и сыщикам удастся отдохнуть, когда придет его последний час и он закроет глаза.

Что руководило им, когда он вставал на этот путь? Почему выбрал жизнь, полную опасностей и лишений?

Свой долг он видел в мщении. Или, как говорил сам Хизель, он воздавал только справедливое возмездие за все притеснения, какие испытывали бедные крестьяне. И в этом на него похож герой Шиллера, который мечтал «исправить свет злодеяниями и блюсти законы беззаконием». Так же, как походит на него и в том, что не принадлежит к разряду обыкновенных разбойников. «Насколько выше,— отмечалось в старинной биографии Хизеля,— стоит он в нравственном отношении сравнительно с другими воровскими атаманами того времени!»

Слава о победах Хизеля гремела по округе. Повсюду только и было разговору, что о подвигах его вольницы. А они становились все более и более дерзкими. Дошло до того, что Хизель осмелился совершить налет на городскую ратушу в Тефердинге.

Удачно захватив изрядную сумму в кассе и обобрав чиновников, Хизель обратился к оберфогту со словами: «Мы забираем деньги, бесчестно отнятые у бедноты».

В другой раз всех поразило известие о налете на доминиканский монастырь. Гордый Хизель заявил настоятелю — «лживому фарисею и благочестивому тунеядцу», что в отличие от него он не вор и пусть их светлости не беспокоятся: взятые в монастыре деньги будут пристроены наилучшим образом — розданы тем, у кого они были незаконно отобраны.

И крестьяне молились за него, считая своим покровителем, называли «наш Матиас», но чаще уменьшительным Хизель.

Он открыто появлялся в деревнях, заходил в трактиры, шутил, беседовал со стариками.

Бесстрашие Хизеля казалось невероятным. Объяснить его пытались вмешательством волшебных сил, тем, что Хизель в равной мере неуловим для врагов, как и неуязвим для их пуль. Поговаривали, что в шляпе храбреца прячется лесной гном Фанкерль — онто, мол, и предупреждает хозяина об опасности. Сам же «хозяин» всячески поддерживал эти слухи о себе. И часто показывал крестьянам отстрелянные пули, уверяя, что во время боя поймал их рукой на лету. И ему верили, о нем слагали песни, и в них говорилось о том, что ни одна пуля его не берет.

Но если врагам не удавалось поразить Хизеля, то собственное его ружье било без промаха.

В швабских народных преданиях прославляется необычайная меткость Хизеля, которому не было равных в искусстве стрельбы. Ему ничего не стоило, ради потехи, выбить пулей трубку изо рта ненавистного егеря или погасить свечу под самым носом лесничего, занятого починкой силков. Его рука была так тверда, что ни одна капля воды при выстреле не проливалась из стакана, поставленного на ствол ружья. И долго еще в Швабии хранились свидетельства его меткой стрельбы. В одном трактире показывали игральную карту, простреленную Хизелем; в другом месте указывали на надпись на колокольне с отметиной от его пули; в третьем выставляли напоказ пробитую им пивную кружку.

Триста солдат и стражников потребовалось для того, чтобы победить Хизеля. Его окружили в трактире Остерцель, неподалеку от Кауфбойерна. Разбойники отчаянно сопротивлялись, бой продолжался несколько часов. И только после того, как солдаты подожгли дом, Хизель вынужден был сдаться.

На допросах, отвергая обвинения в браконьерстве, он заявлял, что лес и обитающая в нем дичь не могут быть ничьей собственностью.

Казнили его в начале сентября 1771 года в Дилингене. Здесь же, еще во время суда, о нем вышла первая книга под названием «Дружеские письма, в которых два приятеля описывают подвиги известного браконьера Матиаса Клостермайера, по кличке «Баварский Хизель».

Появилось, и не одно, иллюстрированное издание с гравюрами, изображающими подвиги популярного крестьянского бунтаря. И даже придворный баварский поэт вынужден был признать, что нет ни одного дома в деревне и почти ни одного в городе, где бы ни висела гравюра с изображением народного героя.

В одной из книг его называли «знаменитейшим партизаном швабских лесов». В другой, изданной в Лейпциге в 1772 году, то есть год спустя после казни разбойника, на основе судебных протоколов излагалась его биография. Автор с сочувствием рассказывал о подвигах покровителя бедняков, защищал его от наветов тех, кто хотел представить Хизеля обыкновенным вором. Нет, восклицал автор книги, чужое добро он захватывал «только как своего рода военную добычу, в открытом бою со своими злейшими врагами».

Не побывала ли в руках у Шиллера биография этого немецкого Робина Гуда? Историк К. Т. Хейгель, автор исследования «Эссе по новейшей истории», еще в прошлом веке попытался сопоставить шиллеровскую трагедию с этим лубочным жизнеописа-

нием разбойника. По его мнению, как, впрочем, и других, в том числе советских литературоведов Г. Чечельницкой и Л. Генина, драматург несомненно пользовался биографией Хизеля. Она стала как бы историко-бытовым фоном пьесы. И хотя у Шиллера нигде нет упоминания об этом атамане, как и вообще о знакомстве поэта с «разбойничьим фольклором», влияние его в пьесе несомненно. Его можно усмотреть в детальном описании разбойничьего быта, использовании жаргона «лесных братьев», их песен. Видно это влияние и в знаменитом словесном поединке с патером, посланном магистратом с тем, чтобы уговорить шайку сдаться. «Ступай и скажи досточтимому судилищу, — восклицает атаман, — властному над жизнью и смертью: я не вор, что, столкнувшись с полночным мраком и сном, геройствует на веревочной лестнице». Сцена эта напоминает эпизод из книги о Хизеле, изданной в Лейпциге, когда разбойник ворвался в монастырь и обрушил на монахов гневную отповедь, называя их «фарисеями, лжетолкователями правды, обезьянами божества».

Но, пожалуй, наибольшее сходство с разбойником-мстителем Хизелем и другими, подобными ему, следует искать в образе главного героя трагедии Карла Моора.

Недавно еще беспечный лейпцигский студент Карл Моор становится мятежником, атаманом восьмидесяти молодцов. Отныне — это мститель. Но он не убивает ради грабежа. И если и носит на руке чужие драгоценности, то лишь в память о возмездии сильным мира сего — министру, который всплыл на слезах обобранных сирот; финансовому советнику, который продавал почетные чины и должности тому, кто больше даст, и прогонял от своих дверей скорбящего о родине патриота; гнусному попу, в проповедях своих тоскующему по упадку инквизиции.

Когда же случается ему получать свою долю добычи, то он тотчас же раздает ее сиротам или жертвует на учение талантливым, но бедным юношам. И не знает пощады, когда в руки ему попадает помещик, дерущий шкуру со своих крестьян, бездельник в золотых галунах, криво толкующий законы и серебром отводящий глаза правосудию, богатый граф, выигравший миллионную тяжбу благодаря плутням своего адвоката, или другой какой-нибудь господчик.

Насколько Карл Моор ненавидит врагов, настолько беззаветно предан друзьям. Не раздумывая, под видом монаха проникает он в тюремную башню к своему сподвижнику по лесу, обреченному на смерть, и предлагает поменяться платьем. А потом, после отказа сотоварища, все-таки спасает его, когда тому остается три шага до виселицы.

О благородных поступках Карла Моора известно далеко за пре-



Карл Моор встречает отца, выходящего из темницы. Рисунок художника Мюллера к веймарскому изданию «Разбойников» 1811 года.

делами Богемских лесов, где он скрывается со своими удальцами.

Выбор этого места действия не случаен у Шиллера.

Грозная шайка обосновалась в глухих лесах Богемии, издревле известных как надежное укрытие для тех, кто ставил себя вне закона. Непроходимые заросли и густая листва, горы и ущелья служили приютом многим отщепенцам, гонимым и преследуемым властями. Богемские леса, заметил однажды Ф. Энгельс, всегда поставляли «многочисленных и сильных рекрутов», борцов за народное дело. Как раз тогда, когда Шиллер работал над пьесой, здесь укрывались остатки крестьянских отрядов, разбитых во время недавнего восстания в Богемии.

Не удивительно, что об этих местах ходило немало толков и рассказов. Одно упоминание здешних названий — «Близ черной ели», «Чертова мельница», «Гнилая дыра» — заставляло трепетать шелковые кафтаны и расшитые золотом мундиры, напоминало о неумолимой каре обитателей чащи.

Какую цель преследует разбойник Карл Моор? О чем помышляет, к чему стремится?

С юных лет он мечтает о том, что его «длань отечество спасет»

и Германия станет свободной республикой. Порвав с обществом и бросив в минуту отчаяния ему вызов, Моор желает «протрубить на весь мир в рог восстания». Не принимая, говоря словами Гегеля, существующий правопорядок, он покидает рамки законности и, разрывая стесняющие его путы, создает сам для себя другой общественный порядок, борется за восстановление попранной справедливости, становится мстителем за обездоленных и угнетенных.

И все же он глубоко несчастен. Потому что его месть — это «частная месть». О массовом выступлении против феодалов он лишь мечтает. Но так и остается одиноким бунтарем. Отсюда «разлад в разумном существе», сожаление о «недовершенных замыслах». Ему не удается преодолеть «запутанные лабиринты», у него, восклицает с горечью Карл Моор в конце, «нет путеводной звезды». Протест кончается, как и бунт Зонненвирта, смирением. Разбойник отдает себя в руки правосудия. Один в поле не воин. Не хотел ли сказать Шиллер, что для успеха в такой борьбе необходимо массовое выступление, множество подобных Моору?

Впрочем, и сам Карл Моор сознает, что в затеянной им игре он не будет победителем. Смерть не раз свистела ему навстречу из ружейных стволов, и он знает — рано или поздно пуля или закон настигнет его. Тем отважнее поступок бунтаря, поднявшего руку против тиранов.



Замысел вызревал подобно тому, как зреют, наливаются хлеба в поле. С семнадцати лет, то есть четыре года с того момента, как прочитал повесть Шубарта о двух братьях, Шиллер вынашивал будущие образы. Вначале едва намеченные, они становились все более выпуклыми, все определеннее вырисовывались характеры.

Некоторые упрекают его в том, что он исказил действительность. В столь просвещенное время, говорят ему, при умелой полиции и строгих законах разбойничья шайка, подобная нарисованной им, вряд ли могла бы возникнуть, а тем паче просуществовать целых два года. Обвинение это ничего не стоит отвести, сославшись на всем известные факты. Тем не менее, не желая вступать в спор, он ограничивается напоминанием о праве поэтического искусства возводить вероятность в ранг правды, возможность — в ранг правдоподобия.

Что касается характеров, то они, по его утверждению, выхвачены из глубины жизни, «тут я как бы лишь списывал дословно с природы», — подчеркивает он. Но его герои остались бы холодными, бездушными манекенами, если бы он не стал их за-

душевным другом, если бы не умел не столько живописать их, сколько вместе с ними распаляться гневом, трепетать, плакать и отчаиваться. Поэты трогают, потрясают, воспламеняют сильнее всего тогда, считал Шиллер, когда сами почувствовали страх за своих героев и сострадание к ним.

Друзья по академии принимают живое участие в его творении. Охраняют, когда он пишет, от внезапного налета надзирателей, обсуждают эпизоды и сцены будущей пьесы, при этом некоторые узнают в ее героях себя. Друзья же станут первыми критиками и ценителями его произведения.

Нередко при этом вспыхивают жаркие, порой забавные споры. Одним намеки автора на вюртембергскую действительность кажутся недостаточно определенными, и они предлагают четче обозначить прототипы. Например, в сцене, где Карл Моор, указывая на перстни на своей руке, обличает советника и министра. Всем должно быть ясно, что речь идет о ненавистных приспешниках герцога — графе Монмартене и Витледаре. Другие настаивают на том, чтобы в образе Франца Моора — защитника феодальных прав, жестоком и лицемерном, заточившем в темницу родного отца, отчетливее был виден намек на всем известный случай с неким Вильгельмом фон Зиккингеном из Майнца. Этот любимец Иосифа II двадцать четыре года продержал своего родителя под замком. Еще Шубарт в своей новелле, зная об этом злодействе и не случайно назвав одного из братьев Вильгельмом, призывал стереть «фальшивую краску с лица притворщика».

Когда пьеса увидела свет, многие и без того поняли намек автора. Сам фон Зиккинген, ославленный на всю Германию и пригвожденный к позорному столбу, вынужден был оставить государственную службу.

Часто во время обсуждений и словесных баталий звучит имя Ульриха фон Гуттена. Молодежь видит в этом национальном вюртембергском герое, гуманисте XVI века, пример, которому надо подражать.

Этот интерес к личности великого гуманиста поддерживал в своих воспитанниках и профессор истории Шотт. Ученик Шиллер, питая особое пристрастие к минувшему, прилежно записывал в своей тетради лекции по истории Вюртемберга. Много лет спустя, в 1859 году, чудом уцелевшие записи были опубликованы. Их напечатали, ошибочно полагая, что это неизвестное сочинение поэта.

С увлечением слушали карлсшулеры рассказы профессора о борьбе Ульриха фон Гуттена. Знали они и о том, что перу гуманиста принадлежит рукопись «Против тиранов». Однако познакомиться с ней, к их досаде, было невозможно — рукопись не

сохранилась. Она была известна лишь по названию, упомянутому однажды в письме фон Гуттена. Но тираноборческий девиз привлекал друзей Шиллера, мечтавших о возрождении свободолюбивых традиций. По их совету, он сначала поставил эти слова эпиграфом к своей драме.

В годы учения собственных денег у Шиллера никогда не было. Все необходимое, вплоть до книг, поступало из дома. В письмах к сестре он то просит поскорее прислать белье, то ему срочно требуются башмаки. Чулки надеется получить от матери, от нее ждет ночную рубашку из грубого холста. Бумагу и перья, так необходимые теперь, поставлял отец.

И не удивительно, что главная причина, по его собственным словам, почему он хочет опубликовать свое творение — это всемогущий Маммон, столь не привыкший обитать под его кровом. Мысль о том, что ему удастся заработать немного денег, приводит его в восторг. За пьесу он рассчитывает получить от какого-нибудь издателя хотя бы несколько дукатов.

Впрочем, есть еще одна причина, побуждающая его издать «Разбойников». Друзья, восторженно принявшие его творение, возможно, не в меру снисходительны. Пусть же свет вынесет свой приговор и решит его участь — быть или не быть ему писателем. Правда, на всякий случай своего имени он не поставит на первом издании — начинающему автору незачем рисковать. Но возможность разоблачения авторства существует, хотя он и собирается соблюдать величайшую осторожность. Если же такая угроза возникнет, друг Петерсон, как уговорились, отведет удар и выдаст за автора одного из своих братьев.

Вопрос лишь в том, где напечатать рукопись. Если дело выгорит и Петерсону, который взялся ему помочь, удастся найти издателя, то все, что превысит 50 гульденов гонорара, получит он за свои труды. Не обойдется, конечно, и без пары шампанского.

Но, увы, легко было предполагать. На самом деле все оказалось гораздо сложнее. Очень скоро выяснилось, что ни один штутгартский издатель не желает рисковать и печатать вещь никому не известного автора, да к тому же явно революционного содержания. Маммон был верен себе и не хотел поселяться под его крышей. Оставался один путь — издать пьесу за свой счет. Но для этого нужны все те же деньги. А их-то у него и не было. Нищенского жалованья, положенного после окончания академии полковому лекарю Фридриху Шиллеру, едва хватало на то, чтобы сводить концы с концами.

Пришлось влезть в долг и занять 200 гульденов. Только таким образом удалось «продвинуть» рукопись. В последний момент Абель и Петерсон уговорили Фридриха снять эпиграф «Против

тиранов». Недвусмысленно направленный против герцога, он мог не только затруднить и без того нелегкое дело издания драмы, но и повлечь за собой более серьезные последствия. (Эпиграф вновь появился на обложке второго издания пьесы). Судьба бывшего воспитанника Шиллера пока что еще всецело зависела от произвола тирана.

Больше того, уже во время печатания, читая корректуру, он сам пугается своей смелости. В этот момент здравый смысл шваба в какой-то мере берет верх над вдохновением поэта. Так бывало нередко — холодный рассудок вмешивался и вредил его поэтическим порывам.

Перо безжалостно вычеркивает кажущиеся ему чересчур политически острыми сцены, смягчает, приглушает. Отчасти он действует из боязни причинить ущерб семье, матери и отцу. Месть герцога обрушилась бы и на них. Но к этому его побуждают не только противоречия характера, сказывается, видимо, и воспитание. Он так и скажет потом, что его первая пьеса родилась «на свет в результате противоестественного сожительства субординации и гения».

И все же эти поправки скорее следует назвать лишь редактированием, окончательной шлифовкой текста. Суть пьесы от них нисколько не страдала. Гораздо более серьезные изменения ему еще предстояло внести в свою драму.

Уже мангеймский книготорговец Шван, которому он пересылает пахнущие свежей типографской краской листы, посоветовал изменить реплики с выпадами против «проклятого неравенства в мире». Он же предложил заменить и предисловие к пьесе на более сдержанное. Но, как говорится, нет худа без добра. Тот же опытный Шван, сразу же оценивший творение безвестного штутгартского лекаря, показывает полученные листы директору мангеймского театра Дальбергу. Результат этого посредничества самый неожиданный.

Тайный советник барон фон Дальберг садится за стол и собственноручно пишет письмо полковому лекарю в Штутгарт.

В этом послании столько лестных эпитетов, что бедный Шиллер просто обескуражен. Знаток и ценитель литературы, статьи которого он хорошо знает, а руководимым им театром восхищается, возносит его, скромного писателя, на головокружительную высоту. В безмерных похвалах мангеймского светила он, убежденный в своей слабости, не хочет видеть ничего, кроме как поощрения его музы.

Что касается предложения барона о театрализации «Разбойников», то оно для него «бесконечно ценно».

Слова эти, однако, довольно сухо передавали душевное состо-

яние автора. «Разбойники» на сцене лучшего театра Германии! В это трудно поверить. Об этом он не смел даже мечтать.

В свою очередь осторожный Дальберг также требует переделок. По существу, ему нужен новый вариант текста. Тот, что только что в начале мая 1781 года издан анонимно в Штутгарте, хотя на обложке, видимо для отвода глаз, указаны «Франкфурт и Лейпциг», его не устраивает. Если автор желает видеть свою пьесу в театре, он должен создать ее сценический вариант, а заодно сгладить самые предосудительные места своего примечательного произведения.

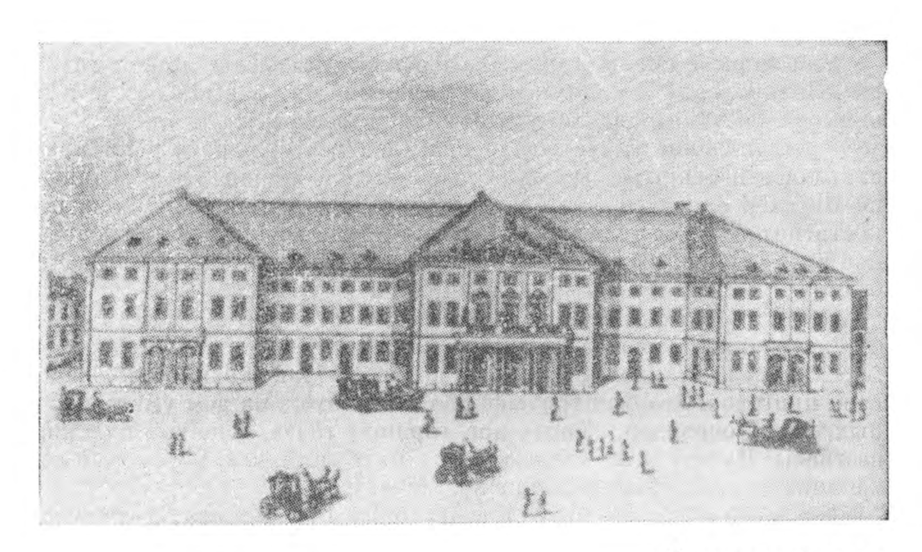
Отклонить предложение у него не хватает сил. Возможность увидеть ожившим на подмостках весь свой драматический мир слишком соблазнительна.

Скрепя сердце, Шиллер принимается за «переплавку». Главное, на чем настаивает всемогущий театральный директор, — это не только смягчить революционное содержание пьесы, но и перенести действие в далекое прошлое, «когда император Максимилиан даровал вечный мир Германии», то есть на конец XV века. Пойти на такую «пересадку» — значит обрядить его создание в пестрые «штаны арлекина». Когда современные герои, говорящие вполне современным языком, окажутся перенесенными в минувшую эпоху, «они ровно ничего не будут стоить». Пьеса неминуемо пострадает. Это все равно что изображать троянцев обутыми в блестящие гусарские сапоги, а их вождя Агамемнона с пистолетами за поясом. Одним словом, получится «ворона в павлиньих перьях».

Поначалу Шиллер пытается убедить мангеймского директора в том, что пьеса сильно проиграет от переделки. В письмах к Дальбергу он приводит убедительные доводы на этот счет. Однако тот решительно настаивает. Приходится пожертвовать удачными моментами ради ограниченности сцены, своенравия партера, неразумия галерки и прочих презренных условностей. И он идет на это, как и на остальные требования Дальберга.

Новый вариант пьесы, на который ушло больше двух недель, срочно отсылается в Мангейм. Причем настолько поспешно, что автор вынужден просить прощение за разнобой в почерке и погрешности орфографии: для быстроты дела пришлось прибегнуть к помощи переписчика, который безбожно обходился с правописанием.

И вот уже распределены роли между актерами, идут репетиции. Уже близок час торжества. Он настанет 13 января 1782 года. Впрочем, как литератора его признают несколькими месяцами раньше, вскоре после первого издания «Разбойников». Это признание «Эрфуртская ученая газета» выразит в таких словах: «Если



Мангеймский театр.

мы имеем основание ждать появление немецкого Шекспира, то вот он налицо». Оценка, надо прямо сказать, более чем высокая. Когда-то он тайно мечтал о том, чтобы достичь шекспировских высот поэзии. Теперь об этом открыто говорит читающая публика. Трудно поверить в такой успех молодому человеку, которому едва исполнилось двадцать два года.

Шиллер не представлял себе, что премьера, назначенная на 13 января, пройдет без него. И он принимает решение — ехать в Мангейм, несмотря на запрет герцога. Тайная поездка — смелый, если не отчаянный поступок. Дорожные расходы обещает оплатить «щедрый» директор. И вот он в Мангейме. Тайком пробирается по улочкам в сопровождении верного Петерсона. Афиши, расклеенные на стенах домов, извещают почтеннейшую публику, что вечером ровно в 5 часов на здешней национальной сцене будут исполнены «Разбойники» — трагедия в 7 действиях, обработанная для национальной мангеймской сцены господином сочинителем Шиллером. Тайна авторства раскрыта! Что принесет ему огласка? Позор или славу? Минует ли его месть герцога?

Среди гула голосов в партере до него донеслись слова: «Говорят, автор состоит лекарем гренадерского батальона в Вюртемберге». И это уже известно! А если сегодня о нем знают в Мангейме, значит, завтра — в Штутгарте. И снова тревожная мысль: что ждет его по возвращении? Гнев герцога или милость в случае успеха?

Уже первые сцены показали, что пьеса вызывает живой интерес. Великолепно играли актеры. Поистине они забыли о себе и о внимающей толпе для того, чтобы жить в своей роли.

Представление захватывало зрителей все больше. Сцена превратилась в открытое зеркало человеческой жизни. Еще накануне Шиллер опасался, что близорукая и ограниченная публика не постигнет того, что есть в ней великого, не воспримет заключенное в ней добро, а найдет лишь прославление порока и воздаст бедному поэту все, кроме справедливости.

К счастью, его опасения не оправдались. Это стало ясно в конце спектакля. Всеобщее возбуждение охватило театр. Трибунал масс, перед которым он стоял и которого так страшился, вынес свой приговор. Это был триумф. Зал стал похож на дом умалишенных, писал очевидец. Топот ног, горящие глаза, сжатые кулаки, возгласы. Незнакомые люди со слезами обнимались, некоторые из женщин покидали зал, близкие к обмороку.

Бросился обнимать друга и счастливый Шиллер, жал ему руку, тормошил, смеялся. Несмотря на то что действие было перенесено из современности в прошлое, пьеса звучала актуально — все это поняли. В ней увидели не только юношеский задор и неукротимую фантазию, но и призыв к свободе, предостережение пропитанному раболепством времени, протест против деспотии, лицемерия общества, жестокости тирана. Его бунтарское слово обличало ненавистных вельмож, и демократически настроенные зрители по достоинству оценили смелость автора.

После спектакля состоялся ужин с актерами. Надо ли говорить о том, как был счастлив автор пьесы, с таким успехом только что сыгранной на сцене. Шиллер благодарил актеров за прекрасную игру, за умение постичь созданные им характеры. И заявил, что со временем непременно станет актером. «Нет, не как актер, а как драматический писатель будете вы гордостью немецкой сцены», — произнес пророческие слова один из актеров.

Верный слову, Дальберг сдержал свое обещание — расходы по поездке Шиллера в Мангейм были им оплачены. Всего сорок четыре гульдена ушло на их покрытие. Сумма ничтожно малая, составившая весь его первый гонорар. Расчет на то, что «всемогущий Маммон», наконец, смилостивится, снова не оправдался.

Зато дома, в Штутгарте, Фридриха ждал сюрприз. Герцог, как и следовало ожидать, очень скоро узнавший о триумфе своего подданного, решил разыграть роль покровителя таланта. Он всемилостивейше разрешает постановку «Разбойников» на штутгартской сцене. Об этом его светлость лично сообщает своему полковому лекарю во время аудиенции. Лицемерно разыгрывая роль доброжелательного наставника, он поучает, советует, разрешает. Нет, он

не против того, чтобы поэт сочинял стихи и драмы. Пожалуйста. Даже рад тому, что под сенью его отеческого покровительства расцветают такие таланты. Он лишь хотел бы быть первым ценителем сочинений поэта, первым наслаждаться его творениями.

Иначе говоря, герцог навязывал свою опеку, хотел, чтобы поэт передавал ему свои произведения на предварительную цензуру. Что это означало, Шиллер прекрасно понимал. Его хотят лишить собственного голоса, хотят заставить петь по чужим нотам, руководить и направлять его перо. Он мужественно отклоняет предложение Карла Евгения.

Война, пока еще скрытая, была объявлена. Герцог не простит ему такую дерзость. Случай отомстить строптивому поэту скоро представился.

В конце мая Шиллер вновь тайно посетил Мангейм, где вторично присутствовал на представлении «Разбойников». После этой поездки он признается, что нет человека несчастнее его. Нестерпимо было переносить контраст между его родиной и Мангеймом, где расцветают искусства, где прекрасный театр и где можно свободно творить, не опасаясь того, что тебя упекут в крепость.

Все отчетливее Шиллер сознавал, что в условиях вюртембергского холодного климата ему не развернуться в полную силу своего таланта.

«На этом севере искусства, — записывает он в те дни, — мне во веки веков не дозреть...» И он умоляет Дальберга помочь ему переменить «климат», затребовать его в Мангейм и просить герцога отпустить полкового лекаря. Он хорошо понимал, что у него один-единственный выход «расшвабиться», то есть вырваться из-под власти герцога, покинуть его страну-клетку. «Если бы вы могли заглянуть в мою душу и увидеть, какие чувства раздирают ее, если б я мог в красках изобразить, как бунтует мой дух из-за этого неприятнейшего положения»,— признается он Дальбергу.

Когда Шиллер вернулся в Штутгарт после вторичной тайной самовольной отлучки, его снова ждал сюрприз. Правда, несколько иного рода, чем ранее. Снова была аудиенция во дворце, был и разговор. Вернее, грубый выговор за нарушение приказа без разрешения выезжать «за границу». За сим последовало и наказание — ему велено было отдать шпагу и отправиться на гауптвахту под арест на две недели. Война приняла открытые формы.

Сегодня гауптвахта — завтра крепость. Здесь — две недели, там — годы. Все шло к тому, что скоро население в подземельях крепости Асперг увеличится еще на одного узника. И он станет соседом Шубарта. Было о чем подумать арестованному полковому лекарю.

В эти дни он задумывает новую современную трагедию. «Лу-

иза Миллер» — ее название (позже измененное на «Коварство и любовь»). Надеяться на то, что она увидит свет на вюртембергской земле, не приходится. Слишком очевидно станет для всех место ее действия. Это будет не столько его месть герцогу, сколько правдивый рассказ о стране-клетке, о преступлениях, творимых здесь, о несчастных подданных, изнывающих под ярмом деспотии.

На сей раз он еще явственнее обозначит прототипы. Многих вельмож вюртембергского двора пригвоздит к позорному столбу. Пусть все узнают правду о герцоге, торговце пушечным мясом, о его любовнице графине Гогенгейм, которую он выведет под именем леди Мильфорд. Министр двора Монмартен получит имя президента фон Вальтера, и все увидят в нем списанного с натуры ненавистного слугу герцога, достигшего власти путем преступления, а в образе личного секретаря президента Вурма — проныру Виттледора, пробравшегося, словно пресмыкающийся червь, на теплое местечко.

Замысел пьесы созрел, для его осуществления необходимо было лишь одно — свобода.

Тем временем тучи над его головой продолжали сгущаться. Не успел он выйти с гауптвахты, как последовало новое приглашение к герцогу.

В жаркий летний день полковой медик Шиллер отправился на последнее свидание с Карлом Евгением. Миновал парк, поднялся по ступеням во дворец.

Разговор был короткий, но резкий. Непокорный поэт своим упрямством еще больше обозлил герцога. В конце прозвучали холодные слова: «Теперь ступай и не смей писать никаких сочинений, кроме медицинских; за нарушение этого приказа — в крепость!»

Запретить поэту быть поэтом! Можно ли придумать наказание, а точнее сказать, пытку более мучительную! Так поступил ненавистный герцог с Шубартом. Теперь — в этом нет сомнения — очередь его, Шиллера. Но нет, он вырвется из душной клетки. Размашистым, решительным шагом пересек Фридрих парк. Оглянулся. Губы прошептали строки собственного стихотворения:

Прочь, тиран! Мы встретились — и мимо!
Жизнь твоя с моей несовместима...

...И вот кони мчат его «за границу», в Мангейм. Мелькнул полосатый столб маркграфства Пфальц, входившего в состав Баварского королевства. Наступило первое утро его свободы — 23 сентября 1782 года.

Рубикон перейден, мосты сожжены. Отныне он «рад скорей в огне сгореть, но не служить тиранам».

Первое его детище стоило ему «семьи и отечества». Но это было лишь начало трудного восхождения по ступеням славы. Это была первая веха, говоря словами Томаса Манна, на крутом подъеме его физического и творческого пути. Отныне впереди у него не будет ничего, кроме неустанного напряженного труда. Будут счастливые минуты творческого горения, невзгоды и радости, годы, озаренные великой дружбой с Гете. Будет прижизненное признание на родине и в иных странах, в том числе во Франции. Здесь его первенца поставят на сцене революционного Парижа под эффектным названием «Роберт, атаман разбойничьей шайки». А его самого Конвент удостоит в 1792 году звания Почетного гражданина Французской республики, как и других выдающихся иностранцев, которые «своими произведениями и мужеством послужили делу свободы и приблизили час освобождения человечества».

И будет итог жизни — двенадцать драм и одна незавершенная. И тома лирических стихов и баллад, проза, исторические труды, очерки, критические статьи.

И весенний майский день, гроб ценой в три талера, реквием Моцарта. И похороны на берегу Ильма, неприютной реки, о которой он однажды написал:

Бедны мои берега, но, мимо них протекая,
Слушают волны мои песни бессмертных певцов.

Песни Шиллера пережили годы, подтвердив старую истину: в истории есть огонь и пепел. Время развеивает пепел и не гасит огонь.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ АББАТА ФАРИА

Образы, вызванные и возвеличенные Дюма, живут сотни лет и передаются миллионам читателей. Их можно назвать вечными спутниками человечества.

А. Куприн



— Господин Дюма, где вы берете сюжеты для своих многочисленных произведений? — нередко спрашивали писателя.

— Отовсюду, где только могу, — отвечал прославленный автор.

И это действительно было так. Под его пером оживали исторические хроники, он мог вдохнуть жизнь в старинные легенды, воскрешал забытые мемуары, написанные в разные эпохи. Неутомимый рудокоп увлекательных сюжетов, он, как и великий Бальзак, поклонялся «его величеству Случаю», считал его «величайшим романистом мира». Проблема «источников» была в связи с этим для него едва ли не главной. В поисках «возбудителя воображения» он странствовал по бесчисленным страницам словарей, учебников истории, сборников исторических анекдотов. Пути изыскателя сюжетов привели его к чтению Ридерера — компилятора политических и галантных интриг при дворе французских королей от Карла IX до Людовика XV; мемуаров мадам де Моттевиль, камеристки Анны Австрийской, и записок Пьера де Лапорта — ее лакея; Тальмана де Рео — автора «Анекдотов» о нравах XVII века; «Истории Людовика XIII» Мишеля Ле Вассора; трудов историков Луи Блана и Жюля Мишле. Словом, Дюма добывал драгоценные крупицы фактов в «шахте» истории и заявлял: «Моя руда — это моя левая рука, которая держит открытую

книгу, в то время как правая работает по двенадцати часов в сутки».

И действительно, Александр Дюма был великим расточителем литературного дара. Засучив рукава, словно лесоруб, отмахивая главу за главой, он оставался, по словам его современника Жюля Валлеса, Геркулесом плодовитости.

Однажды в Марселе Дюма встретился с писателем Эдмоном Абу. Тогда это был еще молодой, тридцатилетний литератор, не смевший и мечтать о том, что на склоне лет он попадет в сонм «бессмертных» — станет членом Академии. Дюма, которому в ту пору было уже за пятьдесят, пригласил Абу в гости. Он попотчевал его своей знаменитой рыбной похлебкой, а после обеда повел в театр, где давали его пьесу. Спектакль вылился в очередной триумф Дюма. Овации и приветственные возгласы не смолкали до поздней ночи. Когда приятели возвращались в гостиницу, Эдмон Абу валился с ног от усталости. Дюма же, напротив, был полон сил и энергии. Отыскав в своем номере две свечи, он заявил Абу: «Отдохни, старик. Мне — 55 лет, но я должен еще написать три рассказика, которые надо будет отправить завтра утром в газеты, точнее говоря — уже сегодня. Если же выдастся еще немного времени, я накропаю для театра Монтиньи небольшую одноактную пьесу».

Утром на столе в комнате Дюма лежали три небольших конверта, была написана и пьеса.

Писал А. Дюма не только много, но и невероятно быстро. «Я неиссякаемый романист», — говорил он сам про себя.

Большинство его романов на исторические темы. Как никто, он умел использовать «богатство интриги», которое История щедро предлагает писательскому воображению. На страницах его книг оживали персонажи далекого прошлого, времен таинственных заговоров, кипения страстей, жестокого насилия, религиозного фанатизма и любовных безумств. Его перо создавало романтический мир, который, однако, состоял из точно описанных характеров и нравов. Если освободиться от его завораживающей изобретательности, отбросить цветастую канву развлекательности, то откроется четкий реалистический фундамент его творений. В них ярко изображены общество, отдельные его группы и типы. «Дюма — народен, — писал тот же Жюль Валлес. — Он заставил Историю сойти с величественно-строгого пьедестала, заставил принцев и принцесс, маршалов и епископов участвовать в скромных и по-человечески интересных приключениях, а маленьких людей вершить судьбами царств. Шуты и пешки, вышедшие из низов, ставили шах королям на доске его книг — веселых, как дубок, и пространных, как фрески Ватикана».

Значит ли это, что А. Дюма создавал произведения только

о прошлом? И у него нет сочинения, которое относилось бы к эпохе, когда оно писалось? Такая книга есть и называется она «Граф Монте-Кристо». Это рассказ о современной писателю Франции, о событиях, разворачивающихся на фоне эпохи Реставрации.



Еще недавно у него не было даже чистого воротничка — приходилось выкраивать его из картона. Он хорошо помнил и то недоброе время, когда из всего тиража разошлись лишь четыре жалких экземпляра его книги. Это тогда. А теперь? Теперь на нем фрак и манишка с модным воротником, светлый жилет с отворотами. Он носит лорнет, хотя у него великолепное зрение. Знаменитый скульптор Давид д'Анжер запечатлевает его на медальоне, другой художник — Ахилл Девериа создает литографию, на которой изображает его триумфатором. Перед ним заискивают, с ним ищут знакомства. Издатели наперебой засыпают его заказами. Часто, не успевая уложиться в сроки договора, он вынужден сдавать недовершенные рукописи, печатать одновременно в разных газетах свои романы-фельетоны. Затем составлять их в тома и публиковать книгу целиком. Доходы его растут со сказочной быстротой.

Однако рядом с ним, в Париже, жил и трудился литератор, который превосходил его если не по популярности, то по суммам получаемых гонораров, безусловно. Сочинения Эжена Сю — главного соперника Александра Дюма — читала вся страна. Особенно зачитывались «Парижскими тайнами» — книгой о современной жизни французской столицы. За нее автор получил баснословный по тем временам гонорар — сто тысяч франков. Имена принца Герольштейна, Родольфа и других персонажей романа Эжена Сю были у всех на устах.

Издатель Бетюн предложил А. Дюма вступить в соревнование с Эженом Сю. Для этого требовалось написать роман из современной жизни. Соперничать с Эженом Сю по части изобретательности сюжетов мог далеко не каждый. Автор «Парижских тайн», «Агасфера», «Мартина Найденыша» нещадно истощал свое воображение, сочиняя неимоверные ситуации и конфликты.

Дюма принял предложение Бетюна. Начинать следовало, как всегда, с поисков подлинной истории. Нужна была интрига, случай, который под пером мастера превратился бы в литературный шедевр.

На помощь пришла память. Дюма вспомнил, что два-три года назад ему в руки попала книжонка «Полиция без масок», изданная неким Бурмансе в 1838 году. Это был один из шести томов, извлеченных из полицейских архивов Жаком Пеше и обработан-

пых журналистом Эмилем Бушери и бароном Ламотт-Лангопом.

Тогда, перелистывая записки бывшего полицейского хрониста, он запомнил главу под интригующим названием «Алмаз и возмездие». История эта, писал он позже, походила на раковину, внутри которой скрывается жемчужина, нуждающаяся в ювелире.

О чем же рассказывал в своих записках безвестный полицейский чиновник?

История, вдохновившая Дюма, началась в 1807 году. В ту пору жил в Париже молодой сапожник по имени Франсуа Пико. У него была невеста, столь же красивая, как и богатая. Звали ее Маргарет Фижеру. За ней было приданого целых сто тысяч франков золотом — сумма, что и говорить, немалая.

Однажды во время карнавала разодетый Пико заглянул в кабачок к своему приятелю Матье Лупиану. Здесь, подвыпив, он рассказал о своей удаче. Кабатчик оказался человеком завистливым, да к тому же тайно влюбленным в красавицу Маргарет. Он решил помешать женитьбе своего друга. И когда тот ушел, коварный кабатчик предложил свидетелям рассказа Пико (а их было трое, в том числе и Антуан Аллю,— имя, которое следует запомнить) подшутить над счастливым женихом. Как это сделать? Очень просто: написать полицейскому комиссару, что Франсуа Пико — английский агент и состоит в заговоре, цель которого вернуть на престол Бурбонов.

Шутка, рожденная разгоряченным воображением карнавальных гуляк, обернулась вполне серьезной трагедией. За три дня до свадьбы Пико арестовали. Причем усердный комиссар, не произведя следствия, поспешил дать делу ход и сообщил о заговорщике министру полиции Савори. Надо ли удивляться, что участь бедного Пико была решена. Вместо свадьбы его запрятали в крепость Фенестрель в Пьемонте.

Родители исчезнувшего Пико, его невеста были в отчаянии. Но все их попытки узнать, что стало с юношей, не дали никаких результатов. Пико бесследно исчез.

Минуло семь долгих лет. За это время Наполеон был низложен. На троне вновь восседают Бурбоны. Для Пико это означает свободу. Измученного годами заключения, его выпускают на волю. Трудно было узнать в этом состарившемся человеке некогда красивого парня. Темница наложила неизгладимый отпечаток на его внешний вид, сделала его мрачным, суровым, но одновременно и богатым.

В крепости один итальянский священник, такой же арестант, как и Пико, завещал ему перед смертью все свое состояние: восемь миллионов франков, вложенных в движимое имущество, два миллиона в драгоценностях и на три миллиона золота. Сокровища

эти были спрятаны в потайном месте, которое аббат открыл Пико.

Первым делом, выйдя из тюрьмы, Пико завладевает богатством. А затем посвящает себя целиком выполнению задуманного плана: найти Маргарет и отомстить всем тем, кто был виновен в его аресте и помешал свадьбе.

Под именем Жозефа Люше он объявляется в квартале, где некогда жил. Шаг за шагом ведет свои расследования. Узнает, что прекрасная Маргарет «после того, как оплакивала его целых два года», вышла замуж за кабатчика Лупиана — главного, как ему сообщают, виновника несчастья Франсуа Пико. За это время его бывшая невеста стала матерью двоих детей, а ее муж превратился в богатого владельца одного из самых шикарных парижских ресторанов. Кто же остальные виновники карнавальной шутки? Ему советуют обратиться к Антуану Аллю, проживающему в Ниме.

Переодевшись монахом, Пико появляется в Ниме и предстает перед владельцем жалкого трактира Аллю. Выдав себя за аббата Балдини — священника из крепости Фенестрель, он заявляет, что явился, чтобы выполнить последнюю волю несчастного Франсуа Пико — выяснить, кто же был повинен в аресте сапожника. При этих словах лжеаббат извлек на свет чудесный бриллиант. «Согласно воле Пико,— заявил он изумленному Аллю,— этот алмаз будет принадлежать вам, если назовете имена злодеев». Не раздумывая, трактирщик отвечает: «Донес на него Лупиан. Ему помогали бакалейщик Шобро и шляпочник Соляри».

Пико получил подтверждение виновности Лупиана и имена остальных врагов, а Аллю — желанный алмаз, который тут же продал. На полученные деньги купил роскошную виллу. Однако скоро ему стало известно, что ювелир надул его: перепродал камень за 107 тысяч франков, в то время как Аллю получил лишь 65. Пытаясь вернуть недостаток, он убил ювелира и скрылся.

Тем временем Пико вернулся в Париж и под именем Просперо нанялся официантом в ресторан Лупиана. Вскоре здесь он увидел не только бывшую невесту, но и обоих сообщников — Шобро и Соляри.

Однажды вечером Шобро не появился, как обычно, на партии домино, которую по обыкновению играл с Лупианом. Труп бакалейщика с кинжалом в груди нашли на мосту Искусств. На рукоятке было вырезано: «номер первый».

С этих пор несчастья так и посыпались на голову Лупиана. Его дочь от первого брака, шестнадцатилетнюю красавицу Терезу, совратил некий маркиз Корлано, обладатель солидного состояния. Чтобы предотвратить скандал, решили устроить немедленную свадьбу. Сделать это было тем более легко, что соблазнитель не возражал. Напротив, с радостью готов был сочетаться

законным браком с той, которая скоро должна была стать матерью его ребенка. Скандал разразился во время свадебного ужина. Новобрачный не явился к столу. Более того, он вообще исчез. А вскоре из Испании пришло письмо, из которого явствовало, что Корлано никакой не маркиз, а беглый каторжник.

Родители покинутой молодой жены пребывали в ужасе. Супругу Лупиана пришлось отправить в деревню — нервы ее оказались совсем расстроенными.

К старым бедам прибавляются новые. Дотла сгорают дом и ресторан Лупиана. Что это, несчастный случай или загадочный поджог? Лупиан разорен. Но он и опозорен. Его шалопай сын втянут в компанию бездельников и попадается на краже: двадцать лет каторги — таков приговор суда.

Неожиданно в мучениях умирает Соляри. К его гробу кто-то прикрепляет записку со словами: «номер второй».

Катастрофа следует за катастрофой. В начале 1820 года от отчаяния умирает «прекрасная Маргарет». В этот самый момент официант Просперо нагло предлагает купить у Лупиана его дочь Терезу. Гордая красавица становится любовницей слуги.

Лупиану начинает казаться, что он сходит с ума. Однажды вечером в саду перед ним вырастает фигура в черной маске. Таинственный незнакомец произносит: «Я Франсуа Пико, которого ты, Лупиан, засадил в 1807 году за решетку, и у которого похитил невесту. Я убил Шобро и Соляри, обесчестил твою дочь и опозорил сына, поджег твой дом и довел тем самым до могилы твою жену. Теперь настал твой черед — ты «номер третий». Лупиан падает, пронзенный насмерть кинжалом.

Месть свершилась. Пико остается бежать. Но кто-то хватает его, связывает и уносит. Придя в себя, он видит перед собой Антуана Аллю.

Нимский трактирщик давно догадался, что под личиной монаха к нему являлся Пико. Тогда он тайно приехал в Париж и все это время был как бы молчаливым соучастником мести сапожника. Теперь за свое молчание он потребовал половину состояния Пико. К удивлению Аллю, тот наотрез отказался. Ни побои, ни угрозы — ничто не могло сломить упорства бывшего узника Фенестреля. В припадке бешенства Аллю закалывает его. После чего бежит в Англию. А еще через несколько лет Аллю, чувствуя приближение смерти, призывает католического священника. Он признается ему в совершенных злодеяниях и просит свою исповедь сделать достоянием французской полиции.

Всего двадцать страниц занимала история сапожника Пико. Но зоркий глаз Дюма сразу увидел в ней великолепную, пока еще бесформенную, необработанную жемчужину. Ему и раньше при-

ходилось иметь дело с подобным сырьем. Однако на сей раз в руках у него оказался не исторический материал, а драма из современной жизни. Интрига, которую он искал, лежала перед ним на столе. Мастер принялся за шлифовку материала.

По существу, ему надлежит из уголовной хроники сделать художественное произведение. Не он первый обращался к сюжетам, в изобилии поставляемым миром преступности. Разве до него такие писатели, как Прево и Дефо, Шиллер и Вальтер Скотт, Бальзак и Диккенс, и многие другие, не черпали образы и коллизии в полицейских актах, судебных отчетах и тюремных записках?

Дюма предстояло подлинных персонажей перевести через границу из мира действительности в мир своего воображения. И здесь, переплавив их в творческом горниле, обретя право жизни и смерти над своими героями, одних возвеличить, других низвергнуть в бездну.

Сапожник Пико из кровожадного убийцы превратится в неумолимого мстителя. Его возмездие — это не только месть за себя и свои несчастья, но и за всех обиженных, оклеветанных и преследуемых. А что такое клевета и преследования, Дюма хорошо знал сам. Он ненавидел газетных пачкунов и кредиторов. И очень хотел свести счеты хотя бы на бумажных страницах со всеми выскочками и карьеристами, с жуликами, ставшими банкирами, бродягами, превратившимися в сановников, мошенниками, разбогатевшими в колониальных экспедициях и вернувшихся генералами. Несмотря на преступления, совершенные ими, они процветали, добившись завидного положения в обществе. Столица кишела этими «героями» эпохи Реставрации. Пройдоха, авантюрист и преступник стал активно действующей фигурой французского общества. Вспомните хотя бы персонажей Бальзака: Ростиньяк, Феррагюс, наконец, Вотрен.

Месть героя Дюма, может быть, и жестока, но справедлива. Враги будут наказаны за вероломство и предательство. По сравнению с историей Пико интрига станет намного сложнее, появятся новые персонажи и эпизоды. Словом, как всегда, у Дюма грубая ткань подлинного факта будет расшита ярким цветным узором вымысла.

Одно из главных изменений, которое совершит Дюма,— перенесение действия в иную социальную среду. Герои его романа, начав жизнь простыми и безвестными, достигнут с помощью обмана, клеветы и подлости богатства, проникнут в высший свет, станут влиятельными и всесильными. Но возмездие того, кто был ими оклеветан и заживо похоронен, низвергнет их в бездну.

Над новой книгой Дюма трудился с особым увлечением. Реальные факты полицейской хроники, служившие возбудителем вооб-

ражения, переплетались с вымыслом, подлинные прототипы превращались в яркие характеры.

Когда часть романа была уже написана, Дюма рассказал о своем замысле Огюсту Маке, который до этого не раз выступал безвестным соавтором знаменитого драматурга и романиста. Его вклад в создание книги оказался столь значителен, что сам Дюма позже признавал: «Маке проделал работу соавтора».

«Упряжка» Дюма — Маке сложилась лет за пять до этого. Их сотрудничество началось с тех пор, как Жерар де Нерваль — один из тех литературных «негров», которые подвизались на ролях закулисных сотрудников Дюма, привел к нему скромного преподавателя истории, «библиотечного червя», пожирателя мемуаров.

Первое творение Маке — пьеса «Батильда» увидела свет рампы лишь благодаря вмешательству Дюма, который буквально переписал всю рукопись.

Молодой и энергичный Маке, знаток истории, но не любивший ее преподавать, мечтал о литературной карьере. Ему было двадцать семь, а Дюма — тридцать семь, когда он через год снова принес сырую рукопись. Дюма извлек из нее четыре тома «Шевалье д'Арманталь».

Добродушный Дюма не видел ничего худого в том, что на титульном листе имена Дюма и Маке будут стоять рядом. Против этого возражали издатели. Эмиль Жирарден, владелец газеты «Ля Пресс», заявил: «Роман, подписанный именем Дюма, стоит три франка за строчку, если же он подписан Дюма и Маке — строчка стоит тридцать су».

Таким образом, Огюст Маке оказался в положении безвестного помощника, подмастерья у знаменитого метра. Что касается Эмиля Жирардена, то он, учитывая вкусы своих подписчиков, стремился увеличить их число. «Любая стряпня», подписанная именем Дюма, принимается за шедевр, цинично заявлял газетчик и добавлял: «Желудок привыкает к тем блюдам, которые ему дают».

Эмиль Жирарден, литератор-делец, учитывая интересы тогдашней публики, был одним из создателей так называемой дешевой «прессы в 40 франков». Верный способ привлечь внимание к газете, а значит, сделать ее еще более прибыльной, состоял в том, чтобы начать печатать роман-фельетон, то есть в каждом номере давать два подвала с интригующей заключительной фразой: «продолжение следует».

Форма эта была изобретена за 15 лет до этого издателем Вероном, который руководил тогда газетой «Ревю де Пари». С тех пор романы-фельетоны заполонили страницы газет. Особый успех выпал на долю романа А. Дюма «Капитан Поль», который публиковался в «Ле Сьекль» в 1838 году и за три недели принес газете

пять тысяч новых подписчиков. Когда в газете печатались «Три мушкетера», «вся Франция», свидетельствует Париго — исследователь творчества Дюма, с замиранием сердца ожидала появления каждого нового номера и смерть Портоса была воспринята как всенародный траур.

Искусство состояло в том, чтобы держать подписчиков газеты, где печатался роман-фельетон, в постоянном напряжении. Для этого требовалось умение увлечь читателя с первых страниц. Несколькими штрихами обрисовав героев, следовало переходить к действию. Основное средство сделать чтение занимательным и доступным — ввести авантюрный элемент. Длинные описания были противопоказаны этому виду литературы.

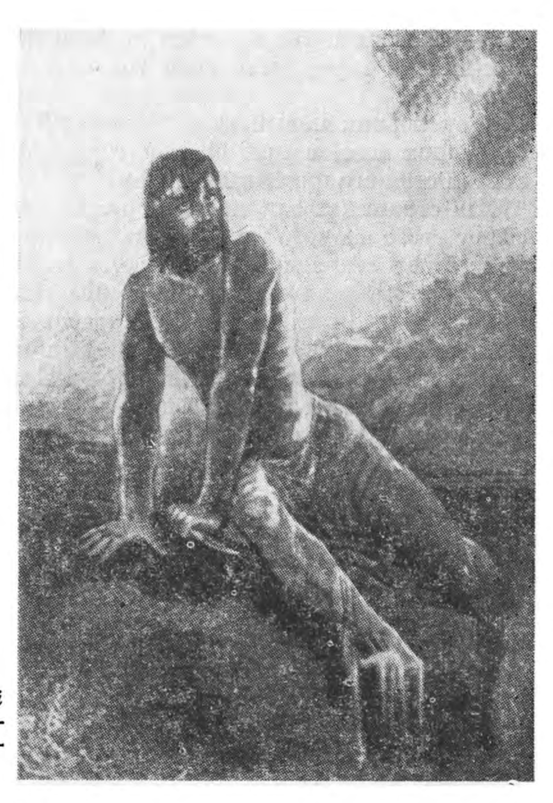
Вместе с читателем испытывал напряжение, несколько, правда, иное, и автор. Ведь ему приходилось, хочешь не хочешь, выполнять обещание о публикации продолжения в следующем номере. Вот откуда те темпы в работе А. Дюма, которые поражали современников. «Физически невозможно,— писал один из них,— чтобы господин Дюма написал или продиктовал все, что появляется под его именем». Его называли «пишущей машиной, механизм которой ничто не портило и не замедляло».

Как бы оправдывая темпы, с которыми Дюма создавал свои романы, писатель Жюль Жанен восклицал: «Что же вы хотите? Сто тысяч читателей должны быть удовлетворены назавтра, журнал ждет своего корма, и «продолжение следует» совершенно неумолимо».

Условия печатания с обязательным «продолжение следует» не только вынуждали писать быстро, сразу начисто, но и вырабатывали особую технику письма. Эти же условия вызвали к жизни и так называемых помощников Дюма, в том числе и Маке. За это его высмеивали, называли эксплуататором. На что Дюма, со свойственным ему добродушием, отвечал: «У Наполеона тоже были свои генералы». Когда же его упрекали в заимствовании, он, ворча, парировал наскоки: «Гениальный писатель не крадет, а завоевывает».

Тень Огюста Маке незримо присутствует в восемнадцати романах, на обложке которых стоит одно имя: Александр Дюма. Многие из них представляли собой рукописи Маке, в корне переработанные гениальным пером метра. «Он испытывал необходимость в сырье,— пишет Андре Моруа,— переработав которое, мог бы проявить свой редкий дар вдыхать жизнь в любое произведение». Иные они писали вместе, предварительно обсудив интригу, которую часто поставлял тот же Маке, обладавший особым нюхом на исторические сюжеты.

Когда Дюма рассказал Маке о своей работе над романом из



Эдмон Дантес — будущий граф Монте-Кристо — после побега. Рисунок Т. Жоанно.

современной жизни, они стали встречаться еще чаще. За завтраком, обедом и ужином речь шла о будущей книге. Дюма делился своими планами.

О любви Эдмона к девушке Мерседес, предательстве друзей, заключении в крепости и встрече там с аббатом он собирался лишь бегло упомянуть. Основное место отдавал рассказу о мести, которая, как он надеялся, затмит все фантазии Эжена Сю. Маке высказал свои сомнения: стоит ли опускать столь заманчивые моменты истории Пико. То есть все то, что происходит с героем до побега из крепости. Дюма задумался.

— Пожалуй, Маке, вы правы. Предыстория (сама по себе захватывающе интересная) должна быть изложена более подробно. Да и по времени она занимает долгих десять лет.

— Ваш герой будет сапожником?

— О нет. Он будет солдатом, как мой отец, черт возьми!

— Не сделать ли его моряком? Это романтичнее.

— Согласен. Но тогда он должен жить не в Париже, а в каком-нибудь порту. Что если мы поселим его в чудесном городе Марселе?..

Так возник новый план романа. Действие его начиналось на солнечном юге, в приморском городе, который Дюма любил: он считал себя его приемным сыном.

На страницах задуманного романа надо было воссоздать атмосферу этого южного города, дать живописные его описания. И Дюма решает отправиться к морю. «Чтобы написать своего Монте-Кристо,— говорил он,— я вновь посетил Каталаны и замок Иф».

Впервые Дюма приехал в Марсель в ту пору, когда уже слыл знаменитостью, но славой своей был покамест обязан исключительно театру. Было это в 1834 году. С тех пор в течение четверти века ежегодно он посещал этот благословенный город, столь милый его сердцу, так импонирующий его восторженности, увлеченности, мечтам. Город, который восславляли многие. Шатобриан называл его дочерью Эллады, просветительницей Галлии, его восхвалял Цицерон и победил Цезарь. «Еще ли тут мало славы!»

Обычно Дюма останавливался в «Отеле дез Амбассадер». Сменив дорожное платье, он спешил оказаться среди «морщин» старого Марселя, в тесных улочках, там, где протекала восхищавшая его жизнь портового города. Ему не терпелось побывать на террасах кафе, заполнявших набережную Канебьер — улицу Канатчиков. В белом костюме, в соломенной шляпе — своей знаменитой панаме Дюма, сопровождаемый любимым псом Милордом, привлекал всеобщее внимание. То и дело раскланивался со знакомыми, что-то рассказывал. Подобно своему герою судовладельцу Моррелю, ходил пить кофе в «Клуб фокиян», который по-прежнему существует и сегодня, находясь в том самом доме номер 22 по улице Монгран, где местные обыватели во времена Дюма читали «Семафор» — ежедневную газету моряков и коммерсантов. Частенько заглядывал и в «Резерв» — ресторан, где состоится праздничный свадебный обед в честь героев его романа — Эдмона Дантеса и Мерседес. Бродил он и по Мельянским аллеям, там, где потом много лет подряд будут показывать «дом Дантеса»; не раз посещал поселок Каталаны, где некогда в хижине ютилась прекрасная Мерседес.

Неизменным спутником Дюма в его странствиях по городу стал Жозеф Мери. Именно он заразил писателя любовью к этому городу, заставил смотреть на Марсель своими глазами.

Сын разорившегося коммерсанта, Жозеф Мери был на шесть лет старше Дюма и являлся автором множества стихов, рассказов, пьес, либретто и газетных статей. Одно время издавал антимонархическую газету, писал сатиры, бичующие режим, потом выпу-

скал тот самый «Семафор». Его преследовали. За острые политические памфлеты он дважды сидел в тюрьме. Позже, поддавшись охватившей многих лихорадке, начал писать романы-фельетоны. Словом, это был очень плодовитый литератор. И тем не менее от его наследства мало что дожило до наших дней.

Кроме всего прочего, Жозеф Мери служил еще и библиотекарем. Это он выдал своему другу Дюма уникальное издание псевдомемуаров д'Артаньяна, бойкого сочинения некоего Гасьена де Куртиля де Сандра — книги, из которой автор «Трех мушкетеров» почерпнул многие сведения о жизни своих бесстрашных героев.

О том, что редчайшее издание было выдано Александру Дюма, свидетельствует формуляр Марсельской библиотеки. Но он же умалчивает о том, что книга эта так никогда и не возвратилась на полку, откуда ее взяли. Дюма явно воспользовался дружескими отношениями с библиотекарем и не вернул редкий экземпляр. Зато можно сказать, что приключения д'Артаньяна и его друзей трех мушкетеров берут свое начало в Марселе.

В этом же городе будет замыслен и осуществлен коварный план Данглара, Фернана и Вильфора; здесь же, в каземате крепости, расположенной на подступах к марсельской гавани, будет заточен Эдмон Дантес; отсюда он совершит дерзкий побег, но и вернется впоследствии, чтобы вознаградить семью старика Морреля. Пожалуй, Дюма станет первым писателем, который отведет в своем романе такое большое место древней Фокее.

В начале сороковых годов прошлого века Марсель считался крупным портом, разбогатевшим на торговле со всеми странами мира. Сказочно быстро росло число мельниц, заводов и фабрик — мыловаренных, химических и бакалейных товаров, по производству свечей, посуды, мебели. Одним словом, это был город с развивающейся промышленностью и населением в 156 тысяч человек. Если учесть, что за сто лет до этого чума унесла половину его жителей — 50 тысяч, то к 1841 году население его возросло вдвое. В те времена Марсель еще не вышел за пределы городской черты, но уже начинал задыхаться в своих тесных улочках. В городе велись крупные работы, прокладывалась дорога вдоль моря, строилась набережная Прадо...

В компании Жозефа Мери и его друзей — поэтов и художников Дюма появлялся в местах народных гуляний, осматривал исторические памятники. С башен собора Нотр-Дам де ля Гард любовался живописным видом окрестностей, амфитеатром раскинувшегося по взгорью города. Подолгу простаивал в порту, вглядываясь вдаль, туда, где между небом и морем высились отвесные стены замка Иф.

Бойкие лодочники наперебой предлагали приезжему господину посетить эту таинственную крепость, где некогда томились многие страшные преступники: Железная маска, маркиз де Сад, аббат Фариа.

— Аббат Фариа? — заинтересовался Дюма.

— За что же этот несчастный угодил в каменный мешок?

— Это нам неизвестно. А то, что в камере на галерее замка Иф лет тридцать назад содержался один аббат — это точно,— услышал Дюма в ответ.

Тогда Дюма обратился к всеведущему Жозефу Мери. И тот поведал ему необычную историю.

О мрачном замке Иф, расположенном на крохотном островке перед входом в марсельский порт, жители побережья издавна рассказывают различные поверья. Здесь, в сырых темницах, действительно томились многие преступники. Однажды, лет тридцать назад, в их числе оказался и аббат Фариа. Кто был этот священник? И почему он стал заключенным замка Иф?

Человек, известный во Франции как аббат Фариа, родился в Индии близ Гоа в 1756 году. Он был сыном Каэтано Виторино де Фариа и Розы Марии де Соуза. По отцовской линии происходил от богатого индийского брамина Анту Синай, который в конце XVI века перешел в христианство.

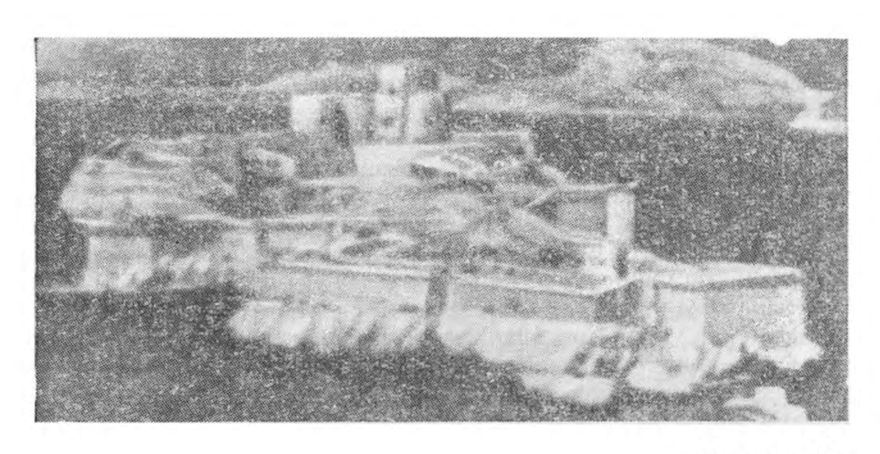
Когда мальчику, которого нарекли именем Хосе Кустодио Фариа, исполнилось пятнадцать лет, отец отправился с ним в Лиссабон. В столицу Португалии они прибыли на корабле «Св. Хосе» в ноябре 1771 года. Прожив здесь без особого успеха несколько месяцев, Каэтано решил попытать счастья в Риме. Заручившись поддержкой влиятельных лиц и протекциями, он отправился в Италию. Здесь ему больше повезло: сам он получил звание доктора, а сына пристроил в колледж пропаганды. В 1780 году Хосе закончил курс теологии.

В Лиссабоне, куда он не преминул вернуться, ему представилась блестящая возможность для карьеры. Его назначили проповедником в королевскую церковь. Произошло это не без помощи отца, который к тому времени стал исповедником королевы.

Но вот наступает 1788 год. И неожиданно отец и сын Фариа спешно покидают Португалию. Что побудило их к бегству? Почему они вынуждены были бросить с таким трудом добытое положение?

Есть основание считать, что оба они оказались участниками заговора, возникшего в Гоа в 1787 году. Получив сведения о раскрытии планов заговорщиков, они успели спастись бегством. Свои стопы отец и сын направили в Париж.

Здесь молодой Хосе встретил революционный 1789 год. Его



Крепость Иф.

назначают командиром батальона санкюлотов. А несколько лет спустя Хосе пришлось убираться из столицы: ему не простили его прошлое. Тогда-то и оказался он на юге, в Марселе, где, как уверял позже, стал членом Медицинского общества. Впрочем, подтверждений этому нет. Зато точно известно, что Фариа был профессором Марсельской академии, преподавал в местном лицее и даже поддержал однажды бунт учащихся. После чего его перевели в Ним на должность помощника преподавателя. А отсюда, арестованный наполеоновской полицией, он был доставлен в карете с железными решетками снова в Марсель, где и состоялся суд. Его обвинили в том, что он будто бы является последователем Гракха Бабефа. Столь опасного преступника самое надежное поместить в замок Иф. Сюда, в мрачные казематы, и угодил Хосе Фариа.

Сколько лет томился он в крепости, точно неизвестно. Освободили его после того, как был низвергнут Наполеон. Хосе получил возможность вернуться в Париж. И вот он уже в столице, где на улице Клиши в доме номер 49 открывает зал магнетизма.

Всего пять франков требовалось заплатить за то, чтобы стать свидетелем или участником поразительных по тем временам опытов аббата Фариа. Какие же чудеса совершались в доме на улице Клиши?

Еще раньше, вскоре после того, как Фариа впервые приехал в Париж, он подружился с графом Пюисегюром — учеником «излечителя» Месмера, австрийского врача, с упорством фанатика проповедующего свое учение о «животном магнетизме». Граф, следуя наставлениям Месмера, считал себя человеком, улавли-

вающим некие сверхъестественные токи, от которых якобы зависят все явления, носящие название магнетических.

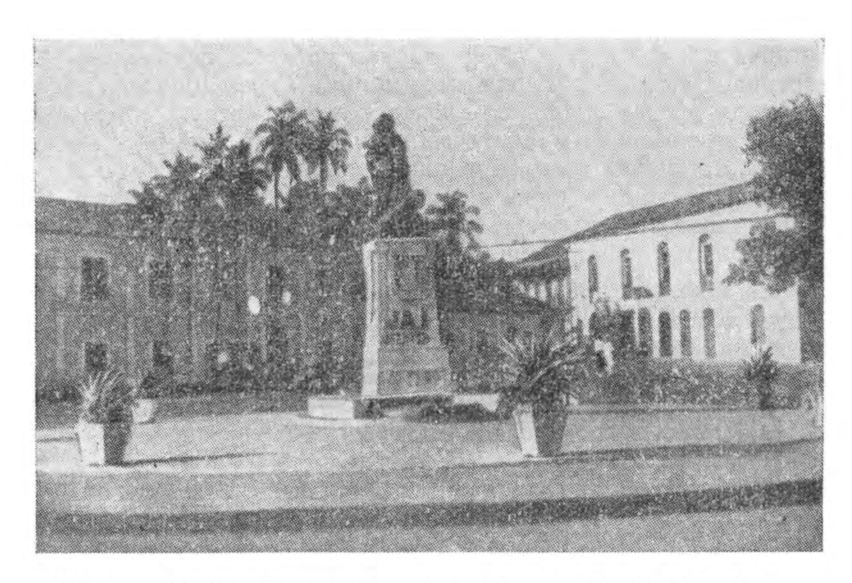
Производя бесплатно в своем поместье лечение по советам Месмера, граф случайно открыл особое состояние, названное им искусственным сомнамбулизмом. Пюисегюр и посвятил Фариа в практику магнетизма. С тех пор аббат, вспомнив о своих предках браминах, широко использовавших гипноз, стал заядлым последователем ученого графа.

В доме на улице Клиши отбоя не было от посетителей, в основном женского пола. Одних приводила сюда надежда на исцеление от недуга; других — возможность себя показать и мир посмотреть; третьих — просто любопытство. Странная личность аббата, высокий рост и бронзовая кожа, репутация чудодея и врачевателя немало способствовали успеху его предприятия.

Очень скоро опыты убедили его в том, что нет ничего сверхъестественного в так называемом сомнамбулизме. Он не прибегал к «магнетическим пассам», не пользовался ни прикосновениями, ни взглядом. Словно маг из восточной сказки, аббат вызывал «магнетические явления» простым словом «спите!». Произносил он его повелительным тоном, предлагая пациенту закрыть глаза и сосредоточиться на сне. Свои опыты он сопровождал разъяснениями. «Не в магнетизере тайна магнетического состояния, а в магнетизируемом — в его воображении,— наставлял он.— Верь и надейся, если хочешь подвергнуться внушению». За четверть века до английского врача Джемса Бреда он пытался проникнуть в природу гипнотических состояний. Для него не было ничего сверхъестественного в гипнотизме. Тайна его — внушение. Никаких особых сил, свойственных гипнотизерам, не существует. Фариа впервые заговорил об одинаковой природе сна сомнамбулического и обыкновенного.

Об опытах «бронзового аббата» говорила вся столица. Популярность потомка браминов росла день ото дня. Публику привлекали, однако, не теоретическое изложение идей аббата, а сами гипнотические сеансы.

Церковники с яростью и хулой обрушились на экспериментатора. Хотя Фариа был человеком верующим, он, не колеблясь, встретил нападки теологов, утверждавших, что магнетизм — результат действия флюидов адского происхождения. И все же церковники победили. Их проклятия и наветы заставили клиентов и любопытных забыть дорогу в дом на улице Клиши. Маг и волшебник был вскоре всеми покинут. Без пенсии, сраженный превратностями судьбы, оставленный теми, кто еще недавно ему поклонялся, он оказался в нищете. Чтобы не умереть с голода, пришлось принять скромный приход. Тогда-то он и написал свою



Памятник аббату Фариа в Пенджиме, главном городе бывшей португальской колонии Гоа.

книгу, посвятив ее памяти своего учителя Пюисегюра. Называлась эта книга «О причине ясного сна, или исследование природы человека, написанное аббатом Фариа, брамином, доктором теологии». Умер он в 1819 году.

— Если мне не изменяет память, этот бедняга врач был осмеян в веселом водевиле «Мания магнетизера»,— вспомнил Дюма.— Ну, конечно, это тот самый «бронзовый аббат», который, по словам Шатобриана, однажды в салоне мадам де Кюстин с помощью магнетизма у него на глазах умертвил чижика. А недавно мне встретилось его имя на страницах «Истории академии магнетизма», только что изданной в Париже. Ничего не скажешь, странная, таинственная личность...

Именно такой персонаж и требовался для его романа. Вывести человека, хорошо известного в столице, но пользующегося, как, скажем, граф Сен-Жермен или Калиостро, репутацией кудесника, о котором весь Париж гадал: кто же он на самом деле — индийский маг, ловкий шарлатан или талантливый ученый?

Реальный Фариа, португальский прелат, превратится на страницах его романа в вымышленного итальянского аббата, человека широчайшей образованности, ученого и изобретателя, книжника и полиглота, борца за объединение Италии. И еще одним будет

отличаться созданный воображением писателя священник от прототипа. Настоящий Фариа умер нищим. Герой Дюма, как и аббат из полицейской хроники,— обладатель несметных сокровищ. Но если Пико, наследуя богатство, погибает, так и не раскрыв тайны клада, то Фариа, умирая в камере крепости Иф, завещает свои сокровища юному другу по заключению Эдмону Дантесу. Богатство становится орудием его мести.

Реальный аббат Фариа умер и никогда не воскреснет. Вымышленный Фариа живет на страницах книги — один из удивительнейших образов в творчестве Дюма.



Фабрика «Дюма и Маке» работала на полный ход. Маке трудился без устали, делая черновые заготовки эпизодов. Очередной кусок должен утром лежать на столе у метра. Сам Дюма едва успевал писать свои собственные части и обрабатывать сырье, поставляемое соавтором. Первый том необходимо было закончить в десять дней. Газета «Де Деба», где роман будет опубликован, уже требует первые главы. «Работайте ночью, утром, днем, когда хотите, но мы должны успеть»,— приказывал Дюма. Для быстроты дела, чтобы рукопись была написана одним почерком (издатели признавали только руку Дюма, отказываясь принимать оригинал, если он был написан другим), пришлось, как бывало и прежде, привлечь некоего Вьейо — пропойцу и бездельника, единственное достоинство которого состояло в том, что его почерк, как две капли воды, походил на почерк Дюма.

В отличие от мелкого, убористого почерка Маке, выдававшего в нем скрупулезного выискивателя фактов, Дюма писал размашисто, каллиграфически красиво, однако почти без знаков препинания — это была забота секретарей. Пользовался он обычно широкого формата бумагой голубого цвета. Ее специально поставлял ему лилльский фабрикант Данель — поклонник его таланта.

Однажды утром Дюма сам явился в кабинет Маке. Тот сидел, обложенный выписками, кипой бумаги, книгами. Подали кофе.

— Дорогой Маке, приближается 28 августа — день, когда газета намерена начать публиковать наше детище. Мы должны успеть во что бы то ни стало.

— Я работаю не покладая рук. Но должен заметить, что мы все еще не придумали, как будут называть Дантеса после побега из крепости Иф.

— Наш герой, как и Атос из «Трех мушкетеров», будет жить на парижской улице Феру в двух шагах от Люксембургского сада,— фантазировал Дюма.— Впервые он объявится в столице под

именем аббата Бузони. Это одна из масок, которую носит Эдмон Дантес после побега.

— Но у него должно быть и постоянное имя,— замечает Маке.— Он богат, пусть его называют принц Заккон или что-нибудь в этом роде.

— Вы правы. Необходимо запоминающееся, необычное имя. Я подумаю об этом сегодня вечером.

Как рождаются имена героев книг? Где автор находит подходящие фамилии для своих персонажей?

Одни заимствуют их у знакомых, что нередко приводит к ссоре, а подчас и скандалу. Как случилось, скажем, с Альфонсом Доде, когда он первоначально назвал своего Тартарена именем Барбарен, не подозревая, что реальные владельцы этой фамилии подадут на него в суд. Другие выискивают нужные имена в адресных книгах, в справочниках (так поступал, например, Мопассан), на газетных страницах, при чтении разного рода документов и даже на могильных плитах. «Случайно услышанная фамилия,— пишет польский писатель Ян Парандовский,— как метеор, врывается в клубок мыслей о жизни безымянного до тех пор героя». Так однажды во время очередного проезда через Торжок А. Пушкину бросилась в глаза вывеска с именем местного портного: «Евгений Онегин». С вывески же на голову французского писателя Жана Дюамеля, автора пятитомного цикла «Жизнь и приключения Салавена», упала фамилия, которая, как свидетельствует тот же Ян Парандовский, и по сей день красуется над кондитерским магазином на углу парижской улицы Сен-Жак.

По названию городка Нехтице, которое как-то прочла на банке с дрожжами Мария Домбровская, она нарекла свою героиню в романе «Ночи и дни».

Название местностей нередко присваивал своим героям Оскар Уайльд. Для Виктора Гюго незабываемая встреча в детстве с испанским городком Эрнани — первым на пути его путешествия в эту страну — подсказала много лет спустя имя героя знаменитой драмы.

Не менее своеобразно происхождение имени «граф Монте-Кристо».

...В полночь, отложив перо, Дюма предался воспоминаниям. Перед ним возникали картины Марселя, эпизоды его последнего путешествия на юг, поездка в крепость Иф, встреча на берегу со знаменитой актрисой Рашель.

Весенняя ночь, шум прибоя настроили его тогда романтически. Подобрав отшлифованный волнами кусочек мрамора, он подарил его спутнице «в память о нашей приятной встрече».

Сейчас, вспомнив об этом, он подумал о другой своей поездке

по Средиземному морю. Она состоялась вскоре после встречи с Рашель, в 1843 году. Дюма странствовал тогда по Италии и остановился у Жерома Бонапарта — последнего из четырех братьев Наполеона.

Бывший экс-король Вестфалии попросил писателя свезти его восемнадцатилетнего сына на остров Эльба, где так многое напомнит племяннику о великом дяде.

Путешественники обошли остров, осматривали реликвии, связанные с пребыванием здесь императора Франции. Потом совершили поездку на соседний островок в надежде поохотиться на куропаток и кроликов. Но охота не удалась. Тогда проводник, местный житель, указал на утес, словно сахарная голова вздымающийся в морской дали:

— Вот где великолепная охота.

— Какая же там водится дичь?

— Дикие козы, целые стада.

— А как называется этот благословенный клочок земли?

— Остров Монте-Кристо.

Название пленило неисправимого романтика Александра Дюма. Однако к его досаде, попасть на этот скалистый, почти полупустынный утес, входивший в Тосканский архипелаг, тогда так и не удалось: на острове был карантин.

— Монте-Кристо! В память о нашем путешествии,— воскликнул А. Дюма,— я назову этим именем одного из героев своего будущего романа.

И вот теперь вспомнившиеся ему собственные слова, обращенные к Рашель,— «в память о нашей приятной встрече» — воскресили обстоятельства поездки с племянником Наполеона и обещание назвать «в память о нашем путешествии» именем острова, на котором им так и не удалось побывать, одного из своих будущих героев. Неожиданно для себя Дюма произнес: «Монте-Кристо, граф Монте-Кристо!»



«Фантазия этого человека обладает таким дьявольским могуществом, что под конец трудно провести границу между вымыслом и реальностью». В справедливости этих слов писателя Андре Ремакля могли убедиться и современники Дюма, начав читать очередной его шедевр «Граф Монте-Кристо».

Первый отрывок появился в газете «Де Деба», как и было намечено, 28 августа 1844 года. С этого дня в течение полутора лет приключения графа Монте-Кристо не давали спокойно спать читающей публике. Благородный и справедливый граф, с таким

необычным именем, быстро завоевал всеобщую симпатию. Читатели сотнями запрашивали газету, горя желанием узнать конец истории графа Монте-Кристо. Наиболее нетерпеливые платили рабочим типографии, чтобы выяснить, передал ли Дюма продолжение для следующего номера или нет: публикации в «Де Деба» то и дело прерывались, причем часто на целые месяцы. Причина была в том, что Дюма и Маке одновременно трудились над несколькими сочинениями. В газете «Конститюсионель» почти в то же время печатался их роман-фельетон «Дама из Монсоро», в других изданиях — «Сорок пять», «Шевалье де Мезон-Руж».

Публикация «Графа Монте-Кристо» заняла 136 номеров и растянулась до 15 января 1846 года. Но первые тома отдельного издания появились в книжной лавке издателя Пэтона еще в 1845 году. А всего роман занял 18 томов и продавался за 135 франков. Доходы Дюма достигли небывалых размеров. В год он заработал двести тысяч золотом. Про него теперь говорили: «богат, как Монте-Кристо». Слава, затмившая соперников, стала его тенью.

Прошло два года. Однажды Дюма охотился в лесах Марли и внезапно был поражен открывшейся ему панорамой. Вокруг простирались красивые леса, вдали виднелись террасы Сен-Жермена и холмы Аржанталя, сапоги утопали в густом цветочном ковре. На другой день Дюма вернулся сюда со своим архитектором Дюраном.

И вот на лесном участке, так приглянувшемся Дюма, возведен великолепный «замок». Парижане удивлялись. Писатель Леон Гозлан назвал его «жемчужиной архитектуры», Бальзак — «одним из самых прелестных безумств, которые когда-либо делались». И действительно, лишь очень богатый человек мог позволить себе такую поистине королевскую роскошь. Но ведь Дюма, как и его герой граф Монте-Кристо, был теперь неимоверно богат. Вот почему и свой замок он назвал «Монте-Кристо».

Новоселье состоялось в жаркий июльский вечер 1848 года. Кареты одна за другой подъезжали к массивным чугунным воротам, на которых выделялся позолоченный вензель: «А. Д.». Оказавшись за оградой, гости останавливались пораженные. Но не пятьдесят столов, накрытых на шестьсот персон на лужайке перед «замком», были тому причиной. Всеобщее восхищение вызывали английский парк, водопады, подъемные мосты, озерцо с островками. Самое большое впечатление производил сам «замок». Вернее его было бы назвать причудливой виллой, где смешались стили разных эпох. Готические башни, мавританские плафоны, гипсовые арабески с изречениями из корана, восточные минареты, фронтон с итальянской скульптурой. Стили Генриха II и Людови-

ка XV странно сочетались с элементами античности и средневековья. Витражи в свинцовых рамах, флюгера, балконы, апартаменты, украшенные золотой вязью лепных украшений.

Рядом с «замком» находилась конюшня, где содержались три арабских скакуна: Атос, Портос и Арамис. В вольерах проказничали обезьяны, бродил фазан Лукулл, кричали попугаи, голосил петух Цезарь. Нахохлившись, восседал на миниатюрной скале гриф по прозвищу Югурта, привезенный хозяином из Туниса. Трудно было остаться равнодушным при виде всего этого великолепия. Только один негритенок с Антильских островов, подаренный актрисой Мари Дорваль в корзинке с цветами, сохранял бесстрастное выражение лица. Да кот Мисуф и любимцы хозяина псы безучастно слонялись по зеленым лужайкам.

— Всего золота вашего графа Монте-Кристо не хватило бы на то, чтобы возвести этот роскошный замок,— заметил хозяину Леон Гозлан в порыве восторга.

Среди всей этой вычурности и помпезности лишь кабинет хозяина напоминал простую келью. Узкая витая лестница вела в тесную каморку, где стояла железная кровать, деревянный стол и два стула. Здесь Дюма работал, иногда по несколько дней не покидая своего «кабинета». Лишь изредка появлялся на балконе, откуда мог наблюдать за гостями, посещавшими его дом.

Замок — «самая царственная из всех бонбоньерок на свете»,— как заметил Бальзак, странным образом напоминал портрет в камне и красках создателя д'Артаньяна и графа Монте-Кристо. Это была копия самого Александра Дюма — веселого, остроумного и безалаберного малого, безрассудного и великодушного, одержимого невероятными прожектами, нерасчетливого и трогательно-наивного.

Недолго владелец поместья «Монте-Кристо» был опьянен радостью и успехом. Вскоре долги и судебные исполнители обрушились на беспечного Дюма. Мебель, картины, книги, кареты, даже звери и птицы были распроданы. Затем настала очередь и самого здания. В феврале 1849 года его приобрел за 30 тысяч франков некий зубной врач, разбогатевший в США. Запирая ворота опустевшего «замка», судебный исполнитель оставил записку, достойную фигурировать в досье Дюма: «Продается гриф по прозвищу Югурта. Оценивается в 15 франков».

Дом расточителя Дюма пошел с молотка. В то же самое время Огюст Маке приобрел неподалеку виллу. Более скромную и отнюдь не чарующую воображение, вполне по его средствам и характеру. В отличие от Дюма он ее сохранил.

«Замок» Монте-Кристо дожил до наших дней. Добраться сюда несложно. Из Парижа в сторону Сен-Жермена ведет отличный

путь. Миновав городки Рюэ, Буживаль, Порт-Марли, у указателя с надписью «К Монте-Кристо» свернуть с шоссе влево. Дорога, петляющая среди садов, приведет к цели путешествия.

Ежегодно безвестные почитатели Александра Дюма приезжают сюда со всех концов света. Иногда здесь разыгрываются сцены из жизни писателя. И тогда на заросших аллеях, среди вековых деревьев перед «замком» слышатся смех и песни отважных мушкетеров, мелькает маска графа Монте-Кристо, и аббат Фариа, показывая фокусы, демонстрирует свое искусство волшебника.

В наши дни над усадьбой нависла угроза. Власти разрешили строительство в этом районе. «Неужели все это исчезнет бесследно? — писал Алэн Деко в газете «Фигаро» после того, как об этом стало известно.— Неужели исчезнет и парк, где мечтал Дюма, и сам дом, восхищавший Андре Моруа?»

Более повезло писателю в его любимом Марселе. Стремясь почтить память Дюма, отцы города дали одной из улиц в квартале, раскинувшемся по склону холма, который высится над главной улицей Канебьер, имя графа Монте-Кристо, другой — аббата Фариа, третьей — Эдмона Дантеса. Не так давно одной из магистралей на окраине было присвоено имя Александра Дюма. Так Марсель отплатил за любовь к нему писателя. Это единственный город, четырехкратно почтивший память автора «Графа Монте-Кристо», своевольно соединив в обозначении улиц имя писателя с именами его героев.

Многие марсельцы, да только ли они, и по сей день искренне верят, что все, о чем написал Дюма в своем романе, случилось на самом деле. Этой верой ловко пользуются все те же лодочники и расторопные гиды, предлагающие посетить замок Иф. Слава этой «южной Бастилии» не померкла и по сей день. Однако сегодня замок Иф — безобидное место. Не видно больше часовых на стенах — вот уже сорок лет крепость охраняется лишь как памятник старины. Повсюду — на площадке внутри форта, в казематах — толпы туристов. С любопытством они останавливаются перед табличками на дверях камер, гласящих, что здесь содержались некие Эдмон Дантес — в будущем граф Монте-Кристо — и обладатель несметных сокровищ аббат Фариа. Показывают даже лаз, который они якобы прорыли из камеры в камеру. Так писательский вымысел, благодаря которому несчастный юноша оказался похороненным в этой страшной тюрьме на многие годы, сто тридцать лет спустя обрел жизненное подтверждение. Впрочем, сам Дюма еще при жизни немало способствовал тому, чтобы история Эдмона Дантеса выглядела подлинной.

Однажды Дюма отправился на рыбный базар в Старый порт. С изощренным искусством завзятого кулинара выбирал он здесь

рыбу и ракушки для рыбной похлебки, секретом приготовления которой владел он один.

— А верно ли, господин Дюма,— спросил его любопытный марселец, увидев, как писатель с засученными рукавами стоит у плиты,— что Эдмон Дантес тоже умел готовить эту похлебку?

— Те! — отвечал Дюма, стараясь произносить слова с марсельским акцентом.— Он-то меня и выучил этому искусству!

Возбуждая фантазию своим названием, привлекает внимание туристов и остров Монте-Кристо. В желающих пройти тропами прославленных литературных героев никогда нет недостатка.

Не так давно в зарубежной печати промелькнуло сообщение о том, что остров Монте-Кристо, площадь которого 10 кв. км, собираются превратить в заповедник. Здесь якобы будет создана «Республика Монте-Кристо». Она получит свой флаг — крест на белом поле, окаймленном голубыми полосами; и герб, на котором изображены якорь и охотничий рог.

Проводник А. Дюма был прав: не было и нет лучшей, чем здесь, охоты. То и дело на скалах на фоне неба возникают изящные силуэты горных коз особой породы — пока еще единственных хозяев этого царства зелени и гранита. Существуют, правда, на острове и остатки человеческого жилья: грот древнего отшельника да развалины монастыря.

Впрочем, возможно, вскоре клочок земли, омываемый прозрачными морскими водами, будет заселен. Но это произойдет в том случае, если удастся набрать сто человек, желающих стать подданными новообразованной «республики».

Давно осыпалась позолота с вензеля «А. Д.» на чугунной решетке ворот «Монте-Кристо». Возможно, исчезнет и сам «замок». Но неизменно в памяти читателей будет жить благородный псевдограф, в одиночку вступивший в борьбу с сильными мира сего. И напрасно волновался Дюма, задавая перед смертью сыну вопрос: «Александр, ты не веришь, что после меня что-то останется?» Время, беспощадное к творениям человеческого духа, щадит и увековечивает лишь то, что оказывается прочным. «Все, что было лишь звонким созвучием,— писал Анатоль Франс,— рассеется в воздухе; все, что создано лишь ради суетной славы, развеет ветер... Будущее знает свое дело — ему одному дано таинственное и безусловное право произносить окончательные, непререкаемые приговоры».

Будущее вынесло свой приговор творчеству Александра Дюма. Его книги, и среди них прежде всего роман «Граф Монте-Кристо», победили капризное и своенравное Время. Победило чудотворное, талантливое писательское слово

СЫЩИК ДЮПЕН ТЕРЯЕТ СЛЕД...

Герои По или, вернее, герой его — человек со сверхъестественными способностями.

Ш. Бодлер



Широкий, «властительный лоб» Эдгара По навис над свитком исписанной бумаги — он любил писать на узких полосках, напоминавших гранки газетных статей. Рядом на столе кипа таких же узких листков — рукопись нового рассказа «Тайна Мари Роже». Объем его — двадцать тысяч слов. Вряд ли удастся напечатать весь текст сразу в одном номере журнала. Придется разбить на части. Но прежде надо решить, в какой журнал послать рукопись. Впрочем, лучше разослать копии сразу в несколько редакций — где-нибудь да клюнет.

Махнув рукой на Филадельфию, где жил, Эдгар По посылает рассказ в разные города. Вскоре из Нью-Йорка приходит конверт. Владелец журнала «Лэдис компэньон» («Дамский спутник») сообщает, что рассказ принят и будет опубликован, как автор и предполагал, по частям в трех номерах. А еще несколько дней спустя Э. По оповещают о том, что первая часть появится в ноябрьской книжке журнала за 1842 год.

В середине октября, как обычно заранее, вышел ноябрьский номер «Лэдис компэньон». В нем увидела свет первая часть рассказа «Тайна Мари Роже». Вторая — в декабрьском номере — поступила в продажу примерно 15 ноября. Третья часть — в типографии. И тут случилось то, чего автор никак не мог предположить.

Примерно за полтора года до этого, в апреле 1841 года, в журнале «Грехемс мэгэзин» появился рассказ «Убийства на улице Морг». Под ним стояло уже известное тогдашнему читателю имя Эдгара По. Незадолго перед этим вышли два тома его новелл, ранее публиковавшихся в различных изданиях. Но рассказ «Убийства на улице Морг» сразу же занял особое место в творчестве писателя. Это было необычное повествование, построенное на принципе логического рассуждения, по существу, положившее начало всей современной детективной литературе. А сыщик-любитель Огюст Дюпен — персонаж этого и последующих рассказов Э. По — открыл список знаменитых детективов в мировой литературе. Используя известное сравнение, можно сказать, что все они — от Шерлока Холмса и патера Брауна до Эркюля Пюаре и Жюля Мэгре — вышли из рукава дюпеновского сюртука.

Аналитический дар, присущий самому Э. По, обожавшему всяческие психологические загадки и запутанные ситуации, позволяет его герою демонстрировать проницательность, «которая уму заурядному представляется чуть ли не сверхъестественной». Для Дюпена анализ — источник живейшего наслаждения, он «радуется любой возможности что-то прояснить или распутать». В этом смысле Огюст Дюпен вобрал в свой характер многое от своего создателя — математика и поэта, которого манило все таинственное, загадочное.

Появившись на свет, Дюпен, сибарит и книгочей, равнодушный к приманкам жизни, очень скоро стал популярным персонажем. Его полюбили вместе с его причудами — бодрствовать ночью и занавешивать окна днем. А его уединенный образ жизни и та сосредоточенность, с которой он совершенствует в одиночестве свое искусство, тренируя ум, казались вполне естественными для человека, раскрывающего законы диалектического мышления.

Слава Дюпена укрепилась еще более после того, как он вторично встретился с читателями, вновь поразив умением распутывать криминалистические загадки, оказавшиеся «не по зубам» сыщикам-профессионалам.

Встреча эта произошла на страницах журнала «Лэдис компэньон», где публиковался рассказ «Тайна Мари Роже».

Итак, две его первые части опубликованы. Третья, последняя, должна появиться в следующем, январском номере. Однако, к удивлению читателей, с нетерпением ожидавших обещанного окончания, они не нашли его в очередной книжке журнала. Что же произошло? Отчего заключительная часть рассказа появилась лишь в февральском номере? По мнению некоторых исследователей творчества Э. По, в частности Джона Уолша, произошло это отнюдь не случайно. Но в таком случае почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к творческой истории этого рассказа.

Сила воображения Э. По была такова, что заставляла поверить и в невозможное. Эту его способность Ф. Достоевский назвал «фантастическим реализмом», который опирается на достоверность деталей, элементы «документированности». И действительно, реализм подробностей приковывает к страницам его творений, словно завораживает. Писатель любил, например, точно обозначать время действия, выводил реальные прототипы, часто строил сюжет своих новелл на подлинных событиях.

«Правда всякой выдумки странней»,— утверждал байроновский Дон-Жуан. Вслед за ним Э. По считал, что «правда — странная штука.., более странная, чем сама фантазия». Вот почему, когда страницы нью-йоркских газет, а вслед за ними и газет других городов, в июле 1841 года запестрели сенсационными шапками заголовков о таинственном убийстве некоей Мэри Сесилии Роджерс, писатель стал собирать вырезки этих сообщений. Чутье подсказывало ему, что здесь будет чем «поживиться» его аналитическому дару.

Вскоре, примерно через год, он передаст эти вырезки в руки своего литературного двойника Огюста Дюпена и тот приступит по ним к расследованию.

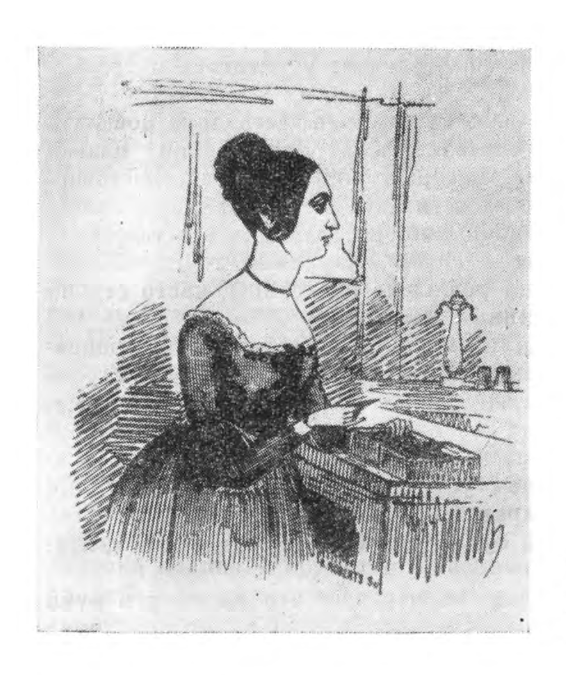
О том, что Э. По положил в основу своей новеллы подлинный случай, он без обиняков указывал во втором абзаце, где заявлял, что все описанное им имело место в действительности. И недвусмысленно отсылал к делу об убийстве нью-йоркской «табачницы» Мэри Сесилии Роджерс, хотя имя героини, как и место действия, изменены им. Впрочем, разница усматривается лишь в незначительных деталях. Например, возраст героини — 22 года, место работы — парфюмерная лавка в Париже.

Дело об убийстве «табачницы» оказалось весьма сложным. Полиция топталась на месте, будучи бессильна распутать загадочный клубок. Тогда-то Э. По и решил бросить на помощь своего Дюпена.

Как и в рассказе «Убийства на улице Морг» (кстати говоря, в основе которого тоже лежал подлинный, правда, сильно переработанный случай), префект Г., приятель сыщика, приглашает его принять участие в следствии.

Потомок знатного рода шевалье Огюст Дюпен, маг и чародей сыска, отвечает согласием.

Разумеется, он не переступает порога своей квартиры. Больше того, остается сидеть в своем излюбленном кресле, прямой, чопорный, в очках с зелеными стеклами. Нужные сведения для него собирает приятель, безымянный рассказчик, от лица которого



Мэри Роджерс за прилавком табачного магазина в изображении современников.

ведется повествование. Он роется в газетах, посещает полицию, и, наконец, предоставляет Дюпену результаты своих усилий.

Проведя неделю в раздумье, сыщик-аналитик раскладывает перед приятелем шесть выдержек из различных газет с отчетами об убийстве и излагает свое решение...

Как говорилось, в основе этой новеллы Э. По лежит подлинное преступление. В чем же оно состояло?

В Нью-Йорке сороковых годов прошлого столетия убийства были обычным явлением, хотя до «рекордов» сегодняшних дней тогда было еще далеко. Газеты уделяли таким событиям один-два абзаца и забывали о них. Однако убийство Мэри Сесилии Роджерс оказалось надолго в сфере их пристального внимания.

Трагическая судьба девушки вызвала всеобщий интерес. Пытаясь объяснить причину ее посмертной известности, репортеры приписали ей несуществующую славу, точнее говоря, дурную славу. При этом газетчики откровенно намекали на профессию Мэри — она работала продавщицей в табачной лавке, была исключительно хороша собой, недаром «влиятельные и богатые покупатели обожали прекрасную табачницу».

За прилавком она оказалась в 1837 году, когда разразился финансовый кризис. Мэри вынуждена была пойти работать. Отец

ее погиб незадолго до этого при взрыве парохода, и семья осталась без кормильца.

Молодой торговец Джон Андерсон взял ее продавщицей в свой магазин. Это было смелое по тем временам новое веяние, оказавшееся весьма прибыльным. В магазине, обслуживающем главным образом мужчин, «прекрасная табачница» стала приманкой для покупателей.

У матери Мэри были все основания опасаться за дочь. Скоро эти тревоги оправдались. За два года и восемь месяцев до смерти с Мэри случилось нечто такое, что и сегодня остается неясным.

В четверг, 5 октября 1838 года, четыре утренние газеты вышли с кратким сообщением о том, что исчезла некая Мэри Сесилия Роджерс, оставив записку с извещением о задуманном ею самоубийстве (эпизод этот играет важную роль в рассказе Э. По). Газета «Нью-Йорк сан» под заголовком «Нечто загадочное» сообщала, в частности, что в полицию было доставлено письмо, оставленное молодой особой по имени Мэри Сесилия Роджерс своей матери, проживающей по Плитт-стрит, 114. В письме говорилось, что Мэри покинула дом навсегда, дабы покончить счеты с жизнью.

Испуганная мать бросилась искать дочь. Но до сегодняшнего утра, писала газета, след ее не найден.

Однако уже на следующий день другая газета «Таймс энд коммершл интеллидженсер» опровергла происшествие. «Мисс Р.,— говорилось на страницах солидного органа коммерсантов и торговцев,— просто-напросто поехала с визитом к подруге в Бруклин. И в настоящее время находится дома с матерью».

И это была правда. После этого Мэри продолжала работать в табачном магазине. Но потом ушла.

К тому времени ее мать, благодаря помощи сына, приобрела на Нассау-стрит дом и приспособила его под меблированные комнаты. Теперь мать и дочь могли жить безбедно.

Прошло два года. Дом, видимо, не пустовал, но из всех жильцов известны имена лишь тех, кто оказался так или иначе причастным к истории Мэри.



В воскресенье 25 июля 1841 года солнце взошло рано, и очень скоро Нью-Йорк бросило в удушливую жару.

В десять часов утра Мэри вышла из своей комнаты, расположенной на втором этаже, спустилась по лестнице и подошла к двери Дэниела Пейна — жильца их дома. По его словам, она сообщила, что отправляется в город к тетушке, некоей миссис Дау-

нинг, живущей на Джейн-стрит, чтобы отвести в церковь своих племянников и племянниц. Пейн условился с Мэри о том, что они встретятся вечером на углу Бродвея и Энн-стрит. Следует заметить, что они с Мэри были обручены.

Примерно в 11 часов утра Пейн ушел из дому и отправился к брату, который жил на Уоррен-стрит. В час дня Пейн находился в салуне на Дий-стрит; в два часа пополудни он обедал в ресторане на Фултон-стрит; домой вернулся в три часа дня и отдыхал до шести, а затем предпринял пешую прогулку на полмили, до Бэттери, и снова встретился с братом. Около семи часов вечера он поджидал Мэри на конечной остановке на Энн-стрит. Но тут разразилась сильнейшая гроза, которой опасались весь день, и Пейн, зная, что в такую погоду Мэри не вернется, снова направился в салун на Дий-стрит. К девяти часам он был снова дома на Нассау-стрит, где другая тетка Мэри, миссис Хейс, подтвердила, что Мэри наверняка заночует на Джейн-стрит. Пейн улегся спать со спокойной душой. Он не знал, что окончился последний неомраченный день его жизни.

Таким рисует ход дела Джон Уолш, специально изучивший все его обстоятельства. Таким оно представлялось тогда и Эдгару По. Во всяком случае в основном писатель, если обратиться к тексту новеллы, придерживался точно такого же хода развития событий. Дальше это станет еще очевиднее.

...На другой день, в понедельник, Пейн вышел на работу (он служил на пробковой фабрике). Придя домой во время обеденного перерыва, он узнал, что Мэри до сих пор никто не видел, не поступило от нее и каких-либо известий. Тогда Пейн решил отправиться к тетке Мэри на Джейн-стрит. На конке дорога заняла пятнадцать минут. Здесь он выяснил, что в воскресенье миссис Даунинг не было дома и она ничего не может рассказать о племяннице. Остаток дня Пейн в смятении метался между домами друзей и родственников Мэри. Но так ничего и не узнал. Мэри исчезла. Тогда Пейн отправился в редакцию нью-йоркской газеты «Сан», где дал осторожно составленное объявление. Оно появилось в газете на следующий день: «25 июля, в воскресенье,— говорилось в нем,— ушла из дому девица в белом платье, черной шали, голубом шарфе, шляпке с перьями, светлых туфлях и с таким же зонтиком; предполагают, что с нею произошел несчастный случай. Тому, кто сообщит о ней какие-либо сведения в дом № 126 по Нассау-стрит, будет выдано вознаграждение».

Когда об исчезновении Мэри узнал Элфред Кромлайн, за месяц до описываемых событий покинувший меблированные комнаты и ухаживавший за дочкой хозяйки до Пейна, он не на шутку переполошился.

Прежде всего он навестил миссис Роджерс, затем стал наводить справки, предпринял кое-какие розыски. Скоро он пришел к выводу, от которого, как он объяснял впоследствии, у него мороз пошел по коже: Мэри похищена с гнусными намерениями и даже, возможно, содержится под стражей — вероятно, в одном из «веселых» домов на противоположном берегу Гудзона.

Примерно в полдень 28 июля Кромлайн со своим другом Арчибальдом Пэдли сели на паром, идущий на ту сторону Гудзона, в Гобокен. Они шли по берегу. И вдруг, неподалеку от Пещеры Сивиллы, поиски Мэри неожиданно завершились успехом. Заметив у самой воды группу людей, Кромлайн растолкал их локтями и очутился перед изуродованным телом молодой девушки, лежавшем на песке.

Позднее репортер газеты «Геральд», случайно оказавшийся на том же самом месте происшествия, так описывал зрелище, открывшееся глазам Кромлайна: «Самое тяжкое впечатление произвел первый взгляд на нее... Черты лица едва различимы — до того сильны нанесенные повреждения... в целом она представляла собой одно из самых ужасающих зрелищ, какие только можно вообразить».

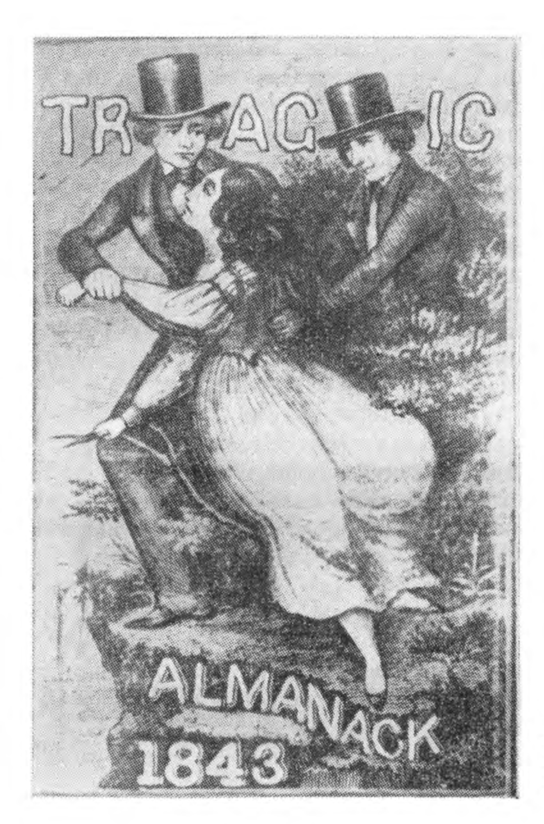
Несмотря на то что лицо было изуродовано, Кромлайн сразу узнал Мэри.

И пресса, и полиция, не задумываясь, приписали злодеяние одной из бесчисленных нью-йоркских шаек, бесчинствующих в Гобокене и его окрестностях.

В начале августа Нью-Йорк жил сенсацией таинственного убийства Мэри Роджерс. Место происшествия привлекало массу любопытных. «В Гобокене по-прежнему наблюдаются толпы народу, у всех на устах имя бедняжки Мэри Роджерс»,— писал репортер газеты «Геральд». Нашелся предприимчивый дагеротипист с Уолл-стрит, некто Бэкер, раздобывший портрет девушки, с которого изготовил копии — «вылитая мисс Роджерс». «В розницу можно продать большое количество копий,— рекламировал он свое мастерство в «Сан»,— если отвезти товар в Гобокен, куда ежедневно приезжает такое множество людей, чтобы посетить место происшествия». В те дни фотография едва ли насчитывала год от роду, и Бэкеру надо отдать должное: он быстро сориентировался, нашел коммерческое применение новой технике.

Тайна убийства оставалась злобой дня, однако ключа к разгадке все еще не было. Туман слухов и маловероятных догадок распространялся по городу. Но ничего нового не происходило — полиция тщетно пыталась выйти на след преступника.

Как же развертывались события дальше? В конце августа в руках полиции оказались кое-какие данные. А именно: некая



Обложка альманаха 1843 года, в котором говорилось о том, что Мэри погибла от рук бандитов.

миссис Фредерика Лосс, хозяйка небольшой гостиницы неподалеку от берега, известила гобокенскую полицию, что ее сыновья нашли предметы женской одежды, разбросанные в кустарнике метрах в трехстах от ее заведения. В числе этих «предметов» были зонтик, носовой платок с инициалами М. Р., шелковый шарф, пара перчаток и, как ни странно, белая нижняя юбка. На вересковом кусте обнаружили также два лоскутка материи.

Миссис Лосс тотчас же опознала шарф: он принадлежал молодой девушке, которая побывала в гостинице в воскресенье, в тот день, когда исчезла Мэри. По словам миссис Лосс, девушка пришла в гостиницу часа в четыре пополудни в сопровождении «загорелого молодого человека». В гостинице девушка, продолжала миссис Лосс, выпила лимонаду и полчаса спустя ушла, опираясь на руку своего спутника. Она запомнилась «любезностью и скромными манерами»; уходя, улыбнулась и сделала прелестный книксен.

Проведя расследование, полиция официально потребовала не предавать эти сведения огласке. Таким образом, в печать не просочилось даже намека о находке. Впрочем, газета «Геральд», пронюхав о каких-то фактах, кратко сообщила, что «найдены» принадлежавшие Мэри «шаль и зонтик». Вскоре газете стали известны все подробности, но требование полиции не оглашать сведения сильно осложняло дело. Тем не менее «Геральд» разразилась драматическим абзацем: газета заверила читателей, что располагает «всеми жуткими фактами, раскрытыми за последние дни». «Как только будет дозволено,— обещала газета,— мы приподнимем завесу тайны и покажем сцены жестокости и кровопролития, от которых волосы встанут дыбом». Однако вскоре умолкла и «Геральд». Взбудораженным читателям приходилось снова довольствоваться слухами и строить собственные догадки. Наконец, в середине сентября атмосфера несколько разрядилась. «Геральд» разразилась пространной статьей о находке вещей Мэри и показаниях миссис Лосс. Плюс к этому газета опубликовала гравюру — гостиницу миссис Лосс с подписью: «Вот дом, где Мэри Роджерс последний раз видели живою».

К сожалению, многообещающие находки ни к чему не привели. Разумеется, полиция допросила миссис Лосс и ее сыновей, обследовала найденную одежду, обшарила кустарник, привлекла к дознанию членов наиболее известных шаек города. Но все это кончилось ничем. И к тому времени, когда прекратился ажиотаж статей в «Геральд», дело об убийстве Мэри Роджерс потеряло свою популярность.

Последний раз убийство упоминалось на страницах газет в середине октября 1841 года. Видимо, до этого Эдгар По, как и многие читатели, лишь следил за сообщениями прессы. И только после того как следствие кончилось ничем и дело предали забвению, писатель решил пустить своего героя-сыщика Дюпена по следу. Замысел новеллы «Тайна Мари Роже» возник, видимо, в мае, то есть почти год спустя после убийства.

А уже четвертого июня Э. По в письме Джорджу Робертсу, редактору бостонской «Нейшн», сообщил, что «только что закончил вещь, похожую на «Убийства на улице Морг», которую назову «Тайна Мари Роже». Рассказ основан на истории убийства Мэри Сесилии Роджерс».

Дюпену вновь представилась возможность блеснуть своими талантами криминалиста. Нетрудно было предположить, что расследование и выводы «частного сыщика» по поводу нашумевшего убийства привлекут всеобщее внимание. Тем самым умножат успех рассказа. Конечно, можно сказать, что в известной степени писатель рисковал, выдвигая свою версию об убийстве. Но ведь полиция

оказалась неспособной раскрыть преступление, и дело положили в архив. Во всяком случае тогда казалось, что с этим покончено и Дюпен может без ущерба для личного авторитета выдвигать свою версию.

Поставленный в конкретные рамки хотя и неопределенным, но все же общеизвестным фактом, Дюпен в ходе логических рассуждений приходит к заключению, что Мари Роже — аналог Мэри Роджерс, была убита тем «загорелым молодым человеком», с которым ее видели в гостинице, возможно, он был морским офицером. Этот вывод Дюпен сделал после недели раздумий над вырезками газетных сообщений. Из их потока сыщик отбирает шесть и по ним строит свои выводы. В последующих изданиях в сносках будут указаны источники, где были опубликованы приведенные цитаты. Впрочем, вопреки общему заблуждению, эти выдержки отнюдь не представляли собой дословное изложение газетных текстов, якобы без изменений вставленных Э. По в свое повествование. Четыре из них, как считает Дж. Уолш, были компиляциями или адаптациями, пятая — близким к тексту пересказом одного источника, шестую же проследить вообще не удалось: ее, видимо, придумал Э. По, стремясь придать развязке больший эффект.

В таком виде — с тщательно обоснованной развязкой и продуманной аргументированной версией об умышленном убийстве, совершенном офицером флота,— рассказ ушел в типографию.

Когда же первая и вторая части его были уже опубликованы, а третья находилась в печати, случилось, как было сказано, непредвиденное.

После более чем годичного молчания нью-йоркские газеты, начиная с 18 ноября, вновь подняли шумиху вокруг дела Мэри Роджерс.

Причем на сей раз газеты без обиняков заявляли, что тайна ее убийства вот-вот будет раскрыта.

И в самом деле, вскоре появились сообщения о сенсационном признании миссис Лосс — хозяйки гостиницы, где Мэри последний раз видели живою. На смертном ложе почтенная мисс — ее нечаянно ранил один из сыновей — покаялась: девушка стала жертвой незаконного аборта, произведенного в гостинице.

Самый злостный недоброжелатель писателя не мог бы выбрать время, более подходящее для того, чтобы нанести удар. Не забывайте, в печати последняя часть рассказа с совершенно противоположной версией гибели Мэри Роджерс — прототипа героини Эдгара По.

Репутация писателя, а вместе с ним и его героя — непревзойденного детектива — оказалась под угрозой. Э. По прекрасно понимал, что критики не преминут воспользоваться его промахом.

Надо было срочно спасать положение и исправлять ошибку, допущенную его Дюпеном. Но что мог он предпринять?

О том, как и где провел Э. По последние пять недель 1842 года, неизвестно. Все без исключения биографы писателя обходят этот вопрос, как заявляет Дж. Уолш, молчанием, видимо, не сомневаясь, что Э. По находился дома в Филадельфии.

А между тем это было не так. Несомненно, считает тот же Дж. Уолш, что писатель решил спасти свою репутацию и выехал в Нью-Йорк. Вернулся же он лишь к рождественским праздникам. Что же делал Э. По в Нью-Йорке? Что мог он предпринять?

Прежде всего писатель навел справки у знакомых газетчиков, побывал в гостинице и ее окрестностях — словом, подключился ко всевозможным источникам новых сведений о гибели Мэри Роджерс. И очень скоро он понял, что его Дюпен действительно шел по ложному следу. Писатель лично убедился в справедливости своих собственных слов о том, что в глубокомыслии легко перемудрить. И что в насущных вопросах истина не всегда обитает на дне темного ущелья.

У Э. По оставалось несколько дней, чтобы спасти положение. Однако он, видимо, еще колебался. Должно быть, откровения миссис Лосс не убедили его своевременно. Когда же он, наконец, бросился в редакцию журнала и потребовал гранки последней части своего рассказа, увы, было уже поздно — январский номер ушел в печать. Необходимо внести изменения, убеждал он редактора, и отложить публикацию последней части. Редактор был, естественно, недоволен, но пришлось пойти на это. В январском номере продолжение не появилось.

Тем временем автор в одной из нью-йоркских гостиниц спешно вносил поправки и исправления в заключительную часть своего рассказа. Об этом свидетельствует анализ текста рассказа. Прежде всего обращает на себя внимание текст от редакции «Лэдис компэньон». Видимо, выяснение подлинных обстоятельств гибели прототипа и несовпадение выводов о причинах смерти Мари Роже у автора бросило бы тень в глазах читателей и на сам журнал. Стремясь спасти свою честь, редакция сообщала, что она, по соображениям, от уточнения которых воздерживается, взяла на себя смелость опустить ту часть рукописи, где описаны события, развернувшиеся после того, как Дюпен подобрал свой, пока еще ненадежный, ключ к разгадке.

Однако какого же характера исправления внес сам автор? Наиболее существенно — это вписанные позже слова о том, что между судьбой Мэри Роджерс и Мари Роже отсутствует прямая параллель, хотя она и напрашивается сама собой. Весь этот абзац довольно противоречив. Не говоря о том, что читатель хорошо пом-

нил фразу в самом начале рассказа, где автор открыто настаивал на этой параллели, призывал к сравнению судеб прототипа и героини.

И вот, несмотря на это, Э. По многословно предостерегает читателя от мысли продолжить установившуюся между двумя убийствами параллель и отметает ее «с безоговорочностью и настоятельностью, возрастающими прямо пропорционально тому, насколько далеко эту параллель уже провели, и тем больше, чем точней она до сих пор получалась».

В этом же абзаце автор туманно говорит о «просчетах», заявляя, что к ним ведет подчас самая незаметная нетождественность параллельных фактов. В результате два потока событий будут отклоняться в разные стороны один от другого точно так же, как в арифметике ошибка сама по себе, может быть, и пустяковая приводит, умножаясь в каждом новом звене последовательных вычислений, к ответу, чудовищно не совпадающему с правильным.

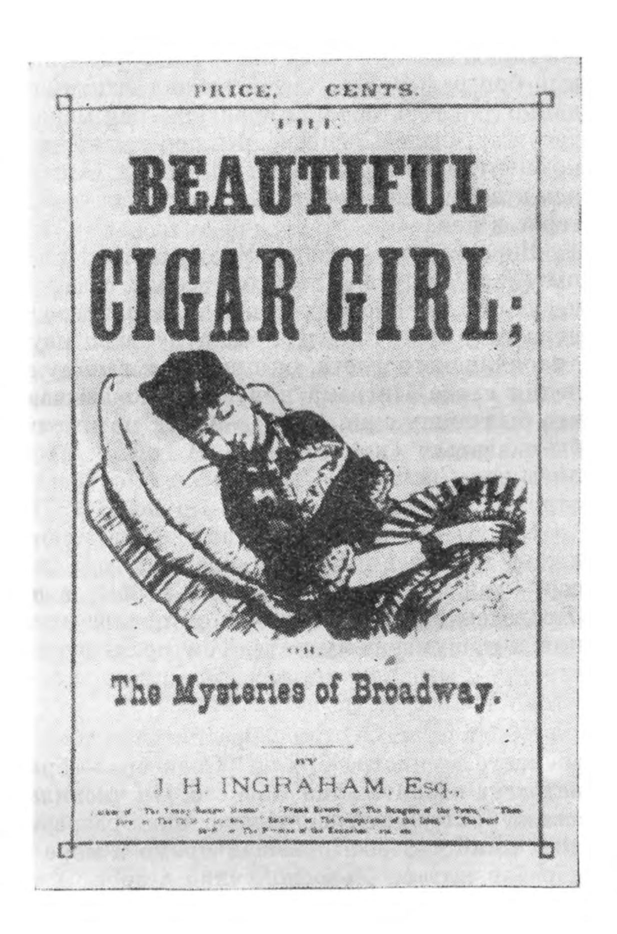
Эти изменения и вставки в тексте, которые сейчас при отсутствии рукописи Э. По в полной мере невозможно проследить, были, как справедливо пишет Дж. Уолш, паллиативом, но, бесспорно, лучшим из всего, что мог предпринять автор в столь ограниченный срок и при такой двусмысленной ситуации. Во всяком случае, Э. По достиг главного — эти изменения спасли его и Дюпена от полного провала.

Но Э. По не ограничился только предупреждением о том, что не следует отождествлять историю прототипа с судьбой героини его рассказа. Он попытался, насколько это было тогда возможно, внести поправки в последнюю часть публикуемого рассказа, каждая из которых предусматривает возможность смерти Мари Роже в гостинице мадам Делюк (литературного аналога миссис Лосс).

Позже, готовя издание сборника своих новелл, Э. По прошелся по всему рассказу «Тайна Мари Роже» и внес еще ряд поправок того же свойства. В общей сложности их было сделано пятнадцать.

Кроме того, в авторской сноске, помещенной в этом издании, Э. По сделал подстрочные замечания, которые ранее отсутствовали. Из них явствовало, что автор якобы знал истину с самого начала и следовал основным фактам подлинного убийства Мэри Роджерс. Но вместе с тем признавал, что многое из того, чем он сумел бы воспользоваться по-своему, случись ему побывать на месте и ознакомиться с обстановкой лично, оказалось упущенным.

Делая эти оговорки, Э. По, однако, продолжал утверждать, что его попытка раскрыть реальное убийство при помощи одних лишь газетных отчетов увенчалась успехом. Это утверждение послужило толчком к тому, что рассказ оброс значительным количеством ли-


PRICE, CENTS.

THE

BEAUTIFUL CIGAR GIRL;

OR,

The Mysteries of Broadway.

BY

J. H. INGRAHAM, Esq.,

«Прекрасная табачница» — так назывался роман Дж. Ингрэма.

тературы. Одни твердят, что Э. По раскрыл убийство, другие — что не раскрыл, некоторые предлагают новые версии. Сравнительно недавно была высказана совсем смехотворная мысль, будто убийца — сам писатель. Это превосходно показывает, иронизирует Дж. Уолш, до чего довела «Мари Роже» тех, кто пытался проникнуть в ее тайну. А таких было немало.

Еще при жизни писателя появились, как правило, дешевые, рассчитанные на обывателя, душещипательные сочинения, излагавшие трагическую судьбу нью-йоркской девушки. Образ ее ожил на страницах романа Дж. Ингрэма «Прекрасная табачница». Через несколько лет, уже после смерти Э. По в 1849 году, ее история послужила основой для романа Эндрю Дж. Дэвиса «Рассказы

доктора». А еще позже, лет сорок спустя, когда Дж. Ингрэм — первый биограф Э. По — работал над его жизнеописанием, он неожиданно для всех обронил фразу: «Имя морского офицера, убившего девушку, было Спенсер». Никаких ссылок на источники, никаких комментариев при этом он не сделал. Однако тем самым возвращаясь к версии как будто уже опровергнутой, он вновь пробудил интерес к ней.

Впрочем, до некоего Уильяма К. Уимсэтта никто всерьез не пытался двинуться по этому следу. Свой розыск, предпринятый через сто лет после трагедии, литературовед начал с поисков офицера по имени Спенсер. Скрупулезно изучив отчеты в архивах американского флота, он пришел к такому выводу: «Без подтверждения слова Ингрэма ничего не доказывают». Однако добавлял, что был лишь один офицер-моряк по имени Спенсер, который мог бы оказаться «причастным». А вообще в те годы на флоте числились два Спенсера. Один находился в Огайо и, следовательно, отпадал. Другой жил в Нью-Йорке. В 1841 году ему было 48 лет.

В 1837—1838 годах он находился «в отпуске», а в 1840—1841 «ждал назначения». В декабре 1843 года капитан Уильям А. Спенсер — таково его полное имя — вышел в отставку. Проведенные расследования показали, что он не мог иметь какого-либо отношения к нашумевшему делу. Тем не менее поиски Спенсера — того, кто мог быть причастным так или иначе к давним событиям,— оказались все же не напрасными.

От Уильяма А. Спенсера ниточка привела к сыну тогдашнего военного министра Дж. К. Спенсера — брата Уильяма. Молодого человека звали Филип Спенсер. Он числился гардемарином и плавал на бриге «Сомерс». Неожиданно разразился скандал: сын военного министра был повешен прямо в море за попытку поднять на корабле мятеж. Дело получило широкую огласку: газеты раструбили о нем на всю страну, вызвав сильное возбуждение общественности. Трудно предположить, чтобы Э. По не знал об этом случае. И возникает вопрос: не подала ли скандальная история с молодым гардемарином писателю мысль о таинственном морском офицере — убийце Мэри? На этот счет существует свидетельство некоей миссис Уитмен. В марте 1867 года она сообщила, что будто бы году этак в 1848-м, незадолго до смерти, Э. По лично заявил ей, что «морского офицера» в его рассказе зовут «Спенсер». Осталось неизвестным, что сказал он еще, указал ли точно, кем был этот «Спенсер». Но именно это заявление миссис Уитмен, которое стало известно Дж. Ингрэму, дало ему основание использовать его в биографии Э. По.

И очень может быть, что биограф писателя был недалек от истины. Вполне возможно, что Э. По, не желая ограничивать себя

рамками одного случившегося факта, стремился использовать другие, в том числе и нашумевший случай с гардемарином. В основе метода писателя лежал принцип монтажа действительности и вымышленного. Он комбинировал реальное, достоверное с тем, что подсказывала интуиция, воображение.

Среди версий, связанных с разгадкой тайны Мэри Роджерс, имелась еще одна, впрочем, довольно нелепая. Существовало мнение, что Э. По создал свой рассказ по просьбе владельца табачного магазина Андерсона, чтобы отвести от последнего подозрения.

Но если это утверждение само по себе абсурдно и не может вызвать ничего, кроме улыбки, то упоминание имени Андерсона в связи с гибелью Мэри дает повод для некоторых размышлений.

Фигура торговца осталась в тени в ходе расследования убийства. Имя этого торговца почти не упоминалось в колонках газетных сообщений того времени. А между тем судьба Мэри Роджерс, как оказалось, была тесно связана с Андерсоном и его табачным магазином. Но об этом мало кто знал. И только после смерти торговца в 1880 году, ставшего к концу жизни весьма богатым человеком, хорошо известным в общественных и политических кругах, выявились некоторые обстоятельства его молодости. Произошло это в связи с тем, что завещание Андерсона было оспорено. Начался десятилетний процесс. Свидетельские показания, которые давались во время следствия, неожиданно пролили некоторый свет на судьбу Мэри Роджерс.

Ее дух преследовал Андерсона всю жизнь, заявил на суде один из свидетелей. Он утверждал, что Андерсон всякий раз, проходя мимо дома, где когда-то жила Мэри, проклинал это место, которое «послужило причиной его отхода от политики и лишило его возможности дальнейшего продвижения». Вспомнили, что, когда пытались уговорить Андерсона выставить свою кандидатуру на пост мэра Нью-Йорка, тот отказался. Это выглядело странным. Причиной могла быть его осторожность, боязнь раскрытия «грехов молодости» политическими противниками с целью скомпрометировать его.

Другой свидетель под присягой показал на процессе по делу о наследстве в 1891 году, что Андерсон был связан с расследованием смерти Мэри. Его даже вначале арестовали по подозрению, но позже отпустили из-за отсутствия улик. «Подозрения повредили его репутации,— заявлял этот свидетель,— и серьезно отразились на его политической карьере». По этому поводу припомнили статью в «Геральд», которая в августе 1841 года утверждала, что «Мэри три года назад находилась с Андерсоном в интимной связи». Торговец был вынужден тогда признать этот факт, но утверждал, что, «кроме этого, нет решительно никаких оснований подозревать его

в том, что он имел какое-то отношение к убийству». Однако, судя по тому, как он настаивал, чтобы его не впутывали в историю с гибелью девушки, создается впечатление, что он мог быть соучастником, действовать в качестве человека, который устроил посещение ею гостиницы миссис Лосс.

Не обошлось на процессе и без курьезных показаний. Многие, в том числе и друг Андерсона, сенатор Мэттун рассказал, что тот на склоне лет увлекался спиритизмом. Во время сеансов, по его словам, Мэри будто бы часто являлась Андерсону, говорила и даже давала советы, какие капиталовложения делать, а также обсуждала обстоятельства своей смерти и называла убийц.

Однако раскрытию причин гибели молодой табачницы это мало что дало. Безуспешными оказались и попытки отыскать отчеты о следствии по делу Мэри, предпринятые в 1930 году.

Впрочем, так ли уж важно, скажете вы, докопаться сегодня, спустя столько лет, до истины. Ведь правосудию это не поможет. Современники тех событий давно умерли. Тогда отчего же и сейчас нас интересуют подлинные обстоятельства смерти Мэри Роджерс? Почему литературоведы так настойчиво листают старые газетные и книжные страницы, придавая значение каждому слову, так или иначе связанному с ними? Конечно, только потому, что трагическая история нью-йоркской девушки привлекла внимание великого писателя и что волею судьбы она стала, хоть и посмертно, героиней знаменитого рассказа. И мы хотим проникнуть в конце концов не столько в тайну смерти Мэри Роджерс, сколько в тайны творчества Эдгара По. Проследить, если это вообще возможно, насколько действительное переплелось в этом произведении с вымыслом, выявить принципы отбора жизненного материала писателем, лучше постичь волшебную силу его воображения. Того самого воображения, с помощью которого он, перевоплощаясь в своих героев, становился потомком знатных предков, владел сказочными богатствами, жил, вопреки реальной действительности, в роскоши, щеголял в дорогих костюмах, пил редкие вина. Эта же волшебная сила переносила его из затхлого мира современной ему одноэтажной Америки в иные страны, на необитаемые острова, в шумный Париж, где его герой Огюст Дюпен — двойник своего создателя, творил чудеса, разгадывая человеческие характеры и демонстрируя поразительные способности аналитика и психолога.

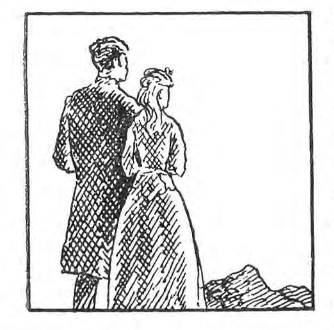
Именно эти качества американского писателя позволили еще в прошлом столетии братьям Гонкурам прозорливо заметить, что рассказы Эдгара По — это литература двадцатого века, интересующаяся происходящим в голове больше, чем в сердце.



ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ТУРГЕНЕВСКОГО «БОЛГАРА»

Все обаяние Инсарова заключается в величии и святости той идеи, которой проникнуто все его существо.

Н. Добролюбов



Два дня назад, когда Тургенев подъезжал к Спасскому, сердце его сжалось, едва завидел за купами берез колоколенку и милый с зеленой крышей дом. Казалось, не так уж давно покинул он отчий край — всего лишь весной, а вот ведь рад, что снова оказался на «родной почве». Предвкушал удовольствие от встреч со старыми знакомыми, от прогулок по аллеям сада. Но как назло теперь случилось ненастье. Второй день лил дождь. Ветер резкими порывами охватывал деревья, словно спешил сорвать с них остатки осеннего убора.

Поневоле пришлось засесть в четырех стенах и отменить прогулки. В такую пору Тургенев любил предаваться воспоминаниям или писать письма. В одном из них он признается, что проклятая непогода заставила его запереться и взяться за перо раньше, нежели предполагал. Речь шла о повести, которую он давно уже вынашивал в голове, но вплотную приступить к ней все как-то не решался.

Впрочем, кое-какие наброски были сделаны еще летом в Виши. Тургенев приехал на этот французский курорт в июне и поселился в красивой комнате «Луврского отеля» на улице Ним.

Городок оказался грязноватым и довольно пустынным. Дни проходили однообразно: посещение врача, прием ванны, питье положенных стаканов знаменитой целебной воды. Скуку пребыва-

ния на водах усугубляла ужасная шарманка, чуть не каждое утро стонавшая под его окном.

План повести, которую он собирался передать в «Русский вестник», был готов еще зимой. Да и в голове все накипело — а на бумагу не ложилось. Работа поначалу двигалась медленно. Писалось по страничке в день. «Моя муза,— записал он в те дни,— как застоявшаяся лошадь, семенит ногами и плохо подвигается вперед».

В Спасском, вопреки опасениям, что и здесь работа пойдет трудно, повесть захватила Тургенева. А коль скоро на него напала охота — он мог трудиться целыми сутками. Даже во сне герои не покидали его.

Так рождался черновой вариант романа, который одно время он думал назвать «Инсаров». По фамилии главного персонажа. Впрочем, в списке действующих лиц первоначально значилось другое имя — Катранов. Принадлежало оно подлинному лицу и сохранялось в списке персонажей вплоть до апреля 1859 года.

Кто же послужил прототипом тургеневского героя? Кто такой был этот Катранов? Почему писатель остановил на нем свое внимание?

Обычно Тургенев не приступал к произведению, если выводимые в нем лица не были достаточно «изучены на месте — не взяты живьем». Сочинять из головы он не любил, да, по правде говоря, и не очень умел. Ему необходимо было «набраться материалу». Только опираясь «на жизненные данные», он способен был создать «сплав общего с личным, частным». Вот почему в подготовительных записях и черновых материалах Тургенева нередко встречаются пометки о том, что реальным прототипом того или иного героя послужило такое-то подлинное лицо. Таков был его метод. Достаточно сказать, что почти каждый персонаж «Записок охотника» имел свой невымышленный прообраз. Одного он наделил чертами характера прототипа, другому придал портретное сходство с ним, третьему присвоил его биографию. Ему всегда необходимо было избрать живого человека, «который служил бы как бы руководящей нитью». Так, в Рудине представлен «довольно верный портрет» Бакунина, однако отнюдь не его копия. Не раз автор «Отцов и детей» повторял, что без уездного врача Дмитриева, которого он однажды повстречал в вагоне второго класса на пути из Петербурга в Москву, не было бы Базарова. Это не значит, конечно, что этот врач единственный прообраз тургеневского нигилиста. В данном случае он сыграл лишь роль пробудителя внимания писателя: после встречи с ним Тургенев стал всюду приглядываться «к этому нарождающемуся типу». В числе прототипов Базарова — Н. Добролюбов и Н. Чернышевский; образ его вобрал

также отдельные наблюдения над В. Белинским и даже некоторые черты характера и поведения Л. Н. Толстого.

Рабочие записи Тургенева к другим произведениям пестрят пометками: «взять несколько от наружности Скачкова», придать «элемент Хрущова, кн. Оболенского», вывести характер «вроде Зубовой» и т. п.

Пометки эти дают возможность проследить «родословную» тургеневских героев, как, пожалуй, ни у одного из русских писателей прошлого столетия.

О том, что у Инсарова тоже имелся вполне жизненный прототип, писатель указал в своем «Предисловии к романам», написанном в 1880 году, двадцать лет спустя после выхода «Накануне», и ценным для нас фактами, помогающими пониманию истории создания этого романа.



Семь лет назад Тургенева сослали, предварительно подвергнув аресту, в родовое имение Спасское-Лутовиново. У него было тогда одно желание, чтобы ему «позволили свободно разъезжать внутри самой России». Для претворения его творческих замыслов необходимо было художественное постижение русской действительности.

Оказавшись в ссылке, он старался извлечь из провинциальной жизни всяческую пользу. В поисках впечатлений уходил «на позаранке» с Дианкою, неизменною спутницей его охотничьих прогулок, бродил по деревням, ездил «принаблюдать» на праздники в город. Память цепко вбирала в себя картинки с натуры, фиксировала характеры и нравы. «Я подобен Антею,— говорил писатель,— не могу оторваться от родной почвы, не утратив при этом малой толики сил, которой способен располагать».

С особым вниманием присматривался Тургенев к жизни поместного русского дворянства, расширял знакомства.

Частым гостем в тургеневском доме стал сосед писателя по имению Василий Каратеев. Этот двадцатипятилетний молодой помещик, живя в деревне у своего отца, без особой охоты занимался хозяйством: по словам Тургенева, он в нем ровно ничего не смыслил. Страстью Каратеева было чтение да разговоры с людьми ему симпатичными. Его посещения доставляли Тургеневу почти единственное развлечение и удовольствие в тогдашнюю для него не слишком веселую пору.

Нередко молодой сосед засиживался у Тургенева допоздна. В гостиной спасского дома, где уютно горела лампа и манил к себе знаменитый Самосон — диван, способный убаюкать всякого, стоило на него прилечь, неспешно текла беседа. Переходили в библио-

теку или в кабинет. Хозяин располагался в вольтеровском кресле, а гость — на жестком кожаном диванчике, антиподе Самосона.

Говорили о литературе и музыке, спорили, вспоминали Москву, мечтали о будущем России.

Во время бесед Тургенев охотно делился замыслами. Рассказывал о романе, в котором собирался изобразить представителя дворянской интеллигенции. Хотя и неудачника на общественном поприще, но человека безусловно сыгравшего положительную роль для своего времени. Назовет он этот роман по имени главного героя — «Рудин».

Однажды Тургенев заговорил о том, что им задумана повесть. Главная героиня Елена будет представлять собой новый тип женщины в русской жизни. Образ ее довольно ясно обрисовался в его воображении. Однако не доставало героя, который мог бы соответствовать ей. Тургенев не видел пока таких людей, которые могли бы послужить прототипом нужного ему образа. Он чувствовал лишь и понимал, что люди рудинского типа уходят вместе с эпохой.

Сосед Тургенева был романтиком, натурой увлекающейся, впечатлительной и прямой. Если добавить к этому, что он обладал своеобразным юмором и насмешливым языком, легко представить, как относились к нему чванливые мелкопоместные обыватели. К тому же он прослыл вольнодумцем и опасным волокитой — вторая репутация, как заметил Тургенев, вовсе им не заслуженная.

Не удивительно, что при первой возможности от него поспешили избавиться. Случилось это, когда началась Крымская война и был объявлен рекрутский набор в ополчение. Дворяне уезда, где жил Каратеев, выставили его кандидатуру в офицеры ополчения. Узнав об этом, он приехал в Спасское. Вид у него был весьма встревоженный.

Для болезненного и физически слабого Каратеева этот поход мог кончиться плохо. И он это предчувствовал.

— Нет, нет. Я оттуда не вернусь, я этого не вынесу, я умру там,— упорно твердил Каратеев.

Разговор происходил в погожий осенний день. Они прогуливались по «аллее ссыльного», вдоль которой росли молодые липки, посаженные Иваном Сергеевичем. Вышли к пруду и остановились у темной воды, покрытой опавшими листьями.

— У меня есть до вас просьба,— вдруг заявил Каратеев.— Вы знаете, что я провел несколько лет в Москве, но вы не знаете, что со мной произошла там история, которая возбудила желание рассказать ее — и самому себе, и другим.

— Вы записали ее?

— Я попытался это сделать, но убедился, что у меня нет лите-

ратурного таланта. Дело разрешилось тем, что я написал эту тетрадку, которую передаю в ваши руки.

Он вынул из кармана небольшую, страниц в пятнадцать, тетрадь в коричневом переплете.

— Несмотря на ваши дружеские утешения,— продолжал он,— я уверен, что не вернусь из Крыма. Поэтому будьте так добры, возьмите эти наброски и сделайте из них что-нибудь, что бы не пропало бесследно, как пропаду я!

Тургенев стал было отказываться, но, видя, что это Каратеева огорчает, дал слово исполнить его волю.

В тот же вечер, после отъезда Каратеева, он засел за чтение оставленной им тетрадки.

На первой странице сверху мелким четким почерком было выведено заглавие: «Московское семейство». Это был рассказ, в самом деле довольно неумелый, хотя и искренний, о подлинной истории любви Каратеева к девушке, которую звали Катериной.

Она питала к юноше явную симпатию. И он вправе был рассчитывать на ее благосклонность.

Неожиданно появившееся третье лицо изменило весь ход событий.

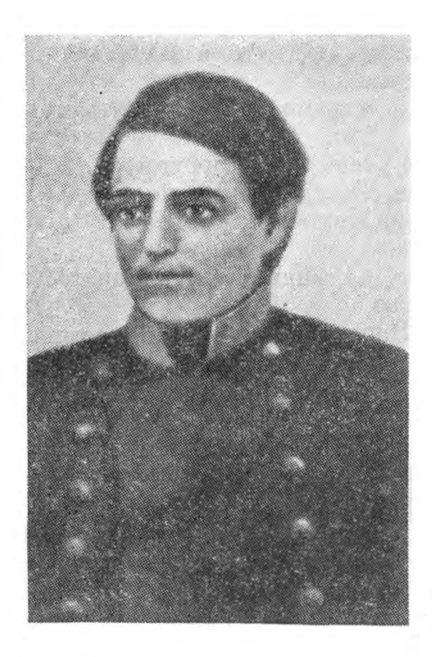
Однажды, во время прогулки в окрестностях Москвы, Каратеев познакомил ее с молодым болгарином Николаем Катрановым. Катерина полюбила этого юношу и уехала с ним на его родину. Затем он оказался в Италии, где вскоре и умер. Катерина, ставшая его женой, в это время находилась в Париже. История заканчивалась неожиданно, точно следуя — как можно было предположить — за фактами «истинного происшествия».

В образе болгарина, каким его рисовал автор тетрадки, содержались важные наблюдения. Он был выведен страстным патриотом, целеустремленным, можно сказать, одержимым идеей помочь страждущей родине сбросить чужеземное иго.

На следующий день, когда Каратеев вновь посетил Спасское, Тургенев подтвердил свое обещание исполнить его просьбу, отметив при этом, что история рассказана им горячо и правдиво. Поощренный похвалой, Каратеев дополнил свое повествование устно некоторыми подробностями. Он говорил об особом характере болгарина, которого хорошо узнал, о том, что такого человека трудно забыть. Тургенев поинтересовался, когда приехал Катранов в Москву, где обучался, с кем был связан и дружен. С готовностью отвечал Каратеев на все вопросы. А в конце беседы Тургенев невольно признался: «Вот тот герой, которого я искал!»

— Раз так,— обрадовался Каратеев,— то не дайте этому умереть.

— Напротив. Я весьма вам признателен,— уверил его Турге-



Николай Катранов.

нев.— Ваши записи и сделанные сейчас дополнения вывели меня из затруднения. Вы, можно сказать, внесли луч света в мои, до тех пор темные, соображения и измышления.

Что хотел этим сказать Тургенев? И почему так горячо благодарил соседа?

В болгарине Катранове он и увидел того героя, которого искал. В его воображении из слабых, едва намеченных штрихов начал складываться художественный образ.

После того как Каратеев отбыл с ополчением, Тургенев, приняв на себя роль посредника, попытался было пристроить его тетрадь в какой-нибудь журнал. Просил даже помочь в этом Н. А. Некрасова. Но тогда это не удалось. Прошло лет пять. Наступила зима 1859 года. Оказавшись в Петербурге, Тургенев то и дело читает в узком кругу знакомых отрывки из тетради Каратеева, которую постоянно носит с собой. Определенно, записки эти не давали ему покоя. Но использовать их как основу для сюжета своего романа он все еще не решался.

И только в конце зимы 1859 года, узнав о смерти Каратеева, Тургенев засел за роман. Видно, печальное известие и обещание, данное его «бедному другу», побудили писателя вплотную занять-

ся рукописью. Над ней он трудился летом в Виши и теперь в Спасском в осенние дождливые дни.

Продолжал ли Тургенев интересоваться героем каратеевских записей? Удалось ли ему узнать о нем что-либо новое? Или он ограничился тем, что извлек из тетради своего соседа?

Возможно, Тургенев наблюдал других соотечественников Катранова? Ведь творческий метод его требовал сделать пятьдесят знакомств для изучения типа и черт его характера. Впрочем, сохранилось свидетельство самого писателя о том, что кое-что ему удалось выяснить о Катранове, лице, как узнал он впоследствии, «некогда весьма известном и до сих пор не забытом на своей родине». Что же мог узнать Тургенев о болгарском патриоте, которого решил взять прототипом своего героя?



Московский дом коммерсанта Ивана Николаевича Денкоглу посещали многие. Хозяин, человек лет шестидесяти, общительный и радушный, славился хлебосольством и широким характером. Приехав еще молодым в Россию из Болгарии, где он родился, Денкоглу занялся торговлей и довольно быстро разбогател. Дела связывали его со многими странами. Но свою родную Болгарию примечал он особенно. Немало средств вкладывал болгарский патриот в дело просвещения земляков. Выделял деньги для школы в Габрово, построил училище в Софии и отправлял туда книги. В 1834 году Иван Николаевич внес в Московский университет пятнадцать тысяч золотых рублей. На проценты от этой суммы были учреждены стипендии для студентов из Болгарии. Фонд Денкоглу дал возможность многим молодым болгарам окончить университет. Здесь они приобщались к передовой русской общественной мысли, становились пропагандистами идей освобождения балканских славян.

В доме Денкоглу земляки всегда были желанными гостями. Сюда, «на огонек», бывало, заглядывали и московские литераторы. Приходил участник недавней русско-турецкой войны, популярный писатель А. Ф. Вельтман, захаживал сам академик М. П. Погодин, редактор «Москвитянина». Иногда появлялись братья Аксаковы, чаще старший — Константин, один из лидеров московских славянофилов. Обычно бледное, болезненное его лицо заливал румянец, стоило ему начать говорить об идее объединения славян. Рассказывал он и о своем учителе покойном Ю. И. Венелине, авторе труда «Древние и нынешние болгары». Венелин прожил тяжелую жизнь. Двадцати лет с пятью рублями в кармане приехал в Москву. И посвятил себя изучению Болгарии. С тех пор «всякий болгарин с благоговением произносит его имя, имя первого своего

историка и исследователя». Между тем ученый мир его не очень примечал, академия же вообще не признавала. Разбитый болезнью, страдая чахоткой, Венелин медленно умирал. Ему не нашлось места даже в больнице при университете.

Рассказы о Ю. И. Венелине, услышанные в доме Денкоглу, побудили часто бывавшего здесь молодого слависта Петра Бессонова, студента университета, обстоятельнее заняться болгарским языком, вызвали у него интерес к истории Болгарии, ее фольклору.

Всем, кто собирался у Денкоглу, было близко и дорого дело болгарских братьев, все они чутко следили за борьбой славян «по ту сторону Дуная», горячо желали им скорее сбросить турецкое ярмо. Здесь обсуждали последние новости, поступавшие из-за Дуная: недавнее восстание в Нише, отголоски которого все еще слышны были в Болгарии; подробности бунта в Браиле, которым руководил Георгий Македон. Оказалось, что под этим именем скрывался молодой и отважный патриот Георгий Раковский. Тот самый, что в Афинах организовал тайное Македонское общество, целью которого было разбудить «род болгарский от глубокого сна» и освободить родину. За бунт в Браиле смельчака осудили на смерть. Но ему удалось совершить дерзкий побег. По слухам, теперь он снова в Болгарии. Одни говорят — готовит новый заговор против турок; другие уверяют, что пойман и сидит в тюрьме.

— Последнее время он действовал в родном городе Котеле. Здесь был арестован и осужден. А сейчас снова на свободе. И как сообщают, занимается торговлей и адвокатской практикой в Стамбуле. Но это только передышка. Сердце его отдано борьбе. Для него, как и для каждого патриота, не может быть личного счастья вне счастья родины и народа.

Слова эти принадлежали молодому болгарину Николаю Катранову, приехавшему с группой соотечественников для учебы в Московском университете. Как стипендиат фонда Денкоглу, он был в 1848 году зачислен на историко-филологический факультет.

Горячие речи Катранова, его выразительная внешность, умные глаза, сурово освещающие худое и открытое лицо, располагали к нему. Он стал часто бывать у Денкоглу. И Иван Николаевич надеялся, что, кончив курс, его земляк вернется домой и станет учительствовать в Софии. Так думал тогда и сам Н. Катранов. Ибо считал, что просвещение будет способствовать духовному возрождению болгарского народа — а это послужит важной предпосылкой его национального и политического освобождения.

Почти пятьсот лет Болгария тонула в невежестве и мраке турецкого ига. Но дело пробуждения народа, как зерно, брошенное в благодатную почву, уже давало бурные всходы. Первым «пахарем» на ниве национального пробуждения болгар стал хилендар-



«Легенда о Паисии». Кадр из кинофильма.

ский монах Паисий — автор «Истории славяно-болгарской». Свою знаменитую книгу он создавал в тиши афонских монастырских библиотек. Под рукой у него были ценнейшие рукописные материалы. Они говорили о славном прошлом Болгарии, о том, что свободолюбивый народ, издревле живший на Балканах, имеет свою, не менее героическую, чем другие народы, историю. А между тем греческие и сербские монахи относились к болгарам с чувством превосходства потому лишь, что их народы имели свою «написанную» историю. Паисий говорил в своем труде: «Тако и укораху нас многажды сербие и греци, защо не имеем своя история». Это глубоко оскорбляло патриотически настроенного монаха. И в 1760 году он приступает к созданию своего труда. А когда через два года рукопись была завершена, Паисий отправляется с ней в Болгарию. Он переезжает из города в город, из села в село, популяризируя историю болгарского народа, читает ее вслух, дает возможность делать с нее копии. Рукописные списки его труда ходят по стране — до настоящего времени обнаружено более 50 из них. К сожалению, до нас дошел от Паисия один-единственный документ — небольшая расписка. О самом же авторе известно лишь по нескольким скупым строчкам из его «Истории», где он рассказал о себе. «Я, Паисий, иеромонах и проигумен хилендарский, събрах и написах...»,— заявлял он в послесловии к своей книге, сообщая, что создавал ее, превозмогая болезнь.

Книга Паисия пробуждала надежды на лучшее будущее, призывала бороться за него. Она учила сражаться за болгарское отечество, за право на человеческое существование, за родной язык. «Болгарине,— призывал Паисий,— знай своя род и език».

Горячими последователями и пропагандистами дела народного «будителя» Паисия стали многие болгарские патриоты. В числе их был и Николай Катранов.

Внимая призыву Паисия, он, будучи еще учеником школы в г. Свиштове, где родился в мае 1829 года, начинает собирать народные песни, знакомится с трудами по истории своей родины, в частности, с книгой Ю. И. Венелина. Получил он ее от Христаки Павловича — известного в Свиштове учителя. У него в школе, одной из первых светских школ в Болгарии, узнал Катранов и о выдающемся соотечественнике — ученом и педагоге Петре Бероне.

Свои взгляды гуманиста и просветителя П. Берон изложил в «Букваре с различными поучениями», известном также под названием «Букварь-рыбка» (на его обложке была изображена рыбка). Книга эта появилась в 1824 году. Она вошла в детство Катранова, учила мужеству, честности, дружбе, преподала первые уроки борьбы за свободную отчизну, познакомила с педагогическими принципами автора.

«Только с помощью культурного и просветительного возрождения можно спасти народ наш от страданий и рабства»,— заявлял П. Берон. Его терзала мысль о том, что болгарские школы были плохо организованы, что «бедные дети бессмысленно страдают в них», проводят юные годы в страхе, а покидают стены школы, не умея даже написать своего имени. П. Берон наставлял: в школе должна царить радость, атмосфера взаимоуважения взрослых и детей. Не зубрежка катехизиса, а изучение светских дисциплин. Учитель, говорил П. Берон, «должен быть внутренне и внешне добрым, скромным», наставлять детей «добродетели и знаниям».

Воспитанный на букваре П. Берона, Катранов решил готовиться к профессии учителя. Он помнил слова своего свиштовского наставника о том, что Болгария нуждается в хорошо подготовленных педагогах. Необходимо было получить серьезное образование. Это и привело его в Московский университет. Он приехал сюда в тот год, когда в его родном Свиштове свирепствовала холера, от которой погибли многие, в том числе и Христаки Павлович.

В Москве Н. Катранов проявил себя способным и серьезным студентом. Энергия, с какой он отдавался учебе, и его эрудиция поражали сверстников. Круг его интересов очень широк. При содействии А. Ф. Вельтмана он обрабатывает собранные еще на родине болгарские песни и переводит их на русский язык. Пробует



«История славяно-болгарская» Паисия. «Букварь-рыбка» Петра Берона.

силы как переводчик Байрона и Гете, сочиняет собственные стихи. Часть из них будет опубликована на страницах первой болгарской газеты «Цариградски вестник» ее основателем, первым болгарским журналистом Иваном Богоровым.

Стихи Н. Катранова «позволяют увидеть в нем поэтическую душу»,— пишет А. Мазон, современный французский ученый, изучавший подлинную биографию прототипа Инсарова. Другой исследователь, болгарский литературовед Иван Г. Клинчаров, автор наиболее полного жизнеописания Катранова, скажет о нем: «В Болгарии Катранов научился любить родину и ненавидеть тиранию, в московских литературных и философских кружках он возвел эту любовь и ненависть в степень высокого сознания необходимости просвещения для масс и революционного преобразования в стране».

Катранов становится страстным пропагандистом идеи освобождения балканских славян. Выступает в печати, в частности, по поводу выселения в Россию болгар из районов, охваченных восстанием. Но не только словом борется он, а и делом. Есть сведения, что он был связан с патриотами-эмигрантами из г. Лома. Не случайно, видимо, в одном из его писем упоминается Димитр Панов, возглавлявший восстание на северо-западе Болгарии. Связи эти тянутся далее, в его родной Свиштов, где действовала тайная организация и готовились к выступлению. Руководителем свиштовцев в ту пору был видный политический деятель Драган Цанков, родственник Катранова.

Профессор В. Велчев, написавший о прототипе тургеневского героя не одну статью, считает, что Н. Катранов безусловно был

посвящен в планы готовящегося у него на родине восстания. И более того — ему отводилась в нем определенная роль.

Понятно, что при первой возможности, закончив учебу в Москве, он возвращается в Болгарию, спешит принять участие в назревающем всенародном выступлении, о чем, в частности, пишет в письме Георгию Раковскому.

Не потому ли он отказывается от своего давнего намерения учительствовать в Софии и направляет свои стопы в Свиштов, где его ждали патриоты?



В один из дней начала 1853 года около Свиштова через Дунай переправились мужчина и женщина. Когда они поднялись на холм, где через несколько лет зодчий Кольо Фичето воздвигнет знаменитую церковь, мужчина опустился на колени и поцеловал землю. Этой дорогой возвращались на родину многие изгнанники, движимые великой идеей освобождения отечества. Свиштов первым приветствовал скитальцев. Первым, ликуя и плача от радости, встретил он и русских воинов-освободителей в 1877 году. Но до того дня тогда оставалось еще четверть века героической борьбы болгар за свободу.

— Лара, милая, вот мы и дома,— произнес мужчина, вставая с колен и обнимая спутницу. Это были Николай Катранов и его жена Лариса. История их любви описана в тетради Каратеева и воспроизведена в романе Тургенева «Накануне». Кто же была эта русская женщина, ставшая спутницей болгарского патриота? Увы, по сей день это является загадкой. До последнего времени неизвестным оставалось даже ее подлинное имя. Одни называли Катериной, как зовется она в записках Каратеева; другие — Еленой, по имени тургеневской героини. Лишь сравнительно недавно, уже в наши дни, удалось выяснить, что ее звали Ларисой.

В Свиштове жили отец и мать Николая, два младших брата Илия и Петко. Встретили молодоженов радушно. В большом просторном доме Димитра Катранова — богатого торговца, пользующегося в городе всеобщим уважением за справедливость и смелость (во время Крымской войны он тайком снабжал русские войска товарами), места хватало всем. Николай сразу же приступил к осуществлению своих планов. Верный взглядам своих учителей-просветителей, он ведет активную преподавательскую деятельность, тайно поддерживает связи с патриотами, готовится к выступлению свиштовского подполья. Вскоре на него обращают внимание турецкие власти, начинают преследовать.

В этот момент события принимают неожиданный оборот. Чахотка острой формы поражает его организм. Вместе с Ларисой спешит он обратно в Москву — в надежде на врачей и материальную помощь И. Н. Денкоглу. Но московские профессора разводят руками. Они рекомендуют ехать лечиться в Вену. Денкоглу не покидает его в беде и охотно дает необходимые на дорогу и жизнь деньги.

Однако и венские светила оказываются не в силах чем-либо помочь. Их совет — уповать на целительный воздух Италии. В апреле 1853 года Николай и Лариса приезжают в Венецию.

Из письма двоюродного брата Николая известно, что болезнь Катранова протекала тяжело, родные очень беспокоились за него. Ждали вестей из Венеции и его друзья. Щедрый И. Н. Денкоглу, готовый снова помочь, предлагает возвратиться в Свиштов или в Софию. Ему кажется, что здесь, благодаря родному воздуху, Николай скорее выздоровеет.

Но в Венеции молчат. Видимо, там было не до переписки. Да и изменить что-либо никто уже не мог.

Что же случилось с Николаем Катрановым в Венеции? Во время прогулки в гондоле по каналу он сильно простудился. Для такого больного это означало конец. Он умер на руках у Ларисы пятого мая. Похоронили его на острове Сан-Христофоро. В записи о смерти, составленной священником греческой православной церкви Святого Георгия говорилось: «Катранов Никола, родом из Болгарии, в возрасте 24 лет, скончался вчера, 5 мая сего года и похоронен на кладбище Сан-Христофоро».

В романе «Накануне» Тургенев довольно подробно рассказывает о пребывании Инсарова и Елены в Венеции. Приезжают они сюда в конце марта из Вены, где больной Инсаров «пролежал почти два месяца». Тургенев упоминает и о злополучной прогулке по каналу, и о простуде, и о смерти на руках жены. Возникает предположение, что и в этом случае Тургенев пользовался подлинными фактами биографии прототипа своего героя. Но откуда он мог узнать о них? Ведь в тетради В. Каратеева события конца жизни Н. Катранова изложены несколько по-иному. В своих записях Каратеев весьма кратко, на трех полустраничках, писал, что заболевший Н. Катранов оказался в Италии, в то время как Катерина, его жена, находилась в Париже, где заканчивала свое музыкальное образование. Здесь она и получает известие о смерти мужа, к которому лишь собиралась ехать.

Явное различие. Оно несомненно говорит о том, что Тургенев во время работы над романом интересовался судьбой прототипа Инсарова. Не случайны свидетельства болгар, утверждавших, что Катранов был «нарисован таким, каким был в действительности,

не идеализирован и не приукрашен». На это обращает внимание и профессор В. Велчев. Возможно, Иван Сергеевич расспрашивал о прототипе своего героя московских болгар, с которыми встречался. «Сведения о болгарской патриотической интеллигенции,— пишет В. Велчев,— в частности, о Катранове, Тургенев мог почерпнуть также от Аксаковых, М. П. Погодина, С. П. Шевырева и других, с которыми болгары, учившиеся в Москве, поддерживали связь». В самом деле, может быть, Тургенев слышал о печальном конце Н. Катранова и о том, что спутница его оставалась неизменно рядом с ним, в доме Аксаковых? А те в свою очередь знали о судьбе Николая Катранова от Ивана Николаевича Денкоглу или от П. А. Бессонова, дружившего с болгарином в университете. Два года спустя после смерти Н. Катранова, в 1855 году, П. А. Бессонов, верный памяти друга, издал записанные им 22 народные песни. В предисловии он писал о нем: «Это был студент факультета, природный болгарин, весьма даровитый и горячо преданный задачам своего родного слова, а потому много обещавший в будущем». П. А. Бессонов сообщал далее, что болезнь заставила его отправиться в Венецию и что, уезжая, он дал списать свой сборник, сам же скоро за границей скончался. «Желая сохранить для болгар его память, а вместе с тем очень дорожа оставленными им народными памятниками,— писал П. А. Бессонов,— которые, без сомнения, думали мы, погибнут в Венеции, приступили мы к печатанию, имея в виду прибавить кое-какие примечания и объяснения».

Весьма вероятно, что этот сборник оказался у И. С. Тургенева. После чего он специально встретился с П. А. Бессоновым, а возможно, и с самим И. Н. Денкоглу и разузнал подробности последних месяцев жизни прототипа Инсарова. Предположения эти вполне правомерны, если иметь в виду, что многие из окружения болгарина И. Н. Денкоглу, несомненно осведомленного о том, что произошло с Катрановым, входили в сферу косвенных соприкосновений с И. С. Тургеневым.



Случайно ли то, что русский писатель выбрал в качестве главного героя своего романа «болгара», как он его называет?

Вопрос этот стал предметом острой полемики после выхода романа в свет в 1860 году. «Господа критики..,— вспоминал позже Тургенев,— удивляясь моей странной затее выбрать именно болгарина, спрашивали: Почему? С какой стати? Какой смысл?» Тогда писатель не счел нужным давать объяснения, рассказывать о тетради В. Каратеева, где говорилось о болгарском патриоте — герое,

которого «между тогдашними русскими еще не было». В кратких записях соседа помещика писатель гениально усмотрел актуальную тему социально-политического романа. Для русского общества тех дней, находившегося в преддверии крестьянской реформы, как считал Тургенев, начала новой эпохи, такие фигуры, как Елена и Инсаров, являлись «провозвестниками того, что пришло позже». Наступали времена (писатель это чувствовал), когда вместо бездеятельных дворян-интеллигентов требовались «герои другого калибра». И Тургенев одним из первых русских писателей высказал «мысль о необходимости для России сознательно-героических натур», чтобы «дело продвинулось вперед». В этом смысле Инсаров полемически противопоставлен в романе дворянским интеллигентам Берсеневу и Шубину.

Болгарский патриот-разночинец, живущий одной целью освобождения родины,— человек действия. Он одержим одним желанием — добраться до Болгарии, где его «уже давно ждали» и «на него надеялись».

В образе Инсарова писатель выразил свое сочувственное отношение к болгарскому народу, к борцам за национальную независимость. Эти чувства горячей симпатии к освободительному делу болгар Тургенев сохранил на всю жизнь.

Когда в апреле 1876 года войска турецкого султана подавили в крови всенародное восстание болгар, в России поднялась мощная волна протеста. В защиту славянских братьев выступили Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, В. М. Гаршин и И. С. Аксаков, Я. П. Полонский и Вас. И. Немирович-Данченко, Д. И. Менделеев и А. Г. Столетов. Одним из первых среди них возвысил свой голос И. С. Тургенев.

Писатель приветствовал русских добровольцев, в числе которых были художники В. Верещагин, Н. Каразин, О. Шамота, А. Балдингер. На фронте оказались и его собратья по перу— В. М. Гаршин и Вас. И. Немирович-Данченко. Они, как и многие «обыкновенные русские люди, пошли на бой не по прихоти барина, а по свободному зову сердца, своей собственной совести»,— писал Гаршин.

С гневом И. С. Тургенев писал о «болгарских безобразиях» и приветствовал голос всей передовой России, требовавший оказать помощь болгарам. Его возмущали не только жестокость поработителей, но и фарисейство и лицемерие европейских реакционных кругов, о чем он писал в стихотворении «Крокет в Виндзоре». В другом стихотворении в прозе — «Памяти Ю. П. Вревской» Тургенев описал самоотверженность русской женщины, которая добровольно пошла в сестры милосердия и погибла на болгарской земле. В подвиге Вревской советские исследователи ус-



«Георгий Раковский — предводитель отряда». Картина итальянского художника А. Сако.

матривают воздействие романа «Накануне» на русскую интеллигенцию.

В свою очередь болгарские литературоведы отмечают то значение, которое роман русского писателя оказал на болгарского читателя, вначале знакомившегося с сочинением Тургенева по русским изданиям.

Роман «Накануне» был поддержкой для революционного движения в Болгарии и вселял в болгар уверенность, что освобождение от турецкого ига произойдет с помощью братского русского оружия»,— пишет литературовед Ст. Каракостов. Что касается образа Инсарова, то в нем, как отмечает критик Ив. Цветков, «болгары видели себя, свое дело, свою решимость отдать все во имя светлого будущего».

Человек дела, большой жизненной цели, Инсаров стал литературным собратом многих героев болгарского освобождения. В его образе писатель предвосхитил «типичные черты целого поколения болгарских революционеров» последующих десятилетий, таких, как Г. Раковский, В. Левский, Л. Каравелов, Х. Ботев и другие. Кто знал лично молодых болгарских патриотов, писала в своих воспоминаниях В. Живкова-Благоева — первая женщина-социалистка Болгарии, тот не мог не узнать в них Инсарова. Связь Инсарова с прототипом имела глубокие социальные корни, пишет профессор

В. Велчев, отмечая, что Тургенев «воплотил в герое своего романа качества, которые были в высшей степени типичны для болгарского общества середины XIX века». Вот почему болгары говорят, что русский писатель И. С. Тургенев — один из их первых духовных учителей.



Прошли годы. Смолкли голоса гайдуцких ружей на Старой Планине — надежном укрытии бунтарей. Угасли сполохи мятежного Апреля. Отгремел грохот орудий под Плевной и на Шипке. Наступила весна 1878 года, ставшая для Болгарии долгожданной весной освобождения.

Через год, в апреле 1879 года, в газете «Болгарин», издававшейся в городе Рущук (Русе), появилась корреспонденция из Москвы, подписанная именем Стефана Бобчева. В ней описывались торжества по случаю пребывания И. С. Тургенева в Москве и говорилось о встрече автора заметки с русским писателем, имя которого было уже хорошо известно в Болгарии. «В конце семидесятых годов,— отмечает тот же В. Велчев,— все, что ни выходило из-под пера Тургенева, сразу же вызывало отклик болгарской печати».

А когда впервые услышали в Болгарии о русском беллетристе? Сведения эти пришли сюда вместе с теми болгарами, которые, получив образование в России, возвращались па родину. Многие из них учительствовали в Софии и Пловдиве, в Карлове и Старой Загоре, в Тырнове и Габрове. Впрочем, с собой они привозили не только сведения, но и книги писателя, изданные па русском языке.

Писала о Тургеневе и эмигрантская болгарская печать. Так, газета «Стара Планина», печатавшаяся в Бухаресте, в ноябре 1876 года опубликовала знаменитое стихотворение «Крокет в Виндзоре». Написано оно было за четыре месяца до этого «под свежим впечатлением известий о турецких жестокостях над болгарским населением»,— писал Тургенев. Обличительная сила его строк была столь велика, что русская цензура не дала разрешения печатать их, «что не помешало этим виршам,— говорил автор,— облететь всю Россию». Списки стихотворения, видимо, попали в руки к кому-то из болгар, а затем в «Стару Планину». В заметке, предваряющей стихотворение, газета называла его автора «известным русским литератором», отмечала «актуальное политическое значение» сочинения.

Одно из первых упоминаний романа «Накануне» в болгарской печати связано с курьезной ошибкой.

В 1871 году в Париже скончался декабрист Н. И. Тургенев, родственник писателя. Газета «Свобода» — орган Болгарского центрального революционного комитета поспешила откликнуться на это известие, решив, однако, что в «Московских ведомостях», на которые она ссылалась как на источник информации, речь шла о писателе И. С. Тургеневе. В этом же сообщении «Свободы» говорилось о том, что «Тургенев написал знаменитую повесть «Накануне», в которой главную роль играет болгарин Инсаров».

Что касается первых переводов романа «Накануне» на болгарский язык, то они появятся в конце семидесятых, начале восьмидесятых годов. Сначала это были журнальные публикации отдельных глав. А в 1889 году вышли сразу два издания «Накануне» в Тырнове и Пловдиве.

Первый перевод тургеневского романа намеревался сделать Стефан Бобчев. В своей корреспонденции, помещенной в газете «Болгарин» в апреле 1879 года, Бобчев, который был тогда студентом юридического факультета Московского университета, сообщал, что Тургенев дал согласие на перевод своего романа и обещал написать к нему небольшое предисловие. Из письма Тургенева известно, что он собирался рассказать в этом предисловии о прототипе Инсарова. Это, пожалуй, первое письменное упоминание о том, что у тургеневского «болгара» был реальный прообраз. Видимо, тогда же между Тургеневым и Бобчевым состоялся разговор на эту тему. И очень может быть, что именно в тот день Иван Сергеевич впервые поведал болгарскому собеседнику историю рождения своего героя. Бобчев же, человек тактичный, не стал до появления тургеневского предисловия к предполагавшемуся болгарскому изданию романа обнародовать то, что намеревался сделать автор.

Однако выполнить обещание Тургеневу не удалось. И только год спустя, в 1880 году, в «Предисловии к романам» он впервые подробно рассказал об истории создания «Накануне», о тетради В. Каратеева и о том, кто послужил реальным прототипом Инсарова. Причем особо подчеркнул, что человек этот до сих пор не забыт на своей родине.

Прототип Инсарова, болгарин Катранов, принадлежал к плеяде тех болгарских революционеров, кто, став наследником мятежных гайдуков, готовился к последней решающей схватке с поработителями. Он, как и многие патриоты, как Георгий Раковский, или, скажем, Васил Левский, был самым обыкновенным и в то же время самым необыкновенным героем болгарского освобождения. Он жил и боролся ради будущего своего народа. Именно эта необыкновенная преданность родине, поставленной цели привле-

кла русскую девушку Ларису, связавшую с ним свою судьбу. Эта же черта, как «луч света», озарила сознание и русского романиста, побудила его сделать болгарина героем своего повествования.

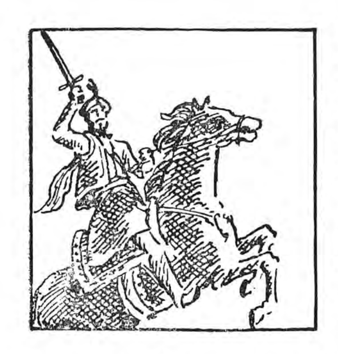
Катранову не довелось совершить задуманное. Он не дожил до того дня, когда народный поэт Иван Вазов, впервые ступив на освобожденную землю Свиштова, поцеловал эту землю и «разделил сумасшедший энтузиазм всего города и вместе с ним плакал от радости». Но имя Катранова не забыто его соотечественниками. В Свиштове на том месте, где стоял дом, в котором он родился, сегодня построена школа. Она носит имя Николы Катранова. В местном музее хранятся экспонаты, рассказывающие о его жизни.

И каждый свиштовец, как и всякий болгарин, гордится тем, что великий русский писатель изобразил под именем Инсарова их земляка — болгарского патриота, превыше всего ставившего любовь к отчизне.

КАПИТАН НЕМО РАСКРЫВАЕТ СВОЕ ИМЯ

Я был увлечен не столько приключениями капитана Немо, сколько им самим.

М. Торез



Небо над Парижем в эти последние дни уходящего лета 1868 года было затянуто прозрачной серебристой дымкой. Темно-зеленая вода Сены переливалась перламутровыми бликами. По реке, словно трудолюбивые жуки, буксиры тащили тупоносые барки.

У моста Искусств 20 августа было необычно людно. Издали казалось, что через реку движется процессия, похожая на карнавальное шествие: зеленые, красные, синие пятна напоминали картину Альбера Марке. Толпа собралась и на набережной. Мальчишки гроздьями висели на деревьях. Видимо, кого-то ожидали.

Но вот масса людей всколыхнулась. Шляпы, трости, зонты взлетели над головами, указывая вниз по течению. Там, медленно продвигаясь по обмелевшей реке, на буксире шла шхуна. На ее мачте реял трехцветный со звездой флаг. Ни один, даже самый опытный, видавший виды мореход не смог бы по этому флагу определить, какому государству принадлежит корабль. Да это и невозможно было сделать, ибо такой страны не существовало. Это была страна капитана Верна, а точнее — писателя Жюля Верна, прибывшего на своей шхуне «Сен-Мишель» в Париж.

На палубе появился хозяин — капитан Верн. Высокий, крепкого телосложения, в зубах по-матросски зажата трубка, он походил на потомственного моряка. Сзади капитана скромно разместились

члены экипажа — два отставных матроса — Сандр и Альфред, одетые в синие шерстяные робы и красные береты.

Три года назад Жюль Верн приобрел на побережье в поселке Кретуа небольшой рыбачий баркас. Вскоре он превратился в шхуну. На борту свежей краской было выведено: «Сен-Мишель» — в честь небесного покровителя нормандских рыбаков. А на мачте поднят трехцветный со звездой флаг «страны Жюля Верна». Ее владения к тому времени уже охватывали огромные пространства и простирались от Северных до Южных широт. А подданные этой страны — литературные персонажи — совершали дерзкие путешествия по этой необъятной стране, проникали в самые неизведанные уголки, пускались в самые рискованные плавания. Они побывали в дебрях Центральной Африки, объехали вокруг света, пробились к Северному полюсу, спустились к центру Земли и успешно облетели нашу ближайшую соседку в космосе. Имена смельчаков, отважно ринувшихся в неизведанное, пустившихся в опасные приключения, были на устах не только у французских читателей. Путешествие на воздушном шаре доктора Фергюсона, поход капитана Гаттераса, приключения на море и суше тех, кто отправился на поиски капитана Гранта, полет отважных космонавтов Барбикена, Никола и Мастона, спуск в преисподнюю профессора Лиденброка — волновали сердца читателей многих стран. И часто книги Жюля Верна, повторяя маршруты его героев, достигали отдаленных стран и материков.

Каждую весну «Сен-Мишель» покидал место своей зимней стоянки на побережье и выходил в море. Песчаные дюны становились похожими на небольшие холмики, рыбачьи лодки превращались в маленькие скорлупки, разбросанные на прибрежном песке,— «Сен-Мишель», распустив паруса, уходил в большое плавание. За кормой бурлили серые волны Ла-Манша. На палубе капитан Верн пристально всматривался вдаль. Там, за линией горизонта, лежала Англия. В ясную погоду были видны меловые ее берега. Или капитану Верну виделось другое? Может быть, в его воображении возникали неведомые земли, необитаемые острова и морские глубины? И там, в пучине, прорезая темноту электрическим светом, проносился подводный корабль. Не тогда ли вспомнились ему строки из письма Жорж Санд, восторженной его почитательницы, надеявшейся на то, что он скоро увлечет читателей в пучину моря и заставит своих героев совершить путешествие в подводной лодке, которую усовершенствуют его, Жюля Верна, знания и воображение. Слова эти, как позже признавался писатель, действительно подсказали ему замысел романа о путешествии под водой.

С тех пор, как был задуман новый роман, капитан Верн все

чаще покидал палубу и скрывался в своей каюте — довольно тесной каморке, очень скромно обставленной. Здесь, в «плавучем кабинете», за своеобразным письменным столом — откидной доской на шарнирах Жюль Верн работал. Писал он быстро и много, выработав в себе железную привычку к труду.

Сохраняя свой обычный режим, он и в море вставал в пять часов утра и трудился, не отрываясь до самого обеда. Спать ложился поэтому рано — в половине десятого. Этот образ жизни он вел полвека, написав за это время несколько десятков томов, которыми зачитывались миллионы, поражаясь дару прозрения их автора. «Кто он? — спрашивали они.— Фантазер, провидец, поэт? В чем секрет творчества Жюля Верна?»

Слева перед ним лежат чистые листы бумаги, справа — исписанные карандашом черновики с широкими полями. Во время следующего этапа работы он обводит чернилами написанное карандашом, а на свободной половине листа записывает новые варианты.

Так лист за листом росла рукопись, на первой странице которой было выведено: «Путешествие под водой».

О том, что популярный писатель задумал новую книгу, уже известно в Париже. Но еще не скоро рукопись попадет к издателю— Жюль Верн скрупулезно шлифовал написанное, заново переписывал некоторые главы, стремился, как он сам говорил, «сделать правдоподобными вещи очень неправдоподобные». Надеялся, что новая книга о подводном мире, о недрах океана заинтересует и обогатит читателей. И признавался, что желание открыть этот любопытный, причудливый, почти неведомый мир стоило ему особенно больших усилий и трудностей.

Лето 1868 года ушло на доделки и доработку романа, который теперь назывался «Двадцать тысяч лье под водой».

И вот «Сен-Мишель» пришвартовывается у моста Искусств в столице Франции.

Жюль Верн спускается по трапу. Под одобрительные возгласы и приветствия садится в экипаж. В руках у него толстый, перевязанный тесьмой сверток. Это именно то, что с таким нетерпением ждет издатель Этцель, уже оповестивший читателей о новой книге господина Жюля Верна, о самом необыкновенном из всех его «Необыкновенных путешествий».

Так с самого начала называлась задуманная им грандиозная серия романов. В ней он хотел объять весь земной шар, следуя из страны в страну по заранее установленному плану. Ему предстояло описать «довольно много стран, чтобы полностью расцветить узор». Он мечтал довести число романов этой серии до ста. В последней, сотой книге, намерен был дать в виде связного обзора полный

свод своих повествований о земле и небесных пространствах и, кроме того, напомнить о всех маршрутах, которые были совершены его героями.

Жюль Верн не написал задуманных ста книг знаменитой эпопеи. Их всего шестьдесят пять. Но и они возвышаются как величественный памятник деяний человека, как гигантский монумент его разуму и отваге и, конечно, как свидетельство писательского гения Жюля Верна.



«1866 год ознаменовался удивительным происшествием, которое, вероятно, еще многим памятно,— этими словами начинался новый роман Жюля Верна, с таким нетерпением ожидавшийся читателями.— Дело в том, что с некоторого времени многие корабли стали встречать в море какой-то длинный, фосфоресцирующий веретенообразный предмет, далеко превосходящий кита как размерами, так и быстротой передвижения...

По милости «чудовища» сообщение между материками становилось все более и более опасным, и общественное мнение настоятельно требовало, чтобы моря были очищены любой ценой от грозного китообразного».

Постичь тайну подводного гиганта случайно удается профессору естественной истории в Парижском музее Пьеру Аронаксу и его спутникам слуге Конселю и гарпунеру Неду Ленду. Вместе с ними профессор участвует в погоне за «чудовищем» на фрегате «Авраам Линкольн».

Начальные строки романа читаются как хроникальное сообщение тех дней. И это не случайно. Жюль Верн никогда не поддавался соблазну чистой выдумки. Никогда не брался за книгу, пока не подводил под ее сюжет точные знания. Иначе говоря, трамплином для полета его писательской фантазии служили подлинные факты, реальные достижения инженерной мысли и научные гипотезы.

Было ли только плодом воображения писателя грозное «чудовище», разбойничавшее на морских путях? Не использовал ли Жюль Верн странные сообщения, появлявшиеся время от времени в шестидесятые годы прошлого столетия в газетах многих стран? В них говорилось о внезапной гибели торговых и пассажирских судов в результате полученной пробоины. Паника охватила пароходные компании, моряков, пассажиров. Газеты «Морнинг стар» в 1860 год, «Глэзгоу» в 1861 году, «Нью-Йорк таймс» в 1863 году высказывали в связи с таинственными событиями на море невероятные предположения и догадки. На поиски «морского разбой-

ника» вышел фрегат американского военно-морского флота «Авраам Линкольн».

Долгое время о нем не было никаких известий. А с 1870 года он числился в списках без вести пропавших. Лишь двум его пассажирам, как считает американский исследователь Дональд Мэчэм, удалось спастись. Это был профессор Жюль Опонакс и его слуга Тони — через полгода их будто бы нашли на одном из Фолклендских островов.

Тот же Д. Мэчэм высказывает, прямо скажем, весьма смелое предположение о том, что Жюль Верн и герой его романа профессор Аронакс — одно и то же лицо. Свою «гипотезу» Д. Мэчэм, который, по его собственным словам, изучал архивы и переписку писателя, пытается подкрепить тем, что Жюль Верн якобы провел немало дней своей жизни в странствиях по белу свету. Однако, склонный к мистификациям, он пускался в путешествия тайком, не оповещая ни родных, ни друзей. Им он сообщал, что уезжает на отдых либо на лечение. Сам же, как и его герой Паганель, «невзначай» перепутав каюту корабля, пускался в плавание на яхте «Донки-ант» на поиски некоего капитана Гаттера, исчезновение которого зафиксировано в архиве судовых журналов за 1865 год.

В результате этого и родился, мол, первый в трилогии роман «Дети капитана Гранта», писал Д. Мэчэм в начале 1972 года. Подлинное событие, по его словам, лежит и в основе последней книги трилогии — романе «Таинственный остров». Известно, что Жюль Верн поднимался на воздушном шаре вместе со знаменитым фотографом и страстным воздухоплавателем Надаром. «Не известен лишь тот факт,— пишет Д. Мэчэм,— что после столь удачной вылазки наш «фантаст» с несколькими друзьями построил воздушный шар, чтобы пролететь над Средиземным морем. Во время полета поднялся сильный ветер и шар унесло в Атлантику. Что случилось далее, повествует роман «Таинственный остров», где Жюль Верн выступает в роли Сайерса Смита. Различие в том, что пребывание на острове Линкольна (о. Табор) длилось четыре месяца».

Столь неожиданное утверждение Д. Мэчэма требует безусловно всесторонней проверки, новых обстоятельных доказательств. Возможно, они будут более аргументированы в книге, над которой, как сообщает Д. Мэчэм, он работает.

Пока же нам точно известно, что Жюль Верн действительно нередко выводил в своих книгах героев, имевших реальных прототипов. Так, знаменитый полярный исследователь капитан Джон Франклин отчасти послужил прообразом капитана Гаттераса; известный геолог Сен-Клер Девиль — это прототип гамбургского

профессора Отто Лиденброка; фотограф, журналист и воздухоплаватель Феликс Надар превратился в Мишеля Ардана (на что указывает и анаграмма этого имени); а профессор математики Анри Гарсе, друг и помощник — получил имя Импи Барбикена.

Охота за морским животным кончается трагически. Фрегат после нападения на него «чудовища» получает пробоину и теряет управление, а трое из его экипажа попадают в волны океана. А затем — в «утробу» страшного животного, которое оказывается гигантским подводным кораблем. С этого момента начинается одиссея профессора Аронакса и его спутников на борту «Наутилуса».

Не было плодом одного воображения и созданное фантазией писателя столь необычное в то время подводное судно. У жюльверновского «Наутилуса» имелось немало исторических предшественников. Писатель прекрасно знал об этом. И не только знал, но и специально изучал родословную своего подводного корабля. Энтузиасты ученые в разных странах и в разные эпохи пытались создать подводную лодку: англичане и голландцы, русские и французы, американцы и немцы. Жюль Верн подхватил и использовал мечту о подводном корабле в своем романе, создав невиданную дотоле «субмарину».

Впрочем, и в литературе Жюль Верн не был первым. Задолго до него английский философ и писатель Френсис Бекон в 1627 году на страницах своей утопии «Новая Атлантида» описал корабль, способный плавать под волнами океана.

Умаляет ли все это заслугу Жюля Верна? Нисколько. Лишь еще раз доказывает, что он отталкивался от гипотез ученых и реальных достижений. Значит, Жюль Верн всего лишь использовал то, что уже было известно тогдашней научной мысли? Да, с той, однако, разницей, что писатель умел заглянуть в завтрашний день научного открытия, предвидел бурное развитие века электричества, предсказал эпоху полетов к Луне.

Можно ли в связи с этим сказать, что главное в новом романе Жюля Верна была машина, подводное судно, движущееся с помощью одной лишь электрической энергии? Отнюдь нет. Если бы это было так, если бы центром повествования стал бездушный механизм, то книга о подводном путешествии давно бы устарела. Современные «Наутилусы» совершают гигантские подводные броски, проходят подо льдами Северного полюса, по многу дней скользят в глубинах океана. Мечта, тревожившая воображение в прошлом, сегодня стала повседневной реальностью.

На первом месте у Жюля Верна, писателя-гуманиста, был человек — творец, мыслитель, борец. В этом секрет долголетия его книг. В этом ключ к разгадке «тайны» его творчества.



Капитан Немо у себя в каюте. Рисунок Невилля.

Героем нового — второго в трилогии — романа Жюля Верна «Двадцать тысяч лье под водой» стал человек исключительный, необыкновенного ума и странной, трагической судьбы — капитан Немо.

Среди огромной и пестрой толпы жюль-верновских персонажей его колоритная фигура выделяется особенно ярко. Это был новый образ литературного героя — ученый-новатор, смелый инженер, но и загадочная личность, «гений моря», навсегда порвавший с миром людей и обрекший себя на скитания под водой.

В чем же тайна этого человека, скрывшего свое подлинное имя под безликим латинским словом «Немо» — «Никто»? Почему он бежит от людей, отчего порвал с цивилизованным миром?

Загадки вокруг капитана Немо громоздятся одна на другую. Раскрыть их нелегко, ибо сам капитан Немо предпочитает о себе молчать.

За семь месяцев невольного заточения, которые профессор

Аронакс провел на борту «Наутилуса», о командире подводного корабля ему удается разузнать немногое.

У капитана Немо была запоминающаяся с первого взгляда внешность южанина, не то испанца или турка, не то араба или индуса.

Черные глаза, твердые и спокойные, были полны холодной решимости, но и возвышенных мыслей. Мужество и непреклонность воли, прямота натуры, уверенность в себе — таковы основные черты его характера. «Он был высокого роста; резко очерченный рот, великолепные зубы, рука, тонкая в кисти, с удлиненными пальцами... все в нем было исполнено благородства. Словом, этот человек являл собой совершенный образец мужской красоты».

Особенно поразил профессора Аронакса при первой встрече взгляд капитана Немо: «Он пронизывал душу!»

Язык, на котором он говорил со своими подчиненными и отдавал приказания, казался странным и непонятным. Это был благозвучный, гибкий, певучий язык с ударением на гласных, язык, о существовании которого профессор Аронакс и не подозревал. Что это за язык — оставалось загадкой. Как и черного цвета флаг, который устрашающе реял над «Наутилусом». Это не было пиратское полотнище с изображением скрещенных костей и черепа на черном фоне. Что же в таком случае он означал? Символом чего являлось черное знамя с вышитой на нем золотой буквой «N»? И на это не было ответа.

Словом, все, что удалось узнать профессору, не содержит ничего конкретного. Одно ему ясно, «что в прошлом этого человека скрыта страшная тайна», что «он поставил себя вне общественных законов», «ушел за пределы досягаемости, обретя независимость и свободу в полном значении этого слова!».

Сам о себе капитан Немо говорит, что он порвал всякие связи с обществом. И на это у него, по его словам, были веские причины. Насколько они основательны, судить мог лишь он один.

Да, капитан Немо порвал с человечеством. Он стал обитателем океанских глубин, которые любит, потому что «море — это все! Оно покрывает собою семь десятых земного шара. Дыхание его чисто, животворно. В его безбрежной пустыне человек не чувствует себя одиноким, ибо вокруг себя он ощущает биение жизни». Но главное — «море не подвластно деспотам. На поверхности морей они могут еще чинить беззакония, вести войны, убивать себе подобных. Но на глубине тридцати футов под водою они бессильны, тут их могущество кончается! Тут, единственно тут, настоящая независимость! Тут нет тиранов! Тут я свободен!» — восклицает капитан Немо.

Не те же ли чувства испытывал к морю и сам автор. И не

потому ли его так влекло каждую весну на побережье, в Кретуа, где, распустив паруса, его ждал красавец «Сен-Мишель», готовый выйти в плавание. Жюль Верн часто повторял: «Море, музыка и свобода — вот все, что я люблю».

Капитан Немо тоже любит музыку. На борту подводного корабля, в салоне, находится огромная фисгармония. На ней разбросаны партитуры сочинений многих великих композиторов.

А в библиотеке «Наутилуса» собрано двенадцать тысяч книг на разных языках. Нетрудно предположить, что столь же обширными были и познания в языках командира «Наутилуса». Книги являлись и свидетелями разносторонних интересов их владельца. На полках были представлены произведения великих писателей и мыслителей древнего и нового мира — «все то лучшее, что создано человеческим гением в области истории, поэзии, художественной прозы и науки».

Когда-то капитан Немо был страстным, неутомимым коллекционером произведений живописи. Теперь собрание картин, так же, как и книг,— это единственное, что связывает его с землей, это последнее воспоминание о ней.

И снова возникает вопрос, какие причины заставили этого человека искать свободы под водой?

«Нет, не пошлая мизантропия загнала капитана Немо с его товарищами в железный корпус «Наутилуса», но ненависть, столь колоссальная и возвышенная, что само время не могло ее смягчить». Ненависть! К кому? К деспотам и тиранам, к тем, в чьих руках была власть. Против них и направлял смертоносные удары своего «Наутилуса» капитан Немо.

Месть его, однако, не носит личный характер. Нет, он мстит не только за себя, но и за всех угнетенных на земле. «Неужто я не знаю,— восклицает он,— что на земле существуют обездоленные люди, угнетенные народы? Несчастные, нуждающиеся в помощи жертвы, вопиющие об отмщении!» Каждый угнетенный был ему братом, «его сердце отзывалось на человеческие страдания, и он широкой рукой оказывал помощь угнетенным!».

Значит, вернее будет сказать: капитан Немо — не столько мститель, сколько борец за права людей, за их будущее. Какими были и те, чьи портреты висели на стенах его каюты — «портреты видных исторических лиц, посвятивших себя служению высокой идее гуманизма: Костюшко — герой, боровшийся за освобождение Польши; Боцарис — этот Леонид современной Греции; О'Коннель — борец за независимость Ирландии; Вашингтон — основатель Северо-Американского союза; Линкольн, погибший от пули рабовладельца; и, наконец, мученик, боровшийся за освобождение негров от рабства и вздернутый на виселице,— Джон Браун».



Профессор Аронакс на борту «Авраама Линкольна». Рисунок Невилля.

И все отчетливее перед нами вырисовывается фигура капитана Немо. «Не был ли он защитником угнетенных народов, освободителем порабощенных племен? Не участвовал ли он в политических и социальных потрясениях последнего времени?» — спрашивает профессор Аронакс, начинавший смутно догадываться о том, что представляет собой капитан Немо.

Роман «Двадцать тысяч лье под водой» — книга не столько о море и подводных скитаниях «Наутилуса», сколько о видном ученом и революционере, борце и мстителе за поруганное человечество.

Таким и нарисовал капитана Немо художник Невилль, иллюстрировавший издание, вышедшее осенью 1871 года. На мостике подводного корабля стоит его бесстрашный и благородный капитан. А в образе профессора Аронакса художник изобразил самого автора романа.

Пленникам удается бежать с «Наутилуса», ставшего для них плавучей тюрьмой. Они вновь обретают свободу, возвращаются к жизни среди людей. «Однако что же сталось с «Наутилусом»?

Жив ли капитан Немо? — спрашивает профессор Аронакс в конце книги.— Каково его настоящее имя?» Ответа на это в романе не было.



Много лет Жюль Верн вел свою особую картотеку. Это было поистине уникальное собрание всевозможных фактов и сведений, почерпнутых им при чтении разного рода литературы: книг, журналов, газет. Выписки эти (он делал их еще со студенческих лет) оказывали неоценимую услугу во время работы над книгой, а часто подсказывали и сюжет произведения.

К концу жизни картотека насчитывала более двадцати тысяч тщательно пронумерованных тетрадок с выписками. Здесь можно было быстро и без труда найти сведения по астрономии и физике, географии и истории, геологии и химии, и т. п.

В читальном зале библиотеки у него был свой стол. И часто посетители видели его склонившимся над журналами и газетами, записывавшим что-то в свою тетрадь. Привычку просматривать таким образом свежую прессу он сохранил на всю жизнь. И даже в старости, больной и полуослепший, он стремился быть в курсе всех научных и политических новостей. Читальный зал он уже посещать не мог: свежие журналы и газеты доставляли на дом, где жена и внучка ему помогали штудировать их.

Картотека его пополнялась с невероятной быстротой. И в этом не было ничего удивительного. Вторая половина девятнадцатого столетия стала эпохой величайших научных и технических открытий. Одну за другой ученые раскрывали тайны природы, отвоевывали у нее вековые секреты. Границы бытия расширялись. И Жюль Верн считал себя счастливцем, что родился в такой век, когда на его глазах было совершено столько замечательных открытий и изобретений. Верил он и в то, что живет на пороге эпохи, которая сулит еще больше чудесного не только в науке. А география? Разве наш земной шар, его материки, моря и горы досконально изучены? Разве нет еще «белых пятен» на карте мира? В том-то и дело, что есть. Они ждут своих исследователей. Жюль Верн внимательно следил за теми, кто пытался стереть на карте очередное «белое пятно». Знал о всех экспедициях, снаряжаемых в африканские джунгли и австралийские дебри. Читал отчеты отважных путешественников о странствиях, изучал их маршруты.

Но не только научные и географические открытия находили отзвук в его душе.

Внимательно следил он и за политическими событиями своего времени. Об этом лучше всего говорят книги писателя. В них,

словно эхо, отозвались многие потрясения эпохи, они полны злободневных откликов на волновавшие современников события.

Кровавые экспедиции французских колонизаторов в Индокитае, их бесчинства в Алжире, вдобавок они впутались в «опиумную войну», которую уже не первый год вели англичане на Дальнем Востоке. Ко всему этому «Наполеон-маленький» послал своих солдат убивать восставших китайских крестьян, когда в 1856 году мощная крестьянская революция тайпинов прокатилась по огромным пространствам Китая. Но и после того, как крестьянское восстание было подавлено, в Китае то и дело вспыхивали народные мятежи.

Издалека до Франции доносился гул событий, которые разворачивались в Индии. Начавшееся здесь в 1857 году антианглийское восстание охватило многие провинции британской «заморской жемчужины».

В эти дни Жюлю Верну встретилось в печати имя Нана Сахиба, одного из руководителей индийских повстанцев. В картотеке писателя в разделе, посвященном событиям в Индии, долгое время занимавшим внимание писателя, появляются все новые и новые записи.

Однажды, мальчиком, Жюль Верн вознамерился бежать в далекую сказочную Индию. Побег тогда сорвался. Беглеца сняли с борта готового к отплытию корабля. Путешествие, полное загадок, опасностей и открытий, не состоялось. Но Индия, страна несметных сокровищ, широких рек и красивых храмов, страна-тайна, продолжала волновать его воображение. К тому же ему были глубоко ненавистны англичане, завоевавшие эту прекрасную землю. «Британская политика направлена к уничтожению туземных племен,— писал Жюль Верн,— к изгнанию их из тех местностей, где жили их предки». По его словам, такая пагубная политика проводилась англичанами во всех их колониях, в том числе и в Индии, «где исчезло пять миллионов индийцев».

Зная все это, невозможно было оставаться равнодушным и бесстрастно описывать путешествия своих героев по морям и странам. Реальная жизнь вносила свои поправки. И писатель все более чутко прислушивался к сейсмографу, фиксирующему политические потрясения времени.

Из газетных сообщений можно было составить весьма искаженное представление о вожде индийского восстания. Ненавистный англичанам, Нана Сахиб изображался ими варваром, насильником. Его называли «битхурским зверем» и за ним охотились, как за зверем.

По мере успехов восставших росла и цена за голову Нана Сахиба. Сначала генерал-губернатор Индии обещал 50 тысяч

рупий тому, кто доставит Нана и передаст его в руки англичан, или тому, кто укажет, где он находится и поможет захватить его. Через несколько месяцев цена за голову вождя возросла до ста тысяч. Англичане готовы были заплатить и еще больше, лишь бы покончить с народным возмущением, с руководителями масс и тем самым обезглавить восстание.

Кто же был этот индус, осмелившийся поднять тальвар — меч против ненавистных чужеземцев?

Битхур — небольшой городок на берегу Ганга. Недалеко, километрах в сорока, расположен Канпур — шумный, многоязычный центр, через который проходят важные торговые пути. Ниже по течению — священный город Бенарес, в храмы которого стекаются паломники со всей страны.

В тихом зеленом Битхуре находилась резиденция главы государства маратхов пешвы Баджи Рао II. С тех пор как его владения были захвачены колонизаторами, старый правитель жил здесь в своем дворце.

Англичане довольно щедро оплачивали лояльность его хозяина — пенсией в 800 тысяч рупий в год. Старый пешва доживал свои дни в тишине и покое. Большую часть дня проводил в тени деревьев своего сада. Кормил ручных оленей и косуль, любовался великолепным одеянием павлинов, разгуливавших среди цветников, с гордостью показывал гостям своих прекрасных коней.

В залах дворца поражало богатое собрание картин. Тут были представлены работы европейских и индийских мастеров. Не меньшей гордостью владельца битхурского дворца являлась и коллекция оружия: сабли и пистолеты, кинжалы и пики, щиты и ружья, легкие кавалерийские седла и громоздкие кабины — хауды для слонов. Но жемчужиной этого редкостного собрания был драгоценный меч пешв. Мирно висел старинный клинок на стене. Во дворе, перед дворцом, не слышно воинственных кличей, бряцания оружия, не видно боевых слонов и знаменитых маратхских всадников на быстрых скакунах. Грозные битвы забыты. И только в рассказах пешвы о героическом прошлом маратхов, об их многовечной борьбе оживали картины ожесточенных схваток и кровавых сражений, которые некогда приходилось вести его предкам.

Особый интерес к этим рассказам проявлял приемный сын пешвы юный Нана Сахиб. Часами просиживал он возле старика, слушая предания о походах против воинственных афганцев, о том,



Нана Сахиб.

как, возглавляемые национальным героем, «замечательным предводителем закаленных горцев» Шиваджи, портрет которого висел во дворце, маратхи воевали с могольской державой, и о многом другом, чему свидетелем был старинный меч.

С благоговением и почтением юноша прикасался к легендарному оружию. Но самыми счастливыми были минуты, когда ему разрешали подержать в руках прославленный клинок. Тогда в глазах Нана вспыхивал огонь, с уст готов был сорваться боевой клич. Он представлял, как на взмыленном скакуне во главе отряда конников врезается в ряды противника и мечом предков разит ненавистных врагов. Но об этом приходилось лишь мечтать. А пока Нана проводил время в военных упражнениях, фехтовал, стрелял из пистолетов, занимался верховой ездой. Его часто видели вместе с братьями; с друзьями — Тантия Топи, сильным и ловким юношей, с Лакшми Бай — отважной девушкой, дочерью священнослужителя при дворе пешвы.

Увлекался молодой индус и музыкой, отлично разбирался в искусстве. Хорошо знал литературу, любил цитировать отрывки из поэмы «Рамаяна», славящей подвиги мифического героя Рамы.

Вызывал восхищение и внешний вид Нана, манера держать себя. У него были черные, гладко причесанные волосы, чуть полноватое лицо светло-коричневого цвета, прямой нос. Его крепкую спортивную фигуру плотно облегал богатый костюм индийского вельможи. Холодный и твердый взгляд как бы подчинял себе.



Но вот безмятежной жизни Нана Сахиба пришел конец. Умер пешва Баджи Рао II. Алчные англичане отказались признать права его приемного сына и наследника. Он был лишен пенсии и всех привилегий.

Напрасно Нана Сахиб пытался восстановить справедливость, напрасно писал письма генерал-губернатору в Калькутту и даже в Лондон. Здесь не собирались тратить золото на какого-то юнца без роду и племени. И поспешили одобрить решение генерал-губернатора, отказавшего приемному сыну пешвы в праве на пенсию.

Оставалось лишь возмущаться вероломством и наглостью ненавистных ферингов-чужеземцев. Рассчитывать на их милость было безнадежно. Несправедливость рождала гнев, побуждала взяться за меч. Но что мог сделать он один?!

...Звуки ви́на перед дворцом привлекли внимание Нана. Он вышел на террасу. Народ заполнял площадь — праздник был в разгаре.

Певцы, перебирая струны, славили героев древности, пели о великих подвигах божественного Рамы, о мудром и справедливом Викрамадитья, об Акбаре — великом правителе и собирателе земель.

Тут же, среди толпы, разыгрывалось нехитрое представление. Зрители внимательно следили за действом. Актер, изображавший героя древнего эпоса, демонстрировал свое умение обращаться с мечом.

На сцену вынесли куклу в костюме ферингов. Зрители потребовали от актера решительных действий. Но он и не собирался отступать. Напротив, мгновение — и меч пронзил одежду чужеземца. Толпа разразилась восторженными криками. Удар, еще удар... Кукла повержена наземь. Всеобщее ликование охватило толпу.

Нана думал о тяжелой участи этих людей, о том, что, доведенные до крайней степени нищеты, забитые, обездоленные, они готовы подняться против ненавистных пришельцев из-за моря. Люди как порох, нужно лишь высечь искру.

В народе только и разговоров, что скоро настанет конец владычеству ненавистных ферингов. И случится это в тот самый год, когда исполнится сто лет хозяйничанья англичан в Индии — в 1857 году. Об этом поведали индусские брахманы и мусульманские муллы, услышавшие предсказание своих богов.

Перед дворцом показались странствующие монахи-факиры. Нана подал знак пропустить. Долго беседовал с ними. О чем — никто не знал. Как не знали и о том, что каждый из монахов, уходя, уносил под лохмотьями секретные письма к тем, кто ждал случая, чтобы подняться на борьбу.

Нана давно уже вел тонкую и хитрую игру. Англичане ни о чем не догадывались и считали его вполне лояльным индусом. Он часто посещал дома британских чиновников, был всегда вежлив и учтив. И когда Уилеру, командиру Каппурского гарнизона, стали доказывать, что Нана Сахиб из Битхура тайный враг англичан, старый генерал лишь рассмеялся в ответ.

Не верил Уилер, как и многие другие, и в то, что неспроста из полка в полк сипаи — солдаты-индийцы, находившиеся на службе у англичан, передают цветок красного лотоса. Этот нежный и благородный цветок, появившийся, согласно легенде, из пупка бога Вишну, в Индии считается царем цветов, олицетворяет красоту, чистоту и гуманность. Во имя этого и готовились к жестокой борьбе индийские патриоты.

Генерал Уилер телеграфировал начальству, что в Каппуре все спокойно. А между тем в расквартированных здесь сипайских полках деятельно готовились к выступлению.

Командир гарнизона не знал многого. Он никогда не поверил бы, что дом известной танцовщицы Азизан — здесь, случалось, бывал и сам генерал — стал местом, где заговорщики обсуждали свои планы. Так же, как ему трудно было бы представить, что торговец лошадьми Мудат Али, этот спокойный и вполне благонамеренный мусульманин, приходил в дом Азизан совсем не для развлечения. Он приносил письма Нана Сахиба к руководителям заговора в Каппурском гарнизоне.

В начале 1857 года разнесся слух о том, что битхурский владетель решил отправиться в путешествие по святым местам.

И действительно, в один из мартовских дней красавец слон в роскошном облачении, с хаудой на спине — кабинкой, где располагались ездоки, покорно стоял у дворца, ожидая хозяина. Погонщик опустил анкуш — железный крюк, которым погоняют слонов,

и непризнанный пешва в сопровождении свиты двинулся в дальний путь.

Всюду, где побывал гость из Битхура, он вел секретные переговоры с единомышленниками, вырабатывал план действий, выяснял настроения местных феодалов, их готовность примкнуть к борьбе. Во время этой поездки Нана окончательно убедился, что час настал и время действовать.

Старинный меч маратхских пешв дождался своего часа.

Глубокой ночью четвертого июня над пыльными, узкими улочками Канпура прогремели три пушечных выстрела. Это был сигнал к мятежу индийских солдат. В городе защелкали выстрелы, запылали дома. Кавалеристы восставшего полка сипаев захватили арсенал, банк, тюрьму. Нана Сахиб, прибывший накануне в город, был провозглашен правителем. А генерал Уилер жестоко расплатился за свою наивность.

В эту ночь Нана Сахиб окончательно выбрал свой путь — борьбу за свободу родины. Это был путь изнурительных сражений и недолгих побед, путь, который стал для него дорогой к бессмертию.

Два года бились с англичанами индийские повстанцы — крестьяне, ремесленники, сипаи. Пожар освободительной войны полыхал на огромных территориях — от границ Непала на севере до Центральной Индии. Пламя народного гнева бушевало в долине Ганга, перекинулось южнее его притока Джамны в Бундельханд. Борьба сплотила людей различных религиозных убеждений, объединила представителей разных каст, разрушила языковые барьеры. Народ почувствовал свою силу.

В войне за независимость принимали участие и феодальные правители. Одних привели в ряды повстанцев патриотические настроения, других — надежда на восстановление своей былой власти, отнятой англичанами. Но вскоре многие из них, напуганные размахом национально-освободительного движения, отшатнулись, изменили ему. Еще большее число индийских князей осталось в стороне.

У восставших не было единого центра, как и не было общего плана действий. Разрозненность и изолированность выступлений пагубно сказались на всем ходе борьбы. А медлительность вождей, их неспособность объединить массы обрекли восстание на поражение. Каждый действовал по своему разумению. И каждый погибал в одиночку: англичане один за другим уничтожали центры восстания. Пали Бенарес, Аллахабад, Лакхнау, Дели.

Но это произошло позже, после многих изнурительных месяцев борьбы, после упорного сопротивления народа заморским кон-

кистадорам, хорошо вооруженным, лучше организованным, более опытным.

А пока трудно было предвидеть трагический исход, да и не очень, видимо, задумывались над этим руководители восстания. Не хотел думать об этом и Нана Сахиб.

В честь победы над Канпурским гарнизоном и воцарения на троне пешвы он затеял пышный праздник. Парад войск, салют из пушек в честь пешвы и его соратников. Тут же солдатам раздали сто тысяч рупий. После чего из Канпура отправились в Битхур и здесь веселье продолжалось.

Никогда больше звезда удачи Нана Сахиба не поднималась так высоко, как в эти дни. Упоенный победой, достигший, казалось, всего, чего хотел, Нана беспечно развлекался у себя во дворце. Когда же, спохватившись, он вернулся в Канпур, было уже поздно. Английские полки подходили к городу. Нана повел войска в бой. Жестокая схватка не принесла полной победы ни одной стороне. Надвигавшаяся ночь заставила сделать передышку. Этим и воспользовались англичане. Под покровом темноты они бросились в атаку на изнуренных битвой воинов Нана Сахиба. Утром Канпур оказался во власти пьяных мародеров.

Незадолго до поражения, видимо, сознавая неизбежность его, Нана прискакал в Битхур. Вместе с семьей он успел переправиться через реку и скрылся в лесах.

Каратели вступили в Битхур. Дворец пешвы был разграблен и разрушен. Редчайшие ценности оказались в руках победителей. Но самая большая неожиданная добыча досталась им на дне колодца, случайно обнаруженного в развалинах дворца. Здесь был тайник Нана Сахиба.

Десять дней, сменяясь каждый час, сто солдат извлекали из него поистине сказочные богатства. Из темного жерла колодца появлялись на свет слитки золота, ожерелья и украшения, золотая посуда, три миллиона рупий и, наконец, огромная серебряная хауда, еще недавно украшавшая слона пешвы. Попало в руки неприятеля и оружие из знаменитой коллекции.

Нана Сахиб потерпел поражение, лишился средств, но он не был сломлен.

Вскоре ему удалось вновь собрать вокруг себя отряд и начать партизанские действия.

Так же в одиночку яростно бились его друзья.

Во главе конного отряда повстанцев героически сражалась Лакшми Бай. Став к тому времени правительницей княжества Джханси, она мужественно защищала свою столицу — Гвалиур. О ее отваге и подвигах певцы слагали песни, которые живут в народе и по сей день. Ее называют индийской Жанной д'Арк. И даже

враги, отдавая должное ее храбрости, говорили, что «она была самой смелой среди повстанцев». Ей посвящена не одна книга, в том числе и роман писателя В. Вармы «Рани Джхапси», изданный на русском языке.

Среди непокоренных был и Тантия Топи, прозванный за свое бесстрашие «маратхским тигром». Дж. Неру считал его «самым блестящим из всех» партизанских лидеров. Его отряд, состоявший из сипаев и крестьян, был грозой англичан. Неожиданно обрушивался он на врага и так же внезапно исчезал, скрываясь при самых, казалось бы, невозможных обстоятельствах.

Но что могли сделать эти и другие разрозненные горстки повстанцев против пятнадцатитысячной армии англичан во главе с лучшим генералом Британской империи, опытным и искусным военачальником Колином Кемпбеллом.

В неравных боях один за другим погибали сподвижники Нана Сахиба.

В сражении, с мечом в руках, пала Лакшми Бай. Тело ее было предано огню, а пепел, по обычаю, рассеян над Гангом.

Схватили и Тантия Топи. Обманом его заманили в ловушку, заковали в кандалы. Перед казнью, подняв руки, он воскликнул: «Моя единственная надежда, что жерло пушки или петля виселицы избавит меня от этих цепей».

Немногие избежали их участи. Продвижение английских войск было повсеместно отмечено виселицами и грохотом пушек. Из них расстреливали, привязав к жерлу, пленных повстанцев. Бесчеловечность карателей запечатлел на своей знаменитой картине «Расстрел сипаев» русский художник В. Верещагин. Лишь некоторые из вождей мятежников сумели скрыться. Одни бежали в Непал, другим удалось уйти в Иран и Афганистан.

Где скрывался в это время Нана Сахиб? Точно неизвестно. Его видели в лесном форте, на переправе, в далеком селении. Не раз преследователям казалось, что он уже в их руках. И всякий раз пешве удавалось скрыться.

Он метался из стороны в сторону, пытался сопротивляться. В гневных словах, адресованных колонизаторам, Нана Сахиб клеймил их, заявлял, что будет сражаться до конца. «Мы еще встретимся»,— угрожал он. И обещал, что будет «действовать только мечом».

Увы, это были лишь слова. Реальной угрозы мятежный пешва уже не представлял.

Понимал это и он сам. Сознавал, что дальнейшая борьба обречена. Надо было выбирать — либо смерть в бою, либо — бегство. Нана Сахиб решил скрыться, навсегда покинуть Индию.

В середине апреля 1859 года границу Непала пересекла группа

всадников. Во главе отряда из пятисот конников по горной тропе ехал седобородый старик. Видом своим он походил на пророка. Трудно было узнать в этом путнике сорокадвухлетнего Нана Сахиба. Белая от инея борода, погасший взгляд, запавшие щеки изменили облик некогда красивого и мужественного лица. Вместе с женой и верными сподвижниками Нана Сахиб уходил в изгнание. Он решился искать убежище в горах соседнего Непала несмотря на то, что вероломный владетель его Джанг Бахадур отказал ему в убежище и, мало того, разрешил англичанам преследовать беглецов на своей земле.

И все же Нана выбрал этот путь. Впрочем, достоверных данных на сей счет нет. Судьба Нана Сахиба — это одна из неразгаданных тайн истории.

Что стало с мятежным пешвой? Где нашел свою смерть Нана Сахиб? По этому поводу существует немало догадок и предположений.

Многие историки пытались ответить на этот вопрос, упорно искали следы таинственного исчезновения Нана. А тем временем поэты предлагали свои версии. Один из них — французский драматург и писатель Жан Ришпен в конце прошлого столетия создал на эту тему пьесу «Нана Сахиб». Автор привел вождя индийских повстанцев и его спутницу под своды горной пещеры, напоминавшей пещеру Али Бабы. Здесь, среди сокровищ и драгоценностей, возвышается над очагом статуя бога Шивы. Внезапно в очаге вспыхивает огонь, он разгорается все сильнее. Спасения нет — дверь, через которую они проникли в пещеру, захлопнулась. Девушка всходит на костер, зовет возлюбленного:

Иди же! Иди! Наши поцелуи станут нашим саваном,
Наши сердца, умирая, сольются в одно.
Да, поднимайся, о, поднимайся выше, обжигающее безумное пламя!
Вместе с тобой взлетает и разгорается наша любовь.

В таких, довольно примитивных сентиментальных красках, изобразил смерть Нана Сахиба Жан Ришпен. И тем не менее спектакль, поставленный по этой пьесе на сцене парижского театра Порт-Сен-Мартен, пользовался успехом. Но не роскошные декорации и не звонкие и раскатистые стихи принесли ему популярность. А игра несравненной Сары Бернар, исполнявшей заглавную роль.

Так, по-своему, дал ответ на занимавшую всех загадку французский драматург.

Вождю повстанцев предрекали и другое.

Нана Сахиб жив. Ему удалось спастись. Он обитает под видом

святого отшельника в горах Непала. Так говорила одна легенда. Согласно другой — Нана Сахиб спасся, он бежал и нашел пристанище в далекой России. Разнесся даже слух, что генерал Скобелев, в то время отличившийся в Средней Азии, это и есть Нана.

Народ не хотел верить в гибель вождя. Народ верил — Нана Сахиб жив...

Еще многие годы имя Нана Сахиба для индийцев оставалось символом борьбы за независимость и свободу.

С благодарностью и уважением вспоминают о нем и в сегодняшней Индии, сбросившей иго колониального рабства. И в наши дни его подвиг огнем самопожертвования озаряет Индии путь в веках. Так сказано на памятнике Нана Сахибу, установленному в столетнюю годовщину восстания, в 1957 году, в городе Битхуре.

Прошло немало лет. Однажды в печати промелькнуло сообщение о том, что в Индии, в лесах Бунделькханда, пойман, наконец, еще один из руководителей индийских бунтовщиков. «Неужели это Нана Сахиб?» — подумал Жюль Верн. Невольно в памяти вновь возникли картины расправ и бесчинств, творимых над индийскими повстанцами англичанами. Они мало чем отличались от их «братьев по классу», версальских палачей — душителей Парижской коммуны. Писатель был свидетелем кровавой оргии, которую учинили молодчики Тьера в поверженном Париже. Вода в Сене стала пурпурной от крови коммунаров. Над примолкшим городом висел черный шлейф дыма. Пахло гарью. Словно серый саван, пепел покрывал крыши домов, улицы, площади. Это был саван для тридцати пяти тысяч человек, погибших во время кровавого разгула версальских солдат. Такова была официальная цифра. На самом деле их было более ста тысяч. Не вернулись с баррикад и многие друзья Жюля Верна. Зверски убили ученого Флуранса. В дни Коммуны он стал одним из ее генералов. Давний друг публицист Паскаль Груссе, редактор газеты «Марсельеза» и министр иностранных дел Коммуны, приговорен к смерти. Та же участь уготована и писательнице Луизе Мишель — «Красной деве Коммуны», как ее называли. Пожизненная каторга ожидала знаменитого географа Элизе Реклю.

После всего, что увидел Жюль Верн, трудно было вновь браться за перо. О чем писать, когда перед глазами все еще стояли страшные картины последних дней Коммуны. Когда мысли снова и снова возвращались к воспоминаниям о друзьях, о тех, кто погиб под пулями версальцев. Надо было куда-то уехать, побыть наедине

с самим собой, обдумать еще раз происшедшее. И Жюль Верн едет в родной Амьен. В этом провинциальном городишке он останется до конца своих дней.

Он вновь начинает писать. Но как резко меняется тематика его романов. Как не похожи теперешние герои на тех, кто населял его книги прежде.

Отныне они все чаще становятся участниками революционной схватки. С оружием в руках сражаются за свободу и независимость. Тема борьбы человека с природой вытесняется темой политической, социальной борьбы.

На смену героям-ученым приходят герои-бунтари, герои-борцы. Жюль Верн пишет о тайпинском восстании и о венгерских революционерах, о сражении под Вальми — первой победе республиканской армии Франции в 1792 году, о борьбе негров Америки и рабстве в африканских колониях, о греках, восставших против турецкого владычества, и о русских ссыльных, бежавших с каторги, чтобы продолжать бороться...

Теперь его герои — это венгр Шандор Матиас, болгарин Сергей Ладко, мятежник Жан Безымянный — борец за независимость Канады, это — Анри д'Альбре, француз, сражающийся на стороне свободолюбивых греков, русский народоволец Владимир Янов. Почти все они гибнут, как погибли тысячи безымянных героев Коммуны. Но значит ли это, что борьба бесполезна? Что незачем браться за оружие и все великие попытки освободить человечество — напрасны? Жюль Верн отвечает прямо: несмотря на то, что «восстания были неудачны, они все же пустили здоровые ростки, и эти ростки должны были принести плоды. Повстанцы недаром проливали кровь, домогаясь своих прав».

В кабинете на втором этаже круглой башни амьенского дома, так же как и в каюте «Сен-Мишеля», все очень просто: кровать, глобус, единственное украшение — бюсты Мольера и Шекспира. В пять часов утра он уже за конторкой — рабочим столом. Распорядок дня не изменился — тот же, что и всегда.

В романе «Двадцать тысяч лье под водой» не было разгадки тайны капитана Немо. Впрочем, могло случиться и так, что профессор Аронакс, столь упорно стремившийся разгадать тайну капитана Немо, а вместе с ним и читатели вообще никогда не узнали бы, кто скрывался под этим именем, что это за человек, откуда родом, какова его история. В первом варианте рукописи капитан Немо погибал. Потом, однако, писатель решил сохранить ему жизнь. Образ этот мог понадобиться в будущем. Что касается читателей, как и профессор Аронакс, заинтригованных загадкой, то их явно не устраивали скудные сведения о капитане «Наутилуса». Письма, которые получал автор, содержали просьбу рассказать

подробнее о командире подводного корабля, сообщить более определенные сведения о нем.

И Жюль Верн раскроет тайну капитана Немо на страницах своей новой книги — «Таинственный остров». В ней он расскажет о жизни и труде горстки колонистов, заброшенных случайной судьбой на необитаемый остров в южной части Тихого океана.

Один на один с суровой природой оказываются люди разных национальностей, профессий и социального положения. Благодаря их сплоченности, воодушевлению и воле, вере в безграничные возможности человека, они создают коммуну — прообраз идеального общества будущего. Но не только в борьбе с природой проходит их жизнь. Им приходится отстаивать свою колонию с оружием в руках — воевать с пиратами, пытающимися ее захватить. Горстка смельчаков отважно вступает в бой с многочисленным противником.

Исход поединка, казалось, предрешен. И только вмешательство загадочного покровителя острова спасает колонистов...

Кто помогает обитателям таинственного острова? Кто их невидимый покровитель и защитник?

Читатели узнают об этом лишь на последних страницах романа.

В подземном гроте, затопленном водой, колонисты видят непонятный предмет веретенообразной формы. Он напоминает собой огромное морское животное из породы китообразных. Проникнув внутрь странного плавучего сооружения, они встречаются с его хозяином. Им оказывается не кто иной, как капитан Немо, а непонятный предмет — это «Наутилус».

Столь позднее раскрытие тайны острова писатель объяснял стремлением «всячески повысить интерес к таинственному пребыванию капитана Немо на острове, чтобы, так сказать, подготовить необходимое «крещендо».

Как и в романе «Двадцать тысяч лье под водой», Немо живет в подводном одиночестве. Однако он давно отказался от своих скитаний. В пещере таинственного острова он нашел себе вечное пристанище. Его мятежный дух все так же неукротим, его ненависть к угнетателям все та же. Его взор по-прежнему горд — он свободен. И все же он уже не тот — постаревший и больной, уставший от подводных странствований.

Седая борода, грива белых, откинутых назад густых волос придают его облику вид библейского пророка. Одинокий, ибо все те, кто много лет назад вместе с ним обрекли себя на изгнание под водой, уже умерли. Предчувствует свой скорый конец и хозяин «Наутилуса». И, хотя ему все труднее говорить, он спешит раскрыть колонистам тайну капитана Немо.

...Его настоящее имя — принц Даккар. Он родился в Индии и был сыном раджи, владевшим княжеством в Бундельկханде.

С юных лет его отличали живость ума, жажда знаний и благородство души. Наделенный многими дарованиями, он овладел различными науками и достиг больших познаний как в естествоведении и математике, так и в литературе. Любил живопись — чудеса искусства вызывали в нем благородное волнение.

Образование он получил в Европе, куда его отправили еще мальчиком, воспитан же был в духе ненависти к европейцам, поработившим его отчизну. Он проклинал англичан, заковавших в цепи народ его поэтической родины. Борьба за ее независимость стала целью и смыслом его жизни.

«Этот художник, этот ученый, этот одаренный человек оставался душой индусом, индусом, полным жажды мести, индусом, лелеявшим надежду, что настанет день, когда его соотечественники потребуют прав для своей страны, изгонят из нее чужеземцев и возвратят ей независимость... Он выжидал случая. И случай представился».

Когда вспыхнуло крупное восстание сипаев, пишет Жюль Верн, душой его стал принц Даккар. Он поднял огромные массы, отдал правому делу все свои дарования и свое богатство. Бесстрашно шел он в бой в первых рядах, рисковал своей жизнью так же, как самый простой из героев, поднявшихся ради освобождения отчизны. «Имя принца Даккара стало в те дни знаменитым. Герой, носивший это имя, не таился и вел борьбу открыто. Голова его была оценена и, хотя не нашлось ни одного предателя, готового выдать Даккара, за него поплатились жизнью отец, мать, жена и дети — их убили прежде, чем он узнал, какая опасность грозит им из-за него...»

Но и в этот раз право было повержено во прах перед силой. Тщетно искал Даккар себе смерти, когда последние воины, отстаивавшие независимость Индии, пали, сраженные английскими пулями. Одинокий, исполненный беспредельного отвращения к самому имени «человек», питая ужас и ненависть к цивилизованному миру, стремясь навсегда бежать от него, он обратил в деньги остатки своего состояния, собрал вокруг себя самых преданных ему соратников и в один прекрасный день куда-то исчез вместе с ними.

Куда же отправился принц Даккар? Где искал он той независимости, в которой ему отказала земля, населенная людьми? И Жюль Верн отвечает — под водой, в глубинах морей — там, где никто не мог преследовать его.

На пустынном острове воин, ставший ученым, заложил корабельную верфь. Здесь была построена по его чертежам подводная

лодка. Он дал своему судну название «Наутилус», поднял на нем черный флаг (в Индии черный цвет — символ восстания), назвал себя капитаном Немо и скрылся под водой, став грозным мстителем за всех угнетенных людей земли.

Но у этого человека была потребность творить добро. Это он спас одного из колонистов — инженера Сайерса Смита, подбросил ящик с так необходимыми им вещами, сбросил лестницу во время нашествия обезьян, спас юношу от смерти, принеся для него необходимое лекарство, и, наконец, это он взорвал разбойничий бриг при помощи подводной мины и перебил бандитов изобретенными им электрическими пулями.

Последнее его благодеяние — ларец с бриллиантами, которые он вместе с другими драгоценностями завещает колонистам. Он верит, что в их руках деньги не станут орудием зла.

Принц Даккар умирает одиноким, вдали от всего, что он любил, что было ему дорого, за что он боролся. Последним словом, которое прошептали его холодеющие губы, было слово — Родина.

Разве повесть жизни, рассказанная умирающим капитаном Немо, не напоминает историю Нана Сахиба? И возникает вопрос: не стал ли, в известной мере, герой индийского народа прототипом знаменитого литературного образа? Не подсказала ли таинственная судьба Нана Сахиба — бесследное его исчезновение — загадку капитана Немо?

Несколько лет спустя Жюль Верн напишет роман «Паровой дом», где в главе «Восстание сипаев» продемонстрирует свою великолепную осведомленность о минувших событиях в Индии, о ее истории и географии. И не случайно главным героем романа писатель сделает Нана Сахиба.

Слухи о его гибели в горах Непала оказываются ложными. После восьми лет изгнания Нана тайно возвращается на родину. Он мечтает вновь поднять знамя борьбы, освободить землю отцов от ига поработителей. В горах Бундельканда пытается создать очаг восстания. У него все та же цель — мстить ненавистным ферингам. Его месть жестока. Но разве это не жестокость, когда солдаты полковника Мунро — главного врага Нана в романе — привязывали к жерлам своих пушек пленных сипаев, когда английские войска безжалостно истребляли жителей Дели и других городов, когда от их рук погибло «сто двадцать тысяч офицеров и солдат и двести тысяч индусов только за то, что они принимали участие в восстании во имя национальной независимости!» Нана Сахибу не удается достичь своей цели, он попадает в плен и погибает. Видимо, и много лет спустя трагическая судьба Нана Сахиба не переставала волновать воображение Жюля Верна.

...Жюль Верн откладывает перо. Взгляд его устремляется в окно на зеркальную поверхность Соммы. Неспешно несет она свои воды. Так же спокойно течет его жизнь. Вдали от столичного шума, вдали от докучавшей ему славы. Впрочем, и сюда, в Амьен, доносятся ее отзвуки. Только что, например, он узнал, что удостоен Большой премии Французской Академии за книгу «Двадцать тысяч лье под водой».

Писатель встает, подходит к большому глобусу, стоящему в углу комнаты. Его поверхность, словно паутиной, опутана карандашными линиями. Это маршруты странствий его, жюль-верновских, героев. На выпуклый шар ложится новая свежая полоска — путешествие героев «Таинственного острова».

Как-то встретит читающая публика его новых героев? Как отнесется к разгадке тайны капитана Немо?



ЖАК ВЕНТРА — ДВОЙНИК КОММУНАРА

Есть исповеди, которые можно слушать, только сняв шляпу. «Жак Вентра» — одна из таких исповедей.

Э. Золя



Кольцо вокруг Коммуны сжималось все плотнее. Наступили дни трагической «кровавой недели» — дни агонии.

На улице Ребеваль в Бельвиле еще сражалась одна из последних баррикад.

Рядом с полковником Бено, ее командиром, человек, опоясанный поверх пальто алым шарфом с золотыми кистями — опознавательным знаком члена Коммуны. Это Жюль Валлес — один из ее руководителей, представитель правительства, неистовый журналист.

...Раннее утро, 28 мая, 5 часов. Грохоту на земле вторят раскаты грома — идет дождь, пасмурно.

Версальцы стреляют прямой наводкой. Им отвечают пятьдесят выживших коммунаров, пятьдесят обреченных, едва ли не последних защитников «Красного Бельвиля» — рабочего района, где семьдесят два дня назад запялась заря Коммуны. У них всего одна-единственная пушка. Может быть, это та самая пушка «Братство», что отлита бельвильцами из медных грошей бедняков?

Одно орудие против множества версальских! И тем не менее его огонь доставляет немало неприятностей. Артиллеристы сосредоточены и молчаливы, лица полны решимости. Каждый понимает, что его ждет. Среди канониров Жюлю Валлесу запомнился юноша лет двадцати. На баррикаде это самый молодой, как сама Коммуна, защитник, но, как и она, обреченный на смерть. «Белокурый капо-

нир громко вскрикивает. Пуля попала ему в лоб и пробила черный глаз между его синими». Рухнул последний артиллерист. Пала Коммуна.

В прошлом, скрываясь от агентов, Валлес не раз изменял внешность. Прибегнул к маскараду и теперь. Он еще заранее сбрил бороду и несколько изменил прическу. Из-за этого даже случилось недоразумение, чисто случайно не кончившееся для него трагически. На улице Суффло инсургенты, не признав в нем хорошо известного всем Жюля Валлеса, приняли его за шпиона и чуть не поставили к стенке. Сейчас, увидев себя в зеркальной витрине магазина, он поразился: на него смотрело бледное, как у священника, лицо неумолимого мстителя. Оно выдавало его, особенно глаза — усталые, сверкающие ненавистью. Пришлось надеть синие очки. Теперь он совсем неузнаваем. Лишь костюм на нем прежний, купленный еще в начале марта, пропахший порохом и дымом, пробитый версальской пулей.

Не многим инсургентам удалось избежать неминуемой гибели. Версальские солдаты, полиция рыскали повсюду, осматривали кварталы и подвалы, с подозрительными не церемонились. То и дело в разных местах раздавались хлопки одиночных выстрелов — палачи творили расправу над пленными. Потом их цинично приговорят к смерти «заочно». От рук карателей погибло гораздо больше, чем в дни боев на парижских улицах. Могильщики не поспевали выполнять свои обязанности.

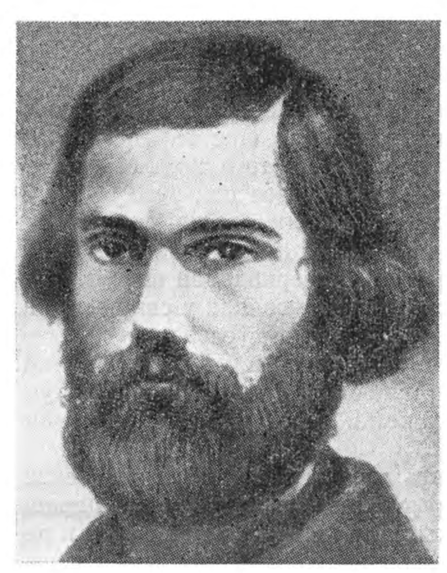
Еще большее число упрятали за решетку. Оттуда их отправят — одних на эшафот, других — на каторгу.

И все же кое-кому удалось спастись. Не все двери захлопывались перед побежденными. С помощью друзей тайно покидали Париж. Уходили под видом чиновников с фальшивыми документами, в платье священника и в форме жандармского полковника, под видом торговцев и врачей. Уходили, изменив до неузнаваемости внешность — опасались не только шпиков и добровольных осведомителей, но и провокаторов, негодяев, еще недавно выдававших себя за сподвижников, а теперь открыто перекинувшихся на сторону победителей.

С Лионского вокзала женевским экспрессом уезжали в Швейцарию, с Северного на брюссельском поезде — в Бельгию, а оттуда в Англию.

Особенно упорно полиция разыскивала Жюля Валлеса.

Что же стало с ним после того, как он покинул последнюю баррикаду? Газеты победителей не раз сообщали, что «чудовище — Валлес» расстрелян, что он погиб смертью труса. Называли даже точно день и час. «Пари-Журналь» сообщил, что Валлеса расстреляли 25 мая в шесть часов вечера. Его якобы арестовали и опо-



Инсургент Жюль Валлес. Портрет работы Г. Курбе.

звали. Он будто бы пытался бежать, бросался и хватал за горло офицера, командовавшего взводом карателей. «Но два удара прикладом по голове оглушили его. Он покачнулся, но только под градом пуль рухнул на землю и уже больше не встал. Он был расстрелян в упор». Критик газеты «Фигаро» Эмиль Блаве, ликуя по поводу гибели «интеллектуального выродка», который в своей газете «Глас народа» «раздувал ненависть и ярость», предрекал, что «ужасающая физиономия этого мрачного субъекта будет пригвождена к позорному столбу истории».

Слухи о Валлесе, один невероятнее другого, ползли по Парижу. А между тем бывший член Коммуны был жив. И в то время, когда газеты расписывали его гибель, он в шапочке санитарного врача, в больничном фартуке и белой повязке с красным крестом занимался уборкой трупов на улицах: ему удалось даже получить санитарную повозку. Он выдает себя за заведующего перевязочным пунктом.

Не раз его допрашивали: кто он, откуда, как фамилия? Но Валлес прекрасно исполнял свою роль, сохраняя хладнокровие.

Впрочем, однажды его узнал директор лазарета. Но, к счастью, все обошлось. Не желая больше испытывать судьбу, Валлес решает укрыться у секретаря Сент-Бёва, если только удастся добраться до него.

Он направляет свою повозку, запряженную расковавшейся хромоногой лошаденкой, по пустынной улочке Эпрон.

Квартал давно взят, и «красные штаны» попадаются здесь редко. Его путь лежит к гостинице пассажа Коммерс. Здесь он отсиделся, пока схлынула первая волна преследований. Через два дня перебрался на улицу Сен-Сюльпис, где надежный друг укрыл его. Целых три месяца, забившись в свою дыру, он ждет случая, чтобы проскользнуть меж пальцев у полиции. Сделать это нелегко — агенты начеку. В каждом подозрительном им мерещится неуловимый Валлес. Усердствуя, они то и дело шлют донесения. Полицейский комиссар сообщает в префектуру из Арраса, что Валлес проехал через город.

Рапорт железнодорожного комиссара по особым делам гласит, что преступник Валлес приехал в Дьепп. «Своими глазами» его видят в Лонжюмо.

Он же в эти дни размышляет в своем убежище.

Взор Валлеса устремлен к горизонту, на столб Сатори — туда, где на возвышенности около Версаля расстреливали пленных коммунаров.

Память возвращает его снова к последним дням боев. Остатки разбитых батальонов стекаются в Бельвиль. На скрещенных ружьях несут мертвых товарищей. Центр сопротивления переходит в мэрию XX округа на Парижскую улицу. Десять членов Коммуны собираются на втором этаже одного из домов на улице Аксо. Это последняя их встреча. Жюль Валлес — «председатель агонии Коммуны» последнего заседания правительства. Депеша от генерала Домбровского: «Версальцы только что ворвались...» Острой болью пронзает мысль: «Побежден! убит! не успев ничего сделать!..» Речи перед защитниками баррикад. Патронташ вместо подушки. Возгласы: «Да здравствует Коммуна!» — в ответ на каждый версальский снаряд. 147 расстрелянных у кладбищенской стены Пер-Лашез.

Революция отступает, сдает квартал за кварталом, улицу за улицей. Все сражались до последнего: рабочие, солдаты, кучера, виноторговцы, актеры.

Наконец, в теплый августовский вечер Жюль Валлес покинул свое убежище. На нем длинный сюртук, узкие брюки, цилиндр. Борода снова отросла, стала, как и прежде, окладистой и пышной. В кармане — билет на экспресс Париж — Брюссель.

Поезд пересекает пограничный ручей. Валлес смотрит на небо, в ту сторону, где остался Париж: «оно ярко-синее с красными облаками, точно огромная блуза, залитая кровью».



В номере дешевой гостиницы, перед окном, занавешенным снаружи серым лондонским туманом, стоит Жюль Валлес. Судьба изгнанника забросила его, как и многих других беглецов — бывших коммунаров, в английскую столицу, ставшую центром революционной эмиграции. Вместе с ним здесь оказались Авиаль, Вайян, Клеман, Лонге, Эд, Ранвье и другие.

Уезжая в Англию в первый раз — это было в 1868 году, он писал в статье «Письмо главному редактору», что лишен скорбной чести уехать как изгнанник. И ехал, гонимый любопытством. Знал — когда оно будет утолено, можно снова сесть на пакетбот и вернуться в Париж. Сейчас он в ином положении. Спешить обратно не к чему. Десять часов езды отделяют его от Франции, но путь назад закрыт. В июне 1872 года военно-полевой суд приговорил его заочно к смерти. Поневоле приходится стаптывать башмаки, на которых принес родную землю, о лондонские тротуары.

Неприветливая страна, угрюмые дома, замкнутые ее обитатели. Даже рабочие кажутся ему иными, не то, что во Франции, ему, который причислял себя «к расе тощих людей» и был спаян с ними глубоким классовым чувством. Странно, например, что у английских пролетариев нет общего костюма — рабочей блузы, которая могла бы стать своего рода знаменем на древке.

Его удивляют контрасты: за пышным фасадом Англии он обнаружил ужасы и мерзости, возмутительную нищету внизу и чудовищную роскошь наверху.

Первое, что ему приходит в голову, — создать серию зарисовок из лондонской жизни. «Не имея права быть романистом, я мог бы выступить как очеркист». Некоторое время спустя во французской газете «Ле Венеман» появляются его очерки, подписанные загадочной буквой «Z». Публикации эти, позже изданные отдельной книгой под названием «Лондонская улица», приносят ему некоторый заработок, впрочем, довольно скудный,— в Англии он никогда не наедался досыта.

Однако не эти очерки станут тем главным в его творчестве, что он создаст в годы изгнания.

У него теперь достаточно времени, чтобы вспомнить прошедшее, обдумать пережитое. Тысячи погибших товарищей требуют, чтобы он рассказал правду об их подвигах и борьбе.

По горячим следам Валлес принимается за пьесу о Парижской коммуне. Почему именно пьесу? Да потому, что в форме драмы, как он тогда полагал, можно наиболее ярко передать события минувшей трагедии, придать им большую обличительную силу.

Из Лозанны, где он ненадолго оказался в 1872 году, Валлес вступает в переписку со своим другом писателем Гектором Мало, подписывая письма псевдонимом «Балист».

В одном из писем, оказавшемся толще, чем другие, Мало обнаруживает рукопись пьесы, посвященной Коммуне. У нее нет еще определенного названия, есть условное — «Две осады». Это рассказ о пережитом: пять действий, в сущности, охватывают жизнь самого Валлеса. С того самого момента, когда молодой бунтарь, увидев, как отправляют осужденных рабочих за участие в июньском восстании 1848 года на плавучие тюрьмы, произнес, как клятву, слова: «Я буду революционером». Пройдет всего двадцать три года, и так же под конвоем погонят коммунаров на улицу Шерш-Меди, где находилась военная тюрьма.

В пьесе выведены подлинные участники революционной борьбы, но действительные их имена не названы. Можно только догадываться, что, скажем, в рабочем Бодуэне — защитнике квартала Сен-Сюльпис, который гибнет на «голгофе» в Сатори,— выведен коммунар Малезье; прототипом предателя Рокателя послужил некий Ларжильер, бывший республиканец, ставший платным осведомителем. В одном из действующих лиц — журналисте Бриасе не трудно распознать самого автора.

Пьеса эта, с обилием массовых сцен, разыгрывающихся в лагере Сатори и в форте Исси, на площади Ратуши и на перекрестке Красного Креста, требующих громоздкого оформления, тогда так и не увидела света рампы. Безуспешно пытался Валлес пристроить ее и на английской сцене.

Пролежав девяносто восемь лет в бумагах писателя, она впервые была издана только в 1970 году, накануне столетия Парижской Коммуны. До этого о пьесе было известно лишь благодаря Полю Алексису, упомянувшему о ней в статье «Валлес — драматург» вскоре после его смерти. В наши дни критика писала о пьесе, как об «исполненной благородного романтизма», назвав ее живым репортажем о событиях 1871 года, написанной одним из главных зачинателей Коммуны.

Пьеса о Парижской коммуне была лишь началом претворения обширных замыслов Валлеса.

Осенью 1874 года Валлес задумывает новую газету. Она должна выходить в Лондоне и будет посвящена вопросам литературы и искусства. Назовет он ее «Идущий народ».

К сожалению, удалось выпустить всего несколько ее номеров.

Исподволь он пишет роман «Отчаявшиеся». Закончив, Жюль Валлес отправляет его в парижскую газету «Ле радикаль». И снова неудача. Газета неожиданно прекращает свое существование и единственный экземпляр рукописи исчезает навсегда.

В одном из очередных писем к Гектору Мало он сообщает, что им снова задуман большой роман, где будет рассказано о бедах и горестях его поколения. Валлес уверен, что закончит книгу

очень скоро. И просит подыскать ему подставное лицо, под чьим именем можно было бы издать ее во Франции.

Верный Мало энергично принимается за дело. И вскоре оповещает друга (из осторожности подписывая свои письма вымышленным именем Паскаль), что господин Журд, владелец газеты «Ле Сьекль», готов предоставить автору-изгнаннику место на страницах своего издания. Здесь под маской Шоссада и появляются начальные главы трилогии «Жак Вентра». Пока что это первый вариант рассказа о детских годах его героя — простого провинциального паренька, которого тиранят учителя в школе и истязают родители в родном доме.

Судя по тому, как встречает книгу тогдашняя критика, он попал в цель. Роман вызвал яростные споры. Одни называют его «гнусной, безбожной книгой», другие восхищаются, видя в нем не трогательные фантазии детства, а повседневную правду, реальную картину жизни. «Посмотрите, какова могучая сила человеческого документа! — восклицал Э. Золя.— Все сочиненные сказки бледнеют перед этой правдой и кажутся нелепыми баснями».

Не удивительно, что второй том, предложенный автором и посвященный «тем, кто, вскормленные греческим и латынью, умирали с голоду», газета печатать отказалась.

Пристроить продолжение удается в «Ля революсьон Франсез», где оно и появляется под названием «Мемуары мятежника».

Вскоре, весной 1879 года, первая часть выходит отдельным томом у Шерпантье, благодаря стараниям того же Гектора Мало, который вел переговоры с издателем. Однако на обложке все еще значится псевдоним, на этот раз — Жан Ля Рю. Под этой же маской Валлес выступал и в других изданиях, в частности в «Ревей», где печатал свои корреспонденции; в «Вольтере» он скрывается под псевдонимами «Рефрактер» и «Француз».

С тех пор, как возник замысел трилогии «Жак Вентра», Валлес был всецело поглощен воплощением его в жизнь. Как свидетельствуют очевидцы, он то и дело вытаскивал из кармана записную книжку и заносил в нее какие-то заметки. На вопрос о том, не сочиняет ли он статью, отвечал: «Нет, это будет автобиография или, если хотите, воспоминания. О детстве, о юности, о жизни и борьбе».

Так рождались первые наброски для «Жака Вентра».

В известной степени это — как и предполагал Валлес — автобиографическое произведение. Рассказ ведется от имени вымышленного лица. Изменены фамилии прототипов, обстановка, детали событий. Подлинное переплетается с вымыслом, краски порой сгущены. Впрочем, это относится в большей мере только к двум первым частям трилогии — «Детству» и «Юности». Третья часть, кото-

рая будет опубликована в журнале «Нувель ревю» осенью 1882 года, самая главная. Здесь Жак Вентра показан в гуще клокочущего битвами Парижа, здесь он борец баррикад в дни Коммуны. Валлес опишет многих своих соратников по борьбе, друзей, наделит меткими характеристиками политических деятелей, революционеров, журналистов.

Третья часть, получившая название «Инсургент», скорее похожа на хронику событий. Она и написана в форме дневниковых записей, где Жак Вентра — это одновременно и вымышленный герой и двойник автора.

«Инсургент» — особая книга еще и потому, что она — страстный документ, восславляющий героев, ринувшихся, по словам К. Маркса, штурмовать небо. Им и посвятил свой роман автор: «всем жертвам социальной несправедливости, тем, кто с оружием в руках восстал против несовершенного мира и образовал под знаменем Коммуны великую федерацию страданий».



День, прошедший серо, буднично и бездеятельно, приводил его в уныние. «Сколько таких дней должен я занести в историю моей жизни?» И Валлес спешил.

В Лондоне ему часто нездоровилось. Видимо, сказывались не только климат, но и условия жизни. Однако и больным, лежа в постели, он не выпускал пера из рук и, описывая юношеские проделки, отдыхал душой. Юмор не покидает его даже при рассказе о самых мрачных днях своей жизни. Право смеяться — это утешение бедных и вся месть побежденных. Ирония — это штык, которым тоже можно поразить противника.

О чем рассказывал Жюль Валлес в своих книгах? Где черпал для них материал и находил героев? Какова была программа его как художника?

«Я — друг отверженных»,— любил повторять Валлес. Он жил среди бедняков, познал голод, скитался по лачугам, ночевал под открытым небом.

Валлес видел жизнь современного ему города со всеми его контрастами и аномалиями. Здесь он и находил своих героев. «Мои персонажи списаны с натуры»,— признавался писатель. С ними он сталкивался в провинции и на улицах Парижа, встречался на вокзалах, в кафе и молочных, в рабочих районах, на баррикадах. «Я следовал за ними по снегу и грязи,— писал он,— я проследил их жуткую голгофу».

Вместе со своими героями он переносился в далекие дни своего детства и юности. Прототипами служили товарищи и знакомые.

Деливший с ним радости и огорчения юных лет нантский приятель Шарль Луи Шассен — это Матуссон, превратившийся, как и прообраз, из неистового заговорщика в правоверного приверженца империи. В Районн запечатлён Руане, уроженец Апсени, где он был нотариусом. Щуплый учитель риторики Эжен Тальбо, который перевел Лукиана, тоже списан с натуры. Так же, как и Рок и Рену: прообразом первого послужил Артур Ранк — публицист и политический деятель, член Коммуны, второго — Артур Арну, литератор и тоже член Коммуны, с которым Валлеса связывали двадцать лет дружбы.

Когда же ему случалось ошибаться при изображении прототипа и искажался подлинный облик, он считал своим долгом исправить ошибку и восстановить «честь персонажа». Так получилось, например, с образом мэра, господином де Майе, в его историческом романе «Голод в Бюзансе», впервые опубликованном летом 1880 года под названием «Блузники» в газете «Жюстис».

Книга эта, написанная, как и другие, в лондонском изгнании и посвященная крестьянскому восстанию 1847 года в Бюзансе, создавалась в условиях, когда автор был лишен возможности пользоваться справочными и историческими документами. Отсюда некоторые неточности, в том числе и в трактовке образа мэра, которого автор несправедливо наделил отрицательными чертами. В то время, как на самом деле это был человек мужественный и преданный республиканскому делу. В постскриптуме к отдельному изданию романа Валлес признался в неправильности своей оценки.

Однако то, что писатель срисовывал своих персонажей с подлинных лиц, отнюдь не означает, что он был лишь скрупулезным копиистом действительности. Валлес всячески восставал против изображения «потока жизни» и против приукрашивания действительности. «Я не желаю видеть у своих героев крылья для плавания по воздуху и предпочитаю держаться ближе к земле, чем к небу». Верный своим взглядам, он пропагандировал их на страницах газет, которые издавал в разные годы. Его страстные статьи были отмечены, как верно заметил Э. Золя, «личной нотой, особым темпераментным стилем — колючим, бунтарским». «Мой стиль — это мои убеждения»,— говорил писатель. Слова эти сегодня выбиты на его памятнике.

Валлес был прирожденным полемистом и «предпочитал вести полемику как корсар, а не как контрабандист». Во все свои произведения он, по словам того же Э. Золя, «вносил революционный темперамент, непримиримость натуры бунтаря и глубокую любовь к народу, к рабочим, к обездоленным».

За такую литературу — социальную, политическую, а следовательно, революционную — он и выступал.

Заглянуть в сердце времени, в нутро общества — вот к чему должен стремиться художник. Писателю следует знать жизнь, которая идет на улице, знать, что «народный суп варится посреди Марсова поля». Человечеству ни жарко, ни холодно оттого, что у какого-то господина талант столь же толст, как и он сам, и что тираж какой-то газеты растет благодаря одному из его романов с продолжением, заявлял Валлес. Между тем великая дрожь сотрясает Париж, стоит лишь цене на хлеб возрасти на два су! Книги, в которых нет ничего, что было бы завернуто меж строчек, как пистолет в тряпки, ничего не стоят. Автор их — циркач и комедиант. «Разве вы не видите,— вопрошал Валлес,— беглецов, ищущих, где возможно, убежища, хлеба и штанов? Не замечаете, как бедняки, словно в пострадавшей от наводнения деревне, ютятся в подворотнях и протягивают руку перед мэриями?» Отчего же эти картины, этот поток разорения и смятения, не увлекают своей волной и литературу?

«Разве не следовало бы вам,— обращался Валлес к писателям, стоящим «над схваткой»,— отнять у потока его добычу и по локоть погрузить руки в вонючую тину? Но нет, эти отбросы вызывают у вас истерию и тошноту». А между тем бунт замешивается в кислом тесте нищеты. Попробуйте поднять занавес, скрывающий рождающийся мятеж, сорвите покров, чтобы увидеть чудовище. «Дрожит земля, а вы с усмешкой затыкаете уши и ретируетесь, подобно тому, как на моих глазах бежали к Версалю девицы, чертыхаясь по адресу защищавшегося и желавшего умереть Парижа! Да, вы ретируетесь,— продолжал Валлес,— вместо того, чтобы слушать, как кричит Республика, не желающая идти на бесчестье и становиться шлюхой на потребу солдат». Но бесполезно тащить благополучных господ литераторов на поле битвы за воротник, смешно призывать обывателей броситься в политическую битву за честь Словесности, восклицал Валлес. «Я покидаю вас,— заканчивал он свою гневную отповедь сторонникам «суверенности» литературы.— В мою дверь звонят. Это дочка коммунара, двенадцатилетняя хворая девочка, которую бабушка отвела к бывшему командиру 191-го. Я не стану считать горошинки у нее на платье или клеточки на ее платке,— иронизировал Валлес по адресу писателей-натуралистов,— я постараюсь устроить ее в больницу».



Воспоминания переносят его на парижские улицы, в те дни, когда, выполняя поручения Коммуны, окрыленный чувством ответственности, он колесил по городу, где владычествовал народ.

Однажды под вечер Валлес оказался на углу улиц Ришелье и Сент-Оноре около здания Комеди Франсез. В тот день в театре давали «Валерию» и «Лжеца» — две пьесы, поставленные силами небольшой труппы энтузиастов в 19 человек.

Удивительно, что в дни уличных боев парижские театры не прекратили свою работу, за что их называли «храбрыми». Валлес был членом комиссии просвещения, в ведении которой находились и зрелищные предприятия, и поэтому был хорошо осведомлен об их деятельности. Каждый вечер рампы восьми театров вспыхивали огнями. Случалось, что когда версальцы атаковывали квартал, актеры продолжали репетировать. Не разгонял грохот канонады и театралов. Но выручка от спектакля не всегда оказывалась достаточной для того, чтобы накормить обедом труппу, хотя залы были переполнены: большую часть билетов раздавали бесплатно. Приглашали коммунаров, национальных гвардейцев, жителей ближайшего района, которым легче было добраться до театра. Блузы рабочих, гимнастерки гражданской гвардии, ситцевые юбки, чепчики с лентами, клетчатые шали заполняли залы.

Валлеса встретил директор Эдуард Тьерри. Прошли в зал. И тут его словно хлестнули бичом. На стенах красовались трехцветные флаги! Что это — наглая демонстрация политических убеждений директора?! (Было известно, что тот симпатизировал версальцам.) О нет, нисколько. Простая забывчивость.

— Потрудитесь немедленно снять!

Члену Коммуны, естественно, перечить не стали, но настроение у него было испорчено. День, как и начался, завершился неудачно.

В то утро, во вторник, 9 мая, заседание Коммуны было особенно бурным. Еще бы — только что стало известно, что версальцы захватили форт Исси, господствующий над парижскими укреплениями. Из его защитников уцелело всего 150 человек.

Не слишком ли много времени уходит на бесплодные заседания! А между тем «версальская армия каждый час выхватывает у нас из рук кусок земли». «Что значит трескотня фраз перед лязгом сабель!» Надоели пустомели с их псевдореволюционной болтовней. Заседание днем, заседание ночью. Старику Курбе, видите ли, приспичило опубликовать декрет об отмене бога. Извольте обсуждать сегодня же вечером. В спешном порядке. Иначе гражданин Курбе, великий художник, член Коммуны и его давний друг, подаст в отставку. Валлес голосует против: «Бог мне не мешает. Я не выношу только Иисуса Христа, как и вообще все дутые репутации»,— заявляет он, понимая, что главное сейчас не в этом. Главное — организация сопротивления. Если же заседать, то он предпочитает



Защитники баррикад — будущие герои книг Жюля Валлеса.

жернова красноречия, перемалывающие зерна, мельнице, вертящейся от ветра громких слов.

...На улицах оживленно. Можно подумать, что город не стиснут кольцом версальских батальонов, что не идут сражения в предместьях, и вечный грохот канонады — это всего лишь временное непастье.

У афиши, извещающей о концерте в пользу лазаретов и раненых, толпятся завзятые театралы. Внезапно откуда-то доносятся звуки музыки. И следом, из-за угла, появляется оркестр национальных гвардейцев, совершающий, как тогда говорили, «музыкальную прогулку». Впереди музыкантов идут двое с деревянными копилками. Обращаясь к прохожим, они просят о милосердии. Кто жертвует серебро, кто бросает грубые су, а кто вручает сборщикам и корзины с провизией.

Когда-то, еще до дней Коммуны, он писал о мечтах и невзгодах отвергнутых артистов, оставшихся без должности учителей, о горькой участи непризнанных художников — всех тех, кто был отщепенцем общества, кто ютился в мансардах или ночевал под мостом. Он и теперь не изменяет своим героям, лишь описывает их в иных условиях — в борьбе. Один из них — Лисбон, драматический актер, ставший полковником и сражавшийся до последних часов Коммуны.

У Версальских ворот на баррикаде, которой командовал Лисбон, Валлес видел его в деле. На груде камней, встав во весь рост, он показался на какое-то мгновенье чуть театральным на фоне картины суровой битвы. Взобравшись еще выше (являясь прекрасной мишенью для версальцев), он отдавал приказания защитникам. Затем, приподняв свою тирольскую шляпу, прокричал в сторону «красных штанов»: «Да здравствует Коммуна!» С той стороны баррикады ответили залпом. Взрыв. Грохот. Лисбон ранен. В клубах дыма мелькают лица защитников баррикады, обороняющихся от двух корпусов регулярных войск.

Место Лисбона занимает женщина в длинном платье. На ее распущенных волосах «красный колпак», ставший символом свободы с тех пор, как сто лет назад французские солдаты, осужденные на каторгу за восстание в Нанси и освобожденные революцией 1789 года, вступили в Париж в красных вязаных колпаках каторжников.

В руках женщины знамя. Она поет Марсельезу. Где видел он эту героиню баррикад? На знаменитой картине Делакруа? Нет, это было наяву...

Постепенно черты ее приобретают облик мадемуазель Агар — актрисы, которая тогда часто выступала на подмостках перед толпами парижан. В черном платье, величественная, словно Нике — богиня Победы, Агар в зале Маршалов Тюильрийского дворца поет бессмертный гимн Руже де Лиля.

Валлес залюбовался ею. Под звуки цимбала и турецкого барабана, распростерши руки, как крылья (недаром Теофиль Готье восхищался ее «скульптурной красотой»), актриса бросала в публику, словно призыв, слова революционной песни. И в этом она стала преемницей Рашель, вот так же перед народом исполнявшей в мятежном 1848 году зовущую к борьбе Марсельезу.

Он знал, что Агар часто выступает здесь днем на концертах в пользу вдов и сирот. А вечерами играет в театре Комеди-Франсез, где, несмотря на малочисленность труппы (одни застряли на гастролях в Англии, другие скрылись в провинции), было дано при Коммуне пятьдесят одно представление, при неизменном участии Агар. В Версале не раз ей грозили расправой. Газета «Фига-

ро» прямо предупреждала, что она будет сослана в Каенну. Несмотря на угрозы, Агар до последних дней Коммуны выступала на сцене, ухаживала за ранеными — в фойе театра и у себя дома, где также организовала лазарет.

Ей не простили ни ее мужества, ни популярности, которую она снискала у восставшего народа. Это и вменили ей в вину, как главное «преступление». Агар покинула Францию, жила одно время в Лозанне, где ее снова увидел Валлес. Она не сожалела о прошлом. И, умирая вдали от родины, одна из выдающихся французских трагедийных актрис вспоминала зал Маршалов и воспламененную революционной песней публику — защитников Коммуны в серых от траншейной грязи куртках, в пропахших дымом мундирах, в пробитых пулями шинелях. «Жить стоило!» — были ее последние слова.

Память переносит Валлеса в родной Нант. Желтоватая лента Ришбурской набережной, длинной, унылой и пустынной. Запах канала, стоячая мутная вода в нем. Лодки судовщиков, скользящие под самыми окнами домов. По ту сторону канала — верфи, а справа — узкая полоса реки, трубы буксиров, мачты с парусами.

Здесь начинался его путь. Впереди была жизнь в нищете, труде и борьбе.

Из семерых детей его родителей в живых остались только Жюль, родившийся в Пюи-ан-Веле 11 июня 1832 года, и его сестра Мари-Луиза. Отец их Жан-Луи Валлес, содержавший семью на скудное жалованье учителя, был замучен жестокой нуждой, но еще больше измучен женой-мещанкой. Согласия в доме не было, и дети росли в атмосфере ссор и вечных пререканий родителей. Часто приходилось сносить побои, радость и ласка были им незнакомы.

Жюль учился там, где служил его отец: сначала в Пюи, потом в Сент-Этьене, затем в Нанте. Очень скоро он возненавидел тот затхлый дух, которым были пропитаны мрачные коридоры колледжей, приемные и классы. Он глубоко презирал своих наставников за трусость, за то, что они дают своим питомцам образование, несовместимое с повседневной реальностью и требованиями жизни. Тем не менее он был хорошим учеником и даже получал награды за успехи в латинском, а однажды ему вручили первый приз по риторике.

Ему было шестнадцать, когда он впервые открыто вмешался в общественную борьбу: в конце февраля 1848 года присоединился к собравшимся на площади республиканцам и, «нахлобучив на себя огромную шляпу с широкой трехцветной кокардой», вместе со всеми прошагал по городу, выкрикивая: «Да здравствует Республика!». Вскоре он вновь обратил на себя внимание: в «Клубе

молодежи», основанном его соучеником Шассоном, внес резолюцию, требовавшую «во имя принципа равенства» отменить экзамен на звание бакалавра, подобно всем другим экзаменам. А еще через некоторое время он уже заявлял о своей солидарности с рабочими и готов был выступить в поход ради спасения республики.

Тогда отец решает удалить его из Нанта, ставшего центром студенческих волнений. Для завершения образования Жюль едет в парижский лицей Бонапарта. Но надежды отца не оправдались. Едва очутившись в столице, молодой провинциал с головой ушел в политику, бегал на заседания Учредительного собрания, был свидетелем печального шествия июньских мятежников, отправляемых на каторгу. Жюль совершенно забросил занятия, о чем свидетельствовали отметки, полученные им в конце года.

Ознакомившись с «успехами» сына, отец велит ему возвратиться в Нант. Жюль повинуется. И вот он уже сдает экзамен на звание бакалавра наук. Провал на этих экзаменах ускоряет его разрыв с отцом. Молодой бунтарь покидает отчий дом и возвращается в столицу.

Здесь он снова сходится с прежними приятелями. Вместе с ними посещает лекции историка Жюля Мишле. В марте 1851 года власти запрещают выступать перед молодежью этому знаменитому ученому. Студенты бурно протестуют. Возглавляет их Жюль Валлес, ближайшие его помощники — Артур Ранк и Артур Арну. Вмешивается полиция и производит аресты.

С этих пор протестующие студенты собираются у Арну на улице Эколь де Медисин. В их горячих головах зреют планы заговоров, они помышляют о похищении президента, дабы предотвратить бонапартистский переворот. Однако ничего реального противопоставить ходу событий они не в состоянии. И когда 2 декабря президент Луи Бонапарт совершает переворот, когда бросают в тюрьмы патриотов и вся Франция охвачена террором, Валлес вместе с Шассоном и будущим коммунаром Делеклюзом мечется по городу, тщетно пытаясь возродить дух сопротивления и организовать сражения на баррикадах.

В Нанте узнают об «уличных похождениях» блудного сына (ходят слухи, что он ранен на баррикадах) и решительно требуют возвращения. Подавленный и измученный, бунтовщик подчиняется. Отец требует разъяснений: верно ли, что его сын, как утверждалось в дошедших сюда слухах, участвовал в уличных боях? Прямой и честный ответ приводит отца в бешенство. Он решается на подлый поступок: упрятать сына в сумасшедший дом. Тем самым ликвидировать для себя угрозу потерять работу из-за сына-мятежника. Осуществить план ему помогают двое врачей. Но Валлесу удается уведомить своих друзей о постигшей его участи.

Те пишут отцу послание, в котором угрожают раскрыть всю подноготную его неблаговидного поступка. Два месяца спустя Жюль выходит из больничного заключения.

С грехом пополам он принимается за свои занятия. Профессор Сорбонны, отец его товарища Артура Арну, дает ему рекомендацию, и он, наконец, получает звание бакалавра в Академии г. Пуатье. Освободившись от ненавистной опеки отца, Валлес снова в Париже. Друзья по Латинскому кварталу вовлекают его в планы убийства тирана — Наполеона III. Заговорщиков арестовывают, и Валлес получает свой первый срок — полтора месяца Мазасской тюрьмы.

Выйдя на свободу, он вынужден, чтобы прожить, служить корректором в типографии, изредка печатает небольшие статейки в газетах. Карманы его постоянно пусты, как и желудок. Бывает, что хозяева ночлежек отказывают ему в крове, и тогда он всю ночь бродит по пустынному Парижу.

В 1857 году Валлес пишет свою первую книгу — памфлет «Деньги», в которой требует «переделать мир». Талант публициста пробивает ему дорогу. Имя его становится известным. Редакторы крупнейших газет, несмотря на неприятности, которые могли навлечь на них «пахнущие порохом» статьи бунтаря, наперебой предлагают ему сотрудничать в их изданиях.

Реалистические и обличительные тенденции творчества Валлеса привлекли к нему внимание и в России. И. С. Тургенев предлагал французскому писателю сотрудничать в русском журнале «Слово» и советовал писать памфлеты.

В «Фигаро» Валлес печатает очерки (сегодня мы назвали бы их социологическими), позже объединенные в сборнике под названием «Отщепенцы». Он надеется, что книга посеет возмущение. Часто его имя появляется и в других изданиях. На страницах одних он требует полной свободы прессы, выступает против буржуазной эстетики, осмеивает псевдоискусство Второй империи, лишенное человечности и простоты, и объявляет себя сторонником «динамического реализма»; в других — публикует рецензии, да такие, что они тут же становятся манифестом недовольных; в третьих — высказывает свое мнение о творчестве современников: Бальзаке и Гонкурах, Гюго и Сент-Бёве, Бодлере и Золя. Особое внимание Валлес уделит двум художникам — Курбе и Домье,— в будущем, как и он, ставшим под знамена Коммуны.

Он приветствует новое искусство Курбе, служащее торжеству истины и справедливости. Кумир всех прогрессивно мыслящих художников, Курбе пользовался у них огромным авторитетом. Сезанн церемонно снимал шляпу всякий раз, когда в его присутствии произносили имя Курбе; Клод Моне величал его не иначе,

как «гигант в жизни и бог в живописи». Все это дало Валлесу право назвать его «генералом армии художников».

Курбе был приверженцем только одного режима — режима свободы. И не случайно среди пушек коммунаров было и орудие с выгравированной надписью «Пушка Курбе» — дар художника сражающемуся Парижу.

Когда в 1878 году в швейцарском изгнании великий мастер умер, Жюль Валлес откликнулся на его смерть последней своей статьей о нем.

Близким Валлесу было и творчество Домье, «карандаш которого бьет, как другие бьют из ружей». В статье, посвященной этому художнику, Валлес писал: «Наше поколение пережило мучительные часы, прошло по кровавым дорогам. Хорошо, что сквозь этот шум боя раздались взрывы смеха и что веселье хоть немного скрасило печаль, отомстило за поражения».

Валлес приветствовал политическую направленность рисунков Домье, умевшего острым пером или карандашным грифелем пригвоздить к бумаге пороки и лица. «Ирония рассеивается, когда дует ветер свободы, а когда ее обуздывают, становится пулей».

Летом 1867 года Валлес начинает издавать собственную газету. Называется она «Ля Рю» («Улица»). Вскоре на газету посыпались наказания. А на 34-м номере ее существование закончилось. Имя Валлеса снова вернулось на страницы других изданий. Год спустя за статью против полиции он получает месяц тюрьмы, затем — два месяца за воспоминания о 2 декабря. И еще не раз его упрячут за решетку, подальше от народа, от газетных страниц.

Однако Валлес не унимается. В 1869 году он издает одну за другой газеты «Пепль» («Народ») и «Ле Рефрактер» («Непокорный»), а через год новую газету «Ля Рю». Век их оказывается весьма коротким: не успев родиться, они закрываются по требованию властей. Тем временем имя Валлеса с ненавистью произносят в салонах, проклинают «певцы режима».

Наконец, настает час, когда он может открыто высказать свои мысли: весной 1871 года Валлес приступает к изданию исторической боевой газеты «Кри дю Пепль» («Глас народа») — главного печатного органа Коммуны. На ее страницах запечатлена хроника революции, ее героический порыв и пафос. И сегодня, более века спустя, этот ценный документ, распространяемый тогда в ста двадцати тысячах экземпляров, по-прежнему способен зажигать сердца. Сегодня он восстанавливает для нас картину революции день за днем. Под таким заголовком «Коммуна — день за днем» в Париже недавно вышли в одном томе все номера «Гласа народа», появившиеся с марта по конец мая 1871 года. В связи с этим

французская пресса писала: «Хорошо, что вновь воскрешен исторический эпизод, замалчивавшийся или искажавшийся теми, кто хотел бы навсегда изгнать его из памяти французов».



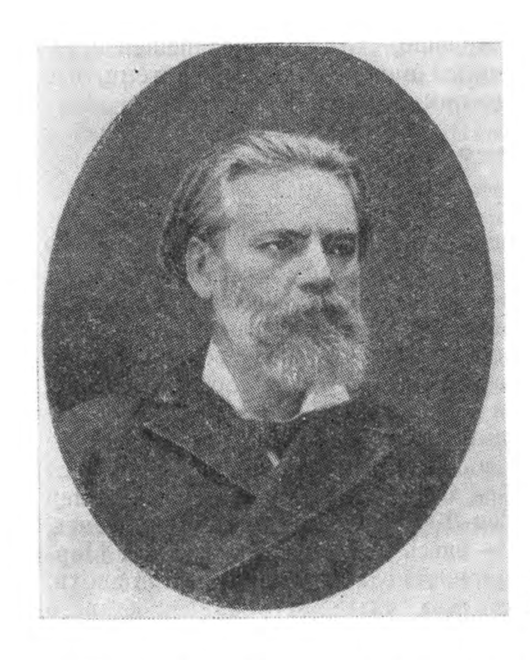
Годы борьбы и невзгод подточили, наконец, организм бывшего коммунара. Не способствовал здоровью и горький, сухой хлеб изгнания, пропитанный лишь влажным лондонским воздухом. Да и на родине, куда он вернулся в 1880 году после амнистии участникам Коммуны и почти десять лет спустя после ее поражения, его по-прежнему преследовала нужда, иссушала давняя болезнь, застарелый диабет. И все же он держался.

Верный себе, очень скоро он оказался на баррикадах классовой борьбы. Его знаменем, как и в дни Коммуны, вновь становится газета «Глас народа». 28 декабря 1883 года выходит первый номер ее нового издания. На улице Сен-Жозеф, около дома номер десять, день и ночь царит оживление — здесь печатают, как скажет Марсель Кашен, «главную революционную газету Франции» той эпохи.

В острых полемических статьях читатели узнавали старого Валлеса. С прежним темпераментом бойца и обличителя он нападает на буржуазное правительство, осуждает его колониальные авантюры, поддерживает забастовки рабочих и шахтеров, клеймит отступников и ренегатов, выступает за реформу образования и юриспруденции. Он пишет о народной поэзии Эжена Потье, чьи «взгляды и мысли всегда были на стороне огромной безымянной армии, которую капитал обрек на голод и смерть», о «Геркулесе плодовитости» Александре Дюма, о Гекторе Мало, авторе популярных, особенно у молодежи, романов «Кальбри» и «Без семьи». Как и раньше, Валлес открыто защищает революционную литературу, требуя изображать «современность и социальное зло». Он по-прежнему считает, что искусство «может оказать помощь в освобождении народа», ибо оно является «мощным вдохновителем чувств». «Художник обязан чутко прислушиваться к вздохам и стонам толпы. Его сердце — вместилище человеческих страстей».

Не удивительно, что его снова начинают преследовать. Чашу терпения властей переполнила кампания, которую вела газета против полицейского произвола. 22 января 1885 года полиция произвела обыск на квартире Северин — журналистки и давней знакомой Жюля Валлеса, у которой больной писатель нашел приют.

Это был постыдный, очередной произвол, нанесший роковой удар. Вскоре Валлес скончался. Он умер сравнительно молодым — пятидесяти двух лет.



Жюль Валлес незадолго до смерти.

Непокорного бунтаря, каким всю жизнь был Жюль Валлес, трудовой Париж провожал в последний путь 16 февраля 1885 года. В день похорон за гробом «депутата расстрелянных», как назвал Валлеса в одном из своих стихотворений Эжен Потье, шли шестьдесят тысяч человек. Еще сто тысяч стояли на улицах, отдавая последний долг другу рабочих, бойцу Коммуны, большому революционному писателю.

Склонив седые головы, шли бывшие коммунары, соратники по боям и лишениям, члены I Интернационала — Ш. Амуру, вернувшийся из ссылки; О. Ж. Авриаль, Э. Вайян, Ш. Лонге, еще не так давно разделявшие с Валлесом участь эмигрантов, а также Б. Малон и Э. Эд, бившиеся рядом с ним на баррикадах в последние минуты «майской недели». Шли друзья и сотрудники по газете во главе с социалистом Жюлем Гедом.

Траурное шествие медленно двигалось по парижским улицам. Над толпой реяли красные знамена. Обеспокоенные власти на случай (!) заготовили войска — они расположились в тесных боковых улочках.

Когда процессия пересекала улицу Суффло, на которой Валлеса однажды по ошибке чуть было не поставили к стенке, из пивной неожиданно выскочила орава молодых «патриотов». С кри-

ками «Долой Германию!», «Долой изменников!» они бросились к членам делегации немецких рабочих, пытаясь вырвать у них венок из красных иммортелей.

В один миг рабочие из первых рядов окружили «доблестных патриотов» и оттеснили их к тротуару. Еще мгновение, и те позорно бежали, провожаемые решительными взглядами синих блуз. Под возгласы «Да здравствует Коммуна!» колонна двинулась дальше по бульвару Сен-Мишель к кладбищу Пер-Лашез.

Мы строем шли, был четок шаг.
Мы шли, как армия в атаку, —

писал Эжен Потье в сочиненном тогда стихотворении.

По-иному оценили эти события буржуазные газеты. На другой день они с возмущением писали о мужественной схватке «истинных французов» с «полчищами интернационалистов», как названы были участники похорон, злобно нападали на ненавистного им Валлеса.

С этих пор началась их месть журналисту и писателю. Валлесу не могли простить того, что он выступал в защиту Парижской коммуны. Не желали признавать в нем и писателя, который, по словам газеты «Юманите», был одним из тех, кто «правдиво изобразил французское рабочее движение».

Год спустя после смерти Валлеса удалось издать отдельной книгой роман «Инсургент». А дальше наступила пауза чуть ли не на полвека.

Валлес стал, как писал исследователь его творчества Г. Жилль, «жертвой заговора молчания и остракизма». Даже имя писателя старались вытравить из памяти народа.

И когда его почитатели и друзья решили в 1913 году установить мемориальную доску на доме, где он родился, правительство отказало в этом.

Прошло немало лет, прежде чем появились книги «Блузы», «Воспоминания бедного студента», «Картины Парижа», роман «Дворянин». И это несмотря на то, что еще при жизни Жюля Валлеса крупнейшие писатели его времени сумели распознать в нем равного по силе таланта. Эмиль Золя восторгался смелостью писателя, говорившего горькую правду. Мопассан называл «настоящим мастером», одаренным незаурядным талантом. Острый ум Валлеса «был очень по душе» ему. И даже далекие от социальных битв братья Гонкуры признавались, что им доставляет удовольствие каждая страница или хотя бы двадцать строк, подписанных им. И не случайно Э. Гонкур включил Ж. Валлеса в первый список «Академии десяти», где его имя стояло в одном ряду с Г. Флобером, Т. Готье, Э. Золя, Г. Мопассаном.

И тем не менее до второй мировой войны литературный престиж писателя и борца Жюля Валлеса у него па родине искусственно принижался.

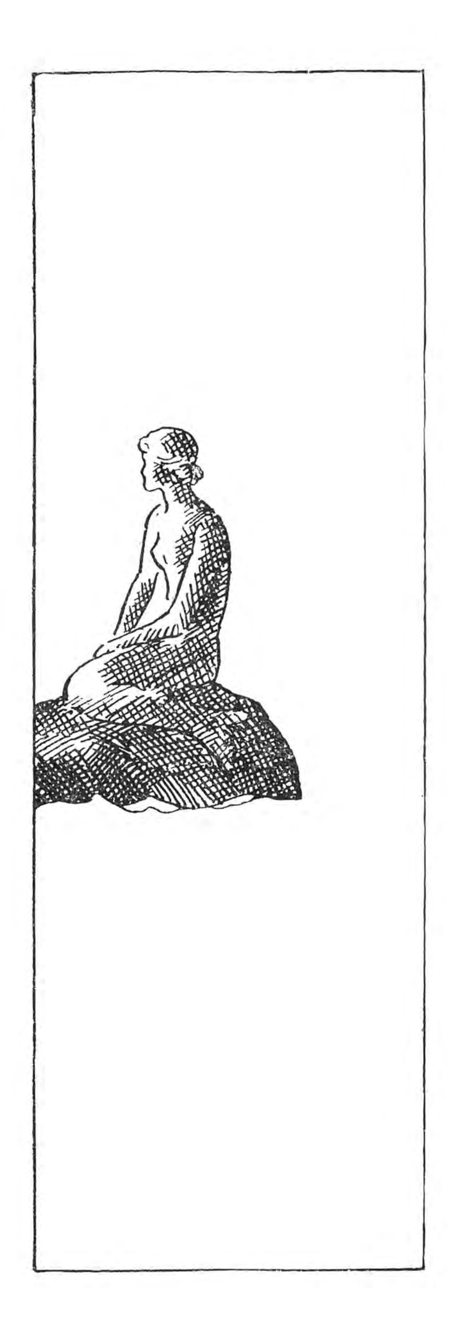
Подлинное возрождение популярности Ж. Валлеса началось в середине сороковых годов нашего столетия. После войны Валлес предстал перед всеми как писатель подлинно социальный, от которого, как подметили еще Гонкуры, веет «лихорадочным духом нашего времени».

С этих пор издание сочинений Жюля Валлеса следует одно за другим. Печатаются его романы, много раз отдельно выходит трилогия «Жак Вентра», к сожалению, все с теми же купюрами, которые были сделаны цензурой еще при жизни автора — оригинал рукописи Валлеса так и не удалось отыскать. Нарасхват идут сборники статей, в частности — «Литература и революция». Журнал «Эроп» дважды за сравнительно небольшой промежуток времени посвятил писателю специальные номера — в 1957 и 1968 годах. Появляются исследования о творчестве писателя. Наконец, в дни столетия Парижской коммуны прогрессивное издательство «Эдитер Франсе Реюни» выпустило в свет отличное четырехтомное полное собрание сочинений Жюля Валлеса. Помимо известных ранее произведений в нем можно найти чрезвычайно интересные, ранее не публиковавшиеся газетные статьи, письма, пьесы.

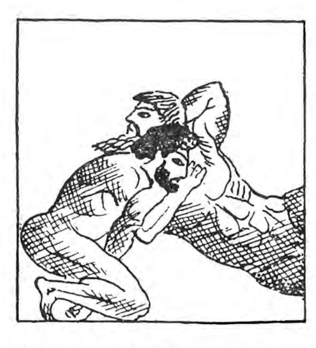
Читатели наших дней по достоинству оценили творчество писателя-коммунара. Оценили его неукротимый темперамент, «мятежный дух», его искренность, желание писать правду, его ненависть к угнетателям и любовь к свободе. Сегодня Жюль Валлес, по словам «Юманите»,— «один из самых популярных авторов французских рабочих».

В книгах Жюля Валлеса нарисован один портрет — его собственный. Наиболее яркий из созданных им образов, искренний, человечный, далекий от всякого позерства Жак Вентра — двойник своего создателя. Подобно Валлесу, его герой никогда не был колдуном, занимавшимся социальной алхимией, а являлся бойцом во имя идеи и знамени. И мы благодарны писателю Жюлю Валлесу: как и всякий автор, он повинен в любви читателей к его литературному герою.

Свидетели былого



ГДЕ ГЕРАКЛ ПОБЕДИЛ АНТЕЯ?



Легенда живет в веках. «Поколения сменяют поколения — не меркнут лишь предания старины»,— заметил однажды Адельберт Шамиссо.

Дети учат мифы и легенды в школе. Художники, композиторы, поэты создают на их сюжет произведения. Ученые стремятся «анатомировать» легенду, срезать «геологические» пласты и докопаться до ее реальной основы. Ибо известно, что часто миф, легенда возникают под непосредственным впечатлением действительности. «Знаменитый историк XII в. Сакс-Грамматик, не колеблясь, признает во всяком отдельном мифе,— писал Томас Карлейль,— исторический факт и передает его, как земное происшествие».

При изучении генезиса легенды ученые опираются на археологические данные. Ведь творцы мифов и легенд обычно довольно точно проецируют рассказываемые события на «экран» вполне определенной местности. Вот почему с таким упорством ученые стремятся установить маршрут странствий Одиссея, найти остатки башни-крепости легендарного короля Артура или сокровища царя Креза, ущелье, где бился с маврами неистовый Роланд, проникнуть в тайну клада Нибелунгов, пройти по следу гамельнского Крысолова, отыскать сказочный град Китеж или знаменитый лабиринт царя Миноса.

«Да было ли все это? Можно ли верить преданию?» — воскли-

цает Ф. Н. Глинка в своей поэме «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой». Скептикам, полагающим, что поиски эти тщетны — время, мол, навечно сокрыло от нас исторических свидетелей былого,— можно напомнить об удаче Шлимана. До него полагали, что все рассказанное Гомером в «Илиаде» о Троянской войне — не более, чем красивый вымысел. Археолог верил в обратное. В то, что поэма повествует о реальных событиях далекого прошлого. И Шлиман нашел легендарную Трою. Сегодня никто уже не сомневается в том, что «Илиада» имеет под собой прочную историческую основу.

Точно так же с помощью раскопок на месте древних городов Микены, Пилоса и других было доказано, что зерно древних мифов о них составили подлинные данные. А герои этих сказаний зачастую были реальными личностями.

До сих пор ведутся споры о достоверности средневекового германского эпоса «Песнь о Нибелунгах».

Согласно легенде, много лет назад королеву Бургундии прекрасную Кримхильду выдали за короля гуннов Этцеля, покорившего земли ее предков.

Алчный король, узнав, что братья его жены владеют несметными сокровищами — золотом Нибелунгов, которые они спрятали на дне Рейна, решил завладеть кладом. Но братья умирают, так и не выдав тайны. На другой день, во время пира, королева поднесла на подносе мужу сердца своих двух сыновей. Месть ее за смерть братьев, как и месть Медеи, жестока — она не пожалела собственных детей. При виде кровавого блюда Этцель падает наземь. Кримхильда вонзает ему в грудь меч, поджигает дворец и погибает в пламени.

Можно ли верить этой поэтической сказке, впервые записанной в XIII веке на берегу Дуная бродячим певцом? Историки отвечают на это вполне определенно. Оказывается, под именем Кримхильды выведена жительница Бургундии Ильдико, которую взял в наложницы грозный предводитель гуннов Аттила, именуемый в эпосе на германский лад Этцелем.

Наутро после свадьбы в шатре нашли мертвого вождя гуннов и Ильдико. Объявили, что Аттила умер от переедания. Поговаривали и другое. Будто бы ночью его заколола Ильдико, мстившая за смерть близких и разорение бургундского королевства.

Ну, а как же клад? Существовал ли он на самом деле? Несомненно, отвечают немецкие исследователи Г. Джекоби и В. Маттес. Они уверены, что сокровища, о которых повествует германский эпос, были спрятаны недалеко от местечка Гернштейн, где глубина Рейна достигает 15 метров. В этом месте на берегу когда-то существовала деревушка Лохейм. В XIII веке ее смыло наводне-

нием. Название сохранилось лишь на старых картах, по которым ее и обнаружили ныне. Можно считать, заявил Маттес, что это как раз то место, где спрятано «рейнское золото»: ведь, по преданию, сокровища были захоронены в «лохе», что по-немецки значит «глубокая яма».

Вот и получается, что «Песнь о Нибелунгах», как и всякая легенда, говоря словами Горького, «не бесплодная фантазия, а в основе своей — реальная истина, дополненная воображением».

Легенда не измышляет, а лишь собирает в одно разрозненные лучи действительности. Рассказ о том или ином событии, передаваясь из уст в уста, постепенно превращается в сказание, которое продолжает вбирать в первоначальную канву воспоминания о других исторических событиях.

Видимо, любая легенда, любой миф, если его очистить от внешней оболочки, засверкает кристаллами исторической истины.

Не принадлежит ли к таким мифам и знаменитый греческий миф об Антее, великане, которого победил Геракл.

Предположения такого рода высказывались не однажды.

Миф этот, как считал А. Гретман, указывал на долгую борьбу прибрежных греческих колоний с обитателями внутренней Ливии, которые, не раз побежденные, принуждены были уходить все дальше в глубь страны, охваченной кольцом пришельцев. И миф отразил эту борьбу между иноземцами и местным населением, длившуюся многие столетия в районе, где, как пишет известный тунисский ученый Джелаль Эль-Кафи, «издавна встречались и скрещивались цивилизации всего средиземноморского мира».

В наши дни гипотезу о реальной основе мифа об Антее и Геракле поддержал Луи Шарпантье. В книге «Великаны и загадки их происхождения», изданной в Париже в 1969 году, он вновь попытался восстановить ее историческое зерно.

Легенды рассказывают, что там, где в Северной Африке расположен «Старый Танжер», недалеко от нынешнего городка Танья-эль-Белия, великан Антей основал город, получивший имя его жены Тингис, дочери Атласа. Вблизи города Танжера и сегодня над бухтой отчетливо возвышается уединенный холм. Его называют «Харф», что по-арабски, собственно, и означает «холм». В легендах же говорится о том, что когда-то на «Харфе» находилась могила великана Антея, погребенного в том самом месте, где его задушил Геракл.

В нескольких километрах западнее Танжера, на побережье Атлантического океана, находится скалистый мыс, испещренный отверстиями, как кусок швейцарского сыра. Называется он «Гроты Геракла». Здесь, по преданию, греческий герой нашел пристанище перед боем с великаном. Сюда привел его приказ жадного

и коварного царя Эврисфея, повелевшего Гераклу добыть три золотых яблока из «Сада Гесперид» дочерей титана Атласа. Узнав путь туда, Геракл отправился на крайний запад земного круга. Это был едва ли не самый трудный из его подвигов.

Антей преградил Гераклу путь в «Сад Гесперид». Противники сошлись, и Геракл оказался сильнее. Он поверг великана на землю. Но Антей, прикоснувшись к земле, чьим сыном он был, обрел новые силы и вновь вступил в бой. Как писал Генрих Гейне: «Гигант, материнской коснувшись груди, исполнился новой силы».

Трижды Геракл побеждал Антея, бросал его на землю, и трижды земля придавала Антею новые силы, чтобы продолжать схватку. Тогда Геракл оторвал великана от земли, поднял и задушил. Путь в «Сад Гесперид» был открыт. Считают, что сад этот располагался в двадцати километрах южнее Танжера, неподалеку от античного Ликсуса, там, где ныне находится городок Лараш. (И сегодня его парк носит название «Сад Гесперид».)

Заполучив золотые яблоки, Геракл отправился в обратный путь. И по дороге домой совершил еще один подвиг: раздвинул горы, одним махом отделив Европу от Африки. Так, мол, появился Гибралтарский пролив, который в древности называли Геркулесовыми столпами.

Одним словом, миф об Антее и Геракле прекрасно «ложится» на местность, хотя возник он, видимо, задолго до того, как греки появились в этом районе.

Что касается боя между Антеем и Гераклом, то римляне считали его историческим событием. Так, Плиний указывал место, где оно произошло. Писал он и о могиле Антея в Ликсусе недалеко от «Сада Гесперид». И даже сообщал подробности, уточнял, что могила великана имела в длину шестьдесят локтей, т. е. приблизительно семнадцать метров.

Римляне так непоколебимо в это верили, что, захватив этот район, раскопали вершину «Харфа», чтобы отыскать могилу Антея. Говорят, легионеры обнаружили здесь множество костей. «Несомненно,— пишет Луи Шарпантье,— что Плиний так же, как и римские воины, считал легенду о схватке Геракла и Антея не просто сказкой, а более или менее приукрашенным рассказом о реальном историческом событии».

Еще в IV в. до н. э. греческий мифограф Евхемер полагал, что вся мифология — это транспозиция исторических событий. Именами богов якобы обозначались народы, а споры, скажем, о бракосочетании — это распри этих народов. Не сохранила ли также легенда о Геракле, задает вопрос Л. Шарпантье, память о людях или народах, о реальных событиях их жизни?

Едва ли стоит говорить, что ученый имеет право на такую точ-

ку зрения. Ведь в мифах действительно находили отражение и «драмы социального характера», как говорил М. Горький, и «распри человеческих единиц».

Приглядимся пристальнее к легенде. И прежде всего к ее героям.

Сын морского бога Посейдона, великан Антей жил на побережье. Это было его царство, и он, как рассказывает Плиний, запрещал чужеземцам проникать в свои владения, угрожая им смертью. Черепами убитых Антей украшал храм Посейдона, возвышавшийся над городом Тингис. Эту участь уготовил Антей и Гераклу, вознамерившемуся пройти по перешейку между Европой и Африкой (ведь отделение континентов произошло только после их встречи).

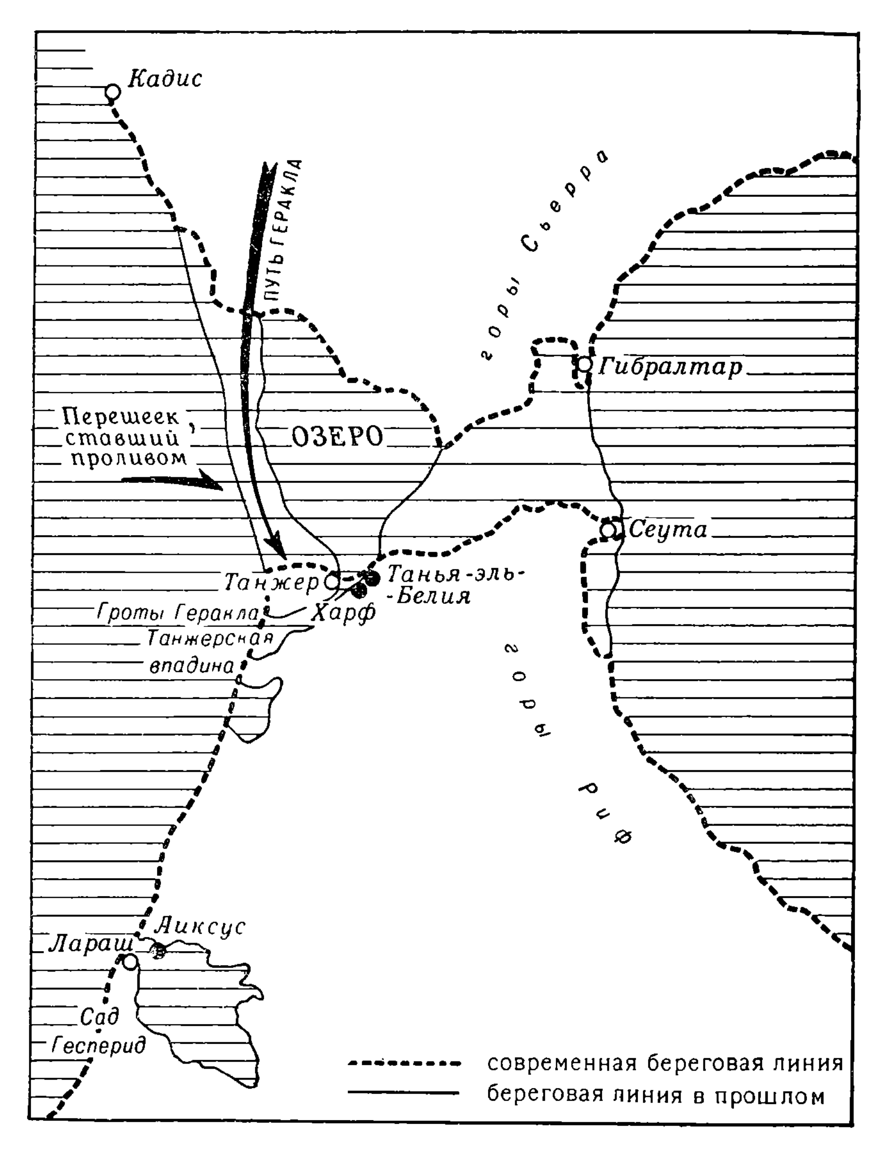
Но если Антей божественного происхождения, то Геракл всего лишь полубог: его отец Зевс провел долгую ночь с женой воина Амфитриона. Геракл и не царь. Он не повелевает. Напротив, он находится на службе у владыки, для которого исполняет ряд работ, общим числом двенадцать.

Среди его впечатляющих подвигов — как мы помним — убийство немейского льва и девятиглавой лернейской гидры. Он ловит керинейскую «медноногую» лань и эриманфского кабана. Меняет течение двух рек, чтобы «очистить» конюшни царя Авгия, освобождает остров Крит от бешеного быка. Словом, очищает землю от скверны.

К тому же Геракл еще и воин. Недаром самые искусные учителя обучали его борьбе, рукопашному бою, стрельбе из лука. «Не так уж мало дел совершал он для одного человека,— замечает Шарпантье,— пусть даже героя». И вспоминает, что в древние времена на Крите, например, слово «гераклес» означало служащего с определенными функциями. Не следует ли отсюда, что все подвиги являлись делом многих «гераклов»?

Но неужели легенда так сильно исказила историю? Отнюдь нет, считает Шарпантье, если вырваться из плена ее образов и предположить, что речь идет в ней не о схватке Геракла и Антея, а о древней битве между двумя армиями или отрядами.

Ведь когда говорят, что, скажем, Цезарь разбил Помпея, Петр Первый одолел Карла XII, Кутузов прогнал Наполеона, мы не представляем себе, что один из них победил другого в единоборстве. Армии, участвовавшие в этих сражениях, обозначаются именами своих полководцев. Если предположить, что то же самое происходило в далекой древности на побережье Северной Африки, тогда все очень просто. Армия Геракла шла там, где впоследствии пройдут римские легионы, вторгшиеся в Галлию. Миновав Пиринеи, она хлынула на Иберийский полуостров, а отсюда, со-



Путь Гракла и место его схватки с Антеем.

гласно легенде, по суше в Африку. Иными словами, Геракл шел тем же путем, который спустя несколько веков проделает в обратном направлении Ганнибал во главе карфагенской армии.

Перешеек охранял Антей, ибо здесь легче всего было остановить вторжение иноземцев. За его спиной находился родной город. Уже первая схватка не принесла Антею успеха. Побежденный, он отступил в глубь территории. Быстро набрав новые силы — свежие войска, он вновь ринулся в бой. И снова потерпел фиаско. Так продолжалось трижды. Отброшенный к своей земле, Антей черпал в ней пополнение. Гераклу ничего не оставалось, как отрезать эту связь Антея с его землей, то есть тылом.

«Нельзя ли воссоздать, — спрашивает Луи Шарпантье, — по крайней мере в основных чертах, эту битву на местности?» И отвечает: «Несомненно можно, насколько вообще можно восстановить географические очертания места».

Исходя из геологических и ботанических признаков, полагает Шарпантье, можно с большей степенью вероятности заключить, что перешеек между Европой и Африкой выглядел следующим образом: на востоке цепь гор, которую образует подковообразный хребет еще не разделенного проливом массива Риф и гор Сьерра: эта подкова изогнулась как натянутая пружина.

В конце концов в стыке наивысшего напряжения, между сегодняшними Гибралтаром и Сеутой, подкова ломается.

На Западе со стороны Атлантики, от Кадикса до Спартеля, простираются земли, расположенные на более низком уровне. Сегодня о них уже нельзя сказать ничего определенного. На этих землях — озеро, чьи берега образуют бухту современного Танжера. Озеро соединено с Атлантическим океаном довольно узкой и длинной впадиной, известной среди геологов под названием «Танжерской».

К югу от нее — Африка, к северу — Европа. В наши дни эта впадина представляет собой равнину, где находится аэродром Танжера. Затем она резко суживается и доходит до подножия холма «Харф».

Итак, впадина и озеро простирались до ближайших отрогов горного массива Риф. Чтобы попасть из Европы в Африку, путешественнику следовало ехать морем (Геракл не имел флота) либо обогнуть озеро с востока или с запада. В первом случае неизбежно пришлось бы идти по доступным, но опасным склонам Рифа, во втором — через впадину Танжера. Последнее, очевидно, было наилучшим решением. Во всяком случае, неминуемо надо было пройти недалеко от Танжера, и логично, что место боя, или скорее боев, легенда устанавливает здесь.

Армия Геракла продвигалась от Кадикса к мысу Спартель, поскольку, по легенде, воины «расположились» к югу от мыса, у

«Гротов Геракла», напротив залива, которым начинается впадина Танжера.

Вот здесь-то и развернулись боевые действия. Трижды побежденный Антей уходил на другую сторону впадины. Его маневрам способствовали приливы и отливы, которые он умело использовал при отступлении. Геракл разгадал тактику противника и отбросил его к крепости Харф, месту, удобному для осады и «удушения» обороняющихся.

«В этом довольно мало аллегории», — полагает Луи Шарпантье.

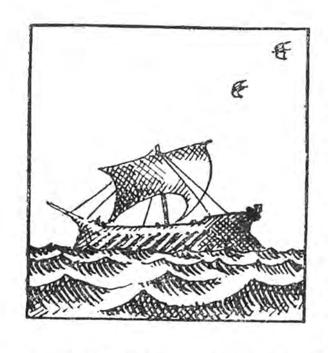
Что же касается того, что по легенде ни Антей, ни Геракл не применяют металлического оружия: бронзовых мечей, железных щитов, обязательных для греческих мифов, — то объяснить это нетрудно. История схватки Геракла и Антея древнее бронзового века, она — времен неолита. Речь в ней идет об эпохе, предшествовавшей животноводству и земледелию на Ближнем Востоке. Наконец, все это случилось до открытия Гибралтарского пролива. «И возможно, стихийному бедствию, с которым связано образование пролива, мы обязаны сохранению этого рассказа на протяжении тысячелетий. Два этих события одновременно хранились в памяти людской».

А нельзя ли найти какие-либо отзвуки этой древней битвы вне легендарной истории? У Платона в диалогах «Тимей» и «Критий» приводится рассказ о том, как Солону некий египетский жрец поведал о войне предков греков, «до-греков», против Атлантов. Там, конечно, нет ни слова ни о Геракле, ни об Антее. Но этот рассказ ведется по старинным хроникам, имеющимся в храме. Следуя им, жрец говорит о «проливе», как о перешейке, и о затоплении Атлантов и армии греческих предков вследствие ужасных подземных толчков, происшедших в районе «Геркулесовых столпов». В мифе это известие соответствует тому, как Геракл раздвинул горы и открыл Гибралтарский пролив.

Таким образом, греки приписали герою то, что египетский жрец считает следствием землетрясения.

Интересно, что отголоски мифа о Геракле слышны и в сказаниях о гераклидах, потомках знаменитого героя. Они вели упорные, изнурительные войны, в которых тоже отразилось подлинное историческое событие — дорийское завоевание Пелопонесса.

КАРТА СТРАНСТВИЙ ОДИССЕЯ



Об «Илиаде» и «Одиссее» написано такое количество исследований, что они вполне могли бы составить огромную библиотеку. Среди книг этого специфического собрания немалую часть заняли бы труды, посвященные так называемому гомеровскому вопросу. Кто такой Гомер? Существовал ли он на самом деле? И если да, то где и когда родился? А главное — является ли он автором двух гениальных поэм? Или Гомер только лишь собрал воедино созданные задолго до него народные творения? Теория о том, что у гомеровских поэм несколько авторов, дала повод два столетия назад Фридриху Шиллеру воскликнуть:

> Что ж, разрывайте на клочья
>   венок Гомера, считайте,
> Сколько у вечной поэмы отцов.
> Мать одна у нее, и черты
>   материнского сходства —
> Это бессмертной природы черты.

Среди многих, часто весьма смелых и остроумных гипотез такого рода особо выделяется одна. Ее сторонники вот уже более ста лет стремятся доказать, что творцами «Илиады» и «Одиссеи» были два совершенно различных автора. Один из них — создатель «Илиады» — анатолийский грек Гомер. Впрочем, возможно, это

лишь прозвище, настоящее его имя было Мелесиген, и жил он в XIII веке до н. э. Что касается автора «Одиссеи», то еще в прошлом веке была выдвинута гипотеза о том, что творцом этой эпической поэмы была женщина. Книга гомероведа англичанина Сэмуэля Бутлера, вышедшая в 1897 году, так и называлась «Женщина — автор «Одиссеи». Согласно этой гипотезе, «Одиссею» создала поэтесса с острова Сицилии.

О сицилийском происхождении автора «Одиссеи» писал еще до Бутлера новозеландский ученый Покок. Но он считал его мужчиной. Покок даже нашел имя для безвестного поэта—Дрепанодор.

С. Бутлеру так и не удалось убедить читателей и ученых и преодолеть недоверчивое отношение к его гипотезе. Забытая с годами, она в наши дни вновь всплыла «на поверхность» гомеровского вопроса.

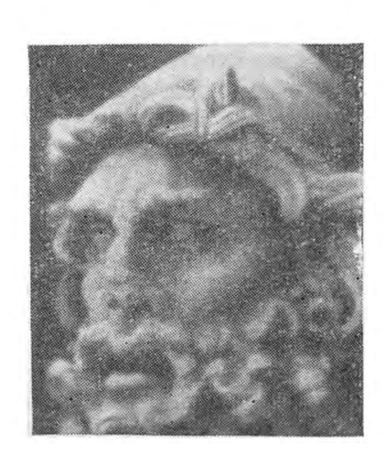
В Италии в 1968 году вышла ставшая в известной степени сенсационной примечательная книжка — «Открытие «Одиссеи». Ее автор, ученый из сицилийского города Трапани Витторио Баррабини, утверждает, что творца «Одиссеи» звали вовсе не Гомер. Он-де был чисто легендарным персонажем, а «Одиссею» написала столетие спустя после «Илиады» сицилийская поэтесса.

Какие аргументы выдвигает в связи с этим Баррабини? Прежде всего, говорит он, читая «Одиссею», нельзя не удивляться той чисто женской осведомленности и наблюдательности, с которой описаны в ней убранство дома, предметы домашнего обихода, уклад семейной жизни. «Мне кажется совершенно очевидным, — заявляет автор книги, — что вообще вся поэма написана, так сказать, с точки зрения женщины». Лишним доказательством тому, по его словам, могут служить и описания любовных сцен. Если в «Илиаде» эти сцены вполне реалистичны, то в «Одиссее» они написаны так, что даже сам язык их свидетельствует о «женской стыдливости автора».

Что же известно о сицилийской поэтессе? Здесь автор гипотезы вновь обращается к поэме. И как в свое время в аэде Демодоке, выведенном в «Одиссее», видели автопортрет Гомера, так и теперь проводится аналогия между одной из героинь и безвестной поэтессой. Прямых указаний на этот счет в поэме нет, но косвенно это можно установить, — считает Баррабини. Автор «Одиссеи» отождествляет себя с одним из прекрасных и трогательных персонажей поэмы — Навсикаей, дочерью царя феакийцев. «Анонимная поэтесса раскрыла себя в этом образе, обнаружив необычайную душевную сопричастность и сочувствие к переживаниям Навсикаи».

А что же служит аргументом в пользу того, что автор «Одиссеи» житель Сицилии? Баррабини отвечает — «география» поэмы.

Двадцать лет назад он задался целью «привязать к местно-



Таким греки представляли Одиссея.

сти» путь Одиссея. Решил доказать, что герой поэмы посетил места, расположенные вокруг Сицилии. Восстановление маршрута десятилетних странствий Одиссея, считал он, позволило бы пересмотреть вопрос и о толковании поэмы, и о ее происхождении. Для правильного прочтения «Одиссеи», считает Баррабини, необходимо восстановить географическую реальность, прототип места действия.

Нельзя сказать, что исследователи творчества Гомера не отдали дань изучению и восстановлению маршрута плавания Одиссея. Вопрос о том, где действительно побывал Одиссей во время своих скитаний, пожалуй, не менее древен, чем сама поэма. Существует около семидесяти гипотез относительно стоянок Одиссея.

Считают, что они находятся в Африке, в Северном, Балтийском, Черном и даже Каспийском морях. Первые «подозрения» о достоверности путешествия Одиссея появились вместе с попытками найти места его стоянок.

Еще Эратосфен, смотритель Александрийской библиотеки и ученый, заложивший основы математической географии, утверждал, что «истинные места стоянок Одиссея найти так же трудно, как портного, который сшил мех для ветров Эола». Полагали, например, что все похождения героя происходили в районе Средиземного моря. Думали также, что в «Одиссее» нашло отражение какое-то подлинное морское предприятие царя Итаки, пустившегося в дальний путь сразу после окончания Троянской войны.

Примерно его маршрут расшифровывали следующим образом.

Покинув Трою, Одиссей оказался на земле киконов (по-видимому, Геллеспонт), затем добрался до мыса Малеи — южной око-

нечности Греции; посетил страну Лотофагов в Африке; побывал на Козьем острове (ныне Фавиньяна), в стране Циклопов (Вергилий поместил эту страну у подножья Этны), на плавучем острове Эолия, около Сицилии, где обитает бог ветров Эол; после этого ступил на берег страны Лестригонов (одни полагают, что она была на Сардинии, другие — невероятно! — возле Полярного круга); и, наконец, на остров злой волшебницы Кирки — Эя, недалеко от Террачины. Дальше герой Гомера попадает к скале Сирен (где-то в Средиземном море) и, избежав их сладкого плена, проплывает между Сциллой и Харибдой. Затем Одиссей со своими спутниками причаливает к берегу, где пасутся стада Гелиоса (возле Таормины, на Сицилии), добирается до острова Калипсо, в котором многие узнают остров Гоцо, неподалеку от Мальты, откуда направляется к Схерии, родине феакийцев, расположенной на о. Корфу, и наконец, достигает родной Итаки — острова в Ионическом море.

Считали также, что в поэме, хотя и описываются сказочные события, тем не менее содержатся многочисленные и точные сведения о метеорологии и навигации. Поэму Гомера можно считать отличной инструкцией для капитанов парусных судов и вахтенным журналом. Впервые установил это англичанин Эрнл Брэдфорд, который семь лет плавал на малых парусных яхтах «по маршруту Одиссея». Отчет об этих плаваниях под названием «Путешествие с Гомером» был опубликован мюнхенским издательством.

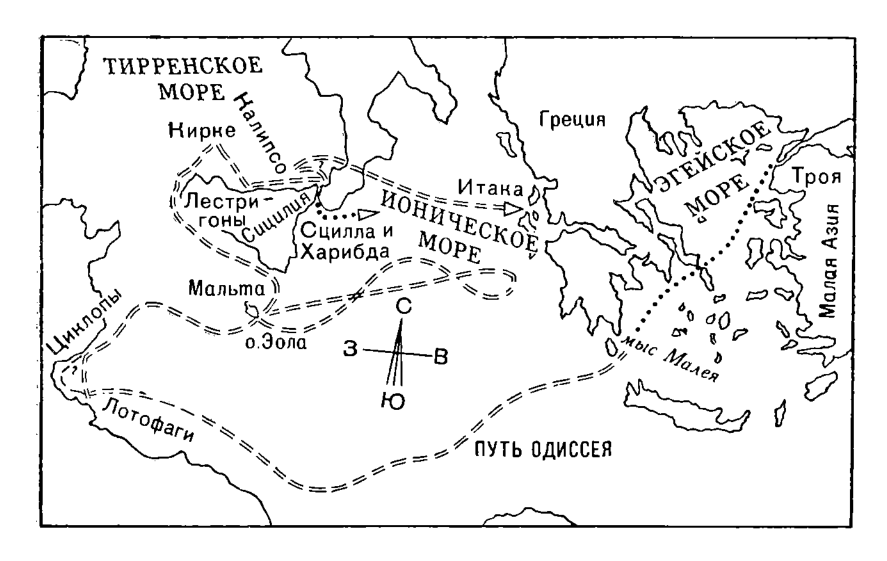
В наши дни по стопам Брэдфорда пустились братья Вольф. Девять лет они детально изучали метеорологические и навигационные указания, содержащиеся в поэме Гомера. В результате появилась их книга «Путь Одиссея», изданная в западногерманском городе Тюбингене.

Братья Вольф не искали определенные географические пункты, а с тщательностью детективов старались расшифровать изложенные в поэме факты: направление и силу ветра, изменение течений, курс кораблей, пройденные ими расстояния и предполагаемые скорости. Они составили схему возможного курса согласно указаниям, содержащимся в песнях поэмы — от пятой до тринадцатой. Затем спроектировали эту схему на карту Средиземного моря и получили удивительный результат. Оказывается, маршрут Одиссея не выдумка и может быть прослежен по карте. «Если другие исследователи просто искали то или иное место, то братья Вольф прежде всего восстанавливали факты», — писал Александр Рост в рецензии на книгу братьев Вольф, помещенной на страницах газеты «Цейт». Теперь Одиссей предстал перед нами в своеобразной роли «греческого Колумба». Проблема местонахождения его стоянок была решена.

Впрочем, так лишь считали братья Вольф. Им возражает французский географ Жильбер Пийо. Он безапелляционно утверждает: Одиссей плавал в Атлантике. Интересно, что он тоже пользовался сведениями о течениях, о ветрах, расположении звезд, встречающимися в поэме. Пийо обнаружил в ней своеобразный ключ для определения расстояний, пройденных судами Одиссея. В поэме расстояния, которые проходят суда, всегда указаны в днях пути. Установив среднюю скорость греческих судов в эпоху Гомера — а она равнялась около 8,7 узла,— можно выяснить, как далеко уплыл Одиссей. Это облегчается еще и тем, что в поэме называются и хорошо известные географические пункты. Эти расчеты указали, что герой поэмы ушел на судах далеко за пределы Геркулесовых столпов, то есть Гибралтарского пролива, и вышел в Атлантику. С попутным ветром Одиссей взял курс на север и через шесть суток ступил на берег страны Лестригонов. По всем признакам это западное побережье Ирландии. Все дальнейшие странствия героя и его спутников проходят в водах, омывающих Британские острова. Здесь же, у побережья нынешней Шотландии, находятся Сцилла и Харибда.

После кораблекрушения боги не оставили героя. Девять суток носило его по волнам, пока не прибило к острову Огигии, обиталищу нимфы Калипсо. Пийо считает, что Огигия — это Исландия: упоминаемые в поэме фонтаны наводят на мысль о гейзерах. Но главное в расстоянии — возвращаясь отсюда на родину, Одиссей затратил семнадцать суток. Используя открытый им ключ для определения расстояний в поэме, Пийо считает, что, если Одиссей шел с вычисленной ранее скоростью, то есть 8,7 узла, он должен был за это время пройти расстояние от Исландии до Схерии (Корфу).

Но зачем понадобилось древним мореходам предпринимать столь далекое и рискованное плавание? Как — зачем?! — восклицает Пийо. Известно, что в древности побудительным мотивом дальних путешествий нередко были поиски особо ценившихся металлов. Одним из таких металлов было олово, необходимое для выплавки бронзы. Олово для стран Средиземноморья поступало с Британских островов. Но ценный металл приходилось приобретать у посредников, что значительно повышало его стоимость. А что, если предпринять дерзкое путешествие и вступить в непосредственную связь с поставщиками? Выгоды это сулило древним негоциантам немалые. И Одиссей, превосходный моряк и хитроумный купец, решился посетить далекие кельтские страны. А чтобы сведения о путешествии не попали в руки конкурентов, пришлось некоторые места в поэме «зашифровать». Со временем, однако, практический смысл их был забыт.



Карта странствий Одиссея, составленная братьями Вольф.

С выводами немцев братьев Вольф и француза Жильбера Пийо итальянец Витторио Баррабини категорически не согласен.

Нет, маршрут Одиссея был иным, утверждает он. Герой поэмы не скитался в Атлантике, не плавал вокруг Британии, он даже не пересекал все Средиземное море. Его путешествие происходило главным образом вокруг Сицилии.

Точнее говоря, после посещения Козьего острова, ныне Фавиньяна — одного из группы Эгадских островов, его маршрут пролегал по совершенно иному пути.

Итальянский ученый рассказал, что ему пришлось самому заново перевести весь текст «Одиссеи» с древнегреческого на итальянский, ибо существующие переводы не содержат, к сожалению, тех нюансов, благодаря которым и можно «зрительно» представить себе место действия.

Затем он стал сопоставлять то, что написано, с тем, что существует в действительности. И тут вдруг заметил, что в некоторых случаях не текст поэмы помогал ему узнавать место действия, а наоборот, сам пейзаж «подсказывал» соответствующие строки поэмы. «Становилось все более очевидным, что автор писал с натуры, то есть весь театр действий лежал перед ним, и он описывал его с точностью топографа».

В своей книге Баррабини доказывает, что страна Циклопов на-

ходится в Пиццолунго, неподалеку от городка Трапани. Правда, Баррабини слишком увлекается эпизодом с циклопами. Он всерьез пишет о том, что циклопы, прибежавшие на крики Полифема, принадлежали к «народу пастухов и земледельцев» и что слово циклоп означает «как луна, круглое лицо». А это, мол, отвечает общей характеристике жителей горных районов Трапани. Короче говоря, путешествуя по этим местам, и сейчас — если верить Баррабини — можно еще встретить циклопов.

Сбежав от Полифема, Одиссей попадает на плавучий, обнесенный медной стеной остров Эола, который при ближайшем рассмотрении оказывается островом Устикой. Страна Лестригонов находится между Трапани и Палермо. Местонахождение Сциллы и Харибды — Мессинский пролив, где и сегодня существуют два рыбачьих поселка Шилле и Каридду. А стада Гелиоса паслись на полях, окружающих город Таормину.

Следовательно, странствия древнего героя проходили по небольшой части Средиземного моря, и почти весь его маршрут «привязан» к Сицилии. Остаются пока что нераскрытыми несколько названий.

Таким образом, поверяя действительностью поэму, удалось уточнить немало ее мест, которые в различных переводах кажутся слишком «общими». Настаивая на своей гипотезе о том, что автор «Одиссеи» женщина, Баррабини писал: «Безвестная поэтесса с необычайной точностью описывала места событий, и лишь многочисленные поколения переводчиков сделали ее язык таким безликим».

Если подняться на гору Эриче неподалеку от Трапани, то легко заметить скалистый выступ Пиццолунго — судя по описанию, здесь была пещера Полифема. Мрачная и огромная, она до сих пор внушает страх. В другом конце Трапани видна скала, которую в народе зовут скалой Мальконсильо, — это корабль феакийцев, обращенный Посейдоном в камень. Здесь же и пустынный берег, на который волны вынесли Одиссея.

И последнее. Выходит, что Трапани — это Схерия, родина феакийцев? Да, отвечает ученый. Причем здесь не только топографическое совпадение.

Существует древняя легенда о возникновении Трапани. В ней говорится, что Посейдон женился на местной царице Ликасте. Она родила ему сына Эрикса. Его именем названа гора, возвышающаяся над Трапани; эта же гора в «Одиссее» возвышается над Итакой — родиной героя и называется Нерито.

Перечитайте «Одиссею», говорит Баррабини, и вы убедитесь, насколько миф о создании Схерии совпадает — вплоть до мелочей — с историей возникновения города Трапани.

Таковы вкратце рассуждения итальянского ученого о «географии» «Одиссеи».

Однако он подчеркивает, что результаты его труда касаются не только «географии» поэмы. «Если места, где побывал Одиссей, действительно те, что мы видим отсюда, значит, нет сомнений, что «Одиссея» создана здесь, в Трапани, древним трапанским поэтом или поэтессой»,— заключает Баррабини.

Возможно, гипотеза итальянского ученого и заняла бы свое место в ряду других, связанных с гомеровским вопросом. Но на беду Баррабини, в наши дни огромных достижений в науке и технике, ее оказалось довольно просто опровергнуть. Каким образом? С помощью вычислительной техники. Текстологи, литературоведы все чаще прибегают к ее содействию. Создается целая отрасль текстологической кибернетики. Одна из ее целей — установление или уточнение авторства письменных документов, исследование автографов и др.

Техника автоматического распознания пришла Гомеру на помощь. Американский филолог Д. Макдоунг по машинному анализу всех 15 693 строк «Илиады» установил, что эта поэма написана одним автором. Ну, а «Одиссея»? На ее защиту встали английские ученые. Специалист по электронной технике А. Моргон и профессор вычислительных наук С. Майкельсон вместе с филологом из Кембриджского университета Д. Чэдвигом, сторонником теории единого авторства Гомера, подвергли текст поэм анализу с помощью электронно-вычислительной машины «Атлас». Работа продолжалась около года. Исследованию было подвергнуто 250 тысяч слов. Сначала отобрали первые 300 слов из 15-й книги «Одиссеи», которые наиболее неоспоримо принадлежат самому Гомеру. Затем провели их сравнение со всеми сомнительными отрывками, имеющимися в других частях поэмы. На основе анализа длины предложений и их структур, проведенного с помощью вычислительной машины, была выявлена удивительная согласованность и последовательность стиля на протяжении всего текста поэм Гомера, что, по мнению исследователей, делает «статистически невозможным» совместное авторство нескольких человек. Проведенный анализ показал также, что даже если Гомер и использовал большое количество передающегося из поколения в поколение мифологического материала, он никогда не приводил этот материл непосредственно, а всегда творчески перерабатывал его.

Чтобы проверить, не вызвана ли выявленная согласованность стиля поэм Гомера просто особенностями греческой гекзаметрической формы, провели сравнительный анализ поэм Гомера с некоторыми работами древнегреческих поэтов Гесиода и Аратуса. Как показал анализ, длина предложений, используемых в поэмах Го-

мера, их структура и другие характеристики заметно отличаются от соответствующих особенностей стиля этих поэтов.

Одним из окончательных результатов проведенного текстологического анализа поэм Гомера явилось составление полного алфавитного указателя встречающихся в них слов. Такой алфавитный указатель, содержащий около 250 тысяч различных слов, был составлен с помощью ЭВМ «Атлас» в течение всего 30 секунд. Без использования ЭВМ для выполнения этой же задачи потребовался бы год.

Так долголетний спор о том, является ли творцом «Илиады» и «Одиссеи» один автор или же несколько, разрешила электронно-вычислительная машина. Она же опровергла и гипотезу Баррабини о том, что создатель «Одиссеи» — женщина.

А как же маршрут странствий Одиссея? Кто прав: Баррабини или те, кто предлагает другие версии подлинного пути хитроумного грека? Пока что это нерешенная задача. Остается надеяться, что в будущем моделирование на ЭВМ поможет разрешить и этот спор. И мы получим точную карту странствий знаменитого героя гомеровской поэмы.



ДУБ РОБИНА ГУДА



В новогоднюю ночь, когда наступает час детских сказок, у ребят Англии нет более популярной темы, чем повесть о Робине Гуде и его отважной ватаге удальцов, которые жили в чащобе Шервудского бора, грабили богатых, чтобы помогать бедным. И, к великой радости юных читателей, неизменно выходили победителями из всех стычек и передряг.

Ни у одного английского мальчишки не возникает и тени сомнения в подлинности приключений, пережитых его любимым героем. Согласимся с этим и мы, если решим докопаться до жизненных источников сказаний о Робине Гуде: известно, что предания и легенды рождаются под непосредственным впечатлением исторической действительности.

Лет двести назад недалеко от Ноттингема землекопы во время работ натолкнулись на человеческие кости. Это оказались шесть скелетов, захороненных один подле другого. Весть о находке моментально облетела округу. Чьи же это останки? — вопрошали жители. Их недоумение поспешила разрешить одна газетенка. Как — чьи?! Тех самых шестерых лесничих, которых в свое время убил Робин Гуд. И никто не выразил сомнения по поводу такого утверждения. Каждому было известно, что Робин Гуд пять веков назад скрывался именно в этих самых местах. И случай, который имела в виду газета, действительно произошел с ним здесь.

Робин Гуд ехал тогда в Ноттингем на состязание лучников. По дороге ему встретились королевские лесничие. Они стали потешаться над юным стрелком, который смеет принять участие в состязаниях, где будет присутствовать сам король. Робин Гуд поспорил с лесничими, что поразит цель с расстояния в сто футов, и выиграл пари. Вместо того чтобы отдать ему выигрыш, королевские лесничие, которых так ненавидел простой народ, начали угрожать ему. Вот тогда-то Робин Гуд и перестрелял их всех из лука — говорится в старинной балладе. И никто из потомков Робина Гуда не сомневался, что все именно так и было. Как не сомневались и в других подвигах храброго и веселого Робина.

Сотни лет Робин Гуд был истинной душой Англии. Легендарную его биографию сотворил народ, безымянные певцы. И не было на английской земле героя, более достойного и более романтического.

Во всей округе никто не мог превзойти его в ловкости и меткости. Но особую славу и уважение он снискал себе как защитник простых крестьян-йоменов, как справедливый и бескорыстный судья. Его возмездие было бичом для богатых и знатных, его доброта и любовь — спасением для бедняков.

Достоверных данных об историческом прототипе Робина Гуда не сохранилось. Впрочем, существовал ли он на самом деле? И так ли его называли? Некоторые считают, что образ этот — плод народной фантазии. Возник он спачала как житель чащоб, лесной дух, обретший потом человеческий облик и получивший имя Робин Добрый Малый. Он стал любимцем йоменов в те времена, когда рыцари короля Артура собирались в замке за круглым столом. Ну, а как же все-таки с прототипом? Был ли он у Робина Гуда? Обедал ли королевской олениной, встречался ли со святыми отцами на лесной дороге, появлялся ли переодетым в доме шерифа Ноттингема, принимал ли знатных гостей в Бернисдельской пещере, нанимался ли в корабельщики, воевал ли с Гаем Гисборном — словом, совершал ли он все те подвиги и деяния, которыми знаменит Робин Гуд — герой народных английских баллад? Они-то и служат главным источником сведений о нем.

Согласно балладам, он жил в XII веке. Одно время считали, что под именем Робина Гуда в легендах и балладах изображен некий Роберт Фицут, граф Хантингтонский, родившийся примерно в 1160 году, который промотал все свое наследство, запутался в долгах, был объявлен вне закона, что и заставило его скрыться в лесу. Едва ли, однако, он был на самом деле графом. Вернее считать, что титул графа ему присвоил народ. «В этом желании сделать во что бы то ни стало своего любимца человеком знатного рода,— писал М. Горький,— кажется, скрыто наивное желание

простых людей сказать аристократии: чем наши хуже ваших?»

В некоторых балладах Робин Гуд называется простым йоменом, сыном лесничего, который родился в зеленом лесу среди ландышей. Но если, согласно тем же устным легендам, Робин Гуд жил в XII веке, то упоминание о нем в письменных источниках относится к более позднему времени. Впервые его имя встречается в поэме Уильяма Лэнглендa «Видение о Петре Пахаре», написанной в 1362 году, где Робина Гуда называют героем народных песен.

А вот что писал Томас Фуллер, историк XVII века, в своей «Истории выдающихся людей Англии»: «Это был самый благородный из всех разбойников; да будет тебе известно, читатель, что внесен он в наши списки не за его грабежи, а за его доброту... Основным его убежищем был густой Шервудский бор, но было у него и другое жилье на берегу моря в графстве Йоркширском, где один из заливов до сих пор носит название «Бухта Робина Гуда», не потому, что был он каким-то морским пиратом,— он грабил только на суше, а потому, что вынужден был скрываться в этих неизведанных местах...»

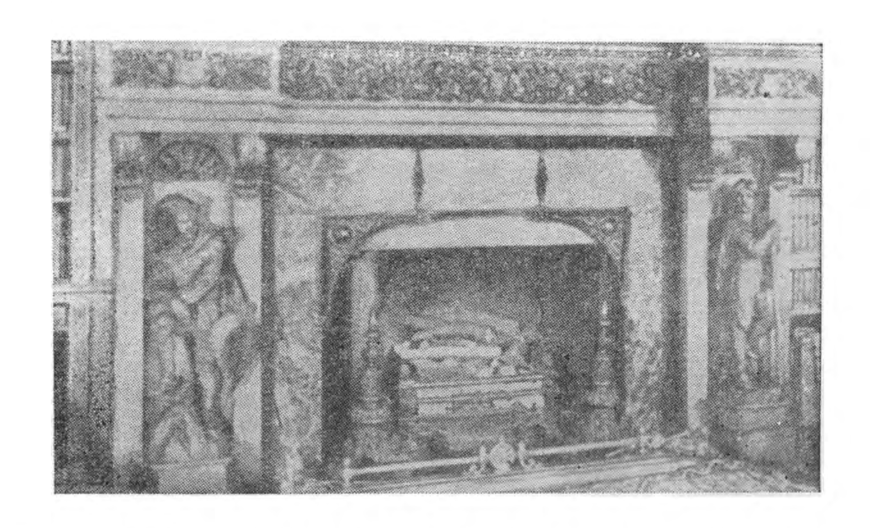
И далее Томас Фуллер говорит: «Это был скорее веселый малый, чем пройдоха, учтиво избавляющий путников от их кошельков. Никогда не убивал он никого, кроме оленей, приглашая затем всю округу на пир с оленьим мясом. Его проделки относятся к годам правления короля Ричарда I, приблизительно к 1100 году».

Как видно, историк XVII века не имел никаких сомнений в подлинном существовании Робина Гуда.

Другой писатель того же века так определяет год и место его рождения: 1160 год в местечке Локсли графства Йоркширского, в царствование короля Генриха II. Существует также предание о том, что Робин Гуд оказывал поддержку мятежным феодалам в их борьбе против Генриха III, а после поражения бежал и скрывался в лесах. По другим предположениям — он участвовал в восстании против короля Эдуарда III в 1322 году.

Шли годы. Легенда, подобно всем легендам, обрастала все новыми и новыми подробностями. И вскоре уже не один Робин Гуд скрывался в лесу. Вместе с ним там обосновались его друзья. Это были Джон Нейлер, прозванный в насмешку Маленьким Джоном за то, что был он саженного роста, и брат Тук, монах-расстрига из аббатства Фаунтейнс в Йоркшире, и многие другие. Некоторые исследователи полагают, что эти сподвижники Робина Гуда воплотили в себе черты подлинных, некогда действительно существовавших людей.

Всего сотня лучников была у Робина Гуда, а слава о делах веселых разбойников гремела по всем долинам и горам Англии. Особенно от них доставалось шерифу и тупоумным монахам. По-



Камин в библиотеке усадьбы Торесби Холл с изображением Робина Гуда и Маленького Джона.

следние имели немало оснований ненавидеть предводителя лесных братьев лютой ненавистью. Им от него доставалось особенно часто.

Что у аббатов жирных
Из кладовых обильных
Частенько похищали,
То бедным раздавали, —

писал поэт XVI века Майкл Дрэйтон.

Однажды в руки Робина Гуда попался сам епископ Герфордский. Робин Гуд мог просто его ограбить, отобрать деньги и отпустить. Но не таков был Робин Гуд. У него было иное правило. Он весело попировал с пленником, напоил его элем, заставил исполнить мессу и плясать под музыку. Только после этого епископа посадили на коня лицом к хвосту и под хохот всей лесной братии выпроводили из леса.

Но если епископ, рискнувший посетить Шервудский лес, мог вернуться оттуда в одной рубашке, то бедняк получал там одежду и пищу, странствующий рыцарь — лошадь и деньги, чтобы выкупить земли, которые он заложил алчному аббату. Люди знали: Робин Гуд и его соратники — необычные разбойники. Укрывшись в чаще, они вели войну с тиранами, но «не позволяли, чтобы женщинам чинились обиды и щадили добро бедняков». И народ славил храброго и веселого Робина. Творцы баллад придумывали для него все новые приключения, воспевали его подвиги.

Из народных преданий и баллад Робин Гуд перекочевал в литературу.

Уже в прошлом веке стали появляться различные стилизации баллад о подвигах Робина Гуда. Одна из них «Робин Гуд и Маленький Джон», написанная Присом Игеном, описывает веселых разбойников в самом сентиментальном тоне и безнадежно оглупив их. Как это ни странно, но книга эта выдержала много изданий и вызвала не одно подражание. В плену подобной трактовки деяний Робина Гуда и его друзей оказался и Александр Дюма. Ему принадлежат два длинных романа о Робине Гуде — «Принц разбойников» и «Робин Гуд — разбойник». Обе книги не входят в число лучших произведений, созданных этим писателем.

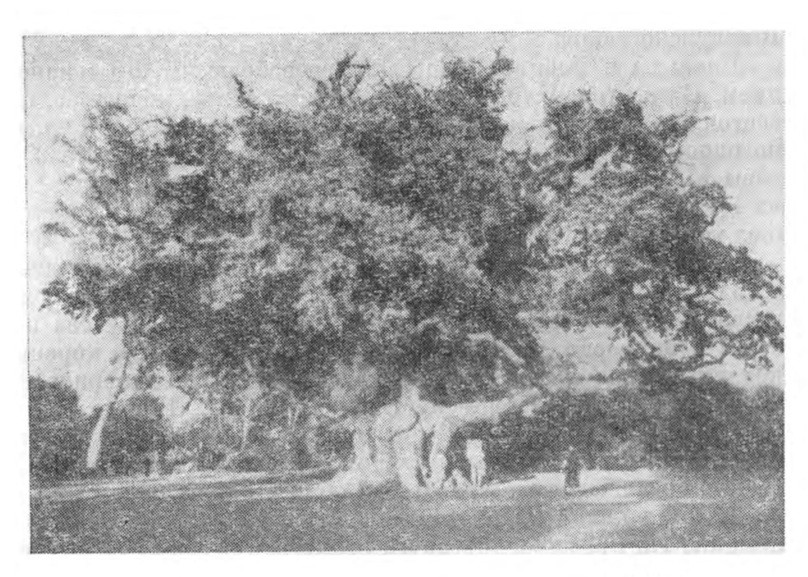
Не обошел своим вниманием образ народного мстителя и отец исторического романа Вальтер Скотт. С благородным Робином мы встречаемся на страницах его романа «Айвенго», где он выведен под именем Локсли — предводителя вольных стрелков. О похождениях английского разбойника написал повесть советский писатель М. Гершензон. Называется она «Робин Гуд».

На протяжении веков память о Робине Гуде связывалась с так называемым майским праздником. Ежегодно в этот день молодежь плясала, пела песни о народном герое. А некоторые наряжались в зеленые куртки и с луками в руках разыгрывали в лесу перед толпой подвиги Робина Гуда и его друзей. В сборнике писем некоего Джона Пастона имеется запись от 1473 года о том, что один слуга был нанят сроком на три года, как исполнитель роли рыцаря зеленого леса в представлениях: «Робин Гуд — Король Мая».

Рассказывают, что однажды епископ Латимер, прибыв в сельскую церковь для проповеди, нашел церковные двери запертыми. Более часа в недоумении прождал епископ. Вокруг не было видно ни души. Деревня словно вымерла. Наконец, объявился один житель. На вопрос, где народ, он ответил: «В лесу». И, увидев удивленные глаза святого отца, разъяснил: «Все жители села ушли в лес праздновать память Робина Гуда. Сегодня мы не можем вас слушать». Можно представить себе гнев епископа, которому предпочли лесного разбойника.

В наши дни праздник в честь Робина Гуда принял форму фестиваля. Проводится он в лесу близ Ноттингема. В его программе номера, воскрешающие картины средневековой Англии: рыцарские турниры, стрельба из лука, ястребиная охота, пиры в замках...

Услужливые гиды в первую очередь поведут вас к Ноттингемскому замку, где у стены укажут на «Зеленую лужайку Робина Гуда». В центре ее установлен памятник народному герою, а на



Дуб Робина Гуда.

стене четыре барельефа изображают сцены наиболее популярных его похождений.

Если отправитесь по дороге на север, то вскоре окажитесь у знаменитого дуба Робина Гуда. Говорят, древнему дереву почти полторы тысячи лет. И будто бы это тот самый дуб, в листве которого Робин вместе со своими соратниками скрывался от преследований ноттингемского шерифа.

Дальше дорога идет по лесу, пересекая самое сердце Шервудского бора. Сегодня площадь его, естественно, изрядно сократилась. А когда-то бор простирался на 200 квадратных миль к северу от Ноттингема. Это был охотничий королевский заповедник династии Плантагенетов. Королевских оленей тут водилось великое множество, и мяса их хватало с избытком для молодцов Робина Гуда и для бедняков, живших в округе. От тех времен здесь сохранилась таверна XII века «Путь в Иерусалим», где утоляли жажду рыцари-крестоносцы, отправлявшиеся на поиски «святой земли». Есть неподалеку и кабачок XIII века «Самотэйшн», в котором, по преданию, частым посетителем был популярный в народе разбойник Дик Тэрпин, и постоялый двор XVI века «Голова Сарацина». Встретится на дороге и еще один памятник Робина Гуда, что стоит в парке перед усадьбой Торесби

Холл — свидетельство того, что когда-то место это было частью Шервудского бора.

Баллады о Робине Гуде были своеобразным его жизнеописанием. В них говорилось о его рождении, семье, женитьбе, которая состоялась якобы в местечке Эдвинстоу, когда Робин Гуд, согласно одному из позднейших добавлений к легенде, завоевал сердце девы Мериэн. Баллады воспевали многочисленные подвиги Робина Гуда и, наконец, его смерть. Это случилось, когда Робину Гуду шел уже девятый десяток.

Много лет никому не удавалось изловить или поразить храброго Робина. И вот настал его конец. Больной, пришел он однажды к своей тетушке настоятельнице Керклисского аббатства в Йоркшире и попросил, чтобы она пустила ему кровь. Он хорошо знал коварный нрав служителей церкви, а в этот раз доверился. Тетка исполнила его просьбу — пустила ему кровь. Но вовремя ее не остановила. Когда Робин Гуд понял, что обманут, было уже поздно. Он попытался выпрыгнуть в окно, но не хватило сил. Оставалось одно испытанное средство. Робин трижды протрубил в свой рог. И Маленький Джон, услышав призыв, стрелой примчался на помощь. На предложение друга отомстить и сжечь аббатство вместе с настоятельницей Робин Гуд отвечал как джентльмен: «Я никогда не чинил обид прекрасным девушкам, не совершу этого и перед смертью». Затем он попросил подать ему его лук и пустил в окно стрелу. Там, где она упадет, завещал Робин Гуд, и похоронить его.

Дай мне, товарищ, мой лук боевой,
И в небо выстрелю я.
И где упадет и воткнется стрела,
Там будет могила моя.

По сей день никто не знает, далеко ли пролетела стрела. Согласно одной легенде, она упала среди холмов в долине Колдера, по другой — вонзилась в землю в саду аббатства. Не то Робин Гуд побил собственный рекорд по дальности стрельбы, не то его рука утратила сноровку и ему не хватило сил натянуть тетеву. Еще Робин Гуд завещал положить бок о бок с ним его лук, что музыкой сладкой для него был, а на могиле посадить зеленый дуб.

И люди пройдут и скажут: «Под деревом
этим лежит храбрый стрелок Робин Гуд».

«ЗОЛОТАЯ ФИАЛКА»



Кто однажды побывал на юге Франции, проехал по душистым полям Лангедока, по одетым в зелень платанов древним городкам Прованса, не может не полюбить этот солнечный край. Здесь все: пейзаж, архитектура, наряды, даже воздух — очаровывает. Завораживают старинные песни и древние легенды, рожденные в давно минувшие времена рыцарства.

Древний город Тулуза, где некогда владычествовали могущественные графы, особо поражает впечатлительного путешественника. Его воображение рисует картины прошлого: нашествия вестготов, франков, викингов; отчаянные схватки рыцарей, набеги мавров, восстания горожан; костры инквизиции на площадях, заговоры феодалов в замках и влюбленные трубадуры, воспевающие в стихах любезных их сердцу дам. Взор нельзя оторвать от обилия цветов, всюду — розы, фиалки. Верно говорят: Тулуза — это царство цветов. Недаром здесь родились знаменитые «Цветочные игры», учрежденные Клеманс Изор, той самой, истории которой посвятил свое первое произведение Пьер Нозьер — герой одноименного романа Анатоля Франса. Впрочем, сочинение, в которое начинающий автор вложил все свои понятия о любви и искусстве, так и не увидело свет.

О Клеманс Изор писал не один Франс. О ней упоминают многие известные литераторы от Шатобриана до Жюля Валлеса.

И многих вдохновляла ее история — загадочная и прекрасная. Еще в 1788 году поэт Флориан посвятил ей стихи.

...Влюбленная в доблестного рыцаря Лотрека, она была заключена в башню непреклонным отцом, который противился их «нежной страсти». В знак верности Клеманс Изор бросает своему возлюбленному букет полевых цветов. Но вот Лотрек погибает на войне, заслонив своим телом жестокого отца своей дамы сердца. Перед смертью он просит передать ей букет, обагренный его кровью. Клеманс остается лишь умереть с горя, завещав:

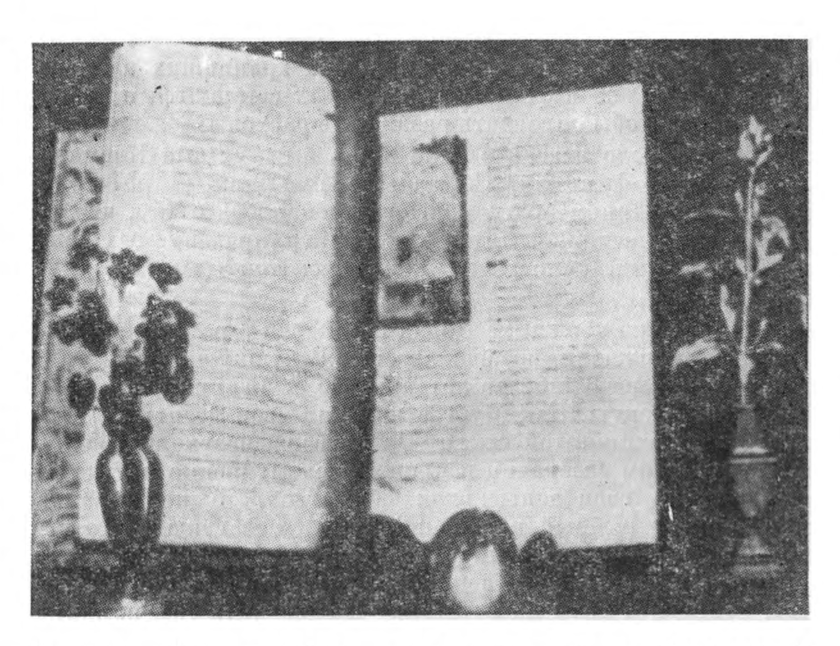
...чтобы ежегодно
В память нашей любви
Каждым из этих цветков награждали
Самого искусного трубадура.

В прошлом веке некий Дюмеж вслед за Флориапом повторил историю Клеманс в своей «Тулузской биографии». Мало того, тот же Дюмеж представил тетрадь на пергаменте, найденную в аббатстве Сен-Савен в Лаведане. Среди содержащихся в ней стихов, написанных в XV веке, одно было посвящено Клеманс, дарительнице цветов. Правда, к огорчению многих, стихи эти оказались обыкновенной подделкой.

Не один век живет традиция, начало которой якобы положила Клеманс: в 1324 году она основала «Цветочные игры» — своеобразный праздник поэзии. С тех пор ежегодно, третьего мая, Тулузская литературная академия вручает три позолоченных серебряных цветка, в том числе и «Золотую фиалку», авторам лучших поэтических произведений на провансальском и французском языках, представленных на ее рассмотрение.

Споры о том, существовала ли Клеманс Изор в жизни, не выдумка ли она и плод фантазии, идут давно. Впервые имя женщины, о которой спорят вот уже добрых триста лет, было упомянуто тулузским казначеем. Звали его Бертран де Брюсель. На последней странице муниципальных счетов за 1488—1489 годы он записал, что выплатил десять су художнику Жаку Мустье за надпись на портале ратуши — эпитафию Даме Клеманс. Кто была эта дама? И почему муниципалитет заказал в ее память эпитафию?

Ответ на это содержался в лекциях по наследному праву, прочитанных юристом Гийомом Бенуа в 1499 году. Говоря о том, что, согласно римскому праву, можно завещать имущество городу для празднования ежегодных игр, он ссылался на пример «знаменитой женщины, Дамы Клеманс, богатой горожанки города Тулу-



Рукопись «Законы любви», ныне хранящаяся в Литературной академии г. Тулузы.

зы, которая, стремясь побудить молодых людей культивировать красоту языка, завещала своему городу кое-какие доходы, которые идут на оплату трех позолоченных серебряных цветков, распределяемых каждый год».

Обратите внимание на то, что это упоминание о Клеманс появилось лишь через полтора столетия после того, как была учреждена знаменитая теперь награда «Золотая фиалка».

Есть, правда, еще одно свидетельство, но оно, по существу, не добавляет ничего нового к известному. Это — обращение муниципалитета о майских празднествах в 1524 году. В нем приглашались «люди всех званий, в том числе школяры, буржуа, ремесленники и другие... принять участие в конкурсе, учрежденном Дамой Клеманс, чью душу взял бог».

С этих пор во время майских праздников произносится похвальное слово дарительнице. В 1527 году, например, с ним выступает гуманист Этьен Доле, сожженный впоследствии на костре. Славят ее и другие ученые за то, что она «основала в Тулузе литературные игры».

Приблизительно с этого времени имя дарительницы регулярно

появляется в муниципальных счетах, ранее хранивших загадочное молчание. Отныне в финансовых отчетах ссылаются на завещание Клеманс, чтобы оправдать различные расходы.

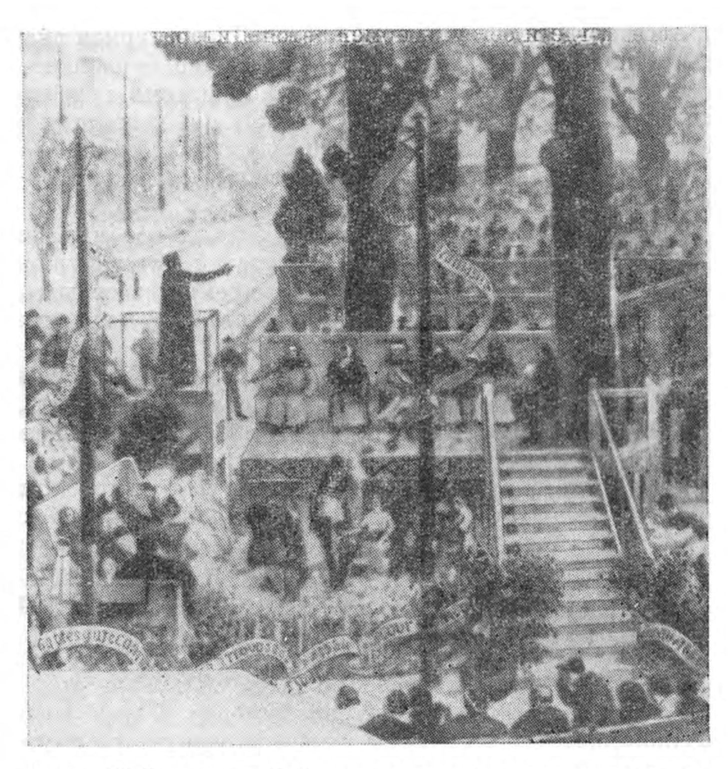
Но пока что было известно одно лишь имя — Дама Клеманс. Имелась ли у нее фамилия? Об этом узнали лишь в 1557 году. В письме, адресованном поэту Ронсару, говорилось о том, что он внесен в списки участников литературных игр, празднуемых каждый год и основанных «по распоряжению святой Дамы Клеманс Изор».

В том же году из церкви ла Дорад перенесли в ратушу статую, которая, как утверждали, изображала великодушную дарительницу. В эпитафии, высеченной на латыни у ее основания (возможно той самой, за которую Жак Мустье получил свои десять су), говорилось: «...из знаменитой семьи Изор, ведя безукоризненную жизнь в постоянном безбрачии и прожив целомудренно пятьдесят лет, учредила на свои деньги для общественного пользования хлебный, винный, рыбный и овощной рынок и завещала его капитулам и тулузскому населению, обязав его устраивать ежегодно литературные игры в общественном здании, построенном на ее средства, приносить розы на ее могилу и справлять там поминки на остаток ее наследства».

На завещание Клеманс Изор ссылался и Жан Боден, философ и эрудит XVI века. Году этак в 1559-м в своем «Слове к сенату и народу Тулузы» он предлагал основать колледж, в котором преподавание велось бы в соответствии с новым гуманитарным духом. Предвидя возможные возражения финансового порядка, он и напоминал о даре знаменитой тулузанки.

Когда Екатерина Медичи в 1565 году вместе с сыном королем Карлом IX посетили Тулузу, въезд их в город был обставлен особенно пышно. На пути коронованных особ создали серию триумфальных арок. Их украшали картины и статуи, изображавшие легендарных личностей — славу и гордость Тулузы. Но самое большое впечатление произвел огромный шар, раскрывшийся при приближении юного короля. К удивлению всех, из шара спустилась живая «нимфа». Это была Клеманс Изор. Она приветствовала монарха и поднесла ему три золотых цветка. С этих пор, можно сказать, Клеманс Изор прочно утвердилась в официальной истории Тулузы.

Но вот настал семнадцатый век — столетие сомнений и ниспровержения авторитетов. Сомневался и советник тулузского парламента Гийом Кастель. В своих «Мемуарах по истории Лангедока», опубликованных в 1633 году, он заявил, что никому так и не удалось отыскать знаменитое завещание Дамы Клеманс. Мало того, он утверждал, что эпитафия на основании ее статуи на самом



3 мая 1324 года. Трубадуры впервые оспаривают право на «Золотую фиалку».
Картина художника Ж. П. Лорана.

деле относится к 1557 году. Сама же статуя, судя по ее стилю и трактовке костюма, несомненно надгробный памятник XIV века, который без всякого зазрения совести позже подправили. Не остановились даже перед тем, чтобы заменить руки и вложить в них знаменитые цветы и свиток стихов.

Однако не это явилось для Гийома Кастеля главным аргументом. Он вопрошал: почему в описании об учреждении Литературной академии, которое мы находим в «Законах любви» — своего рода каноне романской поэзии XIV века, в котором сосредоточены правила, предлагаемые поэтам — участникам литературных игр-конкурсов, нет и намека на даму-учредительницу? И, надо сказать, в этом Гийом Кастель был абсолютно прав. Рукопись эта, кстати сказать, украшенная великолепными миниатюрами, была обнародована в 1356 году. Ныне она бережно хранится в особняке

д'Ассеза, где и сегодня помещается Литературная академия Тулузы. Так вот, в «Законах любви» сказано буквально следующее: в один из вторников ноября 1323 года семь тулузских горожан собрались в саду предместья Огюстин и решили обратиться со стихотворным посланием к трубадурам, приглашая их участвовать в поэтическом конкурсе. Победитель его получит «Фиалку из чистого золота».

Из всего этого можно сделать вывод: нет никаких сомнений относительно происхождения Тулузской литературной академии. Она возникла благодаря инициативе семи известных поименно горожан, которые стремились поддержать искусство поэзии, некогда столь блистательное в Лангедоке.

Что касается вмешательства какой-либо женщины, то о ней нет и речи. Гийом Кастель даже брался утверждать, что «Дама Клеманс, которую называют основательницей академии, вообще никогда не существовала».

Это было смелое, но и дерзкое заявление, положившее начало распре между сторонниками и противниками нашей героини.

Одни с пеной у рта отстаивают ее право на существование. Среди защитников бедной Клеманс особенно усердствовал Дом Вессет, автор «Общей истории Лангедока», появившейся в 1745 году.

Недруги Клеманс столь же яростно доказывают, что она плод фантазии, красивая легенда и только. Больше того — она, мол, порождение невольной ошибки, которой «затем воспользовались муниципальные документы, чтобы оградить от строгого контроля королевских агентов некоторые статьи муниципального бюджета, подпадавшие под закон против роскоши и объявленные неприкосновенными в силу завещательного дара».

В вашей Изор нет ничего от этого бренного мира:
Вы, ищущие ее следы на земле,
Обратите лучше свои взоры к небесам! —

советовал поэт.

И вообще, не унимались ниспровергатели Клеманс, во всей этой истории слишком много сомнительных фактов. Что это за знаменитая семья «Изор», о которой не упоминается ни в одном архивном документе? В какое время жила дарительница? И если она в самом деле основала Литературную академию в 1324 году, то почему об этом все-таки умалчивают «Законы любви»?

Но, может быть, она лишь восстановила это учреждение, пришедшее в упадок, и жила либо в начале XV века, как пред-

полагали одни, либо во второй половине его, как считали другие?

Иные защитники Клеманс возмущались: как можно игнорировать или принимать за шутку, а еще хуже за мистификацию недвусмысленное заявление Жана Бодена — уважаемого мыслителя XVI века? Не менее убедительно и свидетельство Гийома Бенуа: где это видано, чтобы профессор права иллюстрировал принципы, излагаемые в лекциях, ссылками на какие-то сомнительные факты? Ясно, что он приводил подлинные. И разумно ли при отсутствии «формальных текстов» пренебрегать устной традицией, которая всегда была и будет живым источником истории? Но даже если согласиться, что все это не более, как легенда, следовало бы объяснить ее возникновение, отыскать ее историческое зерно, из которого она произросла.

Получалось, что в этой подлинной истории или красивой легенде — как хотите — слишком много неясного. И наиболее трезвые участники спора предложили компромисс: не следует ли ограничиться утверждением, что когда-то (точное время установить невозможно) некая тулузанка, которая, возможно, называлась совсем и не Клеманс Изор, завещала городу средства, позволившие поддержать существование Литературной академии. Эта версия фигурирует и ныне во многих справочниках и энциклопедиях, часто, однако, с той лишь разницей, что само имя Клеманс Изор не ставится в них под сомнение.

Остается ждать и искать. Искать документ, который подтвердит, что некогда жила в Тулузе горожанка по имени Клеманс Изор. Время разрешит многовековой спор. И сторонники Клеманс, или как ее там называли в действительности, восторжествуют. Из прелестного символа, каким ее многие ныне считают, она превратится в подлинную историческую героиню.

А пока напомним о тех, кто удостоился этой едва ли не самой древней в Европе литературной премии.

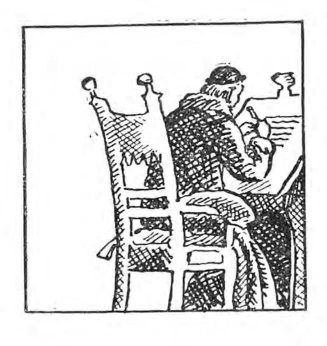
Первый конкурс состоялся 3 мая 1324 года. Народу на праздник поэзии собралось видимо-невидимо. В жюри вошло семь членов. Награду единодушно присудили мэтру Арно Видалю из Кастельнодари — цветок достался ему за песнь в честь Святой Девы. Тогда же, в присутствии членов муниципалитета, ему вручили приз.

В XVI веке премия досталась Ронсару. Великий поэт, получив награду, как гласит легенда, послал ее в подарок своей почитательнице королеве Марии Стюарт. В ответ она передала ему венок из серебряных роз, на каждом листке которых, словно росинки, сверкали бриллианты. А на ленте, обвивающей венок, было написано: «Ронсару — Аполлону источника муз».

В разное время знаменитой премии удостаивались Робер Гарнье, Виктор Гюго, Шатобриан, Альфред де Виньи.

В Тулузе многое сохранилось от далеких времен. Свидетели былого: узкие средневековые улочки, дома из красного песчаника; древний собор Сен-Этьенн, построенный задолго до того, когда жила таинственная Дама Клеманс; собор Святого Якова и особняк д'Ассеза — ровесники знаменитой дарительницы; ратуша, где некогда будто бы стояла ее статуя. И кажется, что слышишь нескончаемые голоса состязающихся трубадуров, оспаривающих право завоевать «Золотую фиалку».

АНАГРАММА РАБЛЕ



Раскрыть литературную загадку, много лет считавшуюся неразрешимой, расшифровать туманные места известных произведений стало целью последних лет жизни французского писателя Тристана Тцары. Этому занятию он отдавал много сил и времени. Т. Тцара уверял, что малопонятные по смыслу места, например, в произведениях поэта XV века Франсуа Вийона или автора «Гаргантюа и Пантагрюэля», поддаются дешифровке, надо только хорошенько пронюхать и прочувствовать книгу, досконально изучить жизнь автора, эпоху.

В текстах Ф. Вийона Тристан Тцара открыл несколько анаграмм, которые были либо скрытыми подписями автора, либо ключом к пониманию неясных мест. Расшифровав анаграммы в тексте, он сумел определить подлинные имена современников поэта, которым тот посвящал свои стихи. Но не только творчество Ф. Вийона убеждало Тцару в том, что в старину французские поэты и писатели, желая скрыть свое авторство, часто пользовались анаграммами. Об этом свидетельствует и творчество других литераторов XV и XVI веков.

Одно из самых удивительных открытий Тристана Тцары — новое, до сих пор неизвестное стихотворное произведение Франсуа Рабле, сохранившееся лишь в одном печатном экземпляре и считавшееся анонимным. По этому единственному экземпляру книга



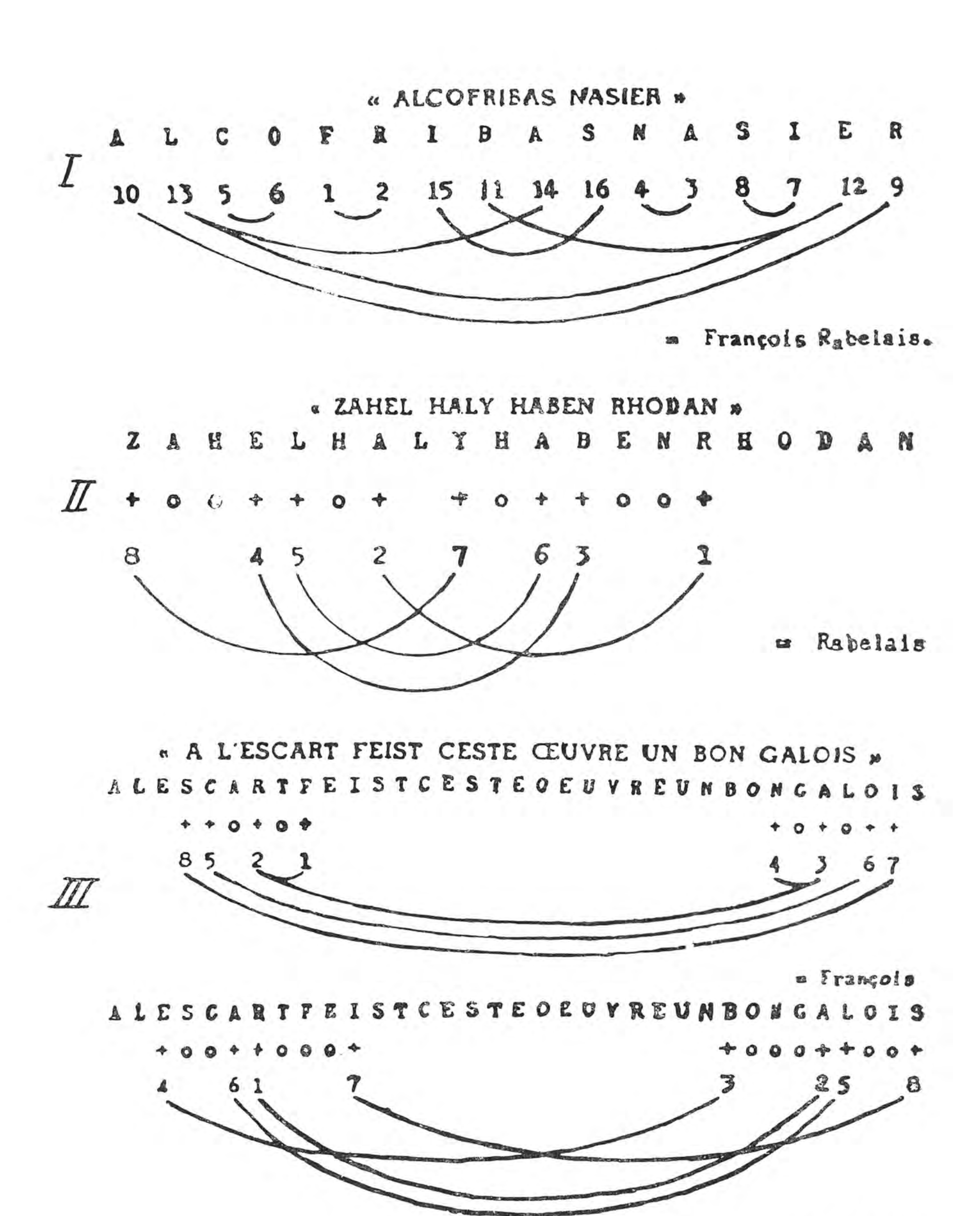
Насмешник Рабле.

была переиздана в 1857 году. Т. Тцара доказывает, что произведение это принадлежит перу Рабле, сравнивая его с другими известными текстами писателя. А открытые им анаграммы подтверждают его вывод.

Книга, числившаяся четыре столетия анонимной, называется «Великий и истинный общий Прогноз для всех климатов и народов, недавно переведенный с арабского на французский — считающийся произведением великого Али Абенражеля, продающийся в Каликуте».

Тайна имени подлинного автора скрывалась в анаграммах. Однако, в отличие от обычных сплошных анаграмм Т. Тцаре пришлось иметь дело с особыми, прерывистыми анаграммами, скрытыми в одной фразе или стихотворной строке. Причем буквы скрытого слова располагаются симметрично по отношению к воображаемому стержню.

В справедливости догадки Тцары убеждает давно уже известный псевдоним-анаграмма Франсуа Рабле. Помните извлекателя квинтэссенции магистра Алькофрибаса Назье — сочините-



Расшифровка анаграмм Рабле.

ля первых двух книг «Гаргантюа и Пантагрюэля»? Здесь тоже мы имеем дело с симметричной анаграммой (*I*).

Тристан Тцара напоминает, что в известном, принадлежащем перу Рабле шутливом «Пантагрюэлистическом пророчестве» не раз упоминается имя «араба» Али Абен Цажель (Родан). В этом сочетании слов Тцара обнаруживает анаграмму — скрытое имя Рабле (*II*). Слово «Родан» не относится к имени Али Абен Цажель, а означает «проживающий на берегу Роны», то есть в Лионе, где, как известно, жил некоторое время Ф. Рабле.

В именах Али Абенражеля — «автора» «Каликутского прогноза» и Али Абен Цажеля из «Пантагрюэлистического пророчества» Тристан Тцара усматривает вполне очевидное сходство. Таким образом, согласно мнению Т. Тцары, автором анонимного произведения также является Ф. Рабле.

Последним аргументом своего доказательства Т. Тцара считает конечные строки открытого им произведения Рабле. В авторском эпилоге он обнаружил признание в том, что автор скрыл свое настоящее имя. В строке французского текста «A l'escart feist, ceste œuvre un bon galois», которую можно перевести как: «Ловкий насмешник создал это произведение тайком...», содержится, оказывается, еще одна анаграмма полного имени Франсуа Рабле. Это, по предположению Т. Тцары, засекреченная подпись автора (*III*).

КОЛОКОЛ С ПАРУСНИКА «СЕН-ЖЕРАН»



К западу от Мадагаскара в Индийском океане лежит остров, ныне именуемый Маврикием. На картах европейских мореплавателей он появился в самом начале XVI века. В те годы упорные португальцы, следуя путем, проложенным Васко да Гама, уже без боязни огибали Африку. И устремлялись через море к заветной Индии. Одним из тех, кто шел этой дорогой, был капитан Педро де Маскареньяс. Он-то и стал тем первым европейцем, который пристал к этому острову в 1505 году. Затем островок перешел во владение Франции. Его так и называли: Иль-де-Франс — Остров Франции.

До последнего времени Маврикий (с прошлого века он принадлежал англичанам) был тихим, затерянным в море клочком земли. Сегодня Маврикий — одно из новых независимых государств Африки. После более чем полувекового владычества англичан над островом реет флаг суверенной страны. 800-тысячное население острова, наконец, обрело свободу.

Есть люди, глаза которых при слове «Маврикий» загораются особым блеском. Это — филателисты. Их внимание к острову не ослабевает вот уже более ста лет, с середины прошлого века. Точнее сказать, не к острову, а к марке, выпущенной на Маврикии и ставшей одной из ценнейших в мире. Остальные же «простые смертные» на просьбу рассказать что-либо об этом острове не сооб-

щат ничего интересного, за исключением тех, кто знает печальную историю Поля и Виржинии. Двести лет назад двое этих молодых людей жили именно здесь, на острове Иль-де-Франс. Позвольте, скажете вы, разве может помнить наш современник о событиях, разыгравшихся двести лет назад? Конечно, нет. Но у человечества есть особая память — книги. Благодаря им мы знаем и помним о многом, что происходило до нас, о чем думали и мечтали, за что боролись наши предшественники.

Маленькая книжечка «Поль и Виржиния» была написана двести лет назад. Ее зачитывали до дыр, ею одинаково увлекались молодежь и старики, знатные и простолюдины. За сравнительно небольшой срок она выдержала триста изданий. Художники создавали на темы этого романа картины и гравюры, которыми украшали стены в домах.

Автор этой популярной книжки, до тех пор малоизвестный литератор Бернарден де Сен-Пьер, в одно мгновение стал знаменитостью. Ныне слава его несколько померкла, но это только в сравнении с тем успехом, который он завоевал, когда роман появился в книжных лавках Парижа. Впрочем, не вернее ли будет сказать, что его слава, пережив шумный успех, с годами стала даже прочнее. Сегодня о романе «Поль и Виржиния» мы можем с уверенностью заявить, что книга эта, пройдя испытание временем, выдержала его. Она прочно стоит рядом с шедеврами мировой литературы. А имена героев романа — Поль и Виржиния — давно стали нарицательными. Они, как Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Фархад и Ширин, олицетворяют силу всепобеждающей нерасторжимой любви.

До того, как Бернарден де Сен-Пьер попал на остров Иль-де-Франс, он совершил не одно далекое путешествие. Бывал на Мартинике в Вест-Индии, на Мальте, исколесил Европу, судьба забросила его даже в Россию на берега Аральского моря. Так что дальнее странствие на Иль-де-Франс в 1768 году не было ему в диковинку. На этом тропическом острове он провел почти два года.

Часто бродил по берегу моря, у подножия скал, отдыхал в тени кокосовых пальм, банановых и лимонных деревьев. Бернарден де Сен-Пьер был последователем Ж.-Ж. Руссо, он хотел уничтожить неравенство, мечтал о «счастье человечества». Отправляясь на остров, лежащий вдали от Большой земли, среди бушующих волн, он думал создать там идеальную республику, граждане которой жили бы счастливо, как в золотом веке, на лоне природы, в мире и согласии. «Приобщить к цивилизации туземцев» — такова была цель его путешествия. Однако то, с чем ему пришлось столкнуться на острове, скоро разочаровало его. Он увидел, что пальмовый

сад Иль-де-Франса — далеко не райский уголок. Здесь также тяжело живется подневольному люду, как и всюду в мире.

Впечатления, почерпнутые здесь, послужили основой для романа, признавался Бернарден де Сен-Пьер. Те, о ком идет речь в книге, действительно существовали, и в основных своих событиях история их подлинна. Это засвидетельствовано рядом лиц с острова Иль-де-Франс. От себя же, писал Бернарден де Сен-Пьер, он привнес лишь кое-какие незначительные обстоятельства. Об этом писатель сообщал в своем предисловии. И тем не менее к автору книги обращались все новые и новые читатели с одним и тем же вопросом: существовали ли Поль и Виржиния? Бывал ли он на описанном им острове? Действительно ли Виржиния погибла столь печальным образом? В ответ на все эти вопросы Бернарден де Сен-Пьер повторял, что изобразил места, истинно существующие и поныне в некоторых уединенных частях Иль-де-Франса. Особо писатель подчеркивал, что рассказал о «вполне достоверной гибели судна, чему мог бы представить неопровержимые свидетельства, даже находясь в Париже».

Случалось, что автора популярного романа парижане останавливали прямо на улице. Они хотели, чтобы он подтвердил подлинность описанного им в книге кораблекрушения и гибель девушки. Однажды в Королевском саду к писателю подошла женщина. Она не требовала, как другие, подтверждения правдивости всего того, о чем рассказано в романе. Просто выразила ему свое признание за то, что он так верно изобразил печальный конец Виржинии во время гибели «Сен-Жерана». Эта девушка, как она заявила, была ее родственницей.

Спустя много лет после выхода книги в свет описанные Бернарденом де Сен-Пьером события неожиданно получили новое подтверждение. На страницах французских газет замелькали имена героев романа Поля и Виржинии. Снова заговорили о подлинности изображенной в нем трагической любви двух молодых людей. Что же заставило вновь обратиться к старой романтической истории? Два столетия разыскивали останки парусника «Сен-Жеран», потерпевшего крушение около острова в проходе между рифами. Рыбаки, аквалангисты, заезжие любители приключений пытались отыскать на дне моря среди коралловых рифов затонувшее судно. Но все попытки оставались тщетными. Корабль исчез и не было надежды отыскать обломки легендарного парусника. И вдруг все изменилось. Нашелся счастливец, которому, наконец, повезло. Правда, открытие свое он сделал совершенно случайно.

Когда местный рыбак нырнул на восьмиметровую глубину около острова, он отнюдь не предполагал, что вернется оттуда с особой добычей. Среди кораллов он наткнулся на большой позеленев-

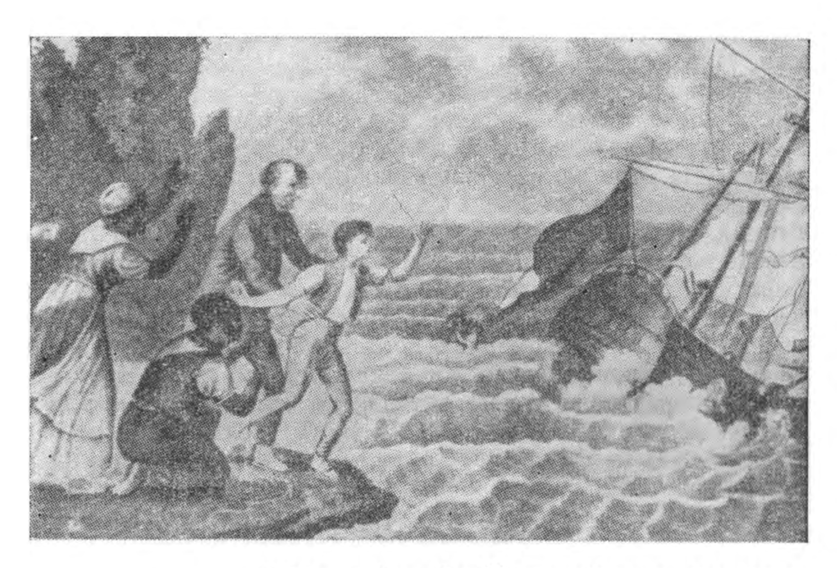
ший от воды бронзовый колокол. Находку не без труда подняли на борт судна, очистили от коралловых наростов и под ними различили надпись. Она говорила о том, что колокол отлит на заводе Ост-Индской компании. Если этот колокол с «Сен-Жерана», то в таком случае парусник погиб не там, где раньше считалось, а южнее, в проходе Пампельмуссов. Возник вопрос: действительно ли найденный колокол с «Сен-Жерана»?

Решено было обратиться в замок Виллебаг. Здесь размещалась резиденция губернатора о. Иль-де-Франс господина де Лабурдонне, описанного в романе. Нынешние владельцы замка — члены семьи Росней. Предки их эмигрировали сюда из Франции после революции 1789 года. Помимо замка они владели здесь сахарным заводом, построенным задолго до их переселения на Иль-де-Франс. Роснеи всегда утверждали, что «Сен-Жеран» потерпел крушение недалеко от того места, где стоит их замок. Раскройте книгу и вы убедитесь в этом. Несчастная Виржиния утонула на глазах у жителей квартала Пампельмуссов, в двух километрах от берега, после того, как парусник разбился о прибрежные рифы. Однако поиски затонувшего судна почему-то велись обычно в ином месте.

Но как все-таки установили, что найденный колокол когда-то принадлежал «Сен-Жерану»? Ответить на этот вопрос взялся Арно де Росней, давно горевший желанием во что бы то ни стало разгадать загадку «Сен-Жерана» и найти останки судна.

С детства увлеченный историей любви Поля и Виржинии и гибели парусника, он задался целью вырвать у моря его тайну. И он был близок к цели. В сохранившихся архивах сахарного завода удалось обнаружить документы, относящиеся к погрузке корабля, и в частности, говорящие о том, что на паруснике находились баки, предназначенные для завода. В этих бумагах сообщалось также, что на судне имелась значительная сумма денег. Если бы посчастливилось найти затонувшее судно, эти сведения помогли бы установить: «Сен-Жеран» это или нет.

Бесстрашно, несмотря на опасность подвергнуться нападению акул, начал Арно де Росней обследовать заросли кораллов. Вскоре ему повезло. Нет, найти деревянный каркас парусника не удалось. Шутка сказать, не один десяток лет пролежал он на дне моря. Вода за это время окончательно разрушила его тело, волны растащили и разбросали обломки в разные стороны. Не под силу им оказались лишь тяжелые пушки, колокол да огромные четырехметровые якоря. Долгие годы томились они в плену моря. И, наконец, их вырвали из пучины. Мало того — в коралловых зарослях посчастливилось отыскать серебряные испанские монеты, отчеканенные в Мексике в 1742 году. Важной частью открытия стали также те самые баки, что предназначались для сахарного



Гибель судна «Сен-Жеран». Старинная гравюра.

завода. И деньги, и баки должны были прибыть на остров Иль-де-Франс в трюмах «Сен-Жерана».

Сомнений быть не могло — найдено место и остатки затонувшего здесь парусника «Сен-Жеран».

Старая трогательная история любви Поля и Виржинии, история, которая очаровывала не одно поколение и волновала многие сердца, неожиданно вновь обрела былую реальность. Так, значит, все, о чем рассказано в романе Бернардена де Сен-Пьера, происходило на самом деле. Если говорить о гибели парусника, то здесь не совпадают лишь отдельные детали. Скажем, водоизмещение судна, фамилия капитана, дата катастрофы. В действительности же «Сен-Жеран» — пятидесятипушечный бриг — вышел из Лориана в марте 1744 года и взял курс на юг. Капитаном на нем был Деламар. На борту находилось 186 человек. Среди них две женщины — мадам Кайу и мадам Мейе. В середине августа того же года «Сен-Жеран» подошел к Иль-де-Франс. Шторм и туман не позволили судну войти в Порт-Луи. Корабль отнесло к острову Амбр, расположенному недалеко от Иль-де-Франс. Там он и разбился о рифы.

«Когда раздался удар судна о рифы,— рассказывает один из уцелевших матросов,— все офицеры в одних рубашках выскочили из своих кают на палубу. Экипаж встал на колени по левому бор-

ту, который еще не погрузился в море, и стал молить бога о спасении. Преподобный отец Мартэн Бюрк, капеллан «Сен-Жерана», благословил всех и запел «Святую Регину» из «Аве Мария». Молитву подхватил весь экипаж — все бретонцы. Эти религиозные, богобоязненные люди целовались, испрашивая друг у друга прощения. На заре экипаж напрасно пытался спастись в шлюпках. Вскоре рухнули сломанные мачты и разбили все лодки. Началась паника. Люди стали бросаться в море. Хватались за плававшие в воде разбитые доски от корабля. Старались все влезть на один плот. Но море так бушевало, что плот пошел ко дну, и большая часть пассажиров и экипажа погибла. Спаслись, возможно, человек десять. Тогда командир последней уцелевшей шлюпки Эдм Каре из Лориана обратился к Деламару: «Господин капитан, снимайте пиджак и брюки, вам легче будет плыть!» Деламар не согласился. «Приличия,— сказал он,— не позволяют появиться мне голым на берегу». Видимо, отказались последовать этому же предложению и две пассажирки — обе они тоже погибли.

Может быть, именно этот факт, эти необычные «правила приличия», которых придерживался капитан и дамы, вдохновили Бернардена де Сен-Пьера написать сцену гибели Виржинии, когда девушка предпочла умереть одетой, но не появиться обнаженной на берегу. Во всяком случае так полагал Анатоль Франс, изучавший историю гибели парусника «Сен-Жеран» и считавший, что Бернарден де Сен-Пьер «оставил миру среди многих пустых страниц прекрасные видения, навсегда свежие картины любви и несколько черточек той Венеры, которую он сумел увидеть в природе».

...На далеком острове Маврикий многое напоминает о разыгравшейся здесь трагедии. Место, где погибло судно, получило название «Проход «Сен-Жерана», недалеко расположен мыс Несчастья и бухта Могилы, где якобы было найдено тело Виржинии. На острове есть даже памятник Полю и Виржинии — героям романа Бернардена де Сен-Пьера. А в городском музее можно увидеть старинные литографии, на которых изображены молодые люди, связавшие себя узами нерасторжимой любви. Теперь в музее появились новые экспонаты, найденные на дне моря. Они свидетельствуют о том, что история целомудренной и романтической любви, описанная в романе Бернардена де Сен-Пьера,— подлинное событие былых времен.

РОКОВОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ И ДЮМА



Большинство романов Александра Дюма посвящены прошлому, живописуют картины старой Франции.

Исторические повествования писатель довел до эпохи падения монархии в годы Великой французской революции. Одно из них, открывающее эту серию романов,— «Ожерелье королевы».

Подлинное происшествие сравнительно недавнего прошлого послужило писателю основой для сюжета. Ему не пришлось ничего выдумывать. Надо было лишь поднять на котурны приключенческой романтики жизненный случай, очевидцы которого еще пребывали в добром здравии.

В этой подлинной истории до сих пор многое кажется странным, хотя у большинства современников относительно драмы, разыгравшейся при французском дворе в конце XVIII столетия, не было двух мнений. С гневом и возмущением, на какие только способно спесивое аристократическое общество, когда задета его честь, оно поносило главную виновницу скандала графиню Жанну де Ла Мотт. Впрочем, тогда так ее уже никто не величал. С брезгливой гримасой презрения ее называли авантюристкой, воровкой, преступницей.

Чем же провинилась графиня де Ла Мотт? Какое преступление совершила женщина, носившая в девичестве фамилию Валуа, свидетельствующую о высоком королевском происхождении?



Такой изображали Жанну де Ла Мотт современники.

Детство Жанны было трудным. Она рано осиротела, и в ее судьбе приняла участие какая-то маркиза. Жанна попадает в монастырь. Это был первый шаг на пути восхождения, ибо сюда на воспитание принимали девиц только из высокопоставленных семей.

Но наблюдать бьющую ключом жизнь сквозь монастырскую ограду скоро наскучило бедной, но гордой девушке. Ей, у которой хранится пергамент, подтверждающий, что она потомок Генриха II, следует занять принадлежащее по праву положение «отпрыска королевского дома». Она умна, обаятельна, грациозна, она мечтает о нарядах, каретах, наконец, о богатом и знатном муже. Но судьба посылает ей в супруги заурядного жандармского служаку. Правда, он дает Жанне титул графини де Ла Мотт, но только титул, больше ничего. В равной мере муж разделяет с ней и страсть к роскошной жизни, и бедность. Однако для начала не так уж плох и графский титул. Отныне она принята в высшем свете.

Так закладывает графиня де Ла Мотт первый кирпич в здании

своего благополучия. Но до счастья еще далеко. В этот момент она встречает де Рогана — кардинала, настоятеля аббатства, ловкого и умного политикана. Впавший в немилость у королевы, капризной и своенравной Марии Антуанетты, кардинал, хотя девизом его предков и были гордые слова: «Королем быть не могу, герцогом не соблаговолю; я — Роган», всеми способами искал повода примириться с королевой. В этом он возлагал с некоторых пор большие надежды на Жанну, которой покровительствовал. Чем же могла помочь знатному вельможе бедная аристократка? Сущей безделицей — ведь ее, как она уверяет, принимает теперь и оказывает ей внимание сама Мария Антуанетта,— так не замолвит ли она словечко за опального кардинала.

Став чуть ли не подругой королевы, Жанна де Ла Мотт отказывается верить своему счастью. Впрочем, была ли она счастлива? С детства познав нужду, она не представляла счастья без богатства. А разве сбылись ее мечты о богатстве? Увы, его все еще нет. Ее принимают как бедную родственницу, ей оказывают милость из чувства сострадания. Только богатство сделает ее ровней среди этих надутых и чванливых аристократов. Никто из них не знает, чего ей стоит приобретать дорогие наряды, быть модной, окружать себя внешним блеском. Лишь предприимчивость и изворотливость позволяют ей держаться на уровне окружающих. Но она бедна — это известно всем. Одни издеваются над ней, другие жалеют.

И вдруг, словно в сказке, все меняется. Жанна заводит экипажи, рысаков, живет открыто и широко. Ее платья из лионского бархата, вышитые шелками, восхищают модниц, она принимает за своим столом важных особ: маркизов и аббатов, графов и министров. Все удивляются ее богатству и роскоши. Злые языки приписывают столь заметную перемену в ее жизни заботам кардинала де Рогана. Да и он отнюдь не скрывает своего отношения к графине де Ла Мотт. Естественно, что она стремится отблагодарить благодетеля и берет на себя нелегкую миссию примирения кардинала с королевой.

Скоро ее усилия как будто достигают успеха. Она сообщает де Рогану, что ему назначена аудиенция. Правда, в несколько необычном месте — в парке Версальского дворца, отчего эта встреча больше походит на тайное свидание. Но кардинал только об этом и мечтает.

Итак, в одну из августовских ночей 1784 года в дворцовом парке встретились переодетый мужчина с дамой в белой мантильи. Из-за кромешной тьмы де Роган не мог как следует разглядеть лица женщины. Да и времени у него оказалось недостаточно. Свидание пришлось внезапно прервать, так как в аллее показался кто-то из придворных.

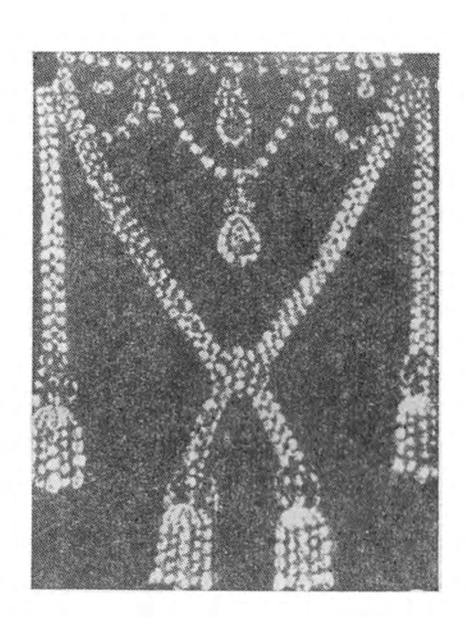
Несмотря на то что первая встреча была непродолжительной, кардинал остался вполне доволен ею. Тем более что с этих пор между ним и королевой возникла тайная переписка. Посредницей в этом опасном деле выступает все та же графиня де Ла Мотт.

Некоторые считают, что доверие, которым она пользовалась сразу у двух столь блистательных и известных особ, и привело ее к падению.

Как раз в это время парижский придворный ювелир Бемер предложил королю купить у него для Марии Антуанетты бриллиантовое ожерелье. Это была красивая вещь, столь же великолепная, сколь и дорогая. Ювелир просил за ожерелье целое состояние: миллион шестьсот тысяч ливров. Королева отказалась от подарка. Однако, когда узнала, что ювелир ведет переговоры с королевой португальской и что ей уже отправлен рисунок ожерелья, в ней проснулись ревность и самолюбие. Могут подумать, что французская королева беднее португальской. И Мария Антуанетта меняет первоначальное решение. Она намерена купить драгоценность, дабы та не попала в руки соперницы. Но сделать это открыто не могла — так как раньше отказалась принять ее от короля. Надо было действовать тайно. Впрочем, достоверных данных на этот счет не существует. Есть только косвенные доказательства того, что Мария Антуанетта была очень взволнована, когда узнала о намерении португальской королевы купить ожерелье.

Дальше события развивались следующим образом. В лавке ювелира появился кардинал де Роган и объявил, что покупает ожерелье, но не для себя, а для особы, которую он не может назвать. Причем одно из условий покупки — уплата суммы по частям. Приняв условие, ювелир заявил, что он знает, кто эта особа, и пожелал иметь ее подпись на бумаге с условиями. Вскоре де Ла Мотт передала ему документ с собственноручной подписью королевы.

Теперь оставалось получить ожерелье. Оно было передано в руки кардинала. С ним де Роган, переодетый в светское платье, прибыл в дом графини де Ла Мотт. Здесь, ни минуты не колеблясь, он и вручил драгоценность посланцу королевы. Неожиданно вся эта разыгранная как по нотам игра получила огласку. По Парижу поползли слухи о том, что королева тайно виделась с кардиналом и что он по ее просьбе купил злосчастное ожерелье. Как же повела себя королева? Удивленная услышанным, она заявила о своей непричастности к этим событиям. В один миг была решена участь кардинала, а заодно с ним и Жанны де Ла Мотт — главной исполнительницы в этом спектакле. Что ожидало ее и кардинала, злоупотребивших именем королевы, было ясно всем. Жанне предлагают бежать. Но она, сохраняя спокойствие, отказывается, ви-



Роковое ожерелье.

димо, уверенная в своей невиновности. По-другому рассуждали при дворе. Через некоторое время она узнала, что кардинал де Роган арестован. Но и тогда, когда будущее не сулило ей ничего хорошего, она снова отвергла предложение о побеге. Как и кардинала, ее заключают в Бастилию. Накануне ареста она успевает сжечь свои бумаги, в том числе письма де Рогана. Заодно с ней был арестован знаменитый авантюрист, предсказатель, «маг и волшебник» Калиостро, оказавшийся причастным к этому делу. Это он, имевший огромное влияние на кардинала, уверял последнего, что королева питает к нему неподдельный интерес.

Однако о кардинале и Калиостро говорили, как о жертвах злостного обмана, попавших на удочку воровки де Ла Мотт.

Началось следствие, во время которого обвиняемым под страхом смерти запрещалось произносить имя королевы. Тем самым де Ла Мотт принуждали давать ложные показания на кардинала, а его в свою очередь на нее. Круг замыкался, а та, кто, возможно, являлась истинной виновницей интриги, была в безопасности.

Между тем розыски, предпринятые полицией, привели к важным открытиям. В Брюсселе была арестована девица Николь Лаге, скрывавшаяся под именем баронессы д'Оливи. Она созналась, что по научению де Ла Мотт разыграла в саду роль королевы. Взят был под стражу и некий Рето де Вильет, который, как он заявил,

по просьбе той же де Ла Мотт и в ее присутствии подделал подпись королевы на записке ювелиру. Стало известно также, что граф де Ла Мотт продал в Лондоне бриллиантов на десять тысяч фунтов стерлингов.

Чем могла опровергнуть эти изобличающие факты де Ла Мотт?

Действительно, заявила она, во время свидания в саду д'Оливи разыграла роль королевы. Но таково якобы было желание самой Марии Антуанетты, которая наблюдала за этой сценой, спрятавшись за деревьями. Что касается поддельной подписи, то и об этом королева знала. А бриллианты, которые ее муж продал в Лондоне, она получила в награду от той же королевы. Мария Антуанетта не могла носить хорошо известное королю и отвергнутое ею ожерелье в его первоначальном виде. Поэтому она его разобрала, чтобы составить другое по новому рисунку. Оказавшиеся лишними камни и были переданы де Ла Мотт в награду за сохранение тайны.

Однако эти показания не фигурировали на суде. Сочувствующих у обвиняемой было мало. Ее считали главной виновницей, вспоминали разительную перемену, которая произошла в ее жизни, когда она внезапно от крайней бедности перешла к поразительному богатству. О кардинале же (хотя и он был не в лучшем положении) большинство говорило как о жертве интриги, затеянной ловкой авантюристкой.

Париж жил необычайной сенсацией почти год — все то время, пока тянулся процесс. Калиостро успел за этот срок в Бастилии написать свои знаменитые записки. Наконец, приговор был обнародован. Графиню де Ла Мотт приговорили к наказанию плетьми, клеймению и пожизненному заключению, кардинала де Рогана — к лишению духовного сана и всех должностей; Калиостро оправдали, хотя и выслали за пределы Франции. (Интересно, что история с ожерельем вдохновила не только А. Дюма. Нашумевший на всю Европу процесс послужил толчком к написанию в 1789 году Фридрихом Шиллером его незаконченного романа «Духовидец». Прототипом двух образов — обманщика-сицилианца и его «шефа» таинственного армянина послужил Калиостро. Об истории с роковым ожерельем Ф. Шиллер мог узнать непосредственно от одного из пострадавших — а именно от ювелира, с которым встречался. Упоминают о процессе над де Ла Мотт в своих исторических очерках братья Гонкуры и С. Цвейг.)

После того как был зачитан приговор, бывшую графиню тут же 21 июня 1786 года на глазах у толпы подвергли позорному наказанию, а затем клеймили. Рассказывают: она так кричала и вырывалась, что клеймо палача попало вместо плеча ей на грудь.

В тюрьме Жанна пробыла недолго. Она чувствовала, что кто-то старается облегчить ее участь. И она не ошиблась. Как-то часовой

передал ей записку без подписи. Ее просили не терять мужества, ибо есть люди, которые думают, как изменить ее положение. А дальше все произошло точно в романе. Тайно ей передали ключ от темницы и мужской костюм. Переодевшись, она благополучно бежала из тюрьмы.

Кому обязана она была своим столь неожиданным и странным освобождением? Ответить на этот вопрос трудно. Однако благодеяние, чье бы оно ни было, не убавило у Жанны жажды мести. Оказавшись в Лондоне, она готовилась опубликовать брошюру, в которой хотела рассказать подлинную правду, то, чего ей не дали высказать на процессе. Слух об этом дошел до Парижа. При дворе не на шутку встревожились. В Лондон отправились посредники. Говорят, что им удалось купить молчание бывшей фаворитки королевы за двести тысяч ливров. А еще через некоторое время из Лондона пришла успокоительная весть о том, что де Ла Мотт покончила с собой, выбросившись из окна.

Возможно Жанна, опасаясь новых покушений со стороны французского двора и желая скрыть свои следы, сама распустила этот слух. А возможно, это было одним из условий купленного молчания.

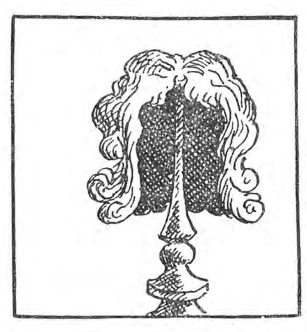
В послесловии к недавно вышедшему в Париже новому изданию романа А. Дюма Женевьева Бюлли пишет, что бегство из тюрьмы Жанны организовала не королева, а кто-то другой, заинтересованный в том, чтобы окончательно погубить репутацию королевы. И он достиг цели. Первая дама Франции была окончательно скомпрометирована: целое море памфлетов, иллюстрированных нескромными гравюрами, наводнили Лондон, а затем Париж.

Вскоре после этого в Россию прибыла очаровательная графиня де Гашет. Она поселилась в Крыму недалеко от Феодосии. Жила уединенно, вызывая всеобщее любопытство. Разное болтали о таинственной графине. Но никто не догадывался, что в жилах этой странной француженки течет королевская кровь и что на груди она носит позорное клеймо.

Не знал о дальнейшей судьбе своей героини и Александр Дюма, когда заканчивал роман «Ожерелье королевы».



ПОРТРЕТ КЛАРЫ ГАСУЛЬ



В 1825 году в Париже был издан сборник пьес под названием «Театр Клары Гасуль». Автор с такой фамилией не был известен, и знатоки театра удивленно переглядывались при упоминании этого имени. Им оно ровным счетом ничего не говорило. И не удивительно, ведь Клара Гасуль, как отмечалось в предисловии к сборнику, была испанкой, и с ее творчеством парижанам предстояло познакомиться впервые.

В том же предисловии переводчик пьес на французский язык Жозеф л'Эстранж приводил некоторые биографические данные о Кларе Гасуль. В частности, он писал:

«Клару Гасуль я увидел в первый раз в Гибралтаре, где стоял в гарнизоне со швейцарским полком Ваттвиля. Ей было тогда (в 1813 году) четырнадцать лет. Дядя ее, лиценциант Хиль Варгас де Кастаньеда, предводитель андалузской герильи, только что был повешен французами, оставив донью Клару на попечение монаха брата Роке Медрано, ее родственника, инквизитора гранадского судилища».

Далее Жозеф л'Эстранж сообщал не менее правдивые факты необычной биографии испанского драматурга.

Ее жизнь с ранних лет, писал Жозеф л'Эстранж, якобы лично хорошо ее знавший, полна необычайных приключений. Она пере-

песла много невзгод и испытаний, была заточена в монастырь, бежала оттуда, поступила на сцену и стала комедианткой, потом начала пробовать свои силы в драматургии. Затем, спасаясь от Реставрации, уехала в Англию. Здесь ее встретил вновь Жозеф л'Эстранж. По его словам, пьесы Клары Гасуль ранее вышли в Кадисе, где было издано в двух томиках in quarto полное собрание ее сочинений.

«Перевод, который даем мы ныне,— писал автор предисловия,— может быть почитаем за весьма точный, будучи сделан в Англии на глазах у доньи Клары».

Читатель неизвестных доселе во Франции пьес мог получить представление и о том, как выглядел сочинитель предлагаемых произведений. Издание украшал портрет испанской комедиантки.

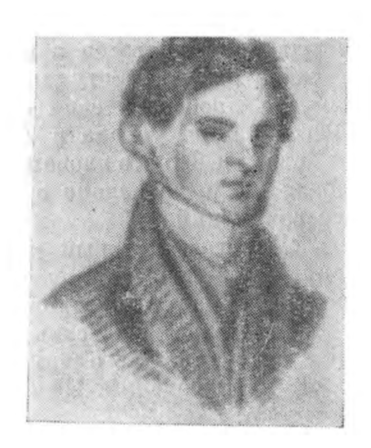
Вполне правдоподобные детали, а также то, с каким мастерством и художественной убедительностью изображал автор в своих пьесах черты испанского быта, как точно и легко из-под его пера рождались типы испанской действительности — все убеждало в подлинности его творения. Появились даже газетные статьи, в которых критики хвалили перевод пьес, сделанный Жозефом л'Эстранжем.

Но вскоре по Парижу распространился слух, что пьесы доньи Клары всего лишь умная и тонкая литературная мистификация. А само имя автора так же, как и переводчика — псевдонимы, за которыми скрывается молодой литератор Проспер Мериме. И действительно, образ испанской актрисы и драматурга оказался лишь плодом его воображения.

Ну, а как же портрет, спросите вы. Откуда появилось на первом издании «Театра Клары Гасуль» ее изображение? И если испанская комедиантка — лицо вымышленное, кто же в таком случае изображен на портрете?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нам придется вернуться к тому времени, когда Мериме только еще работал над пьесами, которые потом издаст под псевдонимом Клары Гасуль. Это было весной 1825 года. Однажды апрельским утром начинающий литератор Проспер Мериме поднялся в студию своего друга художника Этьена Делеклюза под самую крышу дома, расположенного в центре Парижа на углу улиц Нев де Пти-Шан и Шабане. Мериме и Делеклюз познакомились несколько лет назад во время учебы на юридическом факультете в Сорбонне. С тех пор дружили, несмотря на разницу в возрасте. Но приходить сюда в маленькую комнатку Этьена, где по воскресеньям собирались друзья — литераторы, критики, художники (их сборища называли кружком Делеклюза), Проспер Мериме стал всего лишь месяц назад.





Литературный персонаж и его автор.

В то утро Э. Делеклюз должен был начать портрет своего друга. Однако тому, кто оказался бы в этот момент в студии художника, показалось бы, что друзья затевают какой-то непонятный маскарад. П. Мериме облачился в платье испанки, накинул мантилью, на шею надел ожерелье. И только тогда художник приступил к портрету.

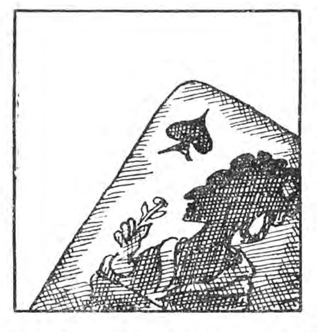
Так родилось изображение никогда не существовавшей испанки Клары Гасуль. «Этот маленький обман,— записал в своем дневнике Делеклюз,— нам довольно хорошо удался, и теперь персонаж Клары Гасуль обрел реальность, которая сделает более убедительной заметку о ее жизни и предисловие, где будет говориться о ней».

По замыслу драматурга этот подложный портрет должен был украшать весь тираж первого издания «Театра Клары Гасуль».

Однако выполнить это не удалось. Портрет есть только на очень небольшом числе экземпляров этого издания.

А для того чтобы можно было всегда доказать, что портрет испанской комедиантки — мистификация, что на нем в женском платье изображен сам П. Мериме, художник прибег к хитрости. Он сделал два рисунка — портрет Мериме в его обычном костюме и его портрет в наряде испанки. Стоило наложить на изображение Клары Гасуль портрет П. Мериме, как отчетливо становилось видно, что черты лица обоих точно совпадают.

СИЛУЭТ «ПИКОВОЙ ДАМЫ»



История старинного подмосковного села Большие Вяземы восходит ко временам Бориса Годунова. По преданию, здешние церковь и большой пруд были сооружены в конце XVI века. Об этом свидетельствуют польские надписи на стенах церкви эпохи смутного времени. Неподалеку от Вязем — вотчины князей Голицыных, в двух километрах находилось Захарово — имение М. А. Ганнибал, бабушки А. С. Пушкина. В детстве поэт нередко гостил у своей бабки. Часто, особенно по праздникам, семейство Пушкиных отправлялось в соседние Вяземы к обедне. Возможно, здесь, в Вяземах, будущий поэт встречал хозяйку поместья знаменитую Наталию Петровну Голицыну. Тогда это была уже пожилая женщина, очень некрасивая, умная, но своевластная, с крутым нравом и сильным характером. Про нее рассказывали самые невероятные легенды. Поговаривали, что дедом ее был сам Петр I.

Жизнь она прожила долгую. Застала еще то время, когда дамы в робронах танцевали минуэт, когда увлекались музыкой Рамо и Глюка. Бывала в Германии, Англии и Франции. Пережила пятерых русских царей, видела несколько иностранных владык. До 1765 года почти безвыездно жила за границей. Вернувшись домой, молодая аристократка окунулась в светскую жизнь — балы, домашние спектакли, карусели. На одном из этих увеселений На-



Н. П. Голицына в молодости.

талия Петровна получила золотую медаль, вычеканенную в честь первого приза, выигранного ею на карусели своим «приятнейшим проворством».

Выйдя вскоре замуж, она вновь уехала во Францию, желая дать детям европейское образование. В Париже ее принимали в высшем свете, она была знакома с графом Сен-Жерменом, авантюристом, приписывающим себе невероятное долголетие и выдававшим себя за современника французского короля Франциска I, жившего в шестнадцатом веке. Была удостоена звания статс-дамы, неоднократно награждалась высшими орденами. Здесь же в Париже она стала свидетельницей того, как восставший народ расправлялся с ненавистными аристократами.

Вполне вероятно, что посещения Вязем и связанные с этим разговоры о княгине Н. П. Голицыной запомнились будущему поэту. «Таким образом,— отмечал П. В. Анненков, первый биограф поэта,— мы встречаемся еще в детстве Пушкина с предметами, которые впоследствии были оживлены его гением». Много позже одну из легенд о хозяйке Вязем А. С. Пушкин положил в основу

своей «Пиковой дамы», изобразив в образе старой графини Наталию Петровну Голицыну.

В марте 1834 года в третьей книжке журнала «Библиотека для чтения» появилась повесть «Пиковая дама», подписанная вместо полного имени автора скромным латинским «P». Успех пришел сразу же. «Пиковая дама» была одинаково популярна и в «пышных чертогах» и в «скромных жилищах». Объяснялось это прежде всего тем, что в повести, как отмечала критика, «есть черты современных нравов». Видимо, именно это несколько беспокоило автора. Как примет новеллу аристократический Петербург, московская знать, представители которой так реалистически ярко и сатирически остро были обрисованы Пушкиным. Как отнесутся к повести выведенные на ее страницах великосветские кутилы и игроки, прожигатели жизни, все эти Томские и Нарумовы, Сурины и Зоричи, Чаплицкие и Чекалинские?

Однако все сошло благополучно. Пушкин записывает в дневнике: «Моя «Пиковая дама» в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и княгиней Наталией Петровной и, кажется, не сердятся».

Во время чтения повести другу Нащокину Пушкин признался ему, что случай, описанный им, действительно имел место. Об этом, по словам поэта, ему рассказал внук Н. П. Голицыной. Дело якобы было так. Однажды, сильно проигравшись в карты, он пришел к бабке просить необходимую сумму. Вместо того чтобы дать деньги, старуха назвала ему три карты, указанные ей в свое время в Париже Сен-Жерменом. «Попробуй»,— сказала бабушка. Внучек поставил карты и отыгрался. (Было известно, что княгиня питала страсть к карточной игре. И даже в старости, потеряв зрение, она не могла отказать себе в этом удовольствии. По специальному заказу для нее изготовляли особые карты увеличенного размера.)

Но не только этот забавный анекдот послужил источником сюжета для пушкинского рассказа. У него имеется и свой литературный фон, о котором неоднократно говорили исследователи. В частности, называли мелодраму В. Дюканжа «30 лет, или жизнь игрока», представленную как раз в то время на сцене. Обращают внимание и на интерес Пушкина к «карточной» литературе. В библиотеке поэта имелось несколько руководств для игроков. В них приводились помимо правил игры и многие анекдоты, связанные с суевериями и так называемой теорией вероятности. Один из исследователей Д. Якубович среди книг поэта обнаружил французский томик с описанием парижской жизни. Глава «Игры и игроки» была заложена закладкой. Автора «Пиковой дамы» интересовали



Силуэт «пиковой дамы».

сведения по истории карточной игры, описания нравов парижских игроков. К литературному фону пушкинской повести относят и роман «Арвид» популярного в то время немецкого писателя Ван дер Фельде. В этом романе встречается эпизод «верной» игры в карты.

Вторая глава пушкинской повести начинается с описания утреннего туалета старой графини. Как и в молодости, когда она была привлекательной и кружила головы мужчинам, графиня по многолетней привычке проводила у зеркала не один час. За этим занятием ее и застает внук Павел Александрович Томский, от которого герой повести Германн накануне узнал о тайне старой графини.

Упоминаемая в начале этой главы княгиня Дарья Петровна, известие о смерти которой так спокойно восприняла графиня,— родная сестра Н. П. Голицыной. Факт этот тоже соответствует действительности. Будучи глубокой старухой, Наталия Петровна встречала сообщения о смерти близких родственников с поразительным равнодушием. «И в ус не дует»,— писал по этому поводу П. А. Вяземский. Последнее замечание имело еще и особый смысл. Престарелую Голицыну за глаза называли «княгиня Усатая» —

с годами на ее и без того некрасивом лице прорезались усы.

Пушкин, придав своей «пиковой даме» многие черты старой княгини, приписал, однако, ее молодости красоту, назвав «Венерой московскою». На самом деле прозвище Венеры получила у парижан старшая дочь княгини, которая в отличие от матери была «очень хороша собою».

В повести описан и подлинный дом Н. П. Голицыной. Помните, Германн под впечатлением анекдота о трех картах бродит по вечернему городу. Внезапно, словно влекомый неведомой силой, «очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры...» Германн остановился.

— Чей это дом? — спросил он у углового будочника.

— Графини***,— отвечал будочник.

Дом этот сохранился и по сей день, правда в несколько перестроенном виде. Он стоит на нынешней улице Гоголя, 10. Во времена Пушкина этот дом был известен всему Петербургу. Когда Наталия Петровна, прожившая полвека во вдовстве, приезжала на зиму в Петербург, дом оживал, по средам неизменно давали балы, окна светились за полночь, к подъезду подкатывали одна за другой кареты, «шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара». К «княгине Усатой» съезжался, как тогда говорили, весь Петербург. Важная и внушительная хозяйка принимала всех сидя. Вставать она позволяла себе лишь при посещении ее царем. Это не помешало ей воспротивиться желанию того же царя, когда тот решил купить ее подмосковную дачу в Нескучном саду.

Обычно во время бала возле нее стоял кто-нибудь из многочисленных родственников (вся знать была ее родней) и называл гостей: с годами Наталия Петровна стала плохо видеть, да и на ухо была туга. Одних, смотря по чину и званию, старуха встречала лишь кивком, других удостаивала парой слов, иных совсем не замечала. «У себя принимала она весь город, соблюдая строгий этикет и не узнавая никого в лицо»,— пишет А. С. Пушкин во второй главе.

Портрет графини, каким его рисует Пушкин, вполне соответствовал внешнему виду прототипа: сгорбленная старуха, в чепце, украшенном розами, напудренный парик на почти лысой голове, отвислые губы, «разрумяненная и одетая по последней моде».

Как было сказано, вопреки Пушкину, княгиня и в молодости не блистала красотой. А как же портрет молодой красавицы с орлиным носом, с зачесанными висками и с розою в пудреных волосах, перед которым в спальне графини остановился Германн?

Здесь, как и в случае с прозвищем, Пушкин имеет в виду подлинный портрет Екатерины Владимировны Апраксиной — старшей дочери княгини. По всей вероятности, поэт не раз видел это изоб-

ражение или копию с него у Апраксиных. На это в повести есть вполне определенное указание: Пушкин точно называет автора этой работы — французскую художницу Виже-Лебрен.

О том, как выглядела старая княгиня, мы тоже имеем представление. Сохранилось несколько ее изображений. По ним можно судить о верности портрета, набросанного Пушкиным, жизненному оригиналу. На силуэте, вырезанном французским художником Сидо, отчетливо виден нос с горбинкой. На портрете работы Рослэна — знатная придворная дама времен Екатерины II, зачесанные виски и пудреные волосы, украшенные нитью из жемчуга. Есть еще один более поздний по времени портрет княгини, на котором она нарисована в чепце.

В решающей последней игре с Чекалинским (кстати, образ, также имевший вполне реального прототипа — московского барина и игрока В. А. Огонь-Догадовского) Германн обдернулся, вместо туза у него стояла пиковая дама. «В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась. Необыкновенное сходство поразило его...

— Старуха! — закричал он в ужасе...»

Изображение пиковой дамы на карте и облик старой графини совпали в воображении героя повести. Взгляните на силуэт Голицыной. Чем не пиковая дама? Видимо, «княгиня Усатая» действительно напоминала зловещую старуху. Современники признают, что она внушала страх. Ее властного и крутого нрава побаивались многие. «К ней везли каждую молодую девушку на поклон. Гвардейский офицер, только что надевший эполеты, являлся к ней, как главнокомандующему»,— вспоминает один из современников. Семья буквально трепетала перед ней. Муж был у нее под башмаком и боялся супруги своей, как огня. «Род бабушкина дворецкого» —как охарактеризован он в повести. Дети ее, будучи уже в солидном возрасте и чинах, не смели при ней сидеть. Доходило до того, что ее сын всесильный московский генерал-губернатор должен был стоять перед матушкой навытяжку, словно перед высшим начальством.

Василий Львович Пушкин, дядя поэта, в стихах, посвященных ей, подобострастно воскликнул:

Повелевай ты нашими судьбами!
Мы все твои, тобою мы живем.

Умерла «княгиня Усатая», или, как ее еще называли современники — «осколок прошлого», девяноста семи лет от роду, пережив почти на год автора «Пиковой дамы», изобразившего ее в своей повести под именем старой графини.

ТРОСТЬ БАЛЬЗАКА



Его любовь к роскоши и богатству прорвалась в то утро, когда он стал знаменитым. Теперь он больше не должен был ограничивать себя во всем, экономить на свечах, отказывать в радостях жизни. Теперь он — Бальзак — всемирно известный писатель. Вот когда он удовлетворит свою давнюю, казалось, безнадежную страсть, которую Стефан Цвейг позже назвал «трагикомической аристократоманией». К имени, которое носил его дед-крестьянин, Бальзак самовластно прибавляет дворянскую частицу. На столовом серебре и на дверцах кареты появляется герб, как бы удостоверяющий его аристократическое происхождение. А вслед за этим Бальзак меняет весь стиль своей жизни — от внутреннего убранства нового дома до собственного внешнего вида. Словно из-под земли появляются умопомрачительные дорогие наряды: фраки, жилеты, башмаки. Специально заказываются к голубому фраку золотые чеканные пуговицы. В семьсот франков обходится огромная трость, скорее похожая на палицу. Экстравагантность в туалете, говорил, улыбаясь, Бальзак, принесет ему бо́льшую известность, чем его романы. И в самом деле, и пуговицы, и трость стали предметом всеобщего обсуждения.

О пуговицах литого золота, с легкой руки репортеров бульварных газет, шла молва: будто бы во время поездки писателя в Россию, когда он оказался однажды в сильно натопленном помещении,

все эти пуговицы, расплавившись, попадали на паркет, немало озадачив их владельца. А сколько небылиц ходило о бальзаковской трости. Это была толстая дубина, усеянная бирюзой, с резьбой по золоту. Об этом атрибуте его щегольского туалета распространялись самые удивительные слухи. Говорили, например, что в набалдашнике трости скрыто изображение таинственной дамы в костюме Евы, возлюбленной Бальзака. Другие, поражаясь размером трости, весу, недоумевали, что заставляет ее владельца таскать такую дубину? Почему он не расстается с нею даже в театре? Ведь он не хром, не болен. Тогда отчего же он не выпускает ее из рук? Из щегольства, по капризу или из-за какой-либо необходимости? Может быть, гадали одни, внутри трости — зонтик? Но это было явно прозаическое объяснение. Оно не могло устроить жаждущую необыкновенного публику. Скорее в трости скрыт кинжал, а возможно, и шпага. Не удивительно, что стоило Бальзаку со своей загадочной спутницей появиться, скажем, в театральной ложе, как он становился центром всеобщего внимания.

Какую же тайну скрывала неизменная спутница этого толстого модника? Умный человек, рассуждали любопытные, не захочет быть даром смешон.

На этот занимавший всех вопрос попыталась ответить французская писательница Дельфина Жирарден, которую Леон Фейхтвангер назвал первой женщиной фельетонисткой. Необыкновенная трость Бальзака вдохновила ее на создание целого романа. Она так и назвала его — «Трость Бальзака».

Так в чем же была тайна этой трости, которую, к всеобщему удовольствию, удалось раскрыть госпоже Жирарден?

Современники Бальзака удивлялись способности писателя рассказывать с необычайной достоверностью о различных сторонах жизни, его умению постигать чувства и мысли и простолюдина, и аристократа. Поражались тому, откуда Бальзак мог знать и с такой правдой изображать в мельчайших подробностях характеры своих героев, их, казалось бы, самые интимные, скрытые от посторонних глаз привычки, манеру поведения, быт. Читателям книг Бальзака, тем, о ком, собственно, он и писал, казалось, что писатель является каким-то невидимым очевидцем их жизни, что он обладает, может быть, сверхъестественной способностью подсматривать и подслушивать, оставаясь незамеченным. Поговаривали, что Бальзак, переодетый в грязные лохмотья, нередко бродил по Парижу, открывая его мистерии. Во всяком случае именно в таком одеянии, как рассказывает датский писатель Х. К. Андерсен, он встретил однажды на улице известного писателя и едва мог признать в нем того, с кем еще накануне ему довелось беседовать в салоне одной графини — элегантно одетого щеголя, о котором



Альфред де Мюссе и Бальзак со своей знаменитой тростью. Карикатура из «Меркюр де Франс», 1835 г.

скорее можно было подумать, что это какой-нибудь бонвиван, чем властитель читательских сердец.

Нет, дело не в переодевании. Бальзак, сообщала в своем романе Жирарден, может, когда захочет, становиться невидимым. И чудесной этой силой он обязан своей трости. Стоит лишь взять ее в левую руку, как превращаешься в невидимку. Ну не чудо ли эта трость! Теперь понятно, откуда у Бальзака такие познания жизни и характеров. С помощью волшебной трости он свободно может проникнуть и в кабинет министра, и в будуар светской красавицы. Остается только, будучи незамеченным, наблюдать и изучать нравы. Вот почему в своих книгах он раскрывает то, что глубоко скрыто от посторонних глаз, то, чего он никогда бы не смог узнать, если бы не трость. «Теперь не трудно понять, откуда его талант»,— рассуждает Танкред, герой романа Жирарден. Узнав тайну трости, он понял, каким путем ее владелец дошел до того, чтобы все показать, все высказать изумленному читателю.

Бальзак — как Калифы в арабских сказках, посещавшие под чужой одеждой и хижину бедняка, и чертоги богачей; Бальзак скрывается, чтобы наблюдать. Он изучает героев, которых застает при «выходе» из постели; видит чувства в шлафроке, тщеславие в ночном колпаке, страсти в туфлях, бешенство в фуражке, отчаяние в камзоле и потом помещает все виденное в книгу, и она расхо-

дится по Франции. Ее переводят в Германии, перепечатывают в Бельгии — Бальзак слывет великим человеком! Он обладает одним достоинством — искусством пользоваться своей тростью.

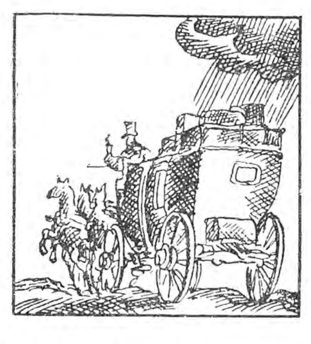
Постигает это искусство и герой романа молодой человек Танкред. Правда, волшебное свойство трости, которую он одалживает у Бальзака, Танкред использует в иных целях, далеко не литературных. Карьера, выгодная женитьба, богатство — вот, на что обращает чудесную силу трости этот молодой хищник — близкий родственник бальзаковских персонажей, но только по сути, а не по силе художественного изображения. И он добивается своего. Надобность в чудодейственной трости отпадает: она сделала свое дело. И трость снова возвращается к Бальзаку. «Иначе,— восклицает госпожа Жирарден,— разве он подарил бы нам остальные тогда еще не написанные шедевры».

Как много интересного, забавного или грустного, записал однажды Ч. Диккенс, можно было бы узнать из правдивой истории каждой вещи, будь таковая написана. Книга Дельфины Жирарден построена по иному рецепту, автор ее пошел другим путем, рассказывая о бальзаковской трости,— путем вымысла. И история эта, описанная на страницах ныне давно уже забытого романа, далека от реального повествования. Но в то время, когда была создана эта книга — в тридцатых годах прошлого века (в 1837 году она была переведена на русский язык), вполне возможно, что кое-кто и принимал за чистую монету рассказ о тайне трости, принадлежавшей знаменитому романисту.

Поражаясь тому, с какой силой правды Бальзак воссоздал жизнь на страницах своих книг, некоторые только так могли объяснить способность этого могучего таланта реалистически восстанавливать обстановку действия и живые связи между людьми, благодаря чему вымышленная книга становилась повествованием о действительных событиях, подсмотренных и подслушанных якобы каким-то невидимым очевидцем.



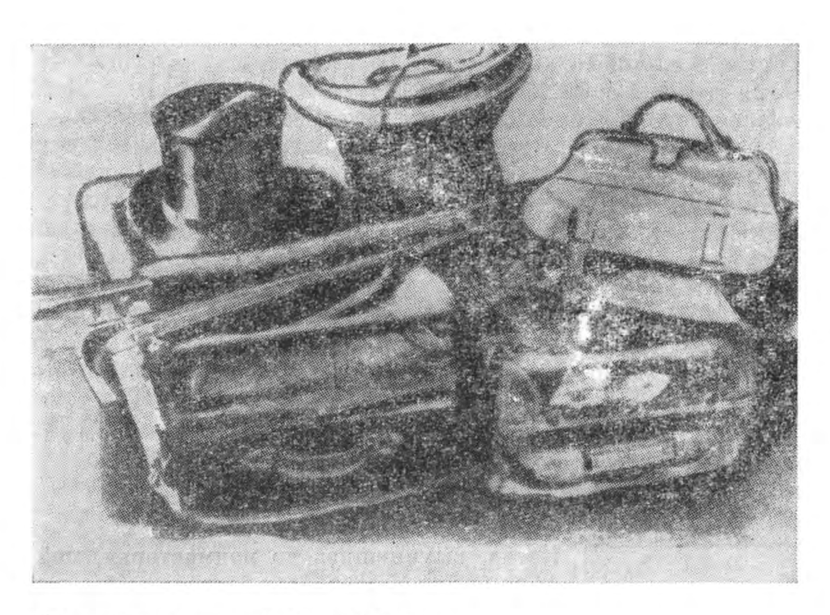
САКВОЯЖ АНДЕРСЕНА



Когда, выучившись до подмастерья, мой отец, рассказывает Ханс Кристиан Андерсен, в возрасте двадцати лет женился на моей матери, бедной девушке, которая предпочла его богатому винокуру, у них ничего не было, но они очень любили друг друга. Нужно было купить супружескую кровать, а денег не хватало. Тогда отец приобрел на аукционе довольно странное сооружение — деревянный постамент, покрытый черной материей: смертное ложе недавно умершего какого-то графа. Благодаря умению еще с детства обращаться с пилой и рубанком, он изготовил из него кровать. «Через год на ней, вместо тела покойника богатого, но мертвого, лежал бедный, но живой новорожденный поэт, то есть лично я»,— шутливо записал Андерсен в своей недавно лишь опубликованной автобиографии. Случилось это в 1805 году в маленьком домишке города Оденсе, расположенного па острове Фюн.

В те времена городок этот был местом паломничества верующих датчан, которых привлекало сюда обилие соборов и монастырей. Величественные церкви до сих пор являются достопримечательностью его центральной части. А рядом, подпирая друг друга, теснятся маленькие цветные домики старого города.

Много приезжих в Оденсе и сегодня, и привлекает их сюда скромный небольшой дом в переулке, где родился великий сказоч-



Дорожные спутники Х. К. Андерсена.

ник. Домик и пристроенный к нему музей ежегодно посещают полтораста тысяч человек.

В музее хранится большая коллекция рукописей и рисунков Андерсена, а также вырезки из бумаги — увлечения молодых лет. Большое настенное панно в круглом зале рассказывает о жизненном пути «долговязого мальчишки», ставшего знаменитым литератором.

О жизни великого рассказчика, о его странствиях, о том, как были написаны известные на весь мир сказки, могли бы многое поведать и личные вещи писателя. Например, его дорожный саквояж.

Много повидал на своем веку старый саквояж. Вместе со своим владельцем объездил чуть ли не полсвета. Хозяин обычно совершал путешествие в дилижансе, расположившись на мягком сиденье. А саквояж — на крыше того же дилижанса, крепко привязанный ремнями, чтобы не вылетел на ухабе. Но в этом неравенстве саквояж находил для себя даже некоторые преимущества. Ехать в каюте, купе или в карете — значит лишить себя возможности любоваться окрестностями. А с крыши дилижанса видно далеко вокруг...

Со временем светлая желтая его кожа побурела, ссохлась и по-

трескалась. Но саквояж не очень обращал на это внимание. Преисполненный гордости, он старался всем своим напыщенным, раздутым видом дать понять, что он не какой-то там простой чемодан, а королевский. Сам датский король подарил его Хансу Кристиану Андерсену. С ним-то саквояж и скитался по городам и весям Европы.

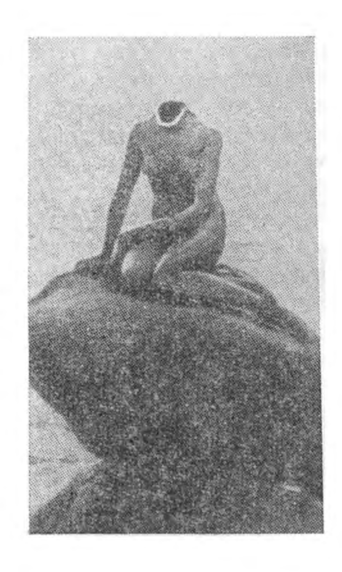
Хозяин саквояжа, известный писатель, часто под звуки рожка почтальона покидал город, где жил. Мало-помалу с горизонта исчезали башни Копенгагена. И перед путешественниками простирался длинный почтовый тракт. Приятно ехать, поглядывая в оконце и предвкушая мимолетные удовольствия, доставляемые дорогой. Хозяин саквояжа неизменно наслаждался странствием и считал, что оно подобно освежающему душу и тело купанию, тому жизненному напитку Медеи, от которого вновь возрождаешься и молодеешь.

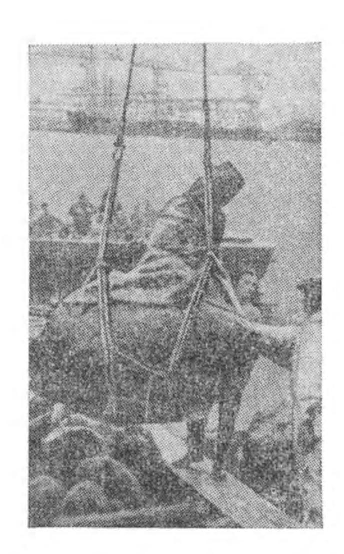
Натура перелетной птицы сказывалась в нем с первыми теплыми лучами солнца. Начинались сборы в дорогу. «Беспокойный вы человек,— говорили Андерсену.— Вечно вас тянет куда-нибудь. Когда только успеваете вы писать?» И никто не понимал, что в разнообразии, в смене впечатлений он обретал покой, ту душевную сосредоточенность, без которой не мог бы творить. Так же, как никто не догадывался о том, сколь одинок был хозяин саквояжа. Лишь он — молчаливый спутник — понимал это.

Последнее путешествие саквояж совершил уже один после смерти своего хозяина. Порожним его отвезли в городок Оденсе, в маленький домик, где когда-то родился Андерсен. Здесь, среди других вещей писателя, его можно увидеть и сегодня. Саквояж знал многое о жизни своего прославленного хозяина. Знал и молчал. Молчал, потому что не умел говорить. А если б умел — рассказал о писателе, его героях, их судьбе.

О датском сказочнике написано множество книг, опубликовано не одно исследование, по его произведениям создают спектакли и кинофильмы. В Дании выходит специальный научный журнал «Андерсениана», посвященный изучению творчества писателя. На его страницах печатаются новые документы об Андерсене, ранее не публиковавшиеся его записи, наброски, планы, открытия и разыскания литературоведов.

В Копенгагене есть памятник писателю. А у входа в гавань среди волн на камне сидит бронзовая русалочка, пришедшая из сказки Андерсена. Кажется, что она только что поднялась из пучины и примостилась на скале. Помните: с тех пор как ей разрешили отлучаться из кораллового подводного дворца, она поднималась на поверхность моря и долгими часами, задумавшись, любовалась проплывавшими мимо многомачтовыми кораблями, прислу-





Русалочка: обезглавленная; отправляемая «в ремонт»;

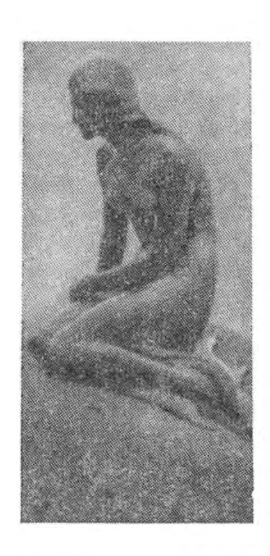
шивалась к смеху и голосам на палубе. И ее все больше и больше тянуло к людям, в их загадочный мир.

Пришедшая из сказки. Вот уже более полвека встречает и провожает она взором своих «синих, как голубое море», глаз проплывающие мимо нее корабли.

Сегодня нельзя представить себе Копенгаген без «Русалочки», так же как, скажем, Данию без Андерсена. Спросите датчанина, что изображено на гербе страны? Не всякий даст точный ответ. Герб Дании — один из самых сложных и странных в мире. На нем нарисованы — серебряный крест и лебедь, увенчанный золотой короной, лошадь с всадником и три короны, конская голова, шесть львов, баран, медведь, шестнадцать сердец и вдобавок ко всему — дракон. Но можно не сомневаться, что многие на вопрос о гербе ответят: «Русалочка». Она стала как бы гербом над морскими воротами датской столицы, ее символом.

Купить на память открытку с ее изображением или статуэтку считает необходимым каждый турист, прибывающий в Копенгаген. Но не каждый знает, что у скульптуры, героини андерсеновской сказки, есть «имя» — Элине Эриксен.

...В 1910 году владелец пивоваренного завода Карл Якобсон решил поставить памятник знаменитому персонажу. Создание памятника он поручил молодому скульптору Эдварду Эриксену.



восстановленная.

Самой подходящей моделью для своей работы скульптору показалась его собственная жена балерина Элине. Три года спустя после начала работы над памятником и через 76 лет после создания сказки Андерсена бронзовая фигура «Русалочки» — Элине была установлена у входа в порт.

Немало повидала маленькая бронзовая фигурка за свою жизнь. Постоянно ее окружали внимание и забота, ей поклонялись, ее любили, ею гордились. Для юношей она служила идеалом женской красоты, и они втайне желали, чтобы их избранница походила на нее. Моряки, уходя в море, приходили на Лангелинни — набережную, откуда видно «Русалочку», попрощаться с ней, а, вернувшись из плавания, являлись сюда, как к ожидавшей невесте, с цветами. В холодные зимы, когда море в порту покрывалось льдом, и с камня, на котором сидит «Русалочка», свисали сосульки, бережные руки, спасая фигурку от мороза, укутывали ее в шубу. Зато жарким летом ее можно было видеть в «купальном костюме».

Заокеанские гости не раз пытались купить национальную гордость Дании — «Русалочку». Один американский миллионер предложил за скульптуру любую сумму — так ему захотелось заполучить одну из самых популярных в мире «мисс» для своего поместья в Америке.

Но однажды покой всеобщей любимицы был нарушен. У «Руса-

лочки» появились недруги. Ранним утром 25 апреля 1964 года копенгагенцы были ошеломлены неожиданной вестью — над их «Русалочкой» надругались, кто-то совершил злодеяние. Ночью неизвестные вандалы отрезали и унесли с собой ее голову. «Русалочка» обезглавлена! «Русалочка» убита! Люди не верили сообщению и приходили на набережную самим убедиться в том, что печальная весть — правда. У моря собралась огромная толпа. Пораженные и возмущенные, стояли копенгагенцы на Лангелинии. Не было больше их «Русалочки». На скале осталось лишь ее «тело», покрытое чем-то белым.

На ноги была поставлена вся полиция. К месту преступления прибыли опытные детективы и криминалисты, полицейские собаки-ищейки. Однако несмотря на то что за поимку преступника было обещано вознаграждение в три тысячи крон, виновных найти не удалось. Поиски продолжались и вознаграждение возросло до семи тысяч крон.

Газеты и телевидение сообщали о происшествии как о небывалой скорбной сенсации. Было похоже, что вся страна переживала дни траура, будто скорбели по очень дорогому человеку. Кто посмел совершить это подлое преступление? — каждый задавал вопрос. В газетах высказывались самые противоречивые версии и предположения. Одни утверждали, что варварский поступок — дело рук умалишенного; другие, вспомнив о прежних домогательствах заокеанских гостей, полагали, что они причастны к похищению головы русалки; находились и такие, кто считал, что голову отпилили ради рекламы, с тем, чтобы этой необычной сенсацией привлечь внимание к Копенгагену еще большего числа туристов, приносящих, как известно, стране немалый доход.

Уютный уголок на Лангелинии опустел. «Тело» русалки погрузили на грузовик и через весь город отвезли в мастерскую — датская общественность решила восстановить «Русалочку».

Но для этого надо иметь точную копию. После поисков в Копенгагенском музее изобразительных искусств обнаружили гипсовый слепок, выполненный еще самим скульптором. Начались реставрационные работы. Причем отлить новую бронзовую голову было поручено сыну того мастера, который в свое время отливал всю скульптуру.

Нелегко было бронзовых дел мастеру добиться того, чтобы новая голова ничем не отличалась от прежней, чтобы она пришлась «впору» старому изваянию.

Более месяца ушло на восстановление. И все это время датчане, да и не только они — газеты многих стран сообщали об этом событии, следили за ходом «лечения», которое обошлось, как потом подсчитали, в 15 тысяч крон. В адрес муниципалитета Копен-

гагена приходили сотни писем из разных концов земли, многие были от ребят. Они писали, что возмущены тем, что случилось, и опечалены судьбой персонажа их любимой сказки, надеялись, что скоро «Русалочка» вновь займет свое прежнее место.

И вот большая праздничная толпа собралась на набережной. Предстояла торжественная церемония второго рождения знаменитой скульптуры. На глазах у жителей датской столицы закутанную в покрывало «Русалочку» водрузили на старое место, где она просидела более полувека. Усыпанную цветами любимицу приветствовали сотни датчан, среди которых были и дети.

На церемонии открытия выступил бургомистр города. Он подчеркнул, что датская столица вновь обрела свой символ. Лица людей сияли, слышались возгласы в честь воскресшей русалки, все были довольны. Казалось, даже бронзовый Андерсен удовлетворенно кивал головой.

К «Русалочке» приставили полицейского, чтобы преступление никогда не повторилось. Отныне она постоянно будет под наблюдением, даже ночью ее освещает специально установленный прожектор.

Среди тех, кто пришел на свидание с «Русалочкой» в торжественный день ее второго рождения, была и 85-летняя Элине Эриксен. С волнением наблюдала она за тем, как знаменитая бронзовая фигурка, с которой связана ее собственная судьба, заняла свое прежнее место на морской скале.

И теперь, как и на протяжении полувека, пришедшая из сказки андерсеновская «Русалочка» снова приветливо встречает всех, кто приплывает в датскую столицу.



ДАГЕРРОТИП ПЕТЕФИ



С именем великого венгерского поэта связана не одна загадка. Как выглядел поэт? В каком городе родился и где погиб? Существует несколько портретов Петефи. Наибольшей известностью пользуются гравюры современника поэта Миклоша Барабаша — художника, запечатлевшего многих выдающихся деятелей национально-освободительного движения 1848—1849 гг. Шандор Петефи изображен им «задумчивым поэтом и пламенным патриотом». И все же это лишь литография... В начале сороковых годов прошлого века Петефи был сфотографирован. До наших дней чудом сохранилось это изображение. Сделанный на маленькой металлической пластинке дагерротип хранил тайну истинного облика поэта. Все попытки воспроизвести изображение кончались неудачей.

Наконец, в наши дни старинную пластинку удалось заставить «заговорить». После упорной и длительной реставрации почерневшая пластинка, сделанная на заре истории фотографии, ожила. На ней явственно обозначались черты лица. Так вот каким был великий поэт!

Дагерротип Петефи демонстрировался в залах Национальной галереи на выставке, посвященной 125-летию венгерского фотоискусства. А отсюда переехал в Будапештский литературный музей, где его можно видеть и сегодня.

Внешний облик поэта установлен, а как ответить на другие вопросы.

Право называться родиной Гомера, как известно, отстаивали семь городов. Место рождения Саят-Новы оспаривали три города, а два города, Кишкереш и Фельэдьхаз, расположенные недалеко друг от друга, более ста лет ведут спор о том, где родился Шандор Петефи.

В обоих воздвигнуты памятники Петефи, а в Кишкереше еще сто лет назад был открыт домик-музей поэта. Временами казалось, что спор разрешен и что окончательно доказано, где родился Петефи. Еще в пятидесятых годах прошлого столетия, вскоре после гибели поэта, специальная комиссия, изучив все материалы, связанные с его жизнью, показания свидетелей, опубликовала официальное заявление о том, что Петефи родился в Кишкереше 1 января 1823 года. Об этом свидетельствует и запись в книге приходской церкви города Кишкереш, где был крещен поэт, а также его собственное письмо Лайошу Кошуту, в котором он писал: «Если вы возведете меня в чин майора, прошу, чтобы это случилось в первый день января, так как это — день моего рождения». Однако некоторые исследователи Петефи все же высказывали предположение, что поэт родился в Фельэдьхазе. Да и сам поэт по непонятным причинам называл местом своего рождения то Кишкереш, то Сабадсаллаш, то Фельэдьхаз.

В наши дни дискуссия о месте рождения Петефи вспыхнула с новой силой. Институт литературоведения Академии наук Венгрии провел по этому поводу открытый диспут, материалы которого были опубликованы. Было установлено, что нет особых причин считать местом рождения Петефи не Кишкереш, а какое-то другое место. Возможно, когда-нибудь, писал автор одной из статей, и можно будет точно ответить на вопрос о том, где родился Петефи, но для этого понадобится много времени и поисков.

И вот совсем недавно Венгрию облетела весть: найдены новые документы о Петефи. Что же это за находка? И какова ее ценность?

В папке, обнаруженной в архиве города Сентеш, среди прочих бумаг оказалось помеченное 1868 годом письмо адвоката из Фельэдьхаза исправнику Сентеша с просьбой взять показания у Михая Славика, служившего некогда у отца Петефи. И другой документ, наиболее важный — показания самого Славика. В них он заявляет, что поступил в ученики к мяснику Иштвану Петровичу, то есть отцу Петефи, когда его сыну было год и три месяца, и что родители его жили в Фельэдьхазе уже два года. Словоохотливый свидетель вспоминал даже о том, как он носил на руках и нянчил маленького Петефи.



Так выглядел поэт (дагерротип).

Значит, Шандор, ликовали одни, мог родиться только в этом городе. А откуда же запись в приходской книге кишкерешской церкви? — спрашивали другие. Как — откуда? Родители Шандора, евангелисты, вынуждены были крестить сына в этой церкви, так как в Фельэдьхазе такой не было.

Казалось, весы в споре вновь потянули в пользу города Фельэдьхаза. И все же при сопоставлении многих фактов и дат жизни Петефи большинство исследователей пришли к выводу, что Славик ошибся. Сделал он это отнюдь не специально. Ведь его показания были записаны спустя сорок пять лет после того, как он был учеником в лавке отца Петефи. Естественно, что многое он забыл, а кое-что и перепутал. Так, во всяком случае, считал автор статьи в журнале «Критика». Безусловно, пишет он, папка с документами оригинальная и о подделке не может быть и речи. Однако достоверность признания Славика вызывает большие сомнения. Недаром его сообщение никогда не было опубликовано и его

не использовал даже тот, по чьей инициативе, собственно, оно и делалось,— Ференц Пастор, биограф Петефи.

Соревнование между городами, писал автор статьи в «Критике», породило множество, часто сделанных под присягой, показаний. Тем не менее пользоваться ими следует с большой осторожностью.

Где же все-таки родился Петефи? — спор этот продолжается, но неоспоримо одно, что родина его Венгрия, о которой сам он писал:

...нет страны,
что с Венгрией
возлюбленной
сравнится.

Именно эту страну пошел он защищать в революционные дни 1848—1849 годов.

Одним из самых жестоких и кровопролитных сражений венгерской революции была Шегешварская битва.

Двенадцать дней спустя после 31 июля 1849 года — дня битвы под Шегешвари — главнокомандующий венгерских войск генерал Гергей отдал приказ сложить оружие.

Революция потерпела поражение.

Незадолго до этой битвы ее участник Шандор Петефи писал: «Венгерец жив! Стоит еще отчизна...»

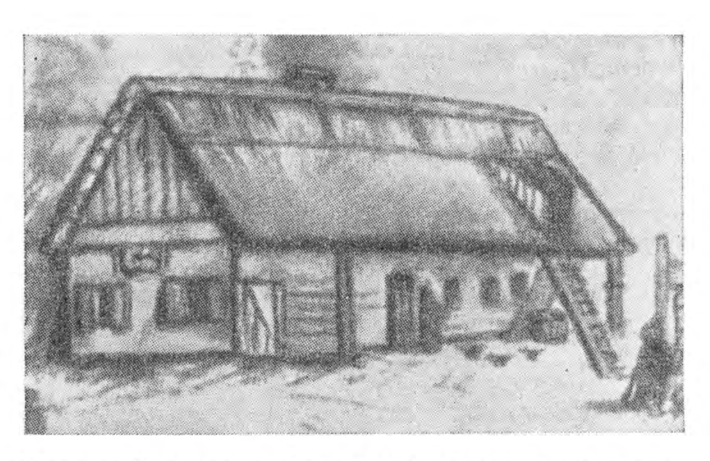
Его меч и лира всегда шли рука об руку в первых рядах атакующих.

Я командир, а мой отряд —
Мои стихи: в них что
не рифма
И что ни слово, то — солдат!

Шандор Петефи был солдатом и пал как воин — на поле Шегешварской битвы. Однако никто не видел, как поэт погиб, никому не пришлось увидеть его и мертвым среди убитых в тот день — 31 июля. Тело Петефи бесследно исчезло.

О его гибели ходило много легенд. Соотечественники не хотели верить, что их любимый поэт погиб. И спустя несколько лет после Шегешварской битвы страну всколыхнуло известие, что Шандор Петефи не был убит в сражении, что он жив! Желание воскресить народного поэта было настолько сильным, что доверялись самым, казалось бы, нереальным рассказам «очевидцев».

Одни утверждали, что видели Петефи в костюме ремесленника, чинящим посуду, другие говорили, что поэту удалось скрыться в Америке. Опровергая эти слухи, священник Лайош Капли, школьный товарищ Петефи, устно и письменно утверждал, что одно время прятал поэта у себя дома. Нашелся даже родственник,



Домик в Кишкереше, где, по предположению некоторых ученых, родился Петефи.

который якобы лично вручил ему двадцать форинтов. Ходили слухи, что Петефи скитается по стране под видом продавца орехов и что орехи эти не простые: в каждом — бумажка со стихами, в которых говорится о предательстве генерала Гергея.

Легенды эти в семидесятых годах прошлого столетия настолько взбудоражили общество, что в газетах появились статьи, авторы которых спрашивали: «Может, он и сейчас ходит где-то среди нас?»

Особенно настойчиво повторялся слух — Петефи в Сибири. Нашлись и свидетели. Двое польских ссыльных, побывавших в Сибири, известили, что встречались там с Петефи. Некий Даниель Манашшеш заявил, что, находясь в русском плену, встречался с Петефи и часто беседовал с ним. Позже рассказывали, что один венгерский офицер, Бела Дьони, попавший в плен к русским в первую мировую войну, видел в Сибири могилу Петефи. И будто бы собирался перевезти его останки на родину, но не смог, так как сам умер.

Слухи эти трудно было опровергать, ибо они находили ярых приверженцев. В конце концов легенд о Петефи скопилось такое множество, что дало возможность Золтану Ференци написать целую книгу. Ею и воспользовался известный венгерский писатель Дьюла Ийеш, приступив к работе в начале тридцатых годов над беллетризованной биографией поэта. Недавно в Венгрии роман Дьюлы Ийеша вышел в новом, значительно расширенном и дополненном виде. А сейчас он переведен и на русский язык.

В то время, когда Ийеш начинал роман, ему были известны все версии и слухи, касающиеся смерти поэта. Он тщательно проверил и взвесил все. Сомнений в гибели своего героя у него не было, как вдруг новое сообщение заставило его заколебаться.

Летом 1936 года, накануне выхода книги в свет, в одной венской газете появилась статья, сообщавшая, что в сибирской деревне найдены письменные данные о Петефи. Они подтверждали, что во второй половине прошлого века там жил венгерский ссыльный Шандор Петрович — такими были настоящие имя и фамилия Петефи.

Уверенность Дьюлы Ийеша дрогнула. А что, если сообщение венской газеты основано на подлинном факте? Вспомнились рассказы о том, что Петефи похоронен на кладбище сибирской деревни Кереж, будто бы поэт торговал мехами в Чите; что он жил в Црна-Траве и был звонарем при церкви.

Дьюла Ийеш тут же обратился с письмом в Союз советских писателей, делал запросы дипломатическим путем, просил выяснить, насколько достоверно это сообщение, и прислать все, что было написано Шандором Петровичем и осталось после его смерти. Вдруг найдется хотя бы строчка, написанная по-венгерски, или какое-нибудь стихотворение?

С нетерпением Дьюла Ийеш ожидал ответа. И вот в его руках письма, подтверждающие, что в прошлом веке в России действительно распространялись стихи Петефи. Но это были либо переводы известных стихов венгерского поэта, сделанные главным образом революционным демократом М. Л. Михайловым, либо стихи авторов, не желавших рисковать собственным именем и ставивших под ними имя Петефи. Таким образом, сообщение в венской газете было не чем иным, как очередной, рассчитанной на сенсацию выдумкой.

Как же описывает смерть венгерского поэта в своей книге Дьюла Ийеш и на основе каких документов?

Писатель избрал один из наиболее достоверных вариантов гибели Петефи.

Генерал Йозеф Бем, под начальством которого служил Петефи, всячески старался оградить поэта от опасности. Во время битвы или накануне он обычно отсылал его гонцом с депешами. «Если мой самый добрый гонец погибнет,— говорил генерал,— то страна заменит его другим, но моего милого сына Петефи никто не сможет заменить». Так было и в день Шегешварской битвы. Во время сражения его видели в разных местах. Но все были поглощены боем и в пылу сражения мало что могли запомнить. Единственный свидетель, который имел возможность более или менее спокойно наблюдать поле битвы, был австрийский полковник ба-

рон Хейдте. Но он после сражения никогда не делал никаких заявлений, не было и каких-либо его письменных свидетельств. Так по крайней мере считали, пока таковые случайно не нашли. Его показания стали известны как раз к тому времени, когда Ийеш задумал писать книгу о Петефи.

В секретном архиве императорского дворца в Вене после развала Австро-Венгерской монархии был обнаружен рапорт полковника Хейдте эрцгерцогу Альбрехту. В 1930 году этот рапорт был опубликован в книге, посвященной жене Петефи — Юлии Сендреи. Это, безусловно, пишет Дьюла Ийеш, и есть самый точный документ о смерти Петефи.

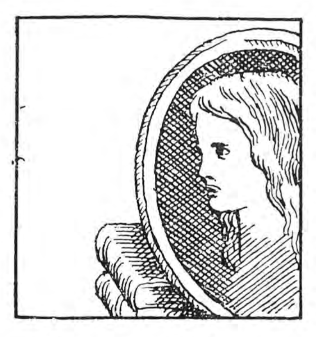
Полковник Хейдте описывает смерть гонца — он был заколот пикой, «убитый был раздет, на нем остались лишь черные брюки». Около его тела Хейдте нашел запачканные кровью официальные бумаги. По описанию Хейдте, считают, что заколотый пикой повстанец и был Шандор Петефи.

...Он лежал среди убитых на поле боя под Шегешвари, раскинув руки. Лицо его было спокойным и гордым, сохраняя то выражение, о котором он писал незадолго до гибели:

Свидетельствуют лица
 у погибших
В отчаянном бою,
Что нет счастливей доли,
 чем погибнуть
За родину свою!



РУКОПИСЬ КЭРОЛЛА, ИЛИ КАК АЛИСА ПОПАЛА В «СТРАНУ ЧУДЕС»



В январе 1851 года в оксфордском колледже Крайст Черч появился молодой сотрудник, в недавнем прошлом воспитанник этого же колледжа — Чарльз Доджсон. На всем его облике лежала печать какой-то особой артистичности. И нельзя было не проникнуться симпатией к этому юноше, скорее похожему на человека из мира искусства, чем на начинающего ученого. В детстве самым сильным увлечением Чарльза был театр марионеток. Настоящий кукольный театр, где все делал один человек: мастерил кукол, управлял ими с помощью ниточек, наконец, писал пьесы для своих немых актеров.

В то время, когда Чарльз Доджсон окончил колледж и перешел на службу в Крайст Черч, его занимали более серьезные вещи, и прежде всего — наука. Еще в колледже он показал себя способным математиком. Позднее он даже станет профессором, автором многих научных трудов. Но это не значит, что мистер Доджсон перестанет быть фантазером и выдумщиком.

На смену кукольному театру пришла новая страсть — он увлекся молодым тогда искусством фотографирования. Буквально охотился за объектами для своих фотографических опытов, посещал многих известных лиц: государственных деятелей, ученых, писателей, артистов. Постепенно у него образовалось нечто вроде галереи портретов знаменитых современников. Так, его увлечение

со временем переросло, как это часто бывает, рамки любительства.

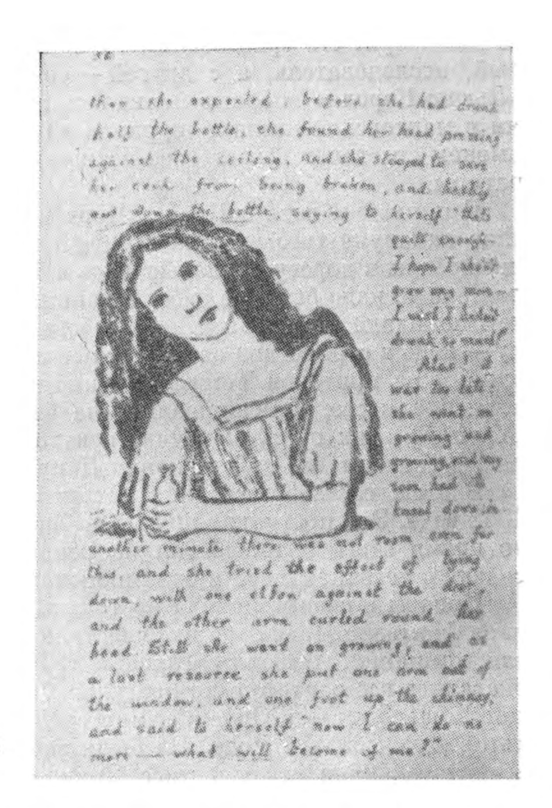
Несколько лет назад в Англии вышла книга о Доджсоне-фотографе. В ней представлено более шестидесяти лучших его снимков, среди них немало детских. Автор этой книги Хельмут Гернштайм пишет о Доджсоне, что его фотопортреты поистине изумительны и принадлежат к лучшим работам своего времени. «Его следует считать не только пионером любительской фотографии в Англии,— говорит автор книги,— но я смело могу назвать его самым выдающимся детским фотографом XIX века».

Любовь к детям, которую Доджсон пронес через всю жизнь, была, пожалуй, главной особенностью этого человека. И не удивительно, что детвора платила ему той же любовью и преданностью.

В крошечной фотостудии, а вернее сказать, в каморке, расположенной рядом с его квартирой, постоянно толпились ребята. Мистер Доджсон терпеливо усаживал их перед чудо-ящичком и фотографировал, обычно нарядив в какой-нибудь костюм. Это было так интересно —сняться в наряде принца или деревенского жителя, в одежде нищенки или в платье трубочиста. Ребятам нравилась эта игра. Но не только это влекло их к мистеру Доджсону. С ним никогда не было скучно. Не было человека, который бы умел так рассказывать сказки! Никто не мог придумать игру лучше, чем он, сочинить экспромтом стихотворение, ни с кем не было так интересно отправиться путешествовать по округе, пойти в театр или просто бродить по улицам.

В Крайст Черч мистер Доджсон подружился с тремя девочками. Это были сестры — дочери декана доктора Лиддела. Старшую звали Лорина, ей было тогда семь лет, среднюю — Эдит, и младшую — четырехлетнюю — Алиса. Дружба, завязавшаяся между молодым ученым и детьми, длилась много лет. Сестры выросли, из девочек превратились в барышень, но, как и прежде, любили проводить время в обществе мистера Доджсона. Это был удивительный рассказчик. Девочки могли часами слушать его. Они усаживались на большой софе по обе стороны от Доджсона, вспоминала Алиса Лиддел много лет спустя, и он начинал рассказывать истории, которые тут же сочинял и иллюстрировал рисунками. «Казалось, что его фантастическим вымыслам не будет конца; он их придумывал по мере того, как рассказывал, непрестанно рисуя на большом листе бумаги». Часто рассказы разрастались в истории с продолжением, раз от разу становились все интереснее, пополнялись новыми эпизодами и деталями.

Никто из взрослых знакомых Доджсона, а тем более дети, не предполагали, что эти импровизации побудят его к литературному творчеству. Тем более никто не мог ожидать, что истории, рассказанные мистером Доджсоном и позже послужившие основой рукопи-


than she expected: before she had drunk half the bottle, she found her head pressing against the ceiling, and she stooped to save her neck from being broken, and hastily put down the bottle, saying to herself "that's quite enough — I hope I shan't grow any more — I wish I hadn't drunk so much!" Alas! it was too late: she went on growing and growing, and very soon had to kneel down: in another minute there was not room even for this, and she tried the effect of lying down, with one elbow against the door, and the other arm curled round her head. Still she went on growing, and as a last resource she put one arm out of the window, and one foot up the chimney, and said to herself "now I can do no more — what will become of me?"

Страница рукописи «Алиса в Стране Чудес».

си, принесут ему всемирную славу. Так же, как маленькая Алиса, любимица Чарльза, никогда не могла бы подумать, что она станет героиней самого популярного произведения Доджсона — книги «Алиса в Стране Чудес».

Однако почему всемирно известное произведение, написанное английским писателем Льюисом Кэроллом, мы приписали Чарльзу Доджсону? Нет, это не ошибка. Льюис Кэролл — псевдоним Чарльза Доджсона. Так он подписывал все свои литературные произведения, в отличие от научных трудов, на титульном листе которых всегда сохранял свое настоящее имя. Чарльз Доджсон даже пытался отрицать свою причастность к художественному творчеству и заявлял, что не имеет никакого отношения к тому, что подписано не его подлинным именем. А сам тем временем выступал анонимно в журналах, иногда же подписывал свои стихи тремя таинственными буквами «Д. Е. Л.» либо никому не известным именем «Де Сьель». Почему он так поступал? Видимо, опасался, что кто-

то не одобрит его «раздвоения»: с одной стороны — серьезный ученый, исследователь, а с другой — сочинитель сказок. Подпись «Льюис Кэролл» впервые появилась под стихами, опубликованными в мартовской книжке журнала «Трейн» за 1856 год. Под этим именем он станет известен во всем мире и войдет в историю литературы.

С приходом лета в Крайст Черч наступала пора путешествий. Еще накануне того дня, на который намечали прогулку, начинались сборы в дорогу. Укладывалась в большую корзину всевозможная снедь, надо было не забыть чайник, посуду и многое другое — дом покидали на целый день. Требовалось также подготовить лодку — ведь в странствие отправлялись по воде: предстояло плыть по одному из притоков Темзы. Где-нибудь по пути отыскивали живописное место, высаживались на берег и устраивали пикник. Обычно в этих прогулках участвовало пять человек: сестры Лиддел, Доджсон и его друг каноник Дакуорс.

В этом составе компания отправилась на пикник и 4 июля 1862 года. Эта прогулка вошла в историю литературы, ибо именно во время этого путешествия по реке родилась необыкновенная сказка о девочке Алисе и ее приключениях под землей.

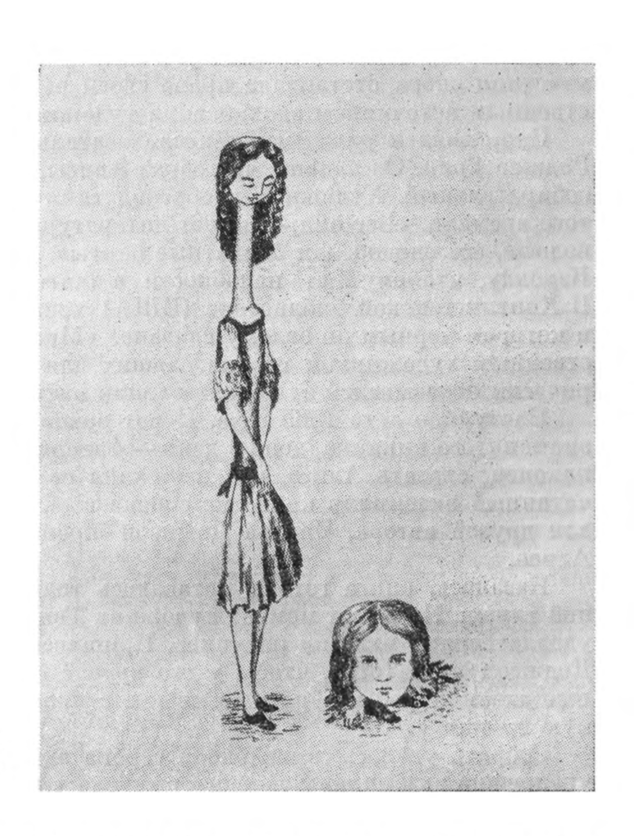
Причем в сказку попала не только одна Алиса Лиддел. Благодаря фантазии Доджсона путешествие по Стране Чудес совершила вся компания. Вместе с главной героиней в подземном царстве оказались все спутники по прогулке. Лорина превратилась в попугая Лори, Эдит — в Орленка, мистер Дакуорс — в утку Дак, а сам автор Доджсон — в Додо. Не были забыты и знакомые, например воспитательница девочек мисс Прикетт чудесным образом стала почтенной и рассудительной Мышью.

Надо ли говорить, что сказка имела успех у первых слушателей. А когда компания вернулась домой, Алиса, которой было тогда десять лет, прощаясь с мистером Доджсоном, сказала:

— О, мистер Доджсон, я хочу, чтобы вы записали для меня приключения Алисы.

Мистер Доджсон обещал выполнить ее просьбу. Но приняться за рукопись смог только осенью.

Письменный вариант сказки заметно отличался от того, который был сочинен во время пикника. Работая над приключениями Алисы, автор усложнил сюжет, ввел новых действующих лиц и эпизоды. А главное — из занимательного устного рассказа сказка превратилась в литературное произведение. Странствия Алисы в царстве снов полны глубокого смысла. Маленькая девочка, оказавшаяся якобы в «Стране Чудес», на самом деле бродит по вполне реальной стране. Мир, который открывается ей,— не такое уж сказочное царство. Здесь все напоминает хорошо знакомый ей «зем-



Превращения Алисы. Рисунки Льюиса Кэролла.

ной» мир, где она живет,— викторианскую Англию второй половины прошлого века.

Когда рукопись была завершена, Доджсон послал ее известному в то время поэту Джорджу Макдональду и получил от него восторженный отзыв.

Сначала Доджсон хотел проиллюстрировать сказку своими рисунками. Но потом по совету своего друга Дакуорса решил поручить это художнику Джону Тенниэлу, сотрудничавшему в юмористическом журнале «Панч». И вскоре художник закончил работу над пробными оттисками гравюр.

В наши дни по поводу рисунков Тенниэла разгорелся горячий спор. Участниками его стали старые леди, скрестившие копья за честь своих давно скончавшихся матушек.

Если права прототипа сказочной Алисы признаются всеми, то о том, кто послужил моделью художнику Джону Тенниэлу, когда он создавал свой знаменитый портрет длинноволосой девочки

с бархатным бантом, существует несколько версий. Каждая из участниц спора отстаивала право своей родительницы быть единственным источником вдохновения художника.

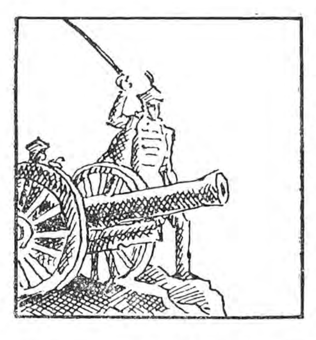
Спор взялся разрешить исследователь творчества писателя Роджер Грин. Он заявил, что образ Алисы, созданный Тенниэлом, собирательный. Художник изобразил типичный портрет девочки того времени. «Все они,— пишет литературовед,— носили длинные волосы, все они носили бархатные банты». Художник сам говорил Кэроллу, что ему нет надобности в живой модели для Алисы. В Хантингтонской библиотеке (США) хранится письмо писателя, в котором черным по белому сказано: «Мистер Тенниэл был единственным художником из рисовавших для меня, который категорически отказывался от использования натуры».

Наступило лето 1865 года. И вот ровно три года спустя после знаменитого пикника, день в день — 4 июля, мистер Доджсон смог, наконец, сказать Алисе, что выполнил ее просьбу. Первый отпечатанный экземпляр книги из сорока восьми, предназначавшихся для друзей автора, Чарльз Доджсон преподнес своей либимице Алисе.

Казалось, книга готова, оставалось только отпечатать остальной тираж. Но в этот момент художник Тенниэл заявил, что его не удовлетворяют оттиски рисунков. Пришлось отменить печатание. Доджсон не захотел, чтобы у его друзей оставались неполноценные экземпляры, и обратился к ним с просьбой вернуть подаренную им книгу.

Собрать удалось лишь около сорока экземпляров. Остальные уцелевшие экземпляры первого выпуска «Алисы в Стране Чудес» сейчас считаются в Англии исключительной библиографической редкостью и крайне высоко оцениваются на книжном рынке. Но еще более ценным является хранящийся в Британском музее рукописный оригинал книги, выполненный самим автором красивым почерком и снабженный его же рисунками.

САБЛЯ ПАНА ВОЛОДЫЕВСКОГО



Вот уже много лет ежегодно в Варшаве встречаются сильнейшие саблисты мира. Они приезжают сюда на традиционные соревнования, чтобы вступить в бой за почетную награду «Саблю Володыевского». Того самого Володыевского, храбреца и отчаянного рубаки, что изображен в трилогии Генрика Сенкевича. Герой этот порожден фантазией писателя. Откуда же в таком случае взялась эта сабля? Может быть, маленький рыцарь, как любовно называет Г. Сенкевич своего героя, существовал на самом деле? И его сабля сохранилась до наших дней?

В основе трилогии Г. Сенкевича, состоящей из трех романов — «Огнем и мечом», «Потоп» и «Пан Володыевский», лежат, как известно, действительные исторические события. Немало выведено на страницах этих романов и вполне реальных героев. Среди них не только широко известные исторические личности, но и такой персонаж, как Скшетуский, имевший живого прототипа. Не менее достоверны и другие действующие лица — знаменитый казацкий атаман Иван Богун, или, скажем, выдающийся военачальник Стефан Чарнецкий, именем которого был назван первый польский партизанский отряд, организованный в мае 1942 года, а сейчас — одно из старейших военных училищ. Можно говорить о подлинности даже таких второстепенных персонажей, как Зося Боская,

ведьма Горпына, Гасслинг-Кетлинг, прообразом которого послужил артиллерийский майор шотландец Гейкинг.

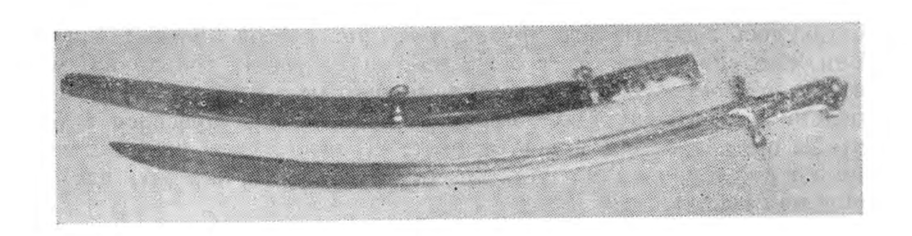
Насколько достоверен в таком случае командир польских драгун полковник Володыевский? Красный мундир его мелькает на всех страницах трилогии. Володыевский неизменный участник почти всех приключений, которые происходят с героями Сенкевича. В последнем романе его образ обрисован особенно ярко.

Володыевский — благородный и справедливый воин. И хотя это был непобедимый боец на саблях, блестящий фехтовальщик — виртуоз, славившийся, как говорит Сенкевич, по всей Речи Посполитой, он никогда понапрасну не употреблял свое грозное оружие, никогда без надобности не пускал его в дело. Таким, как свидетельствуют старинные документы, был и тот, кто послужил прототипом героя повествования, — подлинный пан Володыевский, опытный воин, неодолимый в бою, проведший большую часть жизни в сражениях. Сведения об этом смелом солдате писатель мог почерпнуть в документах того времени, семейных хрониках и фамильных бумагах. Например, у родственника Володыевского латычевского стольника Станислава Маковецкого в его «Отчете о падении Каменца и последних действиях Ежи Володыевского» (в отличие от книжного героя, которого зовут Михал, подлинного звали — Ежи).

Володыевские принадлежали к старинному, но незнатному роду. Бывало так, что, когда кто-нибудь из них попадал в плен к туркам и требовался выкуп, семья с великим трудом наскребала необходимую сумму. И если для кого-то война служила средством обогащения, то им она нередко несла новые заботы и хлопоты. Спасение от бедности гордые шляхтичи находили в старом, хорошо испытанном способе — женитьба на богатой вдове обычно не первой молодости и красоты.

Ежи Володыевский, сорокадвухлетний холостяк, обрел свою спасительницу в лице дочери соседа пана Езерковского. Кристина, так звали благодетельницу гордого, но бедного Володыевского, успела похоронить уже трех мужей. И в этот раз после очередного срока траура благополучно сочеталась браком с воинственным соседом.

А как же романтическая любовь немолодого полковника, так лирически описанная Сенкевичем? Писатель как бы сжалился над своим героем и не дал ему в спутницы жизни женщину черствую и холодную. Бася Езерковская, милая, смелая, прозванная в книге «казачком», за исключением фамилии — персонаж, порожденный фантазией Сенкевича. Подлинная Володыевская была женщиной расчетливой, корыстной и, как показали события, не очень преданной своему супругу. Тем не менее Володыевский после



Польская сабля XVII века. Подобным клинком прототип героя Сенкевича разил врага.

женитьбы достиг желанной цели: стал благодаря приданому жены, а отчасти и военным «трофеям» вполне обеспеченным человеком.

Множилось богатство, но еще быстрее росла его слава. И когда Володыевский (к тому времени он был в состоянии обзавестись собственным отрядом наемников) получил звание ротмистра в Каменце, жители городка встретили его с великой радостью. Это был опытный военачальник, а, кроме того, в отличие от других вельможных панов был лишен спеси: его отношения с горожанами были простыми и сердечными.

Времена в ту пору были неспокойные. Воевали, как говорится, на все четыре стороны, часто одновременно против турок, татар, казаков, шведов, русских. Однажды гонец доставил известие о том, что войска султана снова идут войной на польские земли. В Каменце — важной крепости на пути турок—и разыгрались те драматические события, которые, по словам современного польского историка М. Космана, довольно точно и в согласии с исторической правдой описаны Сенкевичем.

Когда неприятельские войска подошли к городу, в костеле начался молебен. Защитники поклялись сражаться до последней возможности. Но ничто, даже клятва, не могло помочь храбрецам. Многочисленные турецкие пушки наносили огромные потери осажденным. Число убитых и раненых росло с каждым часом.

В крепости было много женщин, среди них мать и сестра Володыевского, жена брата и сестра его супруги. И только ее одной не оказалось в этот трудный час с ним рядом. Еще накануне она благополучно покинула крепость, предпочитая бегство и позор славе преданной жены, готовой разделить с мужем опасность.

Володыевский успевал всюду: его видели среди артиллеристов, на валу, у стены. В гуще боя его всегда можно было узнать по сабле. Там, где клинок чаще других мелькал над головами дерущихся, там и был пан Володыевский. Его сабля творила чудеса, враги опасались приближаться к отчаянному воину. И чем меньше

оставалось в живых его друзей, тем яростнее он бился. О сражении, как свидетельствует очевидец, он забывал только на миг, чтобы попрощаться со смертельно раненным другом: опускался на колено и жал руку умирающего героя. И снова бросался в бой, чтобы сражаться еще ожесточеннее. «И если чудом его не настиг никакой удар,— пишет тот же свидетель,— то, значит, час его еще не пробил».

Наконец, все поняли, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Во дворе замка после совещания командиров Володыевский готовился к сдаче крепости. Солдаты стояли понурившись. Из костела слышался плач и рыдания женщин. Неожиданно раздался страшный взрыв. Двести бочек с порохом, хранившиеся в замке, взлетели на воздух. Около орудий, стоявших посреди двора, стали рваться боеприпасы. Володыевский хотел укрыться за валом и направил было туда коня, как вдруг упал, насмерть сраженный картечью.

Несмотря на отчаяние, замешательство и опасность, близким и друзьям удалось похоронить героя в подземелье францисканского костела. О том, чтобы вывезти из города останки «маленького рыцаря», нечего было и думать.

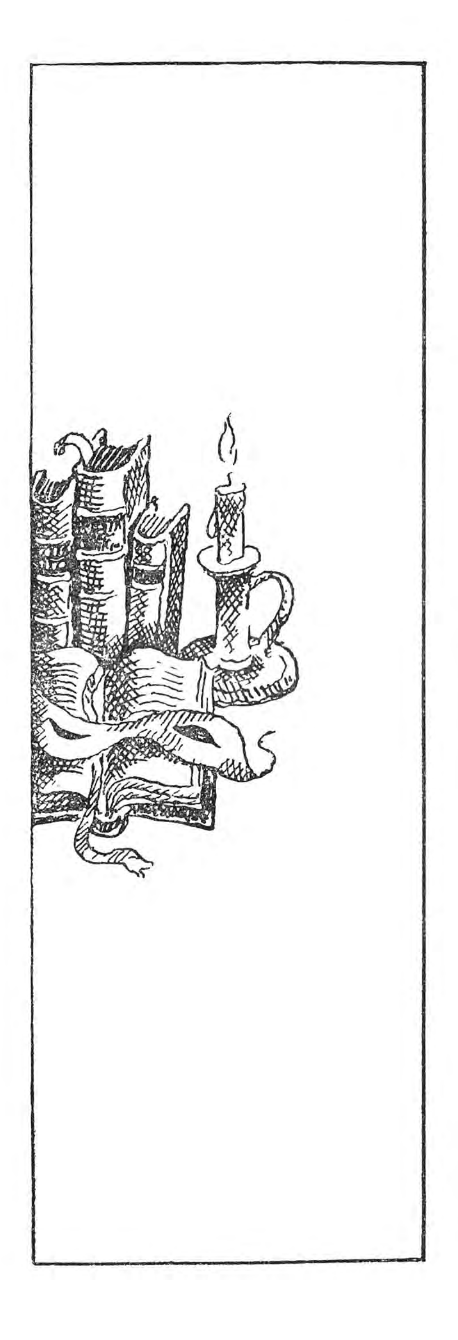
Рассказывая об обстоятельствах смерти Володыевского и его похорон, Сенкевич отошел от исторической правды. Трагическая смерть пана Михала, описанная в книге, который предпочел самоубийство позорной капитуляции, больше отвечала характеру этого героя, чем случайная гибель во время взрыва. Впрочем, и весь облик пана Володыевского на страницах книги получил под пером писателя гораздо более романтическую окраску, чем это было в действительности. Сенкевич широко использовал историческую канву, но вышивал по ней яркие узоры своей фантазии.

А как же сабля? Подлинная ли она?

Здесь, к сожалению, читателей ждет разочарование. Оружие знаменитого бойца не сохранилось. Приз, учрежденный Польским фехтовальным обществам,— символ, вручаемый сильнейшим. И все-таки завоевать эту награду стремятся спортсмены всех стран, ибо это значит добиться звания лучшего саблиста. Ведь «Сабля Володыевского» олицетворяет качества настоящего бойца и удостаиваются ею лучшие из лучших.



Загадки старых переплетов



ЗНАКОМСТВО С «ВЕЛИКИМ ГЕРЦОГОМ ГАНДИЙСКИМ»



За год до смерти Кальдерона (он умер в 1681 году) к нему обратился королевский наместник Валенсии, герцог де Верагуа с просьбой составить авторский перечень трудов драматурга. Кальдерон, тогда уже восьмидесятилетний старец, выполнил желание своего почитателя. В конце июня 1680 года он отправил герцогу письмо, в котором привел полный список созданных им произведений.

Едва ли Кальдерон мог тогда предполагать, какую неоценимую услугу оказывает он потомкам, будущим своим исследователям. Среди ста с лишним названий «комедиас» в авторском списке значилась и пьеса «Святой Франциско де Боржиа», посвященная герцогу Гандийскому — одному из представителей известной фамилии Боржиа, жившему в XVI веке, вице-регенту Каталонии, генералу ордена иезуитов. Причем пьеса упоминалась Кальдероном в числе тогда еще не изданных. На этом, собственно, и кончались наши знания об этом произведении. Текст пьесы исчез. В изданиях сочинений Кальдерона приводилось лишь ее название.

Около трехсот лет, а точнее, двести девяносто два года, пьеса считалась безвозвратно утраченной. И вдруг неожиданное сообщение: пьеса найдена! И не в Испании, не на родине писателя, где скорее всего можно было ожидать ее открытия, а за тысячи километров.

Млада Вожица — небольшой городок в южной Чехии, расположенный по склонам горы Бланице. Сквозь зелень проглядывают яркие крыши домов, отчего подножие горы напоминает инкрустированную поверхность или огромный разноцветный витраж. За кронами деревьев угадываются очертания старинного замка. Здесь некогда находилось родовое поместье графов Куэнбургов. Сейчас у замка новый хозяин — чехословацкий народ. Вместе с резиденцией бывших графов к новому владельцу перешла и обширная библиотека с коллекцией уникальных рукописей. Необходимо было тщательно их просмотреть и изучить. Чехословацкая Академия наук направила сюда группу ученых. Задача их заключалась в том, чтобы составить каталог книг и рукописей бывшей фамильной библиотеки графов Куэнбургов в Младовожицком замке. Прежние его владельцы не очень заботились о том, чтобы содержать в порядке свое ценное собрание. Да, вероятно, толком и не знали всего, что находилось в библиотеке. Вот почему можно было полагать, что исследователей здесь ждут неожиданные открытия.

В библиотеке замка удалось сделать не одну ценную находку. Но самой удивительной и, пожалуй, самой неожиданной оказались старинные манускрипты: четыре анонимных рукописи на испанском языке. Это были тексты написанных стихами драматических произведений. На каждом из них стояла подпись «графиня де Гаррах». Имя это ничего не говорило ученым. Зато содержание одной из пьес оказалось знакомым — это была комедия Кальдерона, известная еще по первым изданиям его сочинений.

Не составляло особого труда «опознать» и следующий текст. Он также оказался копией комедии знаменитого испанского драматурга. Сложнее дело обстояло с двумя другими анонимными произведениями. И прежде всего с основным, на титульном листе которого стоял заголовок «Великий герцог Гандийский».

На тщательное изучение текста пришлось потратить немало времени. Знакомство с ним оказалось делом не таким-то легким. Оно затруднялось прежде всего тем, что рукопись была написана несколькими почерками. Видимо, копия для быстроты делалась сразу несколькими переписчиками. Отсюда многочисленные ошибки и места, с трудом поддающиеся прочтению.

Началась работа над рукописью, ее анализ. Наконец, было установлено, что «Великий герцог Гандийский» — это тоже рукописная копия с неизвестной до сей поры комедии Педро Кальдерона де ла Барка. Открытие, способное взволновать каждого, кто любит мировую литературу и радуется, когда удается заштриховать еще одно «белое пятно» на ее карте.

Не удивительно, что младовожицкая находка стала подлинной сенсацией. Заговорили о «новом» Кальдероне, о том, что откры-

тие чехословацких ученых обогащает духовное наследие человеческой культуры, расширяет наше знакомство с творчеством всемирно известного драматурга.

Академия наук ЧССР приступила к научному изданию найденной пьесы Кальдерона, и вскоре оно вышло в свет. Какова же была судьба этой пьесы? Почему творение Кальдерона не публиковалось при его жизни и оказалось погребенным в тайниках времени?

Как это ни странно, но в том, что пьеса не дошла до потомков, виновны прежде всего современники писателя. По обычаям того времени, самому Кальдерону не полагалось заниматься изданием своих произведений. Вокруг талантливых драматургов вился рой театральных дельцов. Им обычно сочинитель продавал и всецело доверял рукописи своих пьес. Дальнейшая их судьба полностью зависела от этих людей, именовавших себя «лос ауторес» — «писатели». Постановка еще не изданной пьесы приносила им немалую выгоду. Подлинный же автор оставался в тени, часто горько сетуя на бесчисленные ошибки и искажения, которые допускали бесцеремонные «писатели». Понятно, что они не спешили с изданием пьес. Это било их по карману — прибыли немедленно падали, так как опубликованная пьеса становилась достоянием многочисленных театральных трупп. Видимо, в руки этих-то дельцов и попала пьеса, посвященная Боржиа, и так и осталась неизданной.

Специалистам были известны еще две пьесы других авторов на ту же тему. Обе написаны в 1671 году по случаю причисления к лику святых Франциско де Боржиа. Пьесы эти считались подражанием Кальдерону. Кроме того, имеется анонимное «ауто» — одноактная пьеса религиозно-богословского содержания, прославляющая Боржиа герцога Гандийского. Есть основания думать, что автор этого «ауто» — Кальдерон. Можно предполагать, что существовали рукописные списки с этого произведения Кальдерона, ибо пьеса в свое время, вероятно, пользовалась большим успехом. Но ни один из них до последнего времени не был известен.

Теперь пора ответить и на последний вопрос этой истории. Как попала копия комедии Кальдерона в библиотеку замка Куэнбургов? Обстоятельства, связанные с этим, сами по себе уже отчасти доказывают то, что анонимный текст «Великий герцог Гандийский» принадлежит Кальдерону и что это не что иное, как пребывавшая в безвестности пьеса «Святой Франциско де Боржиа».

Ключ к разрешению загадки заключался в двух словах, которыми была подписана найденная рукопись: «графиня де Гаррах». Кто же эта графиня? Каким образом ее имя оказалось на копии комедии испанского драматурга?

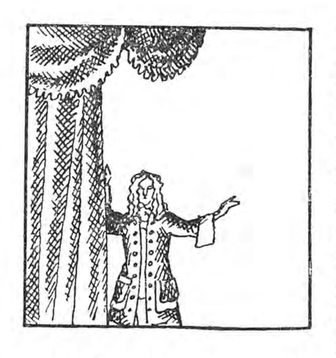
В Чехословацком национальном музее костюмов в Жемнице висит портрет знатной дамы. Красивое лицо, умный взгляд, пыш-

ное платье, расшитое дорогими кружевами. Подпись: Мария Йозефа де Гаррах. Это и есть в прошлом одна из хозяек дома в Млада Вожице. Остальное не составляло особого труда довыяснить. Из замка в Млада Вожице нити тянулись в Мадрид. Установили, что Гаррахи — Куэнбурги были тесно связаны с испанской культурой. Отец Марии был во второй половине XVII века послом в Мадриде. Семья увлекалась театром, в особенности комедиями Кальдерона. К сожалению, получить текст его пьес было очень трудно. Несмотря на это, Мария, страстная театралка, коллекционировала новинки испанской литературы. Однажды на сцене придворного театра она увидела великолепную комедию Кальдерона и, не дожидаясь, пока пьеса будет опубликована, спешит приобрести ее, а заодно несколько других. На некоторое время ей удается заполучить тексты этих пьес, чтобы снять с них рукописные копии. Для быстроты в дело включаются сразу несколько переписчиков одновременно.

Отныне бессмертные творения великого драматурга хранятся в семейной библиотеке и составляют гордость юной поклонницы его таланта. В 1673 году, после почти пятилетнего пребывания в стране, дочь австрийского посла покидает Мадрид и возвращается на родину. Дата ее отъезда очень важна для определения времени создания пьесы «Святой Франциско де Боржиа». Скорее всего она появилась в 1671 году. Кальдерон написал ее к придворным и национальным празднествам по случаю причисления к лику святых Гандийского герцога, канонизированного по распоряжению папы Климента XI именно в этом году. Десять лет спустя Мария Гаррах выходит замуж за Яна Йозефа графа Куэнбурга. Ее богатая коллекция испанских рукописей, которую она собрала в юности в Испании и впоследствии старалась при всяком удобном случае пополнять, попадает вместе с нею в резиденцию Куэнбургов в Млада Вожицу.

Не так давно пьеса Кальдерона «Великий герцог Гандийский» вышла в Праге отдельной книгой. В предисловии к ней говорится: «Чехословацкая Академия наук, руководимая стремлением к мирному сотрудничеству всех народов на поприще науки и культуры, предпринимает настоящее издание как конкретный вклад в дело этой великой миссии и в этом смысле предлагает его мировой общественности».

ВЫМЫШЛЕННЫЙ «ДОКТОР»



Осенью 1658 года после многолетних скитаний по провинции труппа Мольера прибыла в Париж. Ей предстояло теперь завоевать столицу Франции.

Первое представление было назначено на 24 октября. В огромном зале Гвардии старого Лувра мольеровская труппа должна была играть трагедию Корнеля «Никомед» перед самим Людовиком XIV и его придворными. В этот день решалась судьба комедиантов. Но уже по тому, как реагировали зрители во время представления и особенно после того, как опустился занавес и раздались жидкие хлопки, можно было сказать, что спектакль не понравился пресыщенной столичной публике.

И тогда, чтобы спасти положение, Мольер, выйдя к рампе, попросил у короля разрешения «представить ему один из тех маленьких дивертисментов, которые стяжали ему некоторую известность и увлекли провинцию». Молодой король любил развлечения и в знак согласия кивнул головой.

Актеры показали «Влюбленного доктора» — комедию-фарс, сочиненную Мольером. Смеялся король, смеялись придворные, смеялись даже мушкетеры, стоявшие у дверей.

Остроумный спектакль, с таким задором и заразительным весельем разыгранный в тот вечер, решил судьбу труппы. Король предоставил Мольеру старый театр в Малом Бурбоне и назначил

пенсию — полторы тысячи ливров в год. Отныне труппа называлась именем брата короля — герцога Филиппа Орлеанского.

Это едва ли не все, что нам известно о комедии «Влюбленный доктор». Фарс, проложивший Мольеру дорогу на столичные подмостки, до нас не дошел. К досаде поклонников таланта драматурга и к огорчению исследователей его творчества, текст комедии оставался неизвестным, считался утраченным. Так, по крайней мере, полагали в течение почти двухсот лет. Пока в январе 1845 года во французском театральном журнале «Антракт» не появилось сенсационное сообщение о рукописи «Влюбленного доктора». Найдена комедия великого Мольера, да к тому же в рукописи! Ни одна рукопись драматурга, ни одно его письмо, за исключением двух клочков — денежных расписок к тому времени не сохранились! Было отчего взволноваться любителям театра.

Кто же был тем счастливцем, которому довелось найти текст утраченной комедии Мольера?

В письме, опубликованном на страницах журнала «Антракт», некий М. Геро-Лагранж, адвокат из Руана, сообщил, что, разбирая бумаги семейного архива, случайно обнаружил среди них рукопись «Влюбленного доктора». Немаловажное значение приобретал тот факт, что М. Геро-Лагранж, как он заявлял, был потомком соратника и друга Мольера актера Лагранжа. Вполне возможно, что последний в свое время приобрел мольеровскую рукопись и сохранил ее. Никому не показалось это странным. Многие помнили о том, что несколькими годами раньше были обнаружены тексты двух утраченных комедий Мольера «Ревность Барбулье» и «Летающий доктор».

Сам адвокат Геро-Лагранж не мог прибыть в Париж. Он был тяжело болен, и врачи категорически запретили ему вставать с постели. Все дела относительно постановки найденной комедии на сцене он поручил своему молодому другу Эрнесту де Калону. Юноше едва исполнилось двадцать два года, он только что окончил Сорбонну. Как и все в ту пору, немного пописывал стишки, был большим театралом и даже автором двух пьес: трагедии «Виржиния» и водевиля «Под маской». Правда, ни одно из этих произведений не привело в восторг дирекцию театра «Одеон», куда начинающий драматург обратился.

Теперь Калон не был скромным просителем. Гордый от сознания того, что в его кармане лежит творение бессмертного Мольера, он переступил порог театра «Одеон» и предстал перед его директором господином Лирэ. Его ждал самый радушный прием, директор рассыпался в любезностях. Условия, предъявленные Калоном от своего имени и от имени М. Геро-Лагранжа, оказались не столько обременительными, сколько оригинальными. Получив текст ко-

медии Мольера, директор театра «Одеон» обязан был поставить и пьесу самого Калона «Под маской».

Вскоре состоялась первая читка найденной комедии. В каждой сцене присутствующие узнавали манеру Мольера, темы, которые французский драматург развивал в своих пьесах. Во время читки Калон, казалось, как и все, был взволнован. Никто не обратил внимания на то, что молодой человек, сидевший напротив бюста Мольера, то и дело поглядывал на него. Видимо, скульптурный портрет немного смущал его. В конце концов он даже переменил место и сел к нему спиной.

Лучшие актеры театра «Одеон» удостоились чести участвовать в спектакле. Начались репетиции.

А тем временем на страницах газет развернулась полемика вокруг пьесы, найденной таким чудесным образом. Начали раздаваться голоса подозрения. Вдобавок ко всему выяснилось, что актер Лагранж умер, не оставив потомства.

Во главе сомневающихся выступал известный поэт Теофиль Готье. Он откровенно заявлял, что не верит ничему в этой истории с комедией «Влюбленный доктор».

Под напором «неверующих» несколько остыл восторг и директора Лирэ. Копия с рукописи комедии, представленная Калоном, стала казаться ему подозрительной. Он потребовал найденный оригинал. Калон горячо доказывал, что это невозможно, так как его руанский друг ни за что не желает расставаться с ценной находкой. И только после категорического заявления Лирэ, пригрозившего остановить репетиции, Калон выехал в Руан.

Через некоторое время он вернулся и торжественно вручил в собственные руки директора оригинал находки: восемьдесят страниц, густо исписанных поблекшими от времени чернилами. Теперь рукопись хранилась в секретере господина Лирэ, который извлекал ее оттуда лишь для того, чтобы с гордостью продемонстрировать друзьям.

Наконец, афиши возвестили о ее премьере. Первого марта 1845 года ровно в шесть часов вечера, сообщали они, на сцене второго театра Франции начнется комедия «Скупой», затем будет показан «Влюбленный доктор» — «только что найденная комедия Мольера, в последний раз представленная 24 октября 1658 года Мольером и его труппой, игравшими перед королем в зале Гвардии старого Лувра, после чего пьеса была утеряна». В конце афиши извещалось, что рукопись будет выставлена в фойе театра, а из пролога, сочиненного Калоном в стихах, станет известна история находки.

В день премьеры театр «Одеон» был переполнен. С нетерпением ожидали антракта, чтобы осмотреть столь редкую находку.

Едва наступил перерыв, публика ринулась в фойе. Рукопись Мольера лежала на столе, около нее стояли два жандарма. Это не смутило любопытных. Каждый стремился дотронуться до реликвии. В суматохе и толчее исчезли два листа, взятые «на память». Все были удовлетворены, один лишь Теофиль Готье настаивал на своем, утверждая, что рукопись «выглядит слишком старой, что доказывает ее молодость».

Успех у комедии был небывалый. Критика в один голос признала пьесу творением Мольера. «Авторство Мольера не вызывает сомнений,—писал в журнале «Ле Сьекль» известный критик Ипполит Люка.— Пьеса интересна, написана с большим юмором и несравненно выше, чем «Ревность Барбулье» и «Летающий доктор».

Вопреки общему мнению литературно-театральных кругов, безоговорочно принявших пьесу как комедию Мольера, Теофиль Готье упрямо твердил о подделке. «Чернила от времени выцветают неравномерно,— заявлял он.— А эта рукопись написана просто разбавленными чернилами».

Но высказывания поэта тонули в общем хоре похвал и восторгов. Комедия продолжала идти при переполненном зале.

Кто знает, может быть, ей и суждено было бы остаться в списке произведений Мольера, если бы не случайность.

Молодой человек Эрнест де Калон был, видимо, слишком тщеславен. Однажды он похвастался перед одним из своих друзей о том, что история с находкой неизвестной комедии Мольера — всего лишь плод его фантазии и творчества.

Слух о подделке молниеносно распространился по Парижу. И только тут, наконец, решили проверить, существует ли в Руане адвокат Геро-Лагранж. Такого не оказалось.

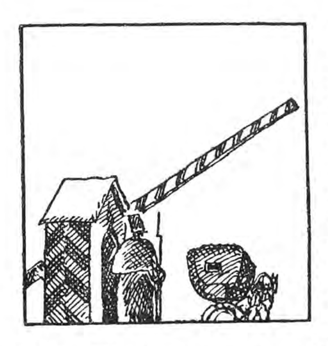
Теофиль Готье ликовал, директор Лирэ стал общим посмешищем, а Эрнест де Калон, вспыхнув яркой кометой, снова ушел в забвение.

Пять лет спустя его имя можно было встретить среди преподавателей Алжирского колледжа. Здесь же, в Алжире, была сыграна его пьеса в стихах «Берта и Сюзанна», ставили его пьесы и в Париже, но успеха они не имели, так же как и сборник стихов, вышедший тридцать лет спустя.

Калон оказался всего лишь талантливым автором литературной подделки.



ИТАЛЬЯНЕЦ ПРИ ДВОРЕ ТУРРАКИНЫ



В шестнадцать лет, окончив семинарию, Джанбаттиста Касти уже имел звание профессора красноречия и был известен как сочинитель стихов. Однако как поэта его не очень примечали. Неудачи на поэтическом поприще не обескуражили его. Он начинает писать новеллы. В них сразу же проявляется его язвительный талант. Описание любовных похождений и насмешки над церковниками принесли ему скоро такую известность, которой не мог тогда похвастаться, пожалуй, ни один поэт. Из-за этого-то, собственно, и начались у него неприятности. Пришлось отправляться в изгнание. За дерзкое поведение и слишком вольные сочинения Джанбаттиста Касти был предан анафеме и выдворен из Рима. Впрочем, сожалеть об этом ему особенно не пришлось. Он обосновался во Флоренции, где стал близким ко двору поэтом. Отсюда он начнет свой путь к европейской известности, несколько, правда, скандальной, но все же славе...

Типографский бандитизм был распространенным явлением в восемнадцатом веке. Сколько раз Вольтер, Руссо и многие другие писатели того времени жаловались на наглость печатников, издававших их произведения без участия и согласия авторов. Стал жертвой такого произвола в конце века и Джанбаттиста Касти. Его «Татарская поэма» не один год гуляла в списках по Европе. В Вене, в Северной Италии, где хозяйничали наполеоновские сол-

даты, в Милане ее передавали из рук в руки, ею зачитывались. Не удивительно, что какой-то предприимчивый типограф решил ее отпечатать, забыв известить автора. Впрочем, он и не смог бы этого сделать — фамилия автора отсутствовала на рукописных списках поэмы.

Книжкой, изданной в маленьком карманном формате, что делало ее особенно удобной, буквально наводнили весь Милан. Напрасно Касти, находившийся тогда где-то между Римом и Парижем, умолял своего миланского друга скупить тираж, изъять сочинение. Книга разошлась молниеносно.

Отчего же Касти, имя которого не было на обложке миланского издания, не желал его распространения, всячески старался избежать огласки? Опротестовать же издание он тоже не смел. В таком случае пришлось бы раскрыть себя как автора. Чего же опасался Касти?

Чтобы ответить на это, надо познакомиться с содержанием поэмы. Однако понять ее подлинный смысл можно лишь, владея особым ключом к тексту. И хотя поэма Касти довольно прозрачная аллегория, но без этого не обойтись. Недаром в более поздних ее изданиях после каждой песни (всего их в поэме двенадцать) прилагался словарик, с помощью которого можно расшифровать имена героев и места действия.

...Томмазо Скардассаль, герой поэмы, претерпев целый ряд приключений и лишений — турецкий плен, любовь черкешенки Зельмиры, побеги,— попадает, наконец, в Каракору и оказывается при дворе властной и хитрой Турракины. Кого скрыл под этим именем автор? Современники знали это очень хорошо. Недаром поэт строгих правов Парни, осуждая Касти за его дерзкую поэму, возмущался тем, как он мог выступить «против владычицы огромной страны». Если заглянуть в упомянутый словарик, то мы узнаем, что Каракора — Петербург, а Турракина — она же Каттуна, Толеикона, Катинга, Катуска — венценосная Екатерина II.

Приключениям Томмазо в России и посвящены остальные песни поэмы Касти. В ней, конечно, много фантазии, выдумки. И хотя Касти заканчивает свое сочинение словами о том, что сведения, изложенные в поэме, получены от одного синьора из Венеции, который взял с него слово сохранить в тайне его имя, на самом деле она была написана им на основе личных впечатлений.

После нескольких лет жизни во Флоренции Касти оказался в Вене. Его привез сюда Иосиф II, которому во время поездки во Флоренцию приглянулся остроумный и веселый итальянец. В австрийской столице Касти пытался войти в милость Марии-Терезы, стремясь получить звание придворного поэта вместо подвизавшегося там Метастазио.

В 1778 году Касти прибыл в Петербург в свите одного из министров Марии-Терезы. Екатерина II приняла заезжего поэта ласково. Однако это не помешало ему написать на нее, говоря словами современного венгерского литературоведа Ене Колтаи-Кастнера, «злую сатиру в форме романтического повествования с ключом и направленную против абсолютизма русской царицы». Попробуем же подобрать нужный ключ к иносказаниям Касти и прочесть его поэму, так сказать, без маски, обнажив ее истинный смысл. Это тем более интересно, что и о поэме, и о ее авторе у нас почти ничего не известно.

Какие же приключения происходят с Томмазо при дворе Турракины и что он здесь увидел. Прежде всего — распутство, своеволие правительницы и порабощенный народ.

Народ-раб сгибает спину
Под гнетущим тяжелым игом.
Человека здесь ценят меньше коня или вола.
Его покупают, продают и меняют...

Все больше погружаясь в жизнь русской столицы, Томмазо узнает, как был построен Петербург, знакомится с его достопримечательностями. Фортуна улыбается чужеземцу. Сам Тото (князь Потемкин) сообщает ему о том, что он зачислен в фавориты императрицы. Его одаривают поместьями, награждают орденами, ему присваивают генеральский чин.

Война с иноземцами требует денег — Турракина вводит новые налоги, поскольку доверенные ею Тото суммы он прикарманил, ибо «не делал никакой разницы между государственной казной и своей». Недовольство народа скоро выливается в бунт. Во главе восставших встает Туркан (Пугачев). Паника охватывает столицу. И если бы, пишет Касти, Туркан прямо пошел на столицу, «то оказались бы в опасности Каттуна, империя и трон, и, может быть, последовала бы большая революция, так как угнетенные и порабощенные видели в Туркане своего освободителя». После усмирения непокорных царица вновь предалась пирам и забавам, расходуя на увеселения «деньги, предназначенные для необходимого». Каракору наводнили иноземные ученые и поэты, но еще больше здесь подвизается всяких проходимцев.

Прожектеры в этой столице,
Артисты и авантюристы появляются часто...

Но вот в столице узнают, что императрица намерена совершить паломничество. Она действительно покидает Каракору, но только совсем с иной целью: чтобы тайно родить ребенка. Когда же Турракина возвращается, сенат награждает ее титулом «чистейшая».

Скоро, однако, безмятежному житью Томмазо наступает конец.

Он попадает в опалу, его ссылают в Сибирь. На помощь ему приходит Зельмира, ставшая к тому времени влиятельной дамой при дворе турецкого султана. Она вызволяет его из ссылки. Томмазо возвращается и умирает в объятиях черкешенки.

В отличие от других, пишет Людовик Корио в предисловии к поэме 1932 года итальянского издания, Касти не был ослеплен лучами Большой Медведицы, то есть Екатерины. «Близко увидевший эту Северную Семирамиду, он не столько восхищался ее прославленными талантами, сколько питал отвращение к жестокости и изощренному деспотизму, а также к разнузданным нравам, скрытым под покровами внешней цивилизованности».

Начал писать свою поэму Касти еще в Петербурге. В ней — множество исторических персонажей, выведенных под вымышленными именами: Казлукко — Григорий Орлов, августейший Оранцаб—Иосиф II, Ренодино — прусский король, Аитоне — Густав III, король шведский. Первые семь песен были закончены Касти сразу же по возвращении в Вену. Остальные дописаны на корабле во время путешествия в Венецию. Австрийскую столицу ему пришлось покинуть не по своей воле.

Прослышав о поэме, Иосиф II пожелал ее прочитать. Надо ли говорить, что он остался недоволен. Когда же из Петербурга поступили известия о том, какой гнев вызвало это сочинение при русском дворе, он дал Касти триста золотых и выгнал его на все четыре стороны. Вернулся Касти в Вену уже после смерти Иосифа II. К тому времени старый его соперник — Метастазио умер. Другой претендент на звание придворного поэта Лоренцо Да Понте, которого поддерживал придворный музыкант Сальери, был уже не страшен ему. Только теперь осуществилась его мечта. Его назначают придворным поэтом с окладом в две тысячи флоринов в год.

В Вене он пишет комические произведения «Теодоро из Венеции», «Грот Трифонии», «Кубилай, великий хан татарский» и другие. Сочинения его высоко ценили современники — в частности, Гете, их любил читать Стендаль, с похвалой о них отзывались венгерские писатели Шандор Кишфалуди и Ференц Казинци.

Конец жизни Касти провел в Париже. Здесь он опубликовал «Галантные новеллы» — «смесь остроумия и нелепостей», а незадолго до смерти, в 1802 году, поэму «Говорящие животные», о которой так же, как и о «Татарской поэме», Ене Колтаи-Кастнер отзывается как о произведении, содержащем революционные идеи. Недаром обе книжки, хотя и были строжайше запрещены, пользовались большой популярностью.

Как только стало известно, что Касти — вольнодумец и безбожник — умер, в Италии появилась анонимная брошюра «Суд над

аббатом Джанбаттиста Касти в потустороннем мире. Поэтический каприз в трех диалогах».

«Поэтические произведения этого известного автора,— говорилось в ней,— хотя и прославили его имя до такой степени, что он может конкурировать с любым итальянским классиком, все же они подлежат осуждению каждого честного и образованного человека, так как в большинстве своих произведений автор не придерживался правил хорошей морали, а выставлял слишком явно греховное, показывая его в самой неприличной и опасной обнаженности, а также высмеивая и глумясь над церемониями и догматами святой и великой религии».

И после смерти Касти долгое время оставался неудобным писателем, о котором было в общем-то мало что известно. Только изучение рукописей и писем писателя, хранящихся в Национальной библиотеке в Париже, позволило в наше время восстановить в подробностях жизнь этого веселого и дерзкого сочинителя.



ПОЭТЕССА В МАСКЕ



За столом в зале старинного замка сидела компания военных, в основном офицеры флота его величества короля Франции. Лишь один из гостей был в штатском — по виду англичанин. Выпито было уж изрядно, языки развязались, беседа становилась все более сумбурной. Среди офицеров выделялся молодой француз лет тридцати с небольшим. Его внешность — глаза и волосы, порывистые движения — выдавали в нем человека романтического. В то время, как шрам на лбу свидетельствовал об отваге и перенесенных опасных приключениях. Звали его Жозеф-Этьен де Сюрвиль. Он был маркизом, с шестнадцати лет служил королю, воевал на Корсике. Подхваченный порывом сочувствия американским повстанцам, вместе с Лафайетом пересек океан и сражался против англичан. С тех пор Сюрвиль проникся великой ненавистью к британцам. Неприязнь к ним он сохранил и после возвращения из-за океана, о чем при всяком удобном случае любил упоминать.

И сейчас он был настроен явно агрессивно: сосед по столу не давал ему покоя. В расчете на то, что англичанин его услышит, Сюрвиль начал громко рассказывать о том, каким образом английский адмирал Родней поднимал храбрость своих вояк. Он спаивал их перед боем до такой степени, что французы втаскивали пленных за борт фрегатов, как мешок с грязным бельем. Взрыв смеха

потряс залу. Все уставились на англичанина. Удар не прошел мимо цели. По всему было видно, что милорд не оставит такого заявления без последствий.

Дуэль была примечательной. Решено было биться в доспехах и латах, благо те оказались тут же под рукой в зале замка. Закованные в железо, они скрестили оружие. Бой был жестоким. То и дело противники обменивались мощными ударами. Временами казалось, что гибель одного из дерущихся неминуема — с такой силой они тузили друг друга. Но все кончилось благополучно. Недавние враги в помятых латах, покрытые синяками, но тем не менее невредимые, прервали бой, чтобы отметить примирение веселой пирушкой.

Во время ужина Сюрвиль прочитал несколько стихов. На вопрос, кто их автор — уж не он ли сам! — маркиз загадочно промолчал. Друзья продолжали подшучивать над его тайной страстью к сочинительству. Впрочем, они и раньше знали о том, что за маркизом водится этот грешок. Но всерьез никто его вирши не принимал. Так же, как и критики — более опытные и изощренные судьи считали, что страсть маркиза к сочинению стихов — всего лишь страсть графомана к рифмоплетству. Но то, что прочитал Сюрвиль в тот день в замке, было истинной поэзией.

Неужели автор прекрасных стихов — маркиз де Сюрвиль? Настойчивые вопросы друзей вынудили подвыпившего маркиза к чистосердечному признанию, правда, сделанному им под большим секретом. Он заявил, что владеет тайной бесценного клада. Собеседники готовы были выслушать необыкновенную историю о награбленных пиратами сокровищах, о пещере, где они хранятся. Однако их ждало разочарование. Оказалось, Сюрвиль владел тайной не простого клада, а поэтического. Точнее, в его руках находились рукописи стихотворных творений его прабабки трувересcы XV века Клотильды де Сюрвиль. Сейчас, как сообщил маркиз, он как раз и занят расшифровкой и перепиской этих рукописей. По словам Сюрвиля, публикация наследства средневековой поэтессы станет огромным событием в литературной жизни. И в этом его долг перед семьей, он целиком посвятит себя его выполнению.

Но планам Сюрвиля не суждено было сбыться. Помешала революция. Потомок поэтессы не стал ждать, когда «национальная бритва» — гильотина — отделит его голову от туловища. В 1791 году он оставил Францию.

Его побег можно было считать вполне благополучно осуществленным, если бы не один случай, происшедший с ним по дороге. Когда карета, в которой он ехал, подъезжала к местечку Ардеш, из леска выскочило несколько всадников. Это были бандиты. Вместе с ценностями, оказавшимися при нем, а также документами,

подтверждавшими его, маркиза, благородное происхождение, к ним в руки попали и бесценные рукописи его прародительницы. К счастью, предусмотрительный Сюрвиль успел заранее снять копии с творений поэтессы.

В Дюссельдорфе, где оказался Сюрвиль, собралось немало представителей французской аристократии. Среди беглецов находился и лейтенант морского флота виконт де Вандербург. Он и Сюрвиль, который тоже был морским офицером, подружились. Маркиз с горечью поведал товарищу по несчастью о своих злоключениях. Рассказал он ему и о поэтическом наследстве своей прабабки, заявив, что непременно издаст отдельным сборником ее стихи и поэмы «Оду Беранже де Сюрвилю», «Королевскую песнь Карлу VIII» и другие.

Вандербург был взволнован и потрясен тем, что услышал и увидел. Рукописи XV столетия! Он понимал, какую ценность представляют эти листы. Но его восторг был чисто «платоническим» — из любви, как говорится, к искусству. Хотя другой на его месте мог бы попытаться извлечь пользу из всего этого, тем более что Сюрвиль разрешил снять копии Вандербургу с некоторых стихов.

Вскоре друзья расстались. Прощаясь, Сюрвиль вновь подтвердил свое намерение издать стихи, как только вернется на родину.

Случай не заставил себя долго ждать. Маркиз получил возможность вернуться во Францию. Но об издании стихов думать было рано — он ехал с тайным поручением, как «королевский эмиссар».

Судьба его оказалась трагичной. Он был схвачен и расстрелян осенью 1798 года. Перед самым концом, находясь в камере смертников тюрьмы Пюи, он продолжал заботиться о дорогих его сердцу рукописях, которые оказались при нем. В последний момент ему удалось передать их в верные руки. В прощальном письме он писал жене, что не может сообщить, где оставил рукописи (переписанные его собственной рукой) бессмертных творений Клотильды, которые так мечтал увидеть опубликованными. «Их передадут тебе,— писал маркиз,— через несколько дней дружеские руки, которым я их доверил. Прошу тебя сообщить об этих рукописях литераторам, тем, кто сможет их оценить, а затем поступи с рукописями, как продиктует тебе благоразумие». В заключение Сюрвиль умолял сделать так, чтобы плоды его изысканий не были полностью потеряны для грядущих поколений и, что самое главное, для чести его семьи.

Прошло немало времени после смерти маркиза, а «дружеские руки», о которых он писал в своем письме, все не появлялись. Мадам де Сюрвиль, несмотря на свое благоразумие, не в силах была что-либо предпринять. Не мог помочь ей в этом и Вандербург. К тому времени он не только вернулся в Париж, но и добился,

чтобы его имя вычеркнули из списка эмигрантов. И хотя жил он бедно, зарабатывая литературным трудом, надежд на лучшее не терял. Вспомнив о Сюрвиле и его прабабке, он начал поиски. Они привели его в дом к вдове бывшего друга. Когда ему и вдове маркиза казалось, что надеяться уже не на что и рукописи исчезли навсегда, неожиданно появилась женщина, доставившая бумаги казненного маркиза. Среди них оказались и бесценные рукописи.

Теперь и Вандербург считает своим долгом познакомить свет с наследием Клотильды. Ему удается заинтересовать издателя Анриша. И вот рукопись XV века уже печатается. Но когда казалось, что цель близка, что удастся, наконец, выполнить завет друга, все внезапно рухнуло. Осторожный издатель заколебался. Его смутили отдельные строки в «Оде Беранже де Сюрвилю». Он усмотрел в них явный намек на современность!

Гонимый своими подданными, самый благородный из принцев
Блуждает, он изгнан со своих собственных земель,
Бродит из замка в замок, из города в город,
Вынужденный бежать из тех мест, где ему бы царить,
А люди ничтожные, изменники и раболепные подонки
Осмеливаются, о преступление, требовать суда над ним!
Нет, нет! не может длиться преступное безумие.
Французский народ, ты вернешься к своему королю!

Издатель Анриш не может напечатать такое. Ведь это явный намек на Людовика — законного короля. Он отказывается рисковать. И только благодаря мадам де Сюрвиль, которая использовала свои знакомства и достала официальное разрешение, стихи Клотильды увидели свет.

Это произошло в середине мая 1803 года. На обложке томика, изданного in oktavo, было оттиснуто: «Стихи Маргерит-Элеоноры Клотильды дю Валлон-Шали, дамы де Сюрвиль, французской поэтессы XV века». В книге помещалось тридцать семь стихотворных произведений: эпистолы, рондо, триоле, героические сказания. Открывало сборник обширное предисловие. Автором его был Вандербург. В нем он писал, что Клотильда родилась около 1405 года в родовом замке своего отца доблестного рыцаря Луи-Фердинана де Валлона. Мать ее была образованной женщиной. Воспитание Клотильда получила при дворе Гастона де Фуа герцога Немурского, где приобщилась к культу муз. В одиннадцать лет она уже переводила Петрарку и поражала окружающих талантами. К тому же одаренное дитя росло среди избранных подруг, прелестный ум и изысканный вкус которых повлияли на формирование ее характера. В шестнадцать лет Клотильда вышла замуж за Беранже де Сюрвиля, который, однако, скоро ее покинул и, «вняв зову чести»,

пошел сражаться в рядах дофина Карла. Тогда-то любящая супруга и написала знаменитую героическую песнь в честь мужа, которого ей больше не суждено было увидеть. Овдовев, Клотильда одиноко жила в своем замке, где и умерла в возрасте девяноста лет.

Весь Париж был увлечен творчеством неизвестной до тех пор поэтессы. Маленькая книжка стихов труверессы Клотильды выдержала за полтора года три издания. Но больше всех, пожалуй, восторгались женщины. Им были особенно близки воспеваемые автором чувства «нежной матери», «супруги, сгорающей от огня чистой любви», всех волновали строчки стихотворения «Стихи моему первенцу», положенные тогда же на музыку Бертоном.

Расхождения во мнениях не было: большинство творений Клотильды проникнуты настоящим поэтическим вдохновением. Оно сочетается в них с неподдельным чувством, язык их гибок, чист, гармоничен, а стиль — что было особенно редко в эпоху, когда якобы жил автор,— граничит с совершенством.

Однако вскоре раздаются, правда, пока еще немногочисленные, голоса сомнения. Но они тонут в общем хоре похвал и восторгов. Писатели и академики высказываются печатно за полную аутентичность стихов.

Среди этого всеобщего восторга, как гром среди ясного неба, воспринимаются слова о том, что стихи написаны современником, человеком XIX столетия, в них явно чувствуется усилие подражать стилю XV века. Часто это подражание наивно и еще чаще неудачно. Зерно сомнения было брошено. И вот уже литературный Париж разделен на два лагеря. Одни с пеной у рта отстаивают подлинность творчества Клотильды де Сюрвиль, другие не менее пылко изобличают обман. Клотильда никогда не существовала,— доказывает «Журналь де Пари»,— маркиз де Сюрвиль единственный автор стихов своей мнимой прабабки.

Слухи ползут по городу, все больше становится сомневающихся. Один лишь Вандербург продолжает спорить, возмущаться, доказывать. Многим кажется странным, что современникам поэтессы не было ничего известно о ее творчестве. В этом нет ничего удивительного, заявляет Вандербург, что же касается отсутствия оригиналов рукописей, то сомневаться не приходится — они исчезли в вихре революции.

Постепенно происходит интересная метаморфоза. Автор предисловия Вандербург, столь рьяно защищавший подлинность творчества Клотильды, объявляется создателем стихов, подписанных ее именем. Сначала это его озадачило. Затем стало льстить. Всюду, где бы он ни появлялся, его встречают как скромного автора великолепных стихов, скрывшегося под псевдонимом. Нежданная слава обезоружила пылкого защитника Клотильды. Он уже не протестует

ни против нападок на нее, ни против того, что его самого называют творцом стихов. Наконец, как апофеоз его восхождения на вершину славы, Академия раскрывает перед ним свои двери.

Через несколько лет, в 1824 году, выходит новый сборник стихов Клотильды де Сюрвиль. Но в этот раз с установлением авторства было гораздо легче. Книжонку эту состряпали два литератора — неисправимый мистификатор Шарль Нодье и барон Ружу. В стихах, якобы сочиненных поэтессой XV века, они писали о Копернике, спутниках Сатурна, открытых через двести лет после ее смерти, и многих других фактах и событиях, о которых бедная Клотильда понятия не могла иметь и знать не знала.

Но кто же был автором стихов, помещенных в первом сборнике Клотильды де Сюрвиль, изданном в 1803 году?

Одно из двух, как считают исследователи, либо автором этой ловкой литературной подделки (а в этом почти уже никто не сомневался) был маркиз де Сюрвиль, либо Вандербург.

Критик Сент-Бёв написал целую обвинительную речь о Клотильде, считая, что творец мистификации — Сюрвиль. И все же нельзя сказать, что в этой истории все было ясно, что «проблема Сюрвиля» перестала существовать. Напротив, об этом написано такое количество работ, что только перечисление их занимает несколько страниц.

Однако Клотильда сохранила и верных ей защитников. Профессор Масэ доказал, что она существовала на самом деле. Он даже обнаружил брачное свидетельство Клотильды и запись о крещении ее сына. Правда, Масэ, человек осторожный, не утверждал, что все в литературном наследстве, которое дошло до нас, принадлежит самой поэтессе. Немало отсебятины, по его мнению, в ее рукописи, видимо, внес Сюрвиль, стремясь омолодить текст.

Доказать существование Клотильды де Сюрвиль — это еще не значит доказать ее авторство,— справедливо замечали профессору его оппоненты. Ведь и поэт Гильом Кольте, напоминали Масэ, выдавал свою жену Клодину, бывшую служанку, за поэтессу, приписывая ей свои собственные стихи. Делал он это для того, чтобы оправдать в глазах друзей женитьбу на прислуге.

В ответ Масэ извлек из архива два десятка писем Вандербурга к вдове Сюрвиль, после чего подозрение в его авторстве отпало. Оставался Сюрвиль. Правда, его собственная поэтическая бездарность заставляет сомневаться в том, чтобы он мог быть способен на такую талантливую подделку. А, впрочем, почему бы и нет? Разве история литературы не знает посредственных литераторов, не создавших ничего ценного, кроме гениальных мистификаций?

ПОИСКИ И ОТКРЫТИЯ ПРОФЕССОРА ШТЕЙНЕРА



Полтораста лет назад на полках берлинских книжных магазинов появился роман в письмах под названием «Виржиния, или Колония Кентукки». Автором его была некто Джерта. В подзаголовке к книге указывалось, что это «скорее правда, чем вымысел». Тем самым как бы заранее предупреждалось, что при всей необычности жизненного пути героини судьба ее тесно связана с событиями эпохи, в которую развертывается повествование.

Героиня романа француженка Виржиния, родившаяся в день взятия Бастилии и воспитанная в духе идей буржуазной революции, сторонница демократии и республиканского строя, покидает Европу, расстается со своей родиной, где вновь господствуют Бурбоны. Она обретает счастье в Америке. Здесь в Огайо Виржиния примыкает к небольшой колонии. Это общество без эксплуататоров и эксплуатируемых, здесь нет частной собственности, граждане колонии воплощают в жизнь принципы свободы, равенства, братства. Обитателям колонии чужд расизм, они живут в братском единении с туземцами. «Эти коренные американцы, которых называют дикарями, чрезвычайно добродушные люди, а их обычаи могут посрамить европейцев»,— пишет Виржиния своей подруге, кому и адресованы ее послания. Дети туземцев и белых воспитываются в колонии вместе, плоды совместного труда так же, как и все имущество, являются

общим достоянием. В письмах к подруге Виржиния рассказывает о многих других подробностях своей новой жизни, раскрывает историю любви, описывает события французской революции. Она надеется, что наступит время и ее народ завершит то, что начали французские патриоты. Автор романа рисует жизнь государства, построенного на социально-утопических принципах.

Кто же был создателем этого смелого произведения? Ведь книга появилась в период жесточайшей реакции, в 1820 году. Кто такая Джерта?

Ответ дает новое издание романа «Виржиния, или Колония Кентукки», выпущенное в наши дни в свет берлинским издательством «Ауфбау-ферлаг». На этот раз автором книги названа Генриетта Фрелих, а Джерта, оказывается, всего лишь ее псевдоним.

В таком случае — кто же такая Генриетта Фрелих?

Имя это до сих пор отсутствовало в немецких справочниках, даже в таком исчерпывающем, как новый словарь Мейера. Не было его и ни в одном литературном словаре. Чем можно оправдать такую непростительную оплошность составителей словарей? Дело объясняется просто: роман Генриетты Фрелих был забыт. Полтора столетия книга и ее автор пребывали в забвении. Честь воскрешения из мертвых произведения немецкой утопистки и установление авторства принадлежит профессору Герхарду Штейнеру (ГДР), известному своими исследованиями, посвященными немецкому утопическому социализму XVIII века.

Возвращению в жизнь романа Генриетты Фрелих предшествовало еще одно открытие, которое сделал Г. Штейнер. Занимаясь розысками забытых немецких социалистов-утопистов конца XVIII века и их трудов, Г. Штейнер натолкнулся на книгу с примечательным названием, изданную в 1792 году в Берлине: «О человеке и условиях его существования». В своем труде автор пытался дать ответ на вопрос: каким образом общество может оказать максимальное содействие наиболее полному развитию способностей человека, дать ему возможность самого широкого образования. И приходит к выводу, что наука о воспитании, теория педагогики не могут принести человечеству подлинное счастье до тех пор, пока государства ставят во главу угла не потребности народа, а интересы монархов, до тех пор, пока сохраняется частная собственность. Поэтому, восклицает автор, «мои мечты растворяются в голубых далях будущего».

Какова же позитивная программа автора труда «О человеке и условиях его существования»? Ей отведена заключительная часть книги, где изложены социально-утопические принципы построения общества. Ликвидация частной собственности, говорит автор, не только уничтожит почву, питающую скверные черты ха-

рактера, но и устранит источник всех недостатков общества, откроет путь осмысленной деятельности, подлинной культуры, настоящему патриотизму и человеческому счастью. Автором этой революционной книги был немецкий юрист Карл Вильгельм Фрелих, муж Генриетты Фрелих.

Профессор Г. Штейнер задался целью узнать о жизни К. В. Фрелиха, выяснить, на основе какого жизненного опыта и в какой среде могли возникнуть его благородные взгляды.

Небезынтересен весь ход его поисков, потому приведем слова самого Штейнера.

— Прежде всего я отправился в Люкенвальде. В церковных книгах Шарфенбрюке обнаружил записи о рождении двоих детей четы Фрелих; там указывалась и фамилия его жены; никаких других данных в них не содержалось. После длительных поисков были извлечены из старого шкафа еще две толстые старые книги, открывшие мне некоторые другие сведения о жизни семьи Фрелих. Но, главное, удалось напасть на путеводный след: фамилии двух крестных детей супругов Фрелих — служащего металлургического завода Зибера (свою книгу Фрелих посвятил Зиберу и Вольмеру) и некоего профессора Фишера из Берлина. То обстоятельство, что Фрелих всегда именовался в церковных книгах тайным советником, окутывало всю эту историю еще более непроницаемой завесой тайны. Однако многое можно узнать не только из документов. Необходимо также расспрашивать людей, занимающихся историей нашей родины, они нередко бывают настоящими живыми хрониками. Именно так отзывались о г-не Койтце, бывшем учителе, а ныне пенсионере, ведающем в окружном совете Люкенвальде вопросами охраны природы. Он многое знал о Шарфенбрюке и встречал упоминания о Фрелихе.

Рабочий кабинет г-на Койтца имел для меня особую притягательную силу: на самой верхней полке большого стеллажа лежали толстенные кипы запыленных документов. Это оказалась старая школьная документация округа Люкенвальде.

В порыве слепого усердия я вскарабкался на стул и... провалился сквозь сиденье. Тем не менее через час в моих руках оказались документы, касающиеся Шарфенбрюке, а среди них — два собственноручных письма моего Фрелиха; из них я узнал об его стараниях улучшить положение в шарфенбрюкских школах.

В Берлине я сначала занялся поисками сведений о Фишере. Некий Эрнст Готтлиб Фишер был профессором гимназии. Осведомившись о месте хранения архива этой старой берлинской гимназии, я нашел его и обнаружил в рукописных списках учеников имена четверых детей супругов Фрелих, а также имя ученика Зибера, отец которого был служащим металлургического завода

в Готтове, близ Люкенвальде. Итак, я не только выяснил, что Фрелих был связан с просветителями, не только узнал несколько более поздних адресов четы Фрелих, но и получил новую путеводную нить.

Если я выясню, где раньше жил Зибер, то, наверное, познакомлюсь ближе с жизнью четы Фрелих.

Изучая церковные книги Готтова, чтобы установить родственные связи Зибера, я выяснил, что Зибер происходил из пасторской семьи, многие поколения которой учились в университете города Галле. Отправившись туда, я разыскал матрикул Зибера, Вольмера — впоследствии он стал генералом русской армии,— а также запись о зачислении Фрелиха в число студентов, изучающих правоведение. Указывалось и место рождения Фрелиха — город Ландсберг, ныне — Горцув Велькопольский. Но все церковные книги этого города сгорели. Что касается хроник Ландсберга, то они не содержат никаких сведений о К. В. Фрелихе и его отце, имепуемом в матрикуле Яном Каспаром Фрелихом. Там же было указано не вполне понятное мне название должности, которую он занимал. Позже удалось выяснить, что отец Фрелиха был священником Геттерического драгунского полка.

В архивах, материалами которых я пользовался, мне удалось обнаружить сорок писем супругов Фрелих и ряд неопубликованных рукописей. Я установил, что, когда К. В. Фрелих писал свою книгу, он был тайным секретарем Главного управления почты в Берлине, то есть служащим прусского государственного аппарата, имеющим высокий чин. Живя в Берлине, наиболее густо населенном городе Германии, с самым многочисленным пролетариатом, он находился под сильным влиянием французских утопистов и произведений немецких просветителей.

Словом, у Г. Штейнера ушло немало времени на поиски. В результате и появилось исследование о забытом немецком утописте и его жене писательнице Генриетте Фрелих, дочери придворного чиновника, пышно именовавшегося «комиссариусом и казначеем королевской дворцовой осветительной камеры».

И тогда стало понятно, что послужило толчком к созданию ее книги, что питало фантазию автора романа «Вирджиния, или Колония Кентукки».

После выхода в свет в 1792 году «крамольной» книги К. В. Фрелиха он был вынужден оставить службу. Семья поселилась в имении Шарфенбрюке, с трудом выплачивая арендную плату. Некоторое время спустя К. В. Фрелих предлагает разделить имение между батраками и крестьянами. В ответ правительство приказало описать имущество семьи бывшего юриста. Каково же было удивление судебного исполнителя, явившегося описывать имущество, когда

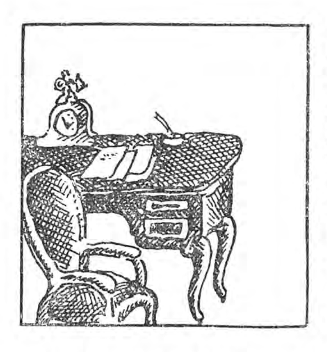
в доме оказался лишь стол, две скамьи, несколько табуреток и старая одежда — это было жилище бедняка.

Интересна и дальнейшая жизнь супругов Фрелих после того, как они переехали в Берлин. Здесь они создают первую в столице библиотеку с читальным залом. Она располагала немалым по тому времени числом книг, особенно французских изданий. Однако начинание это успеха не имело. Супругов снова постигла неудача. В 1828 году библиотека была распродана с торгов. Вскоре К. В. Фрелих умер. Жена пережила его всего на пять лет.

Генриетта Фрелих, как и ее муж, была образованным человеком. В их доме часто собирались писатели и художники. Хозяйка сама писала стихи. Они публиковались в берлинском журнале «Музенальманах». Мы знаем, что ее перу принадлежат также несколько рассказов, драма и роман, о котором идет речь. Эти произведения свидетельствуют, как подчеркивает Г. Штейнер, о незаурядном писательском даре их автора. Тем не менее история литературы несправедливо обошла молчанием имя выдающейся немецкой утопистки, «этой дальновидной и гуманной женщины, все симпатии которой были отданы обездоленному народу».

Благодаря розысканиям Герхарда Штейнера имя писательницы Генриетты Фрелих возвращено литературе. А вместе с ним восстановлено в правах одно из интереснейших произведений прошлого века, социально-утопический роман «Виржиния, или Колония Кентукки», произведение, как отметил писатель Вернер Ильберг, которое «принадлежит к числу «гениальных утопий», оплодотворивших марксизм. Это вклад Германии в творчество социалистов-утопистов, вклад, к которому мы должны относиться с вниманием и радостной гордостью».

«ФИЛАДЕЛЬФИЙЦЫ» — ВЫДУМКА ШАРЛЯ НОДЬЕ



Современники не без основания считали его самым «неуловимым из полиграфов», Стендаль называл «туманным», про него говорили, что ему известны все способы подделок классиков. И действительно, Шарль Нодье — известный писатель, блестящий рассказчик, знаток и тонкий ценитель литературы был одним из самых талантливых мистификаторов своего времени. Он обладал даром подражателя, поразительным чувством стиля. Из-под его насмешливого пера вышло немало неожиданных подделок и ловких мистификаций. Самой известной и, пожалуй, самой лучшей из них, не вызвавшей поначалу никаких сомнений, считается знаменитая его «История тайных обществ в армии и военных заговоров, направленных на свержение правительства Бонапарта». Довольно толстый том под таким названием появился в Париже в конце 1815 года вскоре после падения Наполеона. Имя автора этого сочинения на титульном листе отсутствовало.

«Если бы факты, о которых я буду говорить в этой книге, были бы описаны пером Саллюста или Макиавелли,— скромно заявлял в предисловии анонимный автор,— то книга эта была бы признана во всех странах и во все эпохи, как один из самых ценных исторических трудов».

Читатели книги находили в ней описание самых невероятных

приключений. Заговоры, убийства, погони и преследования, секретные агенты, сражения.

А в общем, это был рассказ о деятельности во времена правления Наполеона тайного союза, носившего название «Филадельфийцы». Возникла эта организация, если верить автору, в последние годы республики и объединяла главным образом офицеров, поставивших своей целью свержение Наполеона.

Шарлю Нодье было присуще одно особое качество: как никто, умел он подлинную историю приукрасить узором своей собственной фантазии. И в случае с филадельфийцами Шарль Нодье исходил из подлинного факта. Организация с таким названием в самом деле существовала. Но это был весьма незначительный кружок молодых людей, недовольных политикой Наполеона. Под пером Нодье кружок этот, о котором в общем-то мало кто знал, превратился в огромную тайную организацию, активно действовавшую на протяжении 14 лет. Заговор охватывал офицеров всех чинов, выходцев из различных слоев общества. Читатель узнавал самые невероятные подробности многолетней борьбы. В этой отчаянной и жестокой схватке «один за другим погибали самые талантливые руководители общества, самые предприимчивые из его членов. Но общество продолжало существовать, оставаясь мощным среди своих развалин». Да, это была война, восклицал автор, являвшийся, по его словам, одним из руководителей этого тайного союза, война не на жизнь, а на смерть, война, окончившаяся свержением деспотизма, в чем была немалая заслуга и заговорщиков.

Словом, речь шла о действиях, и весьма активных, широкого роялистского подполья во времена правления Наполеона. Здесь было чему удивляться. Никто из современников и не подозревал о таком мощном подпольном движении в стране. Сторонники Наполеона, а таких, несмотря на белый террор эпохи Реставрации, было еще немало, возмущались и негодовали, усматривая в подлых действиях филадельфийцев одну из причин краха их кумира. Напротив, противники «корсиканского чудовища», главным образом роялисты, также с готовностью уверовавшие в реальность подпольной организации, не переставали восхищаться ею, столь отважно и успешно боровшейся с тиранией Бонапарта.

Только теперь, благодаря автору сенсационной книжки, тайное стало явным, были обнародованы невероятные подробности деятельности заговорщиков. Маска конспирации была, наконец, сброшена. И перед удивленной публикой предстала целая толпа героев — офицеров-дворян. Впрочем, слово толпа абсолютно не подходит к хорошо организованному и прекрасно законспирированному подполью. В ряды заговорщиков принимали лишь самых достойных и отважных. Во главе организации находилось несколь-

ко высокопоставленных лиц, хотя ее члены вербовались из всех слоев общества. Существовало три степени посвящения. Каждому члену тайного общества после клятвы, данной им, присваивалась вместо собственного имени кличка. Для этого выбирали античные имена.

Выбор имен определялся основными чертами характера или поручением, которое давалось принимаемому во время его клятвы свято выполнять устав общества. Члены общества имели свой пароль, у них были условные жесты, по которым они узнавали друг друга, и тайная эмблема.

Что за герои были эти филадельфийцы! Какие благородные и смелые, какие честные!

Самым отважным из них был глава общества. Вот как рисует портрет этого рыцаря без страха и упрека автор книжки: «Природа, создавая его, предопределила его для всего доброго и прекрасного. Он мог бы стать по своему желанию поэтом, доктором, магистром; целая армия провозносила его смелость; никто не мог равняться с ним в красноречии; только душа ангела могла бы дать представление о его доброте, если бы эта доброта не была так широко известна... Он был рожден Вертером, свет сделал из него Ловеласа. Именно таким Шиллер нарисовал Фиеску».

Поистине байроническим героем представлял читателям автор книжки главу общества полковника Жака-Жозефа Удэ, известного в среде заговорщиков под именем Филопомена. В числе его ближайших сподвижников в книге названы многие видные деятели той эпохи, скрывавшиеся под кличками Фабиус, Кассий, Фемистокл, Спартак.

Чем же занимались члены тайного общества, какие деяния совершали? Или, может быть, бравые офицеры ограничивались лишь громкими фразами и предпочитали активным действиям салонные разглагольствования. Отнюдь нет. Это были люди дела. Автор восхищается их подвигами. Достаточно назвать хотя бы один из них. В истории тайного союза он известен под названием «Заговор Альянса».

Цель заговора, организованного филадельфийцами,— покушение на Наполеона. План был разработан самым тщательным образом. Император намеревался ехать в Милан. Маршрут, по которому должна была проследовать его карета, стал известен заговорщикам. «Сто восемьдесят избранных под предводительством офицера по имени Бюге устроили засаду между деревнями Тассеньер и Коленн». Они должны были обезоружить охрану Наполеона, а его самого доставить в назначенное место. «Все было подготовлено настолько тщательно, что не могло быть ни малейшего сомнения в успехе». И если заговор не удался, то исключительно из-за слу-

чайности. В последнюю минуту Наполеон решил ехать другой дорогой...

Выдумка и воображение не покидают автора «Истории тайных обществ...» ни на минуту. Самым серьезным тоном он рассказывает об аресте Удэ, его побеге из ссылки, о том, как он руководил операцией по освобождению одного из главарей общества генерала Моро. Вооруженные филадельфийцы окружили дворец правосудия. Они ждали лишь сигнала, чтобы похитить арестованного. Но неожиданно суд вынес «подлое решение» — осудил Моро на небольшой срок тюремного заключения. Приготовления к вооруженному нападению оказались напрасными.

Рассказывает автор и о гибели бесстрашного руководителя филадельфийцев. Это случилось в битве под Ваграмом, где Удэ командовал полком. «По особому приказу императора,— патетически восклицает автор,— его послали получить титул барона, генеральские эполеты и семнадцать ран. Он выполнил до конца свою миссию и умер на другой день». Впрочем, дело обстояло не так просто, как было представлено в официальной версии.

Гибель Удэ, оказывается, была спровоцирована Наполеоном, которому стало известно о заговоре филадельфийцев. Император решил избавиться от заговорщиков одним ударом. Сделать это было не так трудно, ибо в полку Удэ почти все офицерские должности занимали сообщники. В этом и заключалась роковая ошибка главы филадельфийцев. Оплошностью этой воспользовался Наполеон. Во время битвы под Ваграмом Удэ неожиданно получил приказ явиться вместе со своими офицерами в главный штаб армии.

Ничего не подозревающий Удэ поспешил исполнить приказ. В штабе он и все его офицеры — члены тайного общества — попали в засаду и были перебиты.

Во время похорон Удэ не обошлось без эксцессов. Один офицер бросился на острие своей сабли в нескольких шагах от могилы. Другой, служивший под начальством Удэ, застрелился.

Покончив столь удачно с тайным обществом — ни один из его членов не остался в живых, Шарль Нодье, казалось, мог быть спокоен.

Время шло. Легенда все больше обрастала плотью. В нее уверовали, публике были по душе нагроможденные одна на другую таинственные истории. О филадельфийцах стали писать другие авторы, как о подлинно существовавшем союзе борцов против тирании Наполеона.

Однако менее легковерные обрушили на автора град опровержений.

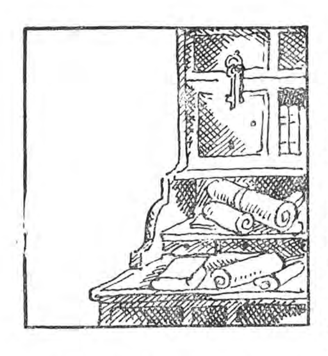
С фактами в руках они доказывали недостоверность «Истории

тайных обществ...» Приводили слова генерала, сменившего Удэ на посту командира полка. Он был свидетелем последних минут жизни полковника. «Раненный под Ваграмом,— рассказывал он,— Удэ был перенесен в дом в пригороде Вены. Он умер от ран через несколько дней и похоронен на кладбище того же пригорода». Офицеры его полка положили на могилу каменную плиту. Никто не кончил у могилы жизнь самоубийством.

Выходило, что автор книги насмеялся над доверчивыми читателями. «Ничуть не бывало,— отважно заявил Шарль Нодье, когда его авторство было установлено и отказываться не имело смысла.— Я всего лишь скомпоновал имевшиеся в моем распоряжении документы». Он даже называл имена тех, от кого якобы получал необходимые сведения о деятельности тайного общества. Правда, оба эти филадельфийца давно уже покоились в могиле. Мертвые же, как известно, молчат.

Тем не менее для многих становилось все яснее, что «История тайных обществ...» — талантливая мистификация. Последний удар творению Нодье нанес Проспер Мериме в речи при вступлении в Академию в 1844 г. Да и сам Шарль Нодье перед смертью признался в подделке. Его дочь рассказывала, что отец «смеялся над своей выдумкой филадельфийцев, которая ему самому представлялась более смешной, чем серьезной историей».

ДЕЛО О ВЕЛИКОМ ПОДЛОГЕ



Астье-Рею, один из сорока «бессмертных» пожизненных членов Французской академии, готовил к печати монографию «Новое о Галилее». Его исследование было написано на основе весьма любопытных и ранее не опубликованных документов. Перед этим он только что выпустил три тома фундаментального исторического труда. Это должна быть не простая книга. Дело в том, что академик обладал тайной, с помощью которой разгадывал загадки прошлых веков. Вот и теперь он собирался поразить своим открытием. Он перевернет все представления о Галилее — жертве инквизиции. Ждать осталось недолго — исследование почти завершено.

Какой же тайной владеет академик? Источник его необыкновенных познаний — сокровища, хранящиеся в высоком бюро его кабинета. Здесь собраны драгоценные реликвии: почти пятнадцать тысяч редчайших документов. Его коллекция — автографы, не имеющие себе равных. Чего только тут не было: письма за подписью Ришелье, Кольбера, Ньютона, Галилея, Паскаля!.. Редкости, стоившие ему целого состояния. Вот из этого-то источника и черпает он столь поражающие ученый мир сведения и познания.

Но Астье-Рею не только скупой собиратель, но еще и великодушный даритель! Время от времени он решает расстаться с какой-нибудь из своих реликвий и преподносит ее в дар академии,

например письма поэта Ротру к кардиналу Ришелье. Или собственноручное послание Екатерины II к ее французскому корреспонденту Дидро. За каждый его щедрый дар газеты в обычной для них погоне за шумихой прославляют его имя, его труды, его коллекцию. Что ж, это приятно.

Но откуда у него эти бесценные листки, которым позавидовал бы любой музей и библиотека? Например, автографы Карла Пятого и Франсуа Рабле? Письма знаменитого императора и великого писателя? Правда, кое-кто оспаривает их подлинность. Но это просто завистники.

Источник, из которого он черпал свое собрание, расходуя на это все свои деньги,— переплетчик дядюшка Фаж, большой мечтатель, как и все люди со страстями. Он не глуп, начитан, обладает редкой памятью. Про него говорят, что это сам себя образовавший деревенский парень.

Однажды он имел счастье познакомиться с Астье-Рею. С тех пор он зачастил к нему в гости. Приходил обычно не с пустыми руками. Каждый раз удовлетворял страсть академика-коллекционера — приносил редчайшие документы, получая за них немалые суммы. Так за два года в его карман перешло 160 тысяч франков наличными. Не ему одному, конечно. Он только посредник между покупателем и владелицей кладезя автографов Мениль-Каз, престарелой девицей, вынужденной для поддержания своей жизни по частям распродавать богатую коллекцию — достояние ее родственников еще со времен Людовика XIV.

Страстный собиратель Астье-Рею верил всему, что под строжайшим секретом рассказывал ему переплетчик. Верил в неисчерпаемый клад рукописных документов минувших веков, разнообразных и любопытных, являвших прошлое в новом свете, часто ниспровергавших сложившиеся представления об исторических фактах и деятелях. Верил в то, что все это валяется в пыли на чердаке старого особняка. Сколько непредвиденных сенсационных открытий сулило изучение этих бумаг! Поистине Астье-Рею мог бы стать знаменитым и прославиться на весь мир. И он достиг бы этой славы, не будь одного обстоятельства. Из-за него мечта академика рухнула, словно карточный домик.

Это случилось в тот день, когда специалисты установили, что все редчайшие и ценнейшие письменные документы, приобретенные им у прикидывавшегося простачком переплетчика, написаны на бумаге Ангулемской фабрики 1836 года. Явная подложность этих «реликвий» бросилась в глаза всем. Только теперь заметили грамматические несоответствия, ошибки, неправильные обороты. Подделка! Грубая подделка!

Академик Астье-Рею вынужден официально сообщить коллегам

эту чрезвычайно неприятную новость. Экспертизой Национальной библиотеки установлено, что 15 тысяч автографов, составлявших коллекцию, все до одного оказались подложными. Он стал жертвой чудовищного обмана, был одурачен, в сущности, неучем. Но мало того, что он сам проявил непростительную для историка наивность, попал в глупейшее положение — он поставил в него и Академию.

История эта, рассказанная Альфонсом Доде в романе «Бессмертный», кончается трагически...

Образ маститого ученого, а, по существу, дутой фигуры, труды которого жена в момент ссоры называет благоглупостями, не выдуман писателем. В романе Доде рассказал о событии, имевшем место в действительности.

Это было так называемое «дело Врэн-Люка». Ныне имя его украшает списки фальсификаторов всех времен, прославленных обманщиков и непревзойденных мастеров фальшивок, чье «почетное жульничество», как писал Анатоль Франс, обогатило литературу столькими увлекательными книгами. Поистине надо было обладать талантом фальсификатора, чтобы в течение нескольких лет водить за нос целую Академию, не говоря уже об одном из ее членов — самом «императоре геометрии» Мишеле Шале. Ему-то и сбывал свою продукцию в 60-х годах прошлого столетия сын поденщика Врэн-Люка, «сам себя образовавший» (слова эти, фигурировавшие в деле, А. Доде доподлинно ввел в свой роман).

Окончательно все разъяснилось лишь после того, как ловкий пройдоха оказался за решеткой. Но он успел сфабриковать и всучить доверчивому Шалю 27 тысяч поддельных автографов, за что тот уплатил ему 150 тысяч франков.

Ситуация сложилась поистине трагикомическая. Как выяснилось на суде, подробности дела были таковы.

Коллеги академика Шаля с некоторых пор узнали, что он готовит важное исследование, которым опровергнет всем известную истину. Оказывается, честь и слава открытия закона всемирного тяготения принадлежит не англичанину Ньютону, а французу Паскалю. Не раз Шаль зачитывал на заседаниях академии неизвестные письма Паскаля и Ньютона.

По мере того как становилось известно о сокровищах, собранных Шалем, росло удивление и возмущение этим неутомимым коллекционером. Шутка сказать — собрать 27 тысяч автографов! Одних только писем Рабле — до 2 тысяч. А неизвестные сонеты и письма Шекспира! И это в то время, когда известен всего-навсего один-единственный документ, написанный рукой великого драматурга,— расписка, хранящаяся в Британском музее. Да что там Рабле и Шекспир! В собрании Шаля имелись документы и подревнее. Подумать только — автографы Овидия и Апулея,

Сафо и Данте, Ариосто и Петрарки. Щедро были представлены записки, письма, научные трактаты великих ученых, философов и художников: Платона, Сократа, Пифагора, Спинозы, Коперника, Декарта, Леопардо да Винчи, Рафаэля, Микеланджело, Рубенса.

Огромное число писем императоров всех эпох, в том числе Александра Македонского, Нерона, Юлия Цезаря, Августа, Клеопатры, нескольких Карлов и Людовиков, Петра Великого и Екатерины II. Можно представить себе волнение доверчивого Шаля, когда его пальцы касались листков посланий Аттилы к военачальнику галлов, Магомета — к французскому королю, Жанны д'Арк и Ричарда Львиное Сердце, Лютера и Лайолы, Колумба и Эразма Роттердамского. И совсем уж не правдоподобными, а скорее забавными, выглядели письма проповедников к Иисусу Христу, царя Ирода к Лазарю, воскресшему из мертвых, Иуды Искариота к Марии Магдалине.

Словом, не было в истории сколько-нибудь известной фигуры, которую бы обошел своим вниманием Врэн-Люка. Поистине он в одном лице представлял целый комбинат по производству фальшивок. Все присутствовавшие на суде от души смеялись, когда зачитали этот нескончаемый список, поразились энергии и работоспособности, которыми обладал этот невзрачный 52-летний человек. За день, по его собственному признанию, удавалось иногда сфабриковать до тридцати автографов. На это надо было не только время, упорство и напряжение физических сил, но и большие знания. Врэн-Люка немало часов проводил в библиотеках, изучая материалы, в которых черпал необходимые сведения для того, чтобы придавать своим творениям видимость подлинных.

При аресте у него были найдены факсимиле старинных документов и подписей, он пользовался ими как образцами, обнаружили чистую бумагу, на которой без труда можно было разглядеть водяные знаки Ангулемской фабрики, и особые, изобретенные им чернила, с помощью которых Врэн-Люка придавал подделкам вид старинных манускриптов.

Но хотя Врэн-Люка пользовался особыми чернилами, а бумагу держал над огнем, чтобы она потрескалась и приобрела вид старинной, Мишель Шаль не мог не знать, что древние документы писались на пергаменте. Академик-коллекционер не обращал внимания и на другое, казалось, более существенное несоответствие.

Как объяснить, что все автографы, приобретенные им через Врэн-Люка, были написаны на старофранцузском языке, в то время как многие из них должны были звучать по-латыни. Видимо, и автор подделок, не знавший латыни, сознавал возможность такого вопроса. На этот случай им был пущен в ход рассказ о весьма романтической истории. Некий граф Буажурдэн, владе-

лец богатой коллекции рукописей, спасаясь от французской революции, бежал в 1791 году в Америку. Корабль, на котором он плыл, затонул. Граф погиб. Коллекцию удалось чудом спасти. По словам Врэн-Люка, она попала в руки одного из потомков графа, который по частям и сбывал ее с помощью переплетчика. К тому же коллекция графа Буажурдэна состояла не из подлинников. Это были копии с античных документов и более поздних эпох. Подлинники же, хранившиеся в IX веке в Турском аббатстве, погибли.

Только тем, что Шаль был ослеплен страстью собирательства, можно объяснить его невнимание и доверчивость.

Суд по делу Врэн-Люка вынес ему сравнительно легкое наказание: два года тюрьмы. Считают, что на решение суда повлияло страстное выступление адвоката. В своей речи он старался доказать, что его подопечный действовал из патриотических побуждений, ведь в большинстве сфабрикованных автографов превозносились древние галлы, восхвалялись их деяния, говорилось о приоритете французов. Подсудимым, по словам адвоката, руководила благородная идея — вернуть Франции ее былую славу. В те годы шовинистического угара этот довод мог оказаться полезным.

Среди присутствовавших в зале суда было немало журналистов и писателей. О сенсационном разбирательстве писали все газеты, называя процесс делом о великом подлоге. Не прошло это событие и мимо внимания Альфонса Доде. В интервью, данном им по поводу выхода в свет в 1888 году его романа «Бессмертный», он говорил: «История с автографами восходит к нашумевшему делу, происшедшему с Мишелем Шалем в 1868 году, и воспроизводит его до такой степени точно, что даже упомянутое в «Бессмертном» подложное письмо Ротру — это то самое письмо, которое Мишель Шаль пожертвовал академии и оригинал которого до сих пор хранится в ее архивах».

Бальзак и Стендаль, Коллинз и Стивенсон, Дюма и Гюго, Толстой и Драйзер — все они нередко обращались к уголовной хронике, черпая здесь сюжеты. Конечно, они не ограничивались пересказом перипетий уголовного дела, ибо, как говорил Толстой, он стыдился бы печататься, ежели бы весь его труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить. Из-под пера писателей выходили романы, где преступление служило лишь пружиной сюжета и давало возможность глубже вскрыть социальную подоплеку событий. Таким был и роман Альфонса Доде «Бессмертный».

СОДЕРЖАНИЕ

Белоусов Р. С.

Б43 Из родословной героев книг. М., «Сов. Россия», 1974.

304 с.

Русская и мировая литература создала галерею бессмертных образов. Мечтатель Сирано де Бержерак и тираноборец Карл Моор, ученый-борец капитан Немо и болгарский патриот Инсаров... Как рождались образы этих героев, в какой связи с историческими событиями, что сделало их близкими, дорогими нам? В чем секрет их бессмертия? Автор на примере образцов классической литературы ответит на эти и многие другие вопросы.

Предыдущая книга этого же автора «О чем умолчали книги», начавшая разговор о прототипах литературных героев, уже завоевала признание читателей и получила одобрение прессы.

Б $\frac{70202-054}{М\text{-}105(03)74}$ 39—74 8

Роман Сергеевич Белоусов

ИЗ РОДОСЛОВНОЙ ГЕРОЕВ КНИГ

Редактор *И. М. Поспелова*
Художественный редактор *В. В. Щукина*
Технический редактор *Л. С. Мезенцева*
Корректор *Н. Д. Бучарова*

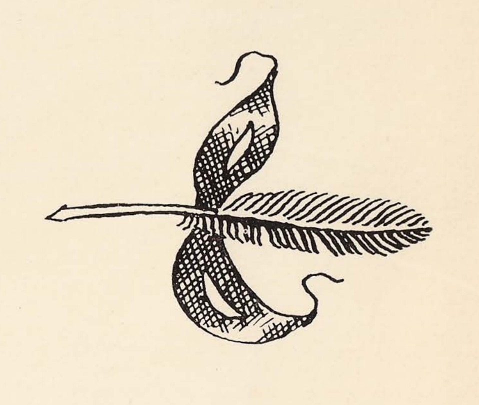
Сдано в набор 22/II-74 г. Подп. к печ. 6/IX-74 г. Формат бум. 60×84[1]/16. Физ. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 17,68. Усл. печ. л. 17,67. Изд. инд. НА-105. А05756. Тираж 75 000 экз. Цена 81 коп. в переплете. Бум. № 1.

Издательство «Советская Россия», Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25. Заказ № 2109.

81 к.

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»



81 коп.

